2020 год

ISSN 1814-1692
DOI:https://doi.org/10.31833.uav.2020

Выпуск 20

ИИЯЛ УФИЦ РАН

УФИМСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра
Российской академии наук

УФИМСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Выпуск 20

2020

Ордена Знак Почета
Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра
Российской академии наук

УФИМСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Выпуск 20. 2020

ISSN 1814-1692
DOI: 10.31833/UAV

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Издается с 1998 г. 1 раз в год

ИИЯЛ УФИЦ РАН
Создан в 1922 г

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Овсянников В.В. — кандидат исторических наук, ИИЯЛ УФИЦ РАН Уфа, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Балабанова М.А. — доктор исторических наук, Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

Воробьева С.Л. — кандидат исторических наук, Национальный музей РБ, Уфа, Россия

Котов В.Г. *зам. главного редактора* — кандидат исторических наук, ИИЯЛ УФИЦ РАН, Уфа, Россия

Нафиков Ш.В. — кандидат филологических наук, ИИЯЛ УФИЦ РАН, Уфа, Россия

Румянцев М.М. *отв. секретарь* — ИИЯЛ УФИЦ РАН, Уфа, Россия

Савельев Н.С. *зам. главного редактора* — кандидат исторических наук, ИИЯЛ УФИЦ РАН, Уфа, Россия

Трейстер М.Ю. — доктор исторических наук, Германский археологический институт, Бонн, Германия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Хисамитдинова Ф.Г. *председатель* — доктор филологических наук, ИИЯЛ УФИЦ РАН, Уфа, Россия

Амирханов Х.А. — доктор исторических наук, академик РАН, ИА РАН, Москва, Россия

Березкин Ю.Е. — доктор исторических наук, МАЭ (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия

Боталов С.Г. — доктор исторических наук, ЮУрГУ, Челябинск, Россия

Крадин Н.Н. — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток, Россия

Псянчин А.В. — доктор географических наук, ИИЯЛ УФИЦ РАН, Уфа, Россия

Самашев З. — доктор исторических наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Астана, Казахстан

Сдыков М.Н. — доктор исторических наук, ЗКОЦИА, Уральск, Казахстан

Сериков Ю.Б. — доктор исторических наук, НТГСПА, Нижний Тагил, Россия

Фодор И. — доктор исторических наук, Венгерский национальный музей, Будапешт, Венгрия

Адрес редакции: 450054, г. Уфа, пр. Октября, д. 71, лит. У, У1
Ордена Знак Почета
Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра
Российской академии наук

© ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2020
© Редколлегия УАВ, 2020

E-mail: uav_editorial@mail.ru
http://rihll.com/archaeological-bulletin.html

Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences

THE UFA ARCHAEOLOGICAL HERALD

Issue 20. 2020

ISSN 1814-1692
DOI: 10.31833/UAV

SCIENTIFIC JOURNAL
Plished since 1998 once a year

IHLL UFRC RAS
Created in 1922

Editorial Office Address: 450054, Ufa, Oktyabrya Prospect, 71, lit. U, U1
Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences

© Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, 2020
© Editorial board UAH, 2020

E-mail: uav_editorial@mail.ru
http://rihll.com/archaeological-bulletin.html

EDITOR-IN-CHIEF

Ovsyannikov V.V. — Ph. D., IHLL UFRS RAS, Ufa, Russia

EDITORIAL BOARD

Balabanova M. — Dr. Habil, Volgograd State University , Volgograd, Russia
Vorobyova S. — Ph. D., National museum RB, Ufa, Russia
Kotov V. *deputy editor* — Ph. D., IHLL UFRS RAS, Ufa, Russia
Nafikov Sh. — Ph. D., IHLL UFRS RAS, Ufa, Russia
Rumiantsev M. *executive secretary* — IHLL UFRS RAS, Ufa, Russia
Savelev N. *deputy chief editor* — Ph. D., IHLL UFRS RAS, Ufa, Russia
Treister M. — Dr. Habil, German archaeological institute, Berlin, Germany

EXECUTIVE EDITORS

Khisamitdinova F. *chairman* — Dr. Sc. (Philology), IHLL UFRS RAS, Ufa, Russia
Amirhanov H. — Dr.Habil, Academician of RAS, Moscow, Russia
Berezkin Y. — Dr. Habil, MAE (Kunstkamera) RAS, Saint-Petersburg, Russia
Botalov S. — Dr. Habil, SUSU, Chelyabinsk, Russia
Kradin N. — Dr.Habil, RAS Corresponding Member, IHAE FEB RAS, Vladivostok, Russia
Psyanchin A. — Dr. Sc. (Geograph), IHLL UFRS RAS, Ufa, Russia
Samashev Z. — Dr. Habil, IAM, Astana, Kazakhstan
Sdykov M. — Dr. Habil, WKRCHA, Uralsk, Kazakhstan
Serikov Y. — Dr. Habil, NTSSPA, Nizhny Tagil, Russia
Fodor I. — Dr. Habil, Hungarian National Museum, Budapest, Hungary

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ И ПУБЛИКАЦИИ

Котов В.Г.
Изобразительная практика, основанная на использовании естественных форм камня и кости в каменном веке Евразии 6

Сериков Ю.Б.
Энеолитическое скальное святилище на берегу Горбуновского торфяника 35

Лясович В.И.
Сезонная система использования территории лесостепного Приуралья населением рубежа эр 44

Сунгатов Ф.А.
К вопросу о датировке Темясовских курганов 53

Кривошеев М.В.
Зооморфные изображения на деревянных сосудах позднесарматского времени 71

Останина Т.И.
Казакларовское I городище в бассейне Белой 78

Сунгатов Ф.А., Куфтерин В.В.
Погребение с элементами поясного «геральдического» набора из могильника Чайка-1 96

Куфтерин В.В.
Новый материал к антропологии населения турбаслинской культуры 109

Вальков Д.В., Русланов Е.В., Семин Д.В., Фахретдинов А.И.
Стоянка и грунтовый могильник Калиновка-4 - многослойный памятник в лесостепном Приуралье 120

Русланов Е.В.
Несколько раннемусульманских погребений из грунтовых могильников лесостепного Предуралья 134

Савельев Н.С., Николаев С.Ю., Румянцев М.М.
Исследования стоянки Первомайский-1 (эпоха камня, ранние кочевники, Новое время) в Южном Зауралье 141

ИСТОРИЯ НАУКИ

Савельев Н.С.
Уфа - Харбин - Брисбен (к 120-летию В.В. Поносова) 155

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 164

CONTENTS

ARTICLES AND PUBLICATIONS

Kotov, V.
The art practice based on the use of natural forms of stone and bone in the Stone age of Eurasia..... 6

Serikov, Yu.
Eneolithic sacred place on a rock on the bank of the Gorbunovskiy peatland..... 35

Lyasovich, V.
Season system of using the territory of forest-steppe Cis-Urals by population of the eras boundary. 44

Sungatov, F.
Revisiting the data concerning the Tenyasovo kurgans dating..... 53

Krivosheev, M.
Zoomorphic images on wooden vessels of late Sarmatian time..... 71

Ostanina, T.
Kazaklarovskoe I hillfort in the basin of the Belaya river..... 78

Sungatov, F., Kufterin, V.
Burial with a "heraldic" belt set from Chaika-1 necropolis..... 96

Kufterin, V.
New data on the bioarchaeology of Turbaslinskaya culture population..... 109

Valkov, D., Ruslanov, E., Semin, D., Fakhretdinov, A.
A settlement and a burial ground Kalinovka-4 - a multilayer archaeological site in the forest-steppe Cis-Urals..... 120

Ruslanov, E.
A few Early Islamic graves in subsoil burial ground located in forest-steppe Cis-Urals..... 134

Savelev, N., Nikolaev, S., Rumyancev, M.
Research of the Pervomaisky-1 site (Stone Age, early nomads, Modern Age) in the Southern Cis-Urals..... 141

HISTORY OF SCIENCE

Savelev, N.
Ufa - Harbin - Brisbene (to the 120th anniversary of V. Ponosov)..... 155

LIST OF ABBREVIATIONS 164

THE ART PRACTICE BASED ON THE USE OF NATURAL FORMS OF STONE AND BONE IN THE STONE AGE OF EURASIA

V. Kotov

Abstract. Figurative art is practically not represented in the eastern region of Eurasia during the Paleolithic era, and in this regard, doubt arises - was it characteristic of the Ural-Siberian population at that time? Meanwhile, in recent years in the Ural-Volga region at the sites of the Upper Paleolithic, objects of visual activity based on natural forms of bone and stone have been discovered. It is one of the characteristics of the cultural tradition of the «Urals» and, in a broader sense, the «Siberian» Upper Paleolithic. On the territory of the Ural region, pebble sculptures have been found on monuments from the Mesolithic to the Middle Ages. According to archeological data, the cult nature of these objects of visual activity was revealed. It is compared with the nature of the cult attitude of the traditional peoples of the Urals and Siberia to sculptural images, which cultural anthropology demonstrates. On the basis of the ethnographic model, it was concluded that the visual practice using natural forms of bone and stone by the Paleolithic population was based on a ban on making other figurative images.

Key words: sculptures from natural forms, Stone age, Urals, Siberia

Citation. Kotov V. 2020. The art practice based on the use of natural forms of stone and bone in the Stone age of Eurasia. The Ufa Archaeological Herald, is. 20, pp. 6-34. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2020.20.001

УДК 902.01
ББК 63.4стд1-7

Дата поступления статьи: 24.09.2020
Дата принятия статьи: 10.11.2020

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА, ОСНОВАННАЯ НА ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЕСТЕСТВЕННЫХ ФОРМ КАМНЯ И КОСТИ В КАМЕННОМ ВЕКЕ ЕВРАЗИИ

Вячеслав Георгиевич Котов

канд. ист. наук / старший научный сотрудник / Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН / г.Уфа, Российская Федерация / E-mail: kslav@yandex.ru

Аннотация. Фигуративное искусство практически не представлено в восточной области Евразии в эпоху палеолита и в этой связи возникает сомнение – было ли оно свойственно урало-сибирскому населению в это время? Между тем, в последние годы в Урало-Поволжье на памятниках верхнего палеолита были обнаружены предметы изобразительной деятельности на основе естественных форм кости и камня. Она является одной из характеристик культурной традиции «уральского» и, шире, «сибирского» верхнего палеолита. На территории Уральского региона были найдены на памятниках от мезолита до средневековья скульптуры из галек. По данным археологии была выявлена культовая природа этих предметов изобразительной деятельности. Она сопоставляется с характером культового отношения традиционных народов Урала и Сибири к скульптурным изображениям, который показывает этнография. На основании этнографической модели был сделан вывод о том, что в основе изобразительной практики с использованием естественных форм кости и камня палеолитическим населением лежал запрет на изготовление других фигуративных изображений.

Ключевые слова: скульптуры из естественных форм, каменный век, Урал, Сибирь

Цитирование. Котов В.Г., 2020. Изобразительная практика, основанная на использовании естественных форм камня и кости в каменном веке Евразии // Уфимский археологический вестник. Вып. 20. С. 6–34. DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2020.20.001

Введение

Вопрос использования естественных форм первобытными людьми, как одно из объяснений происхождения изобразительной практики, возник еще на заре науки о первобытности [Столяр, 1985. С. 69 и сл.]. Между тем, открытия последних лет указывают на то, что естественные формы камня, имеющие сходство с человеком или животными, могли привлекать внимание наших предков задолго до появления изобразительной практики раннего Homo sapiens. Об этом свидетельствует антропоморфная фигурка из отложений позднего

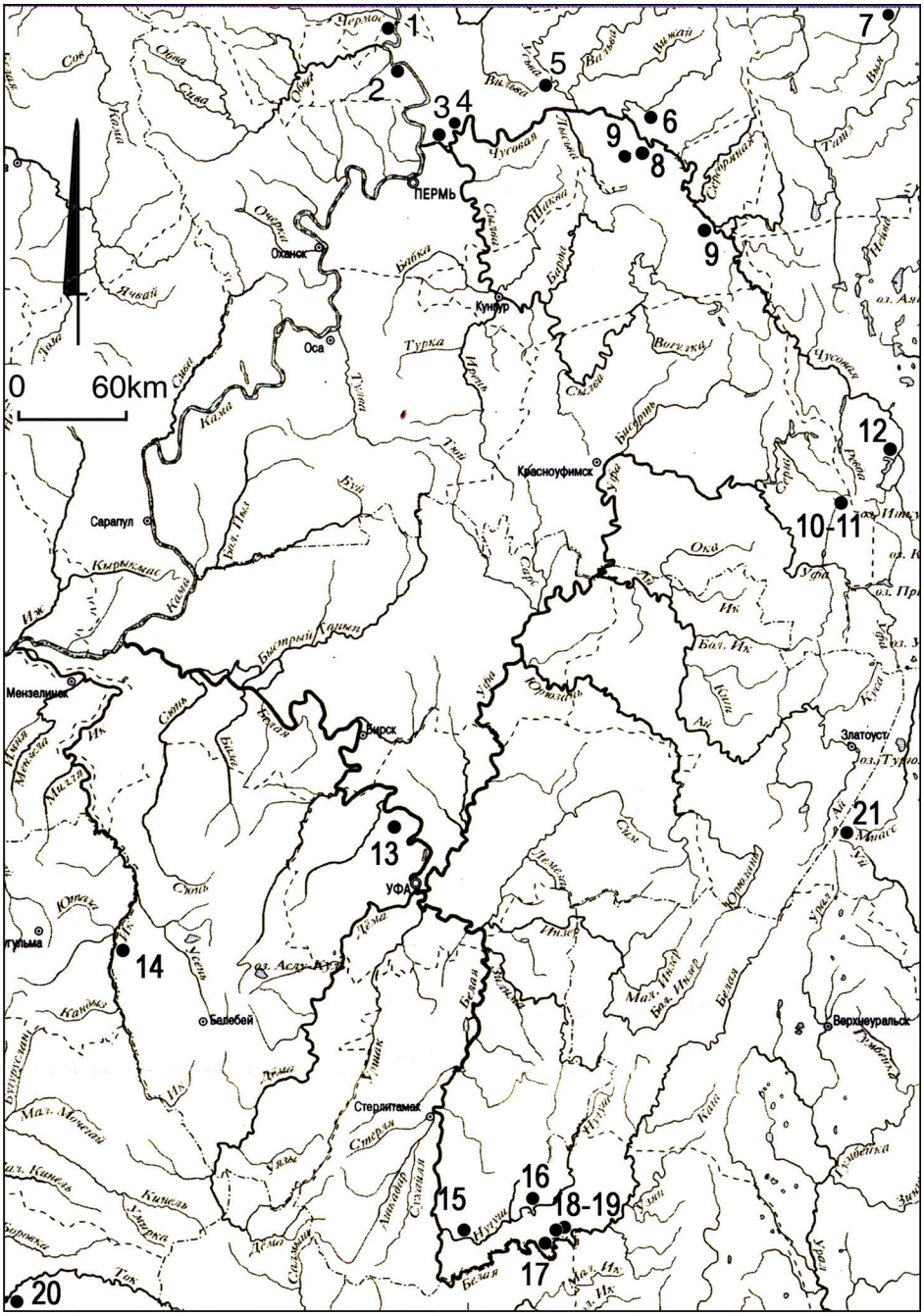


Рис. 1. Карта памятников с находками предметов изобразительной деятельности.
1 –Ширококово II; *2* – Ганичата; *3* – Талицкого; *4* – Горная Талица; *5* – грот Столбовой; *6* – грот Большой Глухой; *7* – Гари; *8* – пещера Кумышанская; *9* – пещера Туристов; *10* – Боровка III; *11* – Шайтанское озеро I; *12* – оз. Иткуль; *13* – Ильмурзино; *14* – Муллино; *15* – Сергеевка 1; *16* – пещера Неолитовая; *17* – пещера Байсланташ и грот Археологов; *18* – Шульганово-4; *19* – пещера Шульган-Таш (Каповая); *20* – Лабазы 1; *21* – Троицкая

Fig. 1. Map of monuments with finds of objects of visual activity.
1 – Shirovanovo II site; *2* – Ganichata site; *3* – Talitsky site; *4* – Mountain Talitsa site; *5* – Stolbovoy grotto; *6* – Bol'shoy Gluhoy grotto; *7* – Gary site; *8* – Kamyshanskaya cave; *9* – Tourists cave; *10* – Borovka III site; *11* – Shaitan Lake I site; *12* – lake Itkul; *13* – Ilmurzino site; *14* – Mullino site; *15* – Sergeevka 1 site; *16* – Neolithic cave; *17* – Bayslantash cave and the Archaeologists grotto; *18* – Shulganovo-4 site; *19* – Shulgan-Tash (Kapova) cave; *20* – Labazy 1 site; *21* – Troitskaya site

ашеля стоянки Берехат Рам в Израиле: естественная форма из мелкозернистого туфа была грубо подправлена для большего сходства с женской фигурой [Goren-Inbar, Peltz, 1995]. Фигурная галька в виде фигурки мамонта без следов обработки была обнаружена на мустьерском памятнике Ильская 2 в Краснодарском крае [Щелинский, 2009].

Ю.Б. Сериков на основе многочисленных материалов из своих раскопок убедительно обосновал факт использования природных форм в культовой практике древнего уральского населения, начиная с эпохи палеолита вплоть до средневековья [Сериков, 2004; 2005а]. Наибольшие споры вызвали «галечные скульптуры», но все новые и новые открытия, сделанные и другими исследователями, позволили Ю.Б. Серикову утвердить в науке и этот вид изобразительной практики [Сериков, 2007б]. В его материалах по галечной скульптуре отсутствовали изделия эпохи палеолита, и только один предмет был им описан как «скульптура» из кости со стоянки Гари [Сериков, 2004. С. 58; 2005а. С. 28].

Опираясь на критерии выделения фигурных кремней (искусственная обработка, отбор по форме, нахождение в культурном слое), предложенные А.Д. Столяром [Столяр, 1985. С. 76], из коллекций находок с палеолитических памятников Урала нами были выделены простейшие скульптурные изображения из камня и кости, сохраняющие естественную форму основы и лишь частично подвергнутые обработке.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОСТИ

Стоянка Лабазы 1 расположена в 1,1 км к югу от с. Лабазы, в 2,4 км к северо-востоку от с. Скворцовка Курманаевского района Оренбургской области (рис. 1). Руслом р. Бузулук вскрыт культурный слой верхнего палеолита на глубине 1,5 м, который приурочен к гумусированным торфяниковым отложениям, насыщенными костями, древесным и костным углем, содержащий мегафауну и другие находки на протяжении 120 м [Богданов, Котов, 2008]. Основную массу находок на стоянке образуют кости ископаемых животных и орудия, изготовленные из этих костей. Изделий из камня – 15 экз. Это в основном пластины и изделия из них. По крупному обломку рога гигантского оленя была получена некалиброванная

дата 40310±3830 л.н. (ИГАН-3442), подтверждающая геологический и палеонтологический возраст памятника.

Одно изделие из кости было выделено в разряд предметов, связанных с изобразительной деятельностью [Богданов, Котов, 2008. С. 35. Рис. 11, *1*]. Оно изготовлено из фигурной «катушки» эпифиза плечевой кости благородного оленя, имеет размеры 6,4×5×5 см (рис. 2, *1*). Предмет имеет форму антропоморфной статуэтки и его верхняя часть, соответствующая «голове», декорирована наклонными насечками, центральная выпуклая часть эпифиза подбита и обрезана таким образом, что выделены короткие выступающие в стороны руки и округлые две груди, на нижней наиболее широкой части эпифиза гравированными ломаными линиями показаны ноги (возможно, согнутые в коленях).

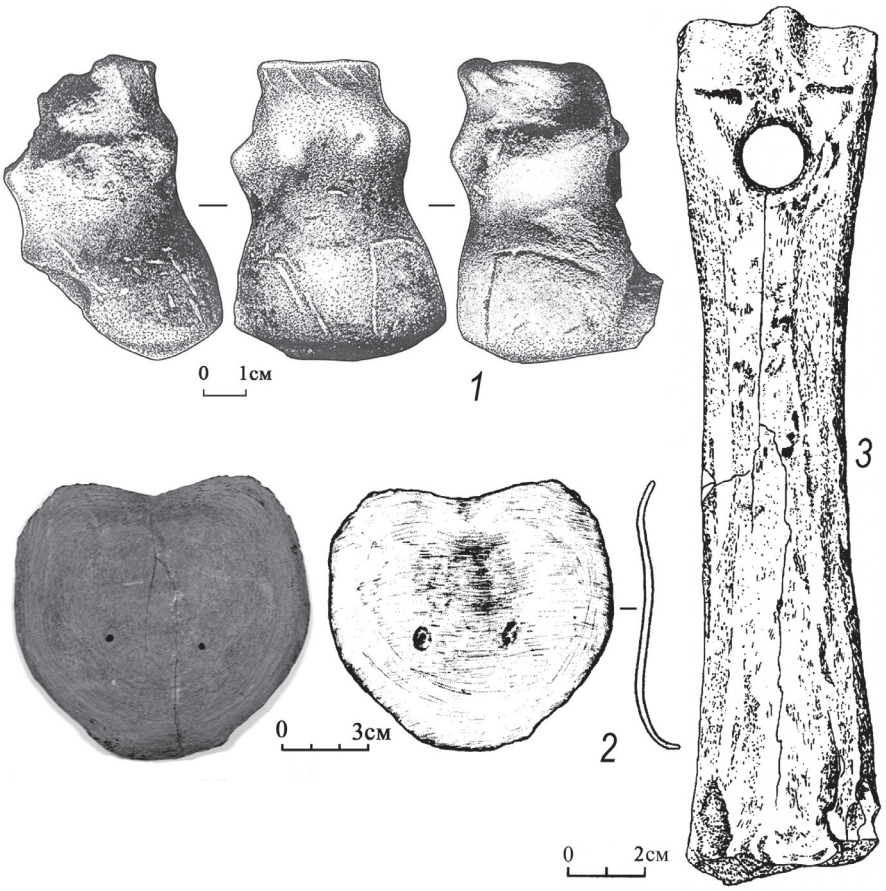


Рис. 2. Скульптуры из кости. *1* – стоянка Лабазы 1, антропоморфная статуэтка из эпифиза плечевой кости благородного оленя (по: [Богданов, Котов, 2008. Рис. 11, *1*]); *2* – стоянка Гари, межпозвоночный диск с отверстиями – «личина» (по: [Сериков, 2007а. Рис. 29, *2*]); *3* – стоянка Троицкая 1, пястная кость лошади с отверстием (по [Широков и др., 1996. Рис. 2, *1*])

Fig. 2. Sculptures made of bone. *1* - Labase 1 site: an anthropomorphic figurine from the pineal gland of a red deer humerus. Computer processing of S. Bogdanov's photo (after Bogdanov, Kotov 2008, Fig. 11, 1); *2* - Gary site: intervertebral disc with holes - a "mask" (after Serikov 2007a, Fig. 29, 2); *3* - Troitskaya 1 site: horse metacarpal bone with a hole (after Shirokov et al. 1996, Fig. 2, 1)

Стоянка Троицкая 1 находится в Южном Зауралье на берегу р. Уй, недалеко от г. Троицка Челябинской области (рис. 1). В ходе строительных работ и раскопок здесь было найдено 126 костей мамонта от трех-четырех особей и 38 костей лошади. Радиоуглеродная некалиброванная дата была получена по обработанной кости мамонта – 16300±300 л.н. (ИЭРЖ-165). Каменные изделия (188 экз.) были изготовлены из местного галечного сырья, причем более половины – из хрусталя. Предположительно, данный памятник является временным стойбищем около скопления костей или туш погибших животных [Широков и др., 1996. С. 21]. По мнению Ю.Б. Серикова, наличие хрусталя на памятнике является индикатором культового комплекса [Сериков, 2007в. С. 12].

Одно изделие выполнено из пястной кости лошади. У него удален один эпифиз и под сохранившимся дистальным эпифизом было просверлено отверстие диаметром 1,8-2 см [Широков и др., 1996. Рис. 2, *1*]. Отверстие цилиндрическое, в этом месте толщина кости составляет 2,5 см (рис. 2, *3*). Удаление эпифиза, очевидно, имело целью создать рукояточную часть и акцентировать дистальную часть изделия. По нашему мнению, это изделие не случайно отличается строгой симметричностью и размещение отверстия точно под выступом и рельефными деталями эпифиза на одной из сторон очень напоминает личину деревянных идолов. Поэтому более вероятно, что оно имело символическую функцию и являлось жезлом.

Стоянка Гари находится на правом берегу р. Сосьва на южной окраине п. Гари Свердловской области, в 250 м вверх по течению от пристани (рис. 1). Обнаружена и исследуется с 1973 г. Ю.Б. Сериковым [Сериков, 2007а]. Коллекция каменных изделий составляет 577 экз. Возраст памятника по радиоуглеродной датировке кости укладывается, по мнению автора раскопок, в промежуток от 15150±280 л.н. (СОАН-4462) до 16700±240 л.н. (СОАН-4843) [Сериков, 2007а. С. 65].

В мерзлотном клине в ходе раскопок было обнаружено изделие из межпозвоночного диска мамонта размером 9,8×8,6 см. Чуть пониже центра изделия и симметрично на расстоянии 3 см друг от друга по свежей кости пробиты два сквозных отверстия диметром 2 мм, образующие на «лицевой» стороне два выкола диаметром до 7 мм (рис. 2, *2*). Автор находки считает, что этот диск представляет собой зооморфную личину, предположительно, медведя в фас [Сериков, 2007а. С. 63. Рис. 29, *2*].

ИЗДЕЛИЯ ИЗ КАМНЯ

Стоянка Сергеевка-1. Расположена на левом берегу Нугушского водохранилища, в его северо-восточной части, поблизости от впадения р. Нугуш, в 3,5 км к северо-востоку от п. Нугуш, в 1,5 км к северо-востоку от д. Сергеевка Мелеузовского района Башкортостана (рис. 1). Памятник открыт в 2008 году археозоологом Д.О. Гимрановым (ИЭРиЖ УрО РАН), с 2009 г. исследуется экспедицией ИИЯЛ УФИЦ РАН под руководством автора [Гимранов и др., 2012]. Приурочен к выположенной части второй надпойменной террасы р. Нугуш высотой до затопления 20-30 м. Часть террасы размыта на глубину более 2 м до плотной светло-бурой глины, к покровным отложениям которой и приурочены все находки. Кости и каменные изделия лежат компактным скоплением на протяжении 300 м на поверхности светло-бурой глины. Часть памятника уходит внутрь террасы. Из нескольких сотен костей плейстоценовой сохранности, по определению Д.О. Гимранова, большая часть – это остатки лошади (80%), единичные кости принадлежат другим животным: бизону, носорогу, оленю, мамонту, пещерному льву. По костному материалу радиоуглеродным методом была получена некалиброванная дата 18000±340 л.н. (Ле-9603) [Гимранов и др., 2012]. Памятник, скорее всего, является сезонной стоянкой охотников на лошадей. Всего с поверхности собрано более 5 тыс. изделий из камня. В целом, технико-типологические характеристики каменных изделий характеризуют коллекцию как единый комплекс и указывают на верхнепалеолитический облик индустрии [Гимранов и др., 2012].

Среди находок есть изделие, которое характеризуются как предмет изобразительной деятельности. Оно представляет собой фигурную плоскую гальку окремненного песчаника желто-коричневого цвета подтреугольной формы с закругленными концами (рис. 3, *1*). Размеры 6×5,5×2 см. Одна сторона относительно плоская, причем это достигнуто еще дополнительным снятием широкого скола, края которого уплощены более мелкими сколами (рис. 3, *1*). На лицевой стороне характерные естественные выпуклости образуют подобие головы животного с вытянутой мордой, выпуклой скуловой частью и круглым выпуклым глазом размером 1,2×0,7 см. Для придания большего сходства с животным галька подработана. Важно, что глаз был выделен посредством пикетажа – это хорошо видно на макрофотографии. Посредством твердого острого посредника сделано два углубления на поверхности «глаза» в целях обозначения зрачка. То, что углублений два, очевидно вызвано тем, что острие инструмента соскальзывало, и мастеру не удалось попасть в первое углубление. В районе «носа» также острым твердым посредником сделан узкий скол, очевидно обозначающий ноздрю (рис. 3, *1*). Ниже, примерно посередине острым посредником был сделан скол от «лицевой» поверхности, а затем от основания многочисленными торцевыми снятиями он был аккуратно расширен, образовав глубокую выемку, обозначающую открытую пасть животного. Небольшие сколы на «темени» и в других местах могли появиться от контрудара в процессе обработки изделия на каменной наковальне. На «темени» фигурной гальки виден отпечаток древней ракушки. Поверхность изделия с обеих сторон покрыта красно-бордовой минеральной краской. Причем, она есть и на поверхности негатива скола на вентральной стороне. Остатки охры указывают на то, что эта фигурная галька использовалась в каких-то обрядах.

Следующая фигурная галька отличается от предыдущей своей обработкой. Плоская галька пятиугольной формы из кварцито-песчаника светло-коричневого цвета явно была принесена на стоянку. Ее размер 6,8×4,8×1,8 см. По форме контура галька напоминает животное с выпуклым горбом и покатой спиной, выступ и вогнутость на основании – ноги и, в целом, она похожа на бизона. Галька имеет, предположительно, три этапа обработки. С первым этапом связано оформление выемки в правом верхнем углу посредством пикетажа размером 5×3 мм (рис. 3, *2*). На другой стороне зеркально имеется выемка несколько меньшего размера (3×2 мм), сделанная сходным способом (рис. 3, *1*). Очевидно, эти выемки обозначают глаза и в этом случае данное изображение ассоциируется с головой или протомой какого-то животного. Важная деталь – у этого изображения некоего существа отсутствует рот. Второй этап оформления гальки выразился в создании посредством пикетажа круглой выемки диаметром 4 мм и глубиной до 1 мм. Внутри выемка образована скоплением десятков глубоких точечных углублений, созданных каменным острием (рис. 3, *2*). Аккуратные размеры выемки свидетельствуют об использовании острия в качестве посредника и какого-то легкого ударного инструмента в виде молоточка. Под выемкой имеются две искусственных борозды длиной 3 и 5 мм, сделанные посредством пикетажа цепочной негативов мелких сколов. Внизу на боковой поверхности боковым сколом была сделана выемка, которая была затем углублена продольными сколами и бороздами. Рядом с выемкой идет короткая (3 мм) поперечная борозда, сделанная острым каменным посредником. В целом, круглая выемка воспринимается как глаз, борозды под ней – это усы, а выемка внизу как рот какого-то животного.

На другой стороне основную изобразительную нагрузку несет извилистый край трещины, контур которой был сформирован ретушью. Заходящая вглубь гальки трещина также была подчеркнута цепочкой сколов. Вблизи нее была сделана посредством пикетажа небольшая (2,5×2 мм) выемка (рис. 3, *2*). Нижний край искусственной трещины загибается вверх и соединяется с искусственной выемкой, созданной на боковой грани гальки многочисленными выбоинами. Она была нанесена на одинаковом расстоянии от нижнего и правого края (17 мм) и выемка имеет неправильную округлую форму размером 5×6 мм и глубиной до 1,5 мм. Особенности обработки и характер раз-

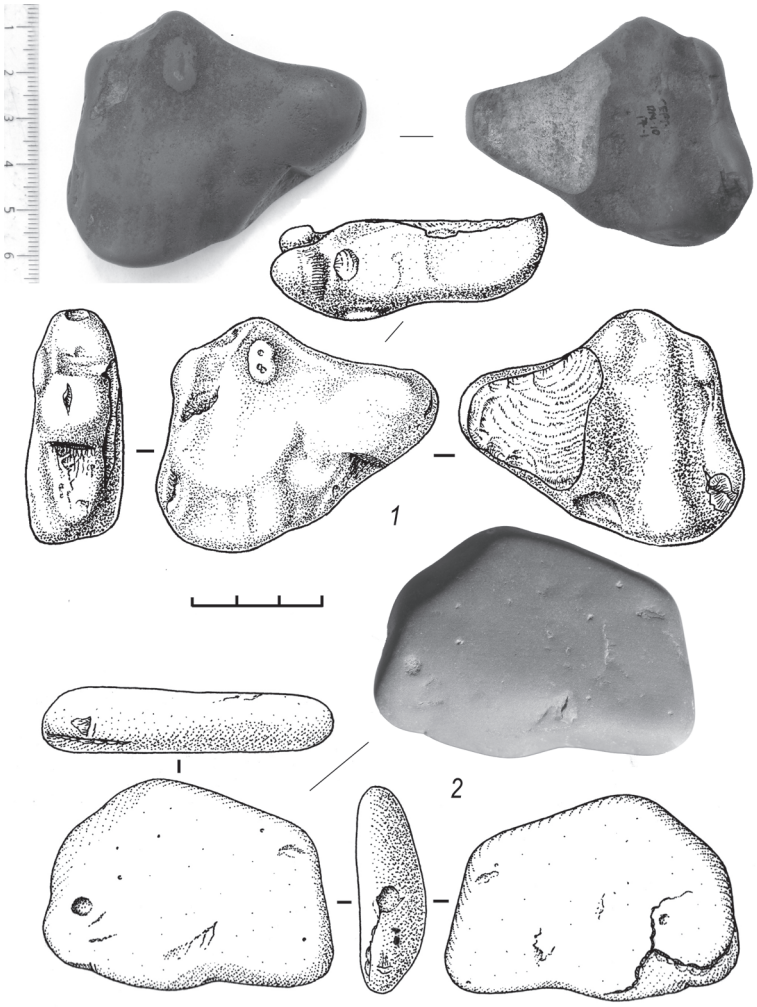


Рис. 3. Стоянка Сергеевка 1. *1* – галечная скульптура № 1 в виде головы; *2* – галечная скульптура № 2. Кварцито-песчаник. Фото и рис. В.Г. Котова

Fig. 3. Sergeevka 1 site. *1* – pebble sculpture № 1 in the form of a head made of quartzite-sandstone; *2* – pebble sculpture № 2 made of quartzite-sandstone. Photo and picture by V. Kotov

мещения несколько отличаются от оформления на другой стороне. Только выемки на плоской стороне и на боковой грани сходны по технике исполнения с предыдущей. В целом выемка, обработанная трещина с выемкой на торце создают впечатление единого изобразительного комплекса. Сказать с уверенностью какое животное хотел изобразить палеолитический охотник сложно. Можно осторожно предположить, что покатая спина, горб, маленький «глаз» и изогнутая линия ретушированного края трещины, соединяющаяся с глубокой выемкой (хобот и рот?), ассоциируются с образом мамонта.

Второй и третий этапы создания «галечной скульптуры» используют сходный тип оформления – выемки и борозды, образованные пикетажем, что позволяет с осторожностью предполагать одновременность этих этапов. Между тем, мы не можем говорить о том, что эта скульптура является полиэйконической, поскольку эти изображения на разных сторонах фигурной гальки никак не связаны между собой. Очевидно, речь нужно вести о трех разных образах и о трех разных этапах оформления предмета, причем каждый раз происходило «отрицание» предыдущего изображения. Использование техники пикетажа и детали оформление выемки «рта» на втором этапе находят аналогии в обработке предыдущей «галечной скульптуры» на этом же памятнике (рис. 3, *1*).

Другая находка представляет собой брусок вытянутой формы из зеленовато-коричневого окремненного сланца с параллельными краями. Его размер 17,7×2,7×1,0 см. Тело бруска зеленоватого цвета, широкие поверхности покрыты коричневым слоем. Поперечное сечение бруска имеет форму параллелограмма. В результате два края бруска образованы сходящимися под острым углом гранями. Вдоль каждого из этих краев были нанесены 4 группы по 4 пропила. Интервал между пропилами 2,5-3 мм, расстояние между группами – 2,3-3 см (рис. 4, *4*). В трех случаях имеется удвоение пропилов, связанное с тем, что инструмент соскользнул в сторону. При 10-кратном и выше увеличении хорошо видны многочисленные параллельные борозды и царапины, покрывающие углубления, которые были сделаны краем кремневой пластины. Несомненно, пропилы являются простейшим орнаментом, основанным на 4-кратной ритмике. Очевидно, число «4» имело особое символическое значение для древнего населения, раз оно было 8 раз воспроизведено на данном предмете. Соответственно, орнаментация предмета, учитывая ее трудоемкость, обладала, прежде всего, неким символическим статусом. Причем, значимыми были необычная форма и цвет бруска.

После нанесения «орнамента» данный предмет многократно использовался как ударный инструмент типа молоточка по какому-то твердому посреднику или в качестве отжимника-ретушера. В результате этого на широких поверхностях дистальных и проксимальных сегментов образовались скопления звездчатой выкрошенности и лунок, некоторые из которых повреждают пропилы. На дистальном конце имеется небольшая выемка, возникшая в процессе использования бруска в качестве посредника. Также в медиальной части при небольшом увеличении видны параллельные борозды и царапины, появившиеся от использования одного из приостренных краев в операциях скобления или лощения. Разнообразие и интенсивность износа этого предмета указывают на то, что он использовался достаточно продолжительное время в разнообразных операциях как универсальный инструмент. Это не противоречит его предполагаемому символическому статусу. Типологически сходные находки происходят из Центральной Европы: сланцевые гальки продолговатой формы, украшенные на боковых гранях гравированными параллельными линиями, были найдены в палеолитических слоях пещер Пекарна и Бычи скала в Моравии [Елинек, 1985. С. 435. Рис. 723].

Еще один предмет представляет из себя обработанную гальку из белого кварцита размером

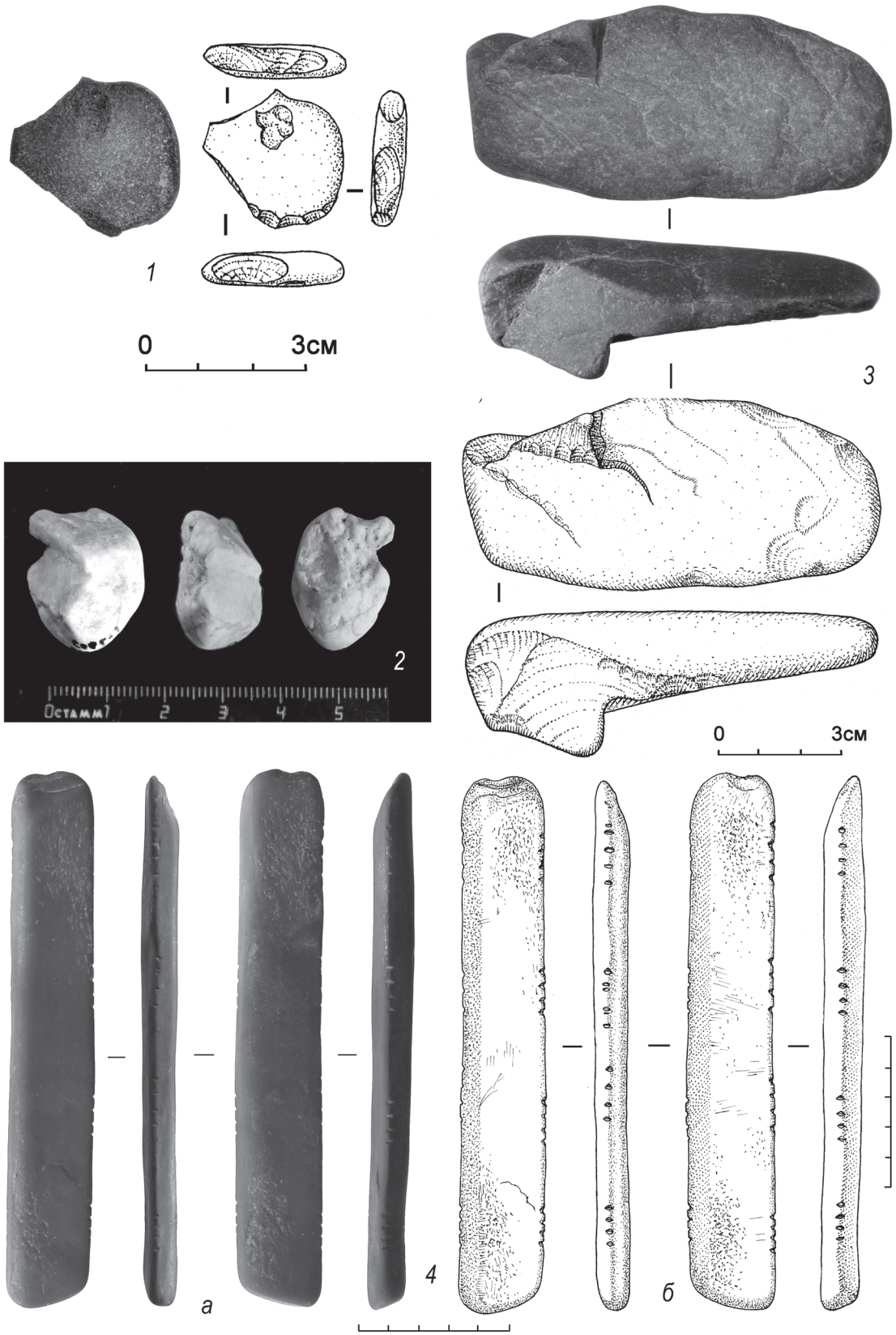


Рис. 4. Каменные изделия верхнего палеолита. *1* – обработанная галька из кварцито-песчаника – голова животного (?), пещера Неолитовая; *2* – обработанная галька из молочного кварца – голова человека, ст. Сергеевка 1; *3* – обработанная галька из кварцито-песчаника – голова животного, ст. Сергеевка 1; *4* – орнаментированная галька из окремненного сланца с пропилами на боковых гранях, ст. Сергеевка 1 (*а* – фотография, *б* – рисунок). Фото и рис. В.Г. Котова

Fig. 4. Stone products of the Upper Paleolithic. *1* – processed pebble from quartzite-sandstone - animal head (?), Neolithic cave; *2* – processed pebbles made of milk quartz – a human head, Sergeevka 1 site; *3* – processed pebble from quartzite-sandstone - an animal head, Sergeevka 1 site, Upper Paleolithic; *4* – ornamented pebbles of silicified slate with cuts on the side faces, site Sergeevka 1, *a* – photograph, *b* – drawing. Photo and picture by V. Kotov

2,5×2×1,5 см с массивным шиповидным выступом (рис. 4, *2*). На гальке глубокими сколами на одной стороне образован выступ. С другой стороны выемки углублены крупными плоскими сколами, а также одним крупным краевым сколом осуществлено уплощение поверхности. Выступ на конце сохраняет участок естественной корки, а с боков и в его основании он ретуширован мелкими вертикальными и крутыми сколами. Изделие не является орудием, поскольку шиповидный выступ не мог использоваться в какой-либо трудовой операции. Также изделие не имеет каких-либо следов использования. С большой долей вероятности оно является галечной скульптурой. Типологически сходная скульптура была обнаружена на соседнем памятнике – в пещере Неолитовая (рис. 4, *1*). Очевидно, данная галечная скульптура изображает человеческую голову.

Пещера Неолитовая расположена на правом берегу р. Нугуш, в 8,5 км к северо-востоку от д. Сергеевка Мелеузовского района Республики Башкортостан, на юго-восточном склоне горы в 300 м к западу от р. Нугуш, на высоте 1,5 м от уровня первой надпойменной террасы. Вход арочной формы, высотой 2,5 м, шириной 3 м, ориентирован на юго-восток. Длина пещеры 15 м, средняя ширина 2 м, средняя высота 1,2 м, площадь пола пещеры и памятника 30 м². В шурфе 1, заложенном в 10 м от входа, и в шурфе 2 вблизи входа были вскрыты отложения эпохи раннего железа (отдельные находки керамики культуры курмантау и бронзовых наконечников стрел), эпохи бронзы (многочисленные фрагменты керамики срубной и абашевской культур, кости животных, следы бронзолитейного производства), неолита, мезолита и верхнего палеолита [Древности …, 2018. С. 171-173].

В шурфе 2 в условном горизонте 10, в слоях позднего неоплейстоцена (кудашевский (осташковский) горизонт по данным споро-пыльцевого анализа) была найдена галька из коричневого кварцито-песчаника со следами обработки. Галька размером 10,3×4,4×3,5 см была расколота вдоль, затем одним ударом по боковой поверхности был сформирован выступ, который с торца был дополнительно выделен, а затем его верх был фрагментирован одним широким сколом. Получившийся треугольный выступ был дополнительно углублен несколькими сколами с торца и цепочкой сколов вдоль его основания на боковой поверхности (рис 4, *3*). Края гальки имеют негативы полулунных сколов, которые в последующем были сильно затерты. Следы абразивной обработки не были обнаружены, но закругленность и заглаженность края и поверхности изделия следует связывать с этим видом обработки, причем, заполировка поверхности могла быть вызвана трением о кожу (рук или кожаного мешка?). В итоге данное галечное изделие получило вид головы животного с массивной мордой и оттопыренным острым ухом, которое отдаленно напоминает голову лося. Исходя из формы и характера обработки, оно также относится к галечной скульптуре.

Среди многочисленных мелких галек из кварцито-песчаника, обнаруженных в условном горизонте 10, одна плоская галька оказалась обработанной, ее размер 1,6×2,7×0,6 см (рис. 4, *1*). У нее двумя сколами были сняты два сектора, в результате чего образовался выступ, у которого на конце сохранился участок естественной корочки. Крупной встречной ретушью дополнительно сегментирована еще четверть периметра этой гальки, очевидно с целью подправки контура. В дополнении к этому, на боковой поверхности с помощью каменного посредника несколькими ударами была сформирована неглубокая лунка (рис. 4, *1*). Нефункциональный характер этой обработки, а также размещение искусственной выемки строго в «нужном» месте на плоской боковой поверхности этой гальки, чтобы ее воспринимать как «глаз» живого существа убеждает нас в том, что это еще одна «галечная скульптура», обнаруженная в этой пещере.

Пещера Шульган-Таш (Каповая). Пещера находится в Бурзянском районе Башкортостана на правом берегу р. Белой, в 5 км к западу от д. Гадельгареево (Шульганово) (рис. 1). Пещера разработана по трем ярусам: нижний ярус составляет ложе подземной реки Шульган, средний ярус простирается на расстоянии 350 м, постепенно повышаясь от входа до последнего зала на 25 м. Верхний ярус находится на высоте 30 м от пола среднего яруса и тянется на расстоянии около 1 км, понижаясь в самом последнем зале и в конце соединяется с ложем подземного Шульгана. Общая длина пещеры вместе со всеми ходами и залами превышает 3 км. Средний и верхний ярусы соединяются несколькими уступами, которые получили название Каскадной галереи.

В 2009 г. нами был полностью промыт на мелком сите отвал строителей трапов, вскрывших культурные отложения эпохи верхнего палеолита на первом уступе (Балконе) Каскадной галереи. Первый уступ расположен в 150 м от входа на высоте 7-8 м от пола Сталагмитового зала среднего яруса пещеры, образуя небольшую вытянутую площадку размером 4×3 м. Палеолитический возраст отложений был установлен по фауне и споро-пыльцевым анализам, а также C^{14} датированием угля из раскопок в этом месте в 2008 и 2011 гг. – 13900±190 л.н. (Ki-15568) и 16710±800 л.н. (Ki-15967) [Котов, 2014а. С. 122]. В ходе промывки было обнаружено около пятисот находок, в основном сколы, осколки и оббитые куски известняка и кальцита, а также орудия из кремня, известняка и кальцита.

Среди находок оказалась одна галечная скульптура. Она представляет собой плоскую гальку подтрапециевидной формы из серовато-зеленого кварцито-песчаника, ее размеры 4,5×3,3×1,3 см (рис. 5, *1*). Одна сторона у нее плоская и гладкая. На выпуклой поверхности от глубокой выемки на левой стороне острым твердым посредником до половины гальки сделан горизонтальный желобок. На торцевой грани серией ударов с применением того же инструмента сделан полукруглый желобок глубиной до 1 мм и шириной 1 мм, оформляющий

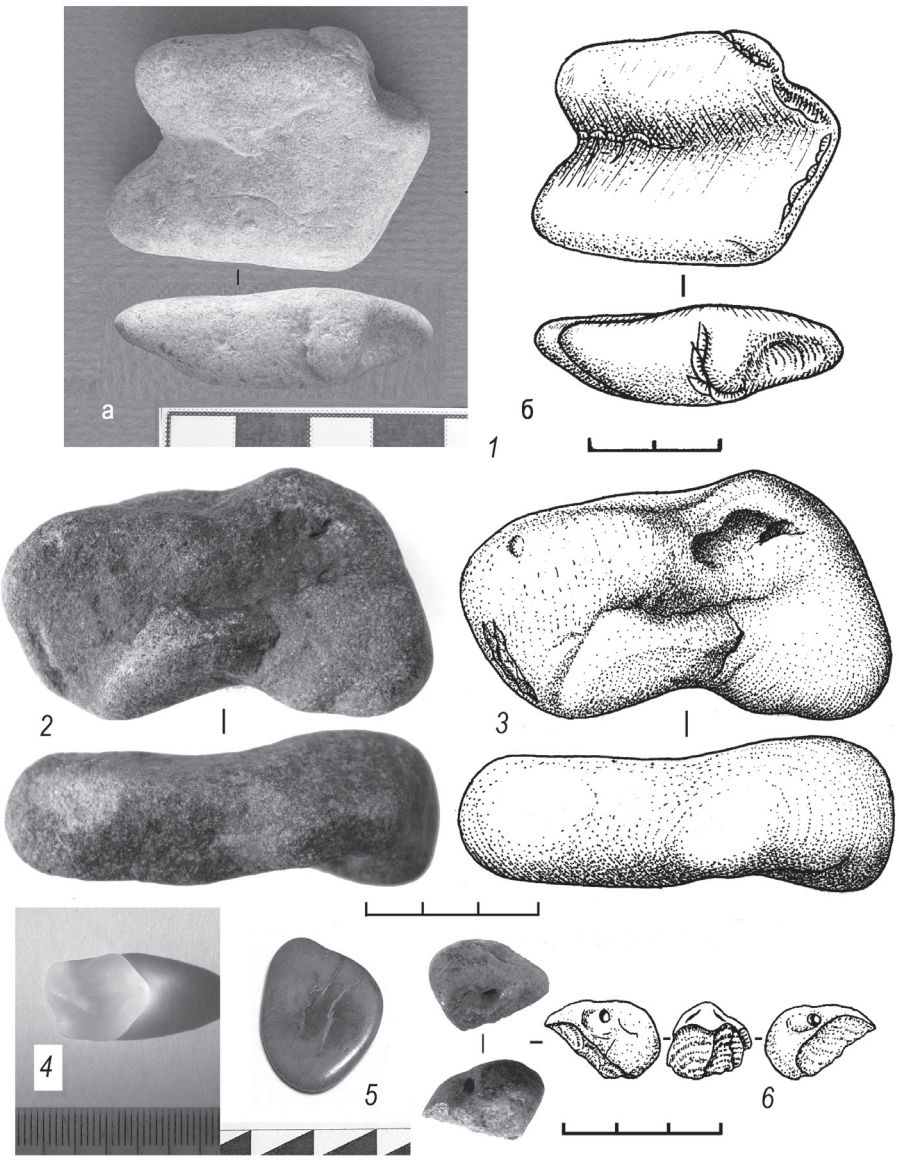


Рис. 5. Каменные изделия верхнего палеолита. *1* – фигурка мамонта из обработанной гальки кварцито-песчаника (*а* – фотография, *б* – рисунок); *2* – голова животного из обработанной фигурной гальки, фото (по: [Котов, 2014а. Рис. 4]); *3* – то же, рисунок; *4* – хрустальная галька; *5* – плоская галька из серпентинита; *6* – обработанная галька с естественным отверстием – голова птицы (по: [Котов, 2004. Рис. 13, *1*]). *1-5* – пещера Шульган-Таш (Каповая); *6* – пещера Байсланташ. Фото и рис. В.Г. Котова

Fig. 5. Stone artifacts of the Upper Paleolithic. *1* – a mammoth figurine from processed pebble of quartzite-sandstone, *a* – photograph, *b* – figure; *2* – head of an animal from processed curly pebbles, photo (after Kotov 2014a, Fig. 4); *3* – animal head from processed curly pebbles, drawing; *4* – crystal pebbles; *5* – serpentinite flat pebbles; *6* – processed pebbles with a natural hole - a bird's head (Kotov, 2004, Fig. 13, 1). *1-5* – Shulgan-Tash cave (Kapova), *6* – Bayslantash cave. Photo and pic. by V. Kotov

полусферическую выпуклость. Она дополнительно выделена справа глубокой выемкой – анкошем ударом от нижней плоскости гальки. Параллельно правой наклонной грани цепочкой ударов, произведенных острым твердым посредником, был сделан вертикальный желобок, не доходящий до закругленных выступов (рис. 5, *1*, *б*). Однозначно интерпретировать данное изделие затруднительно. В зависимости от ориентации этой галечной скульптуры ее можно воспринимать и как изображение человека, и как изображение носорога или мамонта. Последнее более предпочтительно, так как здесь присутствуют основные символические детали, которые характеризуют изображение этого животного: голова полусферической формы, отделенная от покатой спины небольшой выемкой, хобот и массивное туловище [Любин, 1991]. Очевидно, данное изделие было символическим жертвоприношением в контексте поклонения священной пещере в эпоху верхнего палеолита.

Здесь же была найдена фигурная галька из кварцито-песчаника с кварцевой прожилкой, которая использовалась в качестве ретушера. Она также была принесена в пещеру с берега р. Белая. Подобные находки необычных галечек были сделаны и в других местах пещерного святилища. В частности, в раскопе В.Е. Щелинского в зале Знаков была найдена плоская полированная галечка каплевидной формы из зеленого серпентинита (рис. 5, *5*). В плейстоценовых отложениях раскопа 1 в зале Купольном (Капелла Черепов) В.Г. Котовым была найдена полированная хрустальная галечка диаметром около 2 см [Котов, 2011] (рис. 5, *4*).

Все это указывает на то, что древние люди придавали особое значение камням необычной формы или с необычными свойствами. В некоторых случаях они могли усиливать это сходство дополнительной обработкой. Подобный пример неутилитарного использования гальки необычной формы известен на стоянке Кара-Бом в Центральном Алтае, исследования которого были начаты А.П. Окладниковым и продолжены А.П. Деревянко. В отложениях ранней поры верхнего палеолита в углублении, заполненном порошком красно-бурого цвета, вместе с двумя подвесками была обнаружена необычная галька удлиненной формы с зеленоватыми и белыми прожилками, которая использовалась в качестве шпателя [Деревянко, Рыбин, 2005. С. 244. Рис. 14, *1*; 15].

Еще одна находка была сделана в шурфе 1 в Западной нише, которая расположена в юго-западной части Сталагмитового зала, приблизительно в 130 м от входа в пещеру Шульган-Таш. В условном горизонте 10 на глубине 0,5 м от поверхности раскопа в плейстоценовых отложениях буровато-коричневого тяжелого суглинка была обнаружена

фигурная галька среднего размера. В этом и в нижележащем условном горизонте были обнаружены единичные орудия из известняка и кремня палеолитического облика. По углю из этого слоя были получены две AMS даты – 14400±134 BP (NSKA-01922) и 15420±80 BP (Poz-108009). Калиброванный возраст второй даты – 16906 BC (95,4%), то есть около 19 тысяч лет.

Находка представляет собой фигурную гальку из кварцито-песчаника, размером 6,4×3,5×2,2 см (рис. 5, *2, 3*). В плане она напоминает массивную морду какого-то животного с мощным надглазничным выступом, с естественным углублением на месте «глаза», с вытянутой горбоносой мордой и выемкой под нижней челюстью. На конце «морды» посредством выбивки сделан вертикальный глубокий желобок шириной 2 мм, протянувшийся параллельно краю на расстоянии 1,5 см, обозначающий, скорее всего, рот живого существа (рис. 5, *3*). Обратная сторона относительно гладкая и на ней отсутствует рельеф, как на «лицевой» стороне [Котов, 2019]. В отличие от мелких галек, эта галька могла быть принесена только человеком, которого привлекла необычная форма камня. Присутствие следов обработки на этом предмете позволяет отнести его к разряду «галечных скульптур», которые достаточно представлены как в пещере Шульган-Таш, так и на ряде других верхнепалеолитических памятников уральского региона [Котов, 2018].

Об использовании естественных форм уже скальной поверхности в пещере Шульган-Таш свидетельствует моделированный обработкой известняковый натек в виде протомы лошади с длинной, ниспадающей гривой, расположенный по трещине под группой изображений на Восточном панно зала Рисунков верхнего яруса пещеры [Котов, 2009. С. 14]. Второе барельефное изображение лошади находится в Купольном зале справа от Капеллы Черепов. Этот барельеф был зафиксирован фотографом А.К. Солодейниковым, предположившим его искусственность.

Стоянка Шульганово 4. Обнаружена Румянцевым М.М. (ИИЯЛ УФИЦ РАН) в 2013 г. Расположена в Бурзянском районе Башкортостана, в 0,2 км к юго-западу от входа в пещеру Шульган-Таш, на правом берегу реки Белая в устье реки Шульган, вытекающей из пещеры (рис. 1). Заложенный шурф размером 1×2 м был доведен до глубины 1,6 м. В разрезе, начиная с глубины 1 м и на 0,5 м ниже, в коричневом среднем суглинке четко видны четыре углисто-сажистые прослойки плотного суглинка (очажные линзы), разделенные стерильными прослойками мелкозернистого песка. Пятый культурный слой выделен на основе угольков и археологических находок, залегающих в темно-сером среднем суглинке с известняковой щебенкой. Проведенный спорово-пыльцевой анализ показал кудашевское (осташковское) время функционирования очажных прослоек и табулдинское (ленинградское) время нижнего пятого слоя [Румянцев, 2014. С. 125].

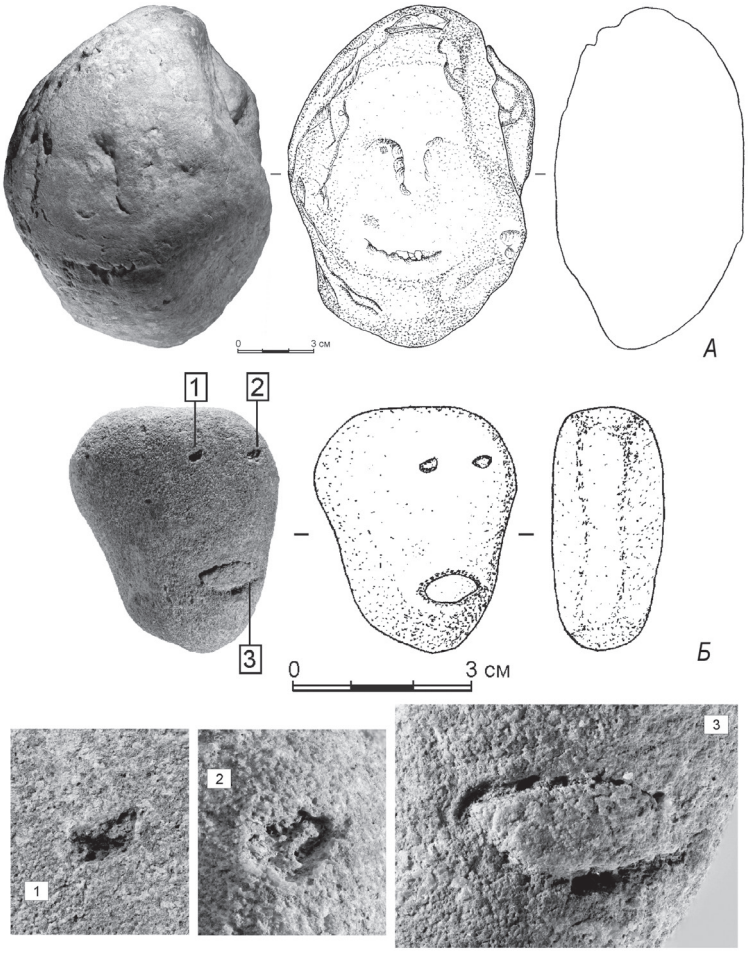


Рис. 6. Стоянка Шульганово-4. *А* – личина человека на обработанной гальке, известняк; *Б* – личина человека на обработанной гальке, известняк (по: [Румянцев, 2014. Рис. на с. 126]). Фото и рис. М.М. Румянцева

Fig. 6. Shulganovo-4 site. *A* – mask of a person on processed pebbles of limestone; *B* – human face on treated pebble from limestone (after Rumyantsev 2014: 126). Photo and picture by M. Rumyantsev

Первые находки были обнаружены в 4-й очажной линзе (культурный слой 4), они представлены куском обожженной глины (обмазка?) и двумя изделиями (скребок и острие) на сколах из кварцито-песчаника. Археологический материал из отложений темно-серого суглинка (культурный слой 5) представлен подвеской (или нашивкой) из плоской сланцевой галечки темно-зеленого цвета размером 0,8×0,5×0,1 см. Здесь же были обнаружены заготовка подвески из бивня мамонта (размером 0,9×0,6×0,15 см), массивный вторичный скол с гальки из кварцито-песчаника и орудие на массивном сколе известняка. В этом слое также были обнаружены две галечных скульптуры [Румянцев, 2014. С. 126].

Скульптура № 1 на известняковой гальке уплощенной яйцевидной формы размером 13,3×10×7,3 см (рис. 6, *А*). На одной стороне посредством пикетажа были сделаны два углубления на месте глаз и выделена линия носа. Ниже на расстоянии, примерно равном длине носа, цепочкой сколов сделана слегка изогнутая

глубокая линия рта длиной 3,5 см. Поверхности сколов слегка заглажены растворением. Изображение является личиной человека.

Галечная скульптура № 2 из гладкой известняковой овальной гальки, размером 4×3,4×1,7 см (рис. 6, *Б*). На одной стороне гальки на расстоянии 1 см друг от друга со сдвигом вправо пикетажем выбито два углубления неправильной формы 2×1,5 мм и глубиной около 0,5 мм. В нижней части пикетажем выбит желобок линзовидной формы, обозначающий рот человека. Обратная поверхность гальки гладкая, слегка растворена выщелачиванием. Данная скульптура также является личиной человека. Она отличается от предыдущей отсутствием носа и другим набором средств выражения образа. Эти находки находят аналогии с галечной скульптурой, найденной в пещере Шульган-Таш [Румянцев, 2014. С. 127]. Кроме того, близость памятника ко входу в пещерное святилище, использование в качестве основы галек не из кварцито-песчаника, а из известняка, возможно было связано с сакральностью «пещерного» камня (известняка и кальцита), выявленная нами в ходе исследования пещерного святилища Шульган-Таш [Котов, 2011; 2014а]. Без всякого сомнения, данный памятник связан с пещерным святилищем.

Пещера Байсланташ (Акбутинская). Расположена в 1 км западнее хутора Акбута в Мелеузовском районе Башкортостана, в 45 км ниже по течению р. Белой от пещеры Шульган-Таш, на правом берегу р. Белой на высоте 16 м над уровнем реки (рис. 1). Высота входа пещеры 17 м, ширина 8 м, длина 110 м, средняя высота 4,5 м, средняя ширина 3,6 м. Пещера относительно сухая. Масштабные исследования пещеры проводились в 1999-2002 гг. Южно-Уральской палеолитической экспедицией по руководством В.Г. Котова, когда было вскрыто около 70 м^2 [Котов, 2004]. Слой 3 светло-бурого среднего суглинка, заключающий культурные остатки конца верхнего палеолита, датирован верхним звеном неоплейстоцена, осташковским временем, а по костям мелких млекопитающих была получена некалиброванная дата 13560±250 л.н. (ГИН-10853). Всего в палеолитическом слое было обнаружено 1384 предмета из камня и кости. Индустрия пещеры Байсланташ находит аналогии среди памятников уральской традиции верхнего палеолита [Котов, 2014б].

К категории украшений или амулетов нами была отнесена галечка из кварцито-песчаника с отверстием («куриный бог»), расколотая и подработанная по поверхности скола двумя снятиями так, что она приобрела вид головы хищной птицы с клювом (рис. 5, *6*). Размер изделия 2×1,5×1,7 см [Котов, 2004. Рис. 13, *1*]. Сочетание естественного отверстия и необычной формы, стали причиной отбора данной галечки, которая была очень точно и аккуратно оформлена в миниатюрную скульптуру.

Стоянка Ширкованово II. Расположена в устье р. Иньвы на правом берегу Камского водохранилища вблизи д. Ширкованово (Ильинский р-н Пермского края) (рис. 1). Памятник был открыт и изучался с 1990 по 2000 гг. Э.Ю. Макаровым, в 2006 г. – П.Ю. Павловым [Макаров, Павлов, 2007]. Стратиграфическое положение культурных отложений имеет сходство со стоянками им. Талицкого и Ганичата II, что предположительно указывает на их сходный возраст. На стоянке были собраны кости плейстоценовых животных: лошади, мамонта, носорога, северного оленя. Коллекция каменных изделий составила около 5 тысяч экземпляров, в том числе около 700 орудий. По технико-типологическим характеристикам памятник является также полной аналогией стоянки им. Талицкого [Макаров, Павлов, 2007. С. 12]. Она также относится к кругу памятников уральской верхнепалеолитической традиции [Котов, 2014б].

С определенными оговорками к «галечной» скульптуре можно отнести фигурку «мамонта» с этой стоянки [Сериков, 2014. Фото 7, *1*] (рис. 7, *1*). От обычных «фигурных кремней» она отличается тем, что это объемная двусторонняя скульптура. Из цельного плоского куска кремня обивкой и ретушью были сформированы на обеих сторонах тело с выпуклой в виде арки спиной, передние или задние ноги выделены продольными желобками, шишковидная голова с хоботом отделена от спины глубокой выемкой. Размер фигуры 6,3×6,3×3 см. По форме и по характеру обработки данное изделие занимает промежуточное положение между «фигурными кремнями» и «галечными скульптурами».

Стоянка Горная Талица. Памятник находится в 0,5 км к востоку от дачного поселка Горная Талица Добрянского района Пермской области, на разрушенной водами Камского водохранилища первой надпойменной террасе р. Чусовая (рис. 1). На поверхности террасы в трех компактных скоплениях и в раскопе И.К. Кирьяновым и П.Ю. Павловым в 1976 г. было собрано 2234 экз. каменных изделий верхнепалеолитического облика. Возраст памятника определяется приблизительно, по стратиграфии сохранившегося останца первой надпойменной террасы, в которой находки приурочены к слою темно-серой гумусированной супеси – погребенной почвы, которая сформировалась в относительное потепление в эпоху позднего неоплейстоцена, предположительно, в аллерёде [Мельничук, Павлов, 1987. С. 7]. Характеризуя индустрию стоянки Горная Талица, авторы отмечают много общих черт с памятниками верхнего палеолита уральского региона (стоянка им. Талицкого, грот Столбовой, Медвежья пещера) и основным отличием является большое количество резцов [Там же. С. 16]. Вместе с тем, коллекция стоянки находит полную аналогию по характеру первичной обработки и набору типов каменных изделий со стоянкой Сергеевка 1 на р. Нугуш: нуклеусы подпризматические одно- и двухплощадочные, параллельно-встречного снятия, многоплощадочные, дисковидные; много усеченных пластин, орудий с шипом, проколок, угловых форм, большое разнообразие резцов, концевых скребков, присутствуют пластины с притупленной спинкой, пластины с ретушью, острия, а также скребла на крупных галечных отщепах и на

плитках [Там же; Гимранов и др., 2012]. Исходя из того, что стоянка Горная Талица относится к той же культурной традиции, что и стоянки им. Талицкого и Сергеевка 1, можно предположить и приблизительно ее сходный возраст в рамках конца верхнего неоплейстоцена.

Одна находка у авторов вызвала сомнение в принадлежности к палеолитическому памятнику – это плоская галька из зеленого сланца с забитыми концами, очевидно отбойник, у которой на обеих плоских поверхностях были сделаны гравировки: в одном случает головы лося, а в другом – изображение было только начато и оно представляет две линии – одна прямая, а другая в форме зигзага [Мельничук, Павлов, 1987. С. 15. Рис. 6] (рис. 7, *2*). Ю.Б. Сериков отмечает, что форма гальки ассоциируется с гравированным изображением на ее боковой поверхности: «Своей формой галька очень похожа на голову лося. Древний человек выбрал гальку, в очертаниях которой присутствуют характерные черты животного: горбатый нос, отвисшая нижняя губа и подчелюстная выемка. Интересно отметить, что и галька и гравированное изображение имеют характерный для головы лося изгиб. Причем, изгиб гравированного изображения находится в перевернутом на 180° положении по отношению к изгибу гальки» [Сериков, 2007б. С. 31].

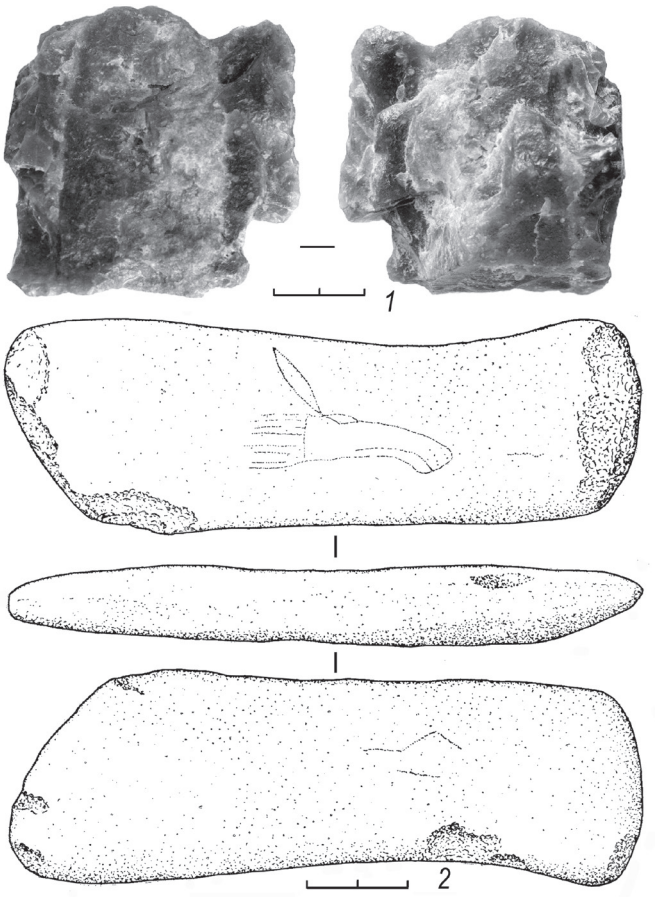


Рис. 7. Каменные изделия верхнего палеолита. *1* – фигурка «мамонта» из кремня, стоянка Ширококаново II (по: [Сериков, 2014. Фото 7, *1*]); *2* – фигурная галька – отбойник из кварцито-песчаника с гравированными рисунками, стоянка Горная Талица (по: [Мельничук, Павлов 1987, Рис. 6])

Fig. 7. Stone products of the Upper Paleolithic. *1* – "mammoth" figurine from flint Shirovanovo II site (after Serikov 2014, photo 7, 1); *2* – shaped pebbles – quartzite-sandstone chipper with engraved drawings, Mountain Talitsa site (after Melnichuk, Pavlov 1987, Fig. 6)

Обсуждение

Рассмотренная выше коллекция, несмотря на свою немногочисленность, позволяет говорить о широком распространении данного явления в верхнем палеолите уральского региона: традиция использования естественных форм в изобразительной практике относится как к началу верхнего палеолита, так и к финалу палеолитической эпохи. Принципы изобразительной деятельности для изделий из фигурной гальки сходны: природная форма лишь дополняется отдельными деталями посредством оббивки, пикетажа, пиления и гравировки.

Можно было бы предположить случайный характер присутствия подобных предметов, например, в качестве игрушек или сувениров, если бы они не были бы подвергнуты тщательной обработке. Кроме того, обнаружение трех скульптур в пещерном святилище Шульган-Таш (Каповой) и одного на предполагаемом святилище в пещере Байсланташ, а также следы охры на галечной скульптуре со стоянки Сергеевка 1 свидетельствуют о символическом статусе данных предметов. Для каменного века вообще характерен культ камня и костей почитаемых (тотемных) животных. В рамках этого культа, как показывают материалы из святилищ Южного Урала (Черноозерье II, Большие Аллаки, Игнатиевская, Шульган-Таш (Каповая), Заповедная, Мурадымовская 2) сакральными функциями обладает и сам процесс раскалывания и обработки камня [Петрин, 1992. С. 80; Волков, 2004. С. 211-212; Котов, 2011. С. 161; Котов, 2014а]. Очевидно, существование «галечной скульптуры» следует воспринимать в контексте почитания камня как некой «одушевленной» субстанции.

Само по себе сходство природных форм камня и кости с конкретными образами животных или человека должно было восприниматься первобытным человеком как чудо, или точнее, как проявление или точнее «овеществление» в камне или кости некоего минимума-зародыша души этих животных или человека. Из этнографии мы знаем, что души-зародыши находятся в потустороннем мире и материализуются в нашем мире по велению Хозяина душ-предков и животных. При этом производимая доработка таких предметов есть окончательное извлечение образа из природного контекста. Отсюда такие изделия должны с неизбежностью восприниматься как некие вместилища души – амулеты или даже идолы. Данная реконструкция предполагаемого мифологического содержания этих предметов позволяет понять устойчивость этой традиции на протяжении десятков тысяч лет.

Изобразительная практика на основе природных форм в постпалеолитическую эпоху

Для территории Южного Урала после оледенения было характерно сохранение в материальной

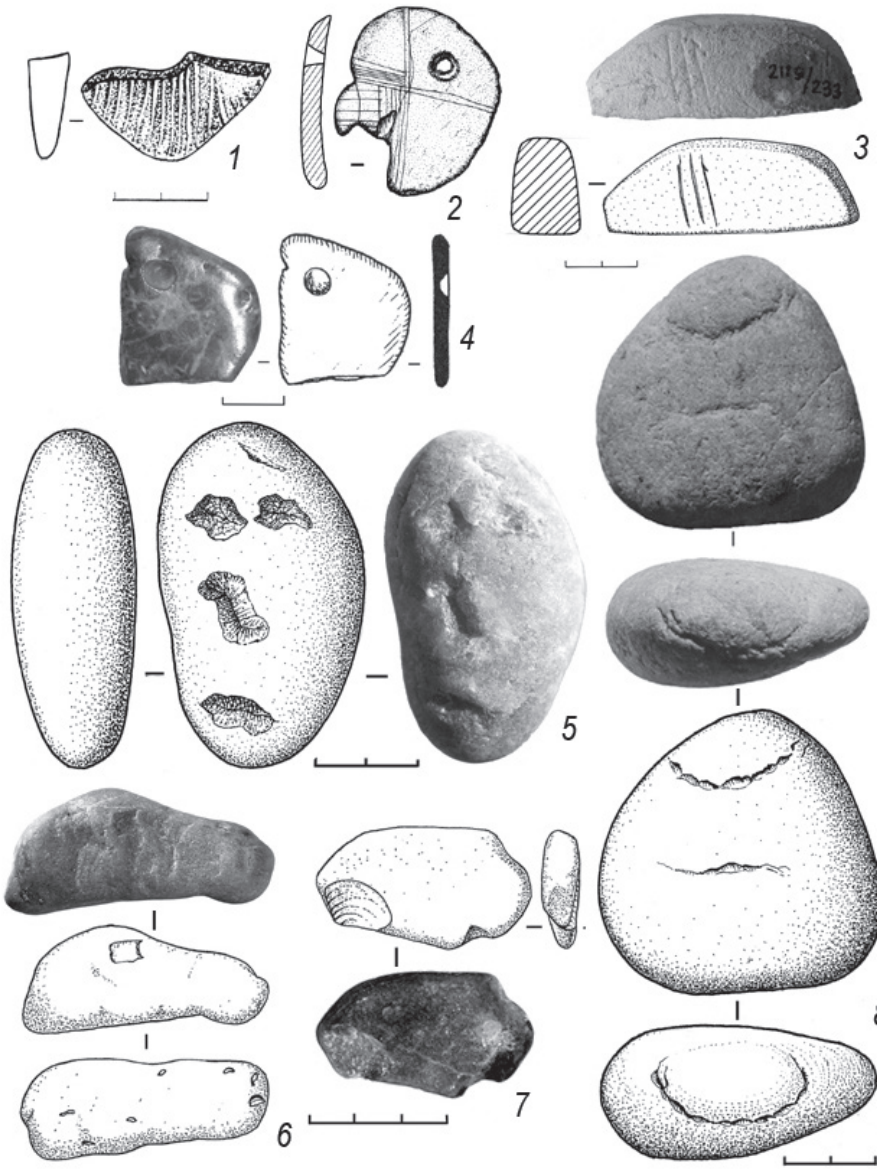


Рис. 8. Каменные изделия со стоянок Южного Урала эпохи голоцена: *1* – фигурная галька с гравированными линиями – птица (?), пос. Ильмурзино, мезолит (по: [Матюшин, 1976. Табл. 6, *16*]); *2* – голова человека в профиль с гравированными линиями на гальке из мягкого камня, пос. Ильмурзино III (по: [Матюшин, 1982. Рис. 55, *1*]); *3* – брусок из известняка с гравированными линиями, пос. Муллино, неолит-энеолит (Октябрьский музей); *4* – обработанная фигурная галька из серпентинита – голова животного (?), грот Археологов, энеолит (по: [Котов, 2004]); *5* – обработанная галька из кварцита – личина человека, оз. Иткуль, неолит-энеолит; *6* – обработанная фигурная галька из кварцито-песчаника – голова лося (?), эпоха бронзы – раннего железа, пещера Неолитовая (по: [Котов, 2018]); *7* – обработанная фигурная галька – голова лося, пещера Неолитовая, эпоха бронзы – раннего железа (по: [Котов, 2018]); *8* – обработанная галька из кварцито-песчаника – личина человека, оз. Иткуль, неолит-энеолит

Fig. 8. Stone products from the the Southern Urals sites of the Holocene epoch: *1* – figured pebbles with engraved lines - bird (?), Ilmurzino site, Mesolithic (after Matyushin, 1976, pl. 6, 16); *2* – a person's head in profile with engraved lines on pebbles made of soft stone, Ilmurzino III site (after Matyushin 1982, Fig. 55, 1); *3* – limestone bar with engraved lines, Mullino site, Neolithic-Eneolithic (Museum of the city of Oktyabrsky); *4* – processed figured pebble made of serpentinite - head of an animal (?), The grotto of Archaeologists, Eneolithic (after Kotov, 1999); *5* – processed pebble from quartzite - a human face, lake Itkul, Neolithic-Eneolithic; *6* – processed figured pebble made of quartzite-sandstone - moose head (?), Bronze Age – early Iron age, Neolithic cave (after Kotov, 2018); *7* – processed figured pebbles - moose head, Neolithic cave, Bronze Age – early Iron age (after Kotov, 2018); *8* – processed pebbles from quartzite-sandstone – a human mask, lake Itkul, Neolithic-Eneolithic

культуре традиций верхнепалеолитической эпохи, что было неоднократно отмечено исследователями мезолита и неолита [Петрин, Смирнов, 1977. С. 75-85; Матюшин, 1976. С. 194; Мосин, 2000. С. 52; Котов, 2009. С. 55].

Одной из ярких общих черт духовной культуры первобытных охотников и собирателей в эпоху голоцена с палеолитическими предшественниками является продолжение традиции изготовления культовых изображений из естественных форм камня, кости, раковины и, очевидно, дерева. На примере памятников Среднего и Южного Урала об этом писал Ю.Б. Сериков [Сериков, 2004; 2005а; 2005б; 2007б]. Он же обратил внимание исследователей на подобные находки, сделанные еще в 60-х годах XX века Г.Н. Матюшиным на территории Южного Урала. В частности, в обобщающей монографии Г.Н. Матюшина по мезолиту Южного Урала среди находок из мезолитического слоя (горизонт 4) со стоянки Ильмурзино приводится

фигурная галька размером 4×2,5×0,8 см с 13 вертикальными гравированными линиями, покрывающими одну из поверхностей предмета, причем камень имеет форму силуэта птицы [Матюшин, 1976. Табл. 6, *16*]. В тексте отсутствует описание этого предмета и породы камня (рис. 8, *1*).

Второй предмет из раскопок Г.Н. Матюшина с многослойного поселения Муллино на окраине г. Октябрьского на северо-западе Башкортостана из энеолитического слоя – это также фигурная тонкая галька, которая имеет контур, ассоциирующийся с профилем человека с массивным загнутым крючком носом (рис. 8, *2*). Высота 4 см, ширина 3,6 см. На месте глаза имеется сквозное отверстие искусственного происхождения, на основе чего Г.Н. Матюшин отнес эту находку к подвескам. На одной поверхности гальки половина заштрихована гравированными линиями: двойные линии образуют крест, левый нижний сектор которого заполнен сеткой и параллельными линиями, участок левого правого сектора также частично заполнен параллельными линиями. На месте «рта» имеется пропил [Матюшин, 1982. Рис. 55, *1*]. Судя по тому, что линии тонкие и прямые, а изделие из мягкой породы камня (сланец, тальк и др.), для нанесения линий использовался угол кремневой или яшмовой пластины.

Третий предмет тоже происходит со стоянки Муллино (рис. 1), но уже из раскопок А.П. Шокурова. Материалы раскопок хранятся в фондах Октябрьского историко-краеведческого музея им. А.П. Шокурова (фонд № 2110). Интересующее нас изделие представляет собой удлиненную известняковую гальку с плоским основанием, у которой на боковой поверхности были выгравированы три вертикальные параллельные линии (рис. 8, *3*). Определить к какому из трех слоев относится данное изделие (мезолит, неолит или энеолит)не представляется возможным. Все три предмета объединяет сходная техника оформления естественных форм галек посредством гравированных линий.

Грот Археологов составляет одно целое с пещерой Байсланташ и расположен на 10 м ниже поверхности пола пещеры. Соответственно, его местонахождение совпадает с описанным для пещеры Байсланташ. Он расположен на высоте 11 м над уровнем р. Белая и представляет собой небольшой грот 4×2 м, ориентированный на юго-восток. Стены грота арочной формы плавно понижаются внутрь. Полость сухая, хорошо прогревается в полдень. Отложения имеют мощность до 1,5 м. Выявлены культурные горизонты средневековья, раннего железного века, бронзы и, в самом низу, – находки эпохи энеолита, представленные керамикой, каменными и костяными изделиями. В этом слое была найдена плоская полированная галечка из серпентинита серого цвета размером 2,5×2,3×0,3 см с глухой сверлиной неправильной формы, очевидно, сделанной вручную [Древности..., 2018. С. 133-134]. На боковой грани рядом с искусственным углублением был сделан глубокий поперечный пропил. Часть гальки была обломана в древности, причем края были закруглены и заглажены (рис. 8, *4*). Принимая во внимание то, что мастеру не составляло никакого труда проделать встречное отверстие для превращения этого изделия в подвеску, а также наличие пропила на боковой грани гальки, этот предмет с большой долей вероятности следует относить к «галечным скульптурам».

В позднеголоценовых отложениях описанной выше **пещеры Неолитовая** (р. Нугуш, Мелеузовский район РБ) были найдены две фигурные гальки с обработкой. Одна уплощенная галька из кварцито-песчаника необычной формы найдена в отвале шурфа зоологов, имеет негатив искусственного скола, утончающего поверхность, ее размер 4,7×2,7×0,8 см (рис. 8, *7*). Она похожа на голову лося и, очевидно, относится к типу «галечных скульптур» [Сериков, 2014. С. 43-51]. В условном горизонте 4 (глубина 0,15-0,2 м от поверхности) шурфа 1 вместе с керамикой эпохи бронзы была найдена речная галька из кварцито-песчаника (размер 2,3×5,5×2 см), которая была явно принесена сюда человеком. По форме она похожа на голову животного. В районе глаза человеком в технике пикетажа была сделана выемка (рис. 8, *6*). Это тоже «галечная» скульптура, которая также ассоциируется с головой лося [Древности …, 2018. С. 171-173].

Весьма интересные материалы происходят с **оз. Иткуль** в Челябинской области (рис. 1). На площадке при впадении р. Исток в оз. Иткуль на обнажении береговой полосы Г.Ф. Ковалевой и А.Е. Ковалевым (краеведческий кружок г. Снежинска) были собраны многочисленные находки фрагментов керамики, которая относится к неолиту (романовская, козловская и полуденовская культуры), энеолиту (аятская, липчинская культуры) и бронзовому веку (березовский тип). В коллекции присутствуют многочисленные изделия из камня, а также две скульптуры из галек[1].

Первая скульптура из кварцевой гальки бежево-оранжевого цвета овальной формы, слегка приплюснута, имеет размер 6,7×4×2,5 см. На торцах присутствует забитость поверхности в виде звездчатой выкрошенности. На плоской части были сделаны четыре углубления неправильной формы длиной от 1 до 1,5 см, шириной 0,5-0,7 см и глубиной 0,3-0,4 см. Два углубления расположены в верхней части гальки, третье углубление вытянутой формы ориентировано вдоль продольной оси, четвертое вытянутое углубление в нижней части ориентировано вдоль поперечной оси (рис. 8, *5*). Судя по следам, они сделаны выбивкой с помощью каменного инструмента, очевидно, в неолите или энеолите. Расположение выемок позволяет полагать, что данный предмет представляет собой галечную скульптуру, изображающую личину человека.

Вторая галька из мелкозернистого кварцито-песчаника серого цвета каплевидной формы, имеет

[1] Благодарю Е.А. Ахметову (ИИЯЛ УФИЦ РАН) за предоставленные материалы.

размер 6×6×3 см. На одной относительно плоской стороне в верхней зауженной части посредством выбивки был сделан желобок полукруглой формы длиной около 3,5 см и шириной 0,3 см, который слегка заходит на боковые грани. Приблизительно посередине выбивкой был сделан прямой желобок длиной около 2,5 см. Обработка осуществлялась явно каменным острием. Особенности расположения обработанных участков также указывают на то, что и в этом случае целью мастера являлось изготовление личины человека: полукруглый желобок – прическа или линия глаз, прямая линия – рот (рис. 8, *8*). То, что галечные скульптуры были изготовлены посредством каменных инструментов, указывает с большей вероятностью на принадлежность их к эпохе камня (неолит-энеолит).

Еще одна находка была обнаружена Ю.Б. Сериковым в коллекции мезолитической стоянки Андреевка III (Челябинская область). Это слегка изогнутая вытянутая фигурная галька длиной около 15,5 см и шириной 3 см, один конец ее имеет очертания, напоминающие голову медведя (рис. 9, *6*). При исследовании энеолитической стоянки-мастерской Боровка III (Среднее Зауралье) в одном из очагов Ю.Б. Сериковым была найдена фигурная галька антропоморфной формы (рис. 9, *1*). Серия из пяти зооморфных галек была им обнаружена на культовом озерном центре эпохи энеолита Шайтанское озеро I (Среднее Зауралье) (рис. 9, *5*) [Сериков, 2007б. С. 30-31].

Большая часть фигурных галек была обнаружена Ю.Б. Сериковым в пещерных святилищах Среднего Урала, в основном, в культурных слоях эпохи средневековья. В **пещере Туристов** 34 гальки из средневековых слоев имеют зооморфные формы, среди которых преобладают головы животных. Некоторые фигурные гальки были дополнительно подправлены сколами или удалялась тыльная часть гальки. В **Кумышанской пещере** выделено 42 гальки зооморфного облика. Среди них две гальки изображают целые фигуры – птицы и животного. Плоская галька в виде птички (воробья или синицы), не имеет следов обработки. Ее длина 5,1 см (рис. 9, *3*). У гальки, имеющей облик фигуры животного, в нижней части были сняты два крупных скола, которыми выделены крупная голова и ноги (рис. 9, *2*). Скульптура имеет длину 5,5 см и ширину 3,2 см. Она напоминает полную фигуру мамонта.

Все остальные фигурные гальки представлены изображениями голов животных. Семнадцать галек изображают головы лосей (рис. 9, *4, 7*). Одна скульптура выполнена на фигурной гальке размером 13,4×4,9×2 см. От гальки отсечена тыльная часть. Глаз показан сверленым углублением (рис. 9, *7*). По мнению Ю.Б. Серикова, «зауженная вытянутая морда, и высоко расположенный глаз указывают на сходство с хищной рыбой (щукой?)» [Сериков, 2007б. С. 33]. По нашему мнению, галька имеет черты сходства с головой животного. Нам трудно по этой форме однозначно утверждать , что под ней полагали те, кто ее использовал в своей духовной практике.

Проанализировав все находки, Ю.Б. Сериков пришел к следующим выводам: «Одна группа представлена гальками без следов подработки, у которых узнаваемость образа достигается за счет естественных неровностей поверхности гальки. Обычно эти неровности подчеркивают характерные черты животного. Вторая группа галек имеет

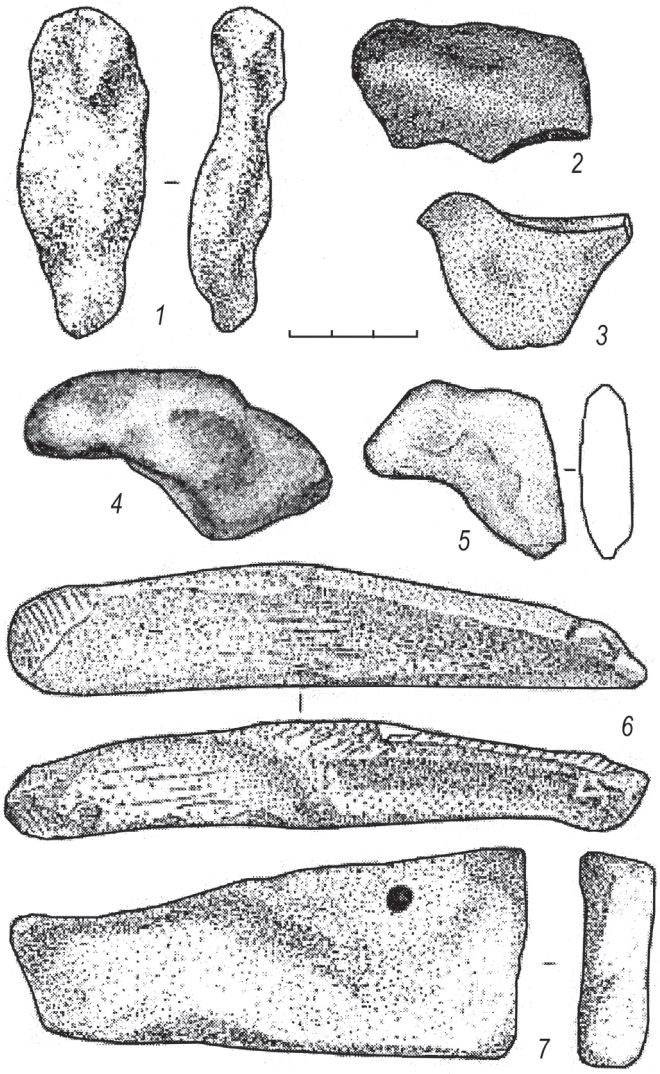


Рис. 9. Каменные изделия эпохи голоцена. *1* – фигурная галька из кварцито-песчаника, стоянка Боровка III, энеолит; *2* – обработанная фигурная галька из кварцито-песчаника – фигура животного, пещера Кумышанская, средневековье; *3, 4* – фигурная галька из кварцито-песчаника, пещера Кумышанская, средневековье; *5* – обработанная фигурная галька – голова животного, стоянка Шайтанское озеро I, энеолит; *6* – обработанная фигурная галька, стоянка Андреевка III, мезолит; *7* – обработанная фигурная галька из кварцито-песчаника – голова животного, пещера Кумышанская, средневековье (все по: [Сериков, 2007б])

Fig. 9. Stone artifacts of the Holocene era: *1* – figured pebbles of quartzite-sandstone, Borovka III site, Eneolithic (after Serikov, 2007b); *2* – processed figured pebble made of quartzite-sandstone - animal figure, Kumyshanskaya cave, the Middle Ages (after Serikov, 2007b); *3, 4* – figured pebbles of quartzite-sandstone, Kumyshanskaya cave, the Middle Ages (after Serikov, 2007b); *5* – processed figured pebbles - animal head, site Shaitan Lake I, Eneolithic (after Serikov, 2007b); *6* – processed figured pebbles, Andreevka III site, Mesolithic (after Serikov, 2007b); *7* – processed figured pebble made of quartzite-sandstone – head of an animal, Kumyshanskaya cave, the Middle Ages (after Serikov, 2007b)

следы двух видов обработки. В одном случае от гальки просто отсечена лишняя часть, что придавало изображаемой фигуре большую выразительность. В другом случае незначительной подработкой подчеркивались детали образа. Чаще всего несколькими сколами обозначались шея животного, разрез рта или глаз. Но в одном случае глаз рыбы или животного был показан глухой сверлиной. Повторяемость признаков оформления и серийность находок позволяют считать зооморфные гальки артефактами» [Сериков, 2007б. С. 33-34]. По его мнению, подавляющее большинство галек изображают головы животных, из них 40% принадлежала лосю и столько же принадлежала головам неопределимых животных, что было связано со своеобразным «культом голов», который существовал во все археологические эпохи, начиная с верхнего палеолита и заканчивая средневековьем [Там же. С. 35-36]. Кроме лося в галечном комплексе зафиксированы изображения рыбы, птицы, медведя и змеи. Обращает на себя внимание отсутствие в эпоху средневековья среди галечных скульптур образа человека, что было связано, по мнению Ю.Б. Серикова, с различиями в семантическом наполнении этого образа в сравнении с образами животных. Исследователь исходит из того, что все находки в пещерных комплексах представляют собой остатки жертвоприношений, поэтому галечные скульптуры также следует отнести к жертвам в контексте обрядов по увеличению численности промысловых животных [Там же].

Не отрицая использование фигурных галек и галечных скульптур в обрядах промыслового культа в качестве приношений, считаем, что использование этих предметов было значительно более разнообразным. Особенности оформления галечных скульптур в верхнем палеолите позволяют предполагать, что в результате оформления у галек не просто дополнительно усиливалось сходство с теми или иными образами, но данные предметы «оживлялись», поскольку у них появлялись глаза и рот, т.е. они наделялись душой и, в конечном итоге, воспринимались уже как вместилища духов-покровителей человека, а значит, как культовые предметы высокого уровня сакральности.

Здесь надо отметить, что сам процесс обработки любого камня, очевидно, воспринимался древним человеком как сакральный процесс – по аналогии с процессом культового раскалывания камня, известного на ряде святилищ уральского региона от палеолита до средневековья [Бадер, 1954; Петрин, 1992; Сериков, 2007б; Котов, 2014а; Косинцев и др., 2018]. Не случайно, в пещерных святилищах Среднего Урала в отложениях эпохи средневековья фигурные гальки и галечные скульптуры соседствуют с многочисленными расколотыми в культовых целях гальками [Сериков, 2007б].

Аналогии на археологических памятниках Евразии

Одни из самых ранних памятников с примерами скульптурных произведений на основе природных форм происходят из Забайкалья. На крупном поселении раннего этапа верхнего палеолита Толбага, возраст которого около 35 тыс. лет, М.В. Константиновым была найдена скульптура головы медведя, сделанная на обломке позвонка шерстистого носорога [Константинов, 2011. С. 53-54]. Скульптура имеет размеры 11×7,5 см, Выполнена без проработки мелких деталей (рис. 10, *1*). На другом поселении, раскопанном М.В. Константиновым (Студеное-2), в толще второй надпойменной террасы на глубине 6 м было вскрыто жилище с многочисленными находками верхнепалеолитического облика. Вне жилища в культурном слое была найдена голова лося, выполненная из левой пяточной кости архара. Скульптура сохраняет естественную форму кости, но пришлифована по всей поверхности [Там же. С. 54] (рис. 10, *2*).

Еще одна находка, которую с определенной достоверностью можно отнести к галечным скульптурам, происходит с поселения Малая Сыя в Хакассии. Оно расположено в долине р. Белый Июс на восточных склонах Кузнецкого Алатау. По радиоуглеродному датированию поселение имеет возраст от 33 до 34,5 тыс. лет [Ларичев, 1979. С. 164].

Скульптура изготовлена из плоско-выпуклой гальки темно-серого окремненного песчаника (рис. 10, *3*). Концы гальки были обработаны крупными полулунными сколами крутой направленности. Обработанные плоскости были затем покрыты охрой. Сколами и выбивкой была сделана на боковой грани гальки глубокая выемка, отделившая голову мамонта от спины. Точечной выбивкой по краю гальки ниже головы оформлены «…крутая выпуклость нижней части лба, округлый глаз, характерный с горбинкой хобот и глубокий вытянуто-овальный слегка приостренный на конце желобок, отделяющий хобот и валик бивня от туловища. Поверхность тела сплошь покрыта тончайшими штрихами и следами процарапывания галечной корки. Следы красновато-коричневой краски сохранились на голове скульптуры и в области задней части тела мамонта. Краска нанесена тонкими полосками. Возможно, это даже и не остатки сплошного закрашивания, а следы росписи. На поверхности нижней трети камня сохранились довольно значительные участки, покрытые пастой, которую затем окрасили красновато-коричневой краской» [Ларичев, 1979. С. 167. Рис. 2, *3*]. Характер обработки, описываемый В.Е. Ларичевым, подтверждается фотографией, и изделие по своему внешнему виду и по характерным признакам, выделенным обработкой, однозначно соотносится с образом мамонта [Ларичев, 1979. Рис. 2].

Еще одна важная находка, относящаяся к финалу эпохи палеолита, была найдена совсем в другой части палеолитической ойкумены – в Приазовье. Финальнопалеолитические местонахождения возле хутора Рогалик Луганской области были открыты в начале XX века. Начиная с 70-х годов памятники исследовались экспедицией под руководством А.Ф. Горелика [Горелик, 1997; Ветров, 2005]. С этих памятников происходит серия нахо-

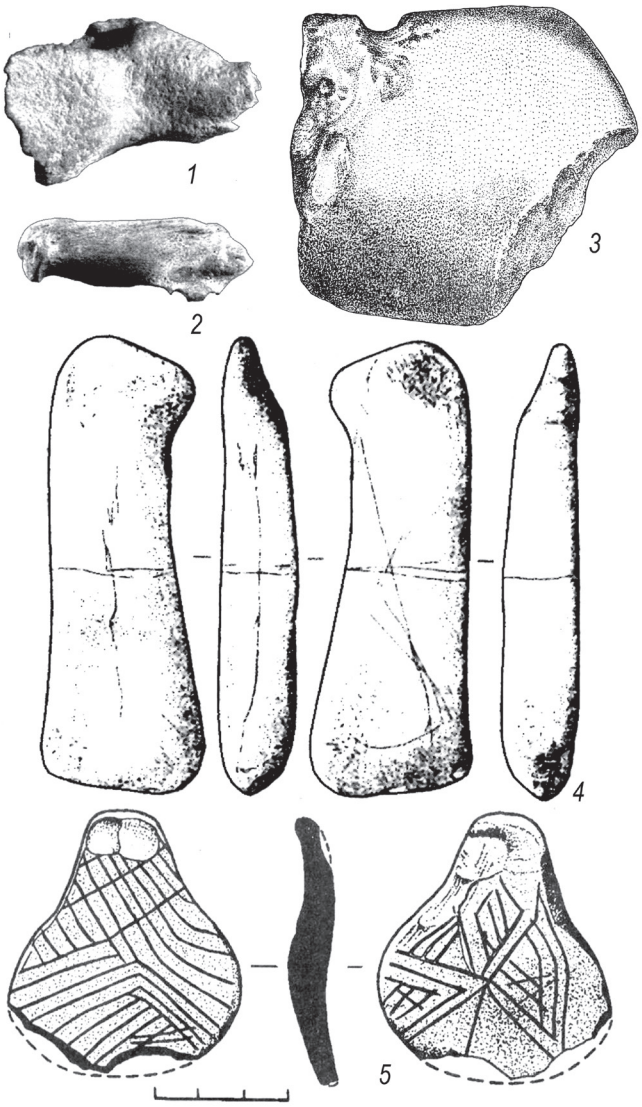


Рис. 10. Каменные и костяные изделия верхнего палеолита. *1* – голова медведя из позвонка носорога, пос. Толбага, ранний этап верхнего палеолита (по: [Константинов, 2011]); *2* – голова лося из пяточной кости архара, пос. Студеное-2, верхний палеолит (по: [Константинов, 2011]); *3* – фигура мамонта на гальке из окремненного песчаника, пос. Малая Сыя (по: [Ларичев, 1980. Рис. 3]); *4* – фигурная галька с гравированными линиями, ст. Рогалик (по: [Ветров, 2007])

Fig. 10. Stone and bone products of the Upper Paleolithic: *1* - head of a bear from a rhino vertebra, Tolbaga site, early stage of the Upper Paleolithic (after Konstantinov, 2011); *2* – moose head from calcaneus of argali, Studenoe-2 site (after Konstantinov, 2011); *3* – figure of a mammoth on pebble of silicified sandstone, Malaya Syya site (after Larichev 1980, Fig. 3); *4* – figured pebble with engraved lines, Rogalik site (after Vetrov, 2007)

док палеолитического искусства, среди которых присутствует интересующий нас предмет [Горелик, 1997. С. 173-174; Ветров, 2007]. Изделие со стоянки Рогалик VII представляет собой плоскую гальку удлиненной формы из карбонового сланца с угловым выступом на одном конце (рис. 10, *4*). На противоположных углах имеются три участка забитости, связанные с использованием этого предмета в качестве ретушера и отбойника. В плане галька напоминает фигурку вертикально стоящего животного с большой треугольной головой, а при горизонтальной ориентации она похожа на голову лошади или лося. Посередине галька опоясана гравированной, местами двойной, линией, сделанной резцом. На одной плоской стороне прочерчена наискосок прямая линия и в нижней половине – зизгаг. На противоположной стороне вдоль продольной оси выгравирована прерывистая неровная линия [Горелик, 1997. С. 174]. Гравированные линии и, особенно, горизонтальный поясок, подчеркивают антропоморфный характер этой галечной скульптуры, поскольку эта деталь является важнейшей при символичном оформлении стилизованных изображений женских фигур в верхнем палеолите костенковско-боршевской культуры на стоянке Мезин [Абрамова, 1966. Табл. XIV, *15, 28*].

Кроме описанной, в этом же районе были обнаружены еще две схематических женских скульптуры. Одна скульптура со стоянки Рогалик XII сделана из диабаза, представляла скульптурное схематическое изображение женского торса с выраженной в профиле седалищной частью и выделенными ягодицами. Скульптура была смоделирована с помощью разнообразной техники – пикетажа, прорезания, выскабливания, абразивной обработки, шлифовки. Следы повреждения на ней указывают на возможное использование изделия в качестве отбойника-ретушера [Горелик, 1997. С. 172]. Вторая статуэтка – это фигурная галька из лимонитовой корки с незначительной обработкой: в частности, боковая грань заготовки была подправлена абразивным инструментом, на одной из сторон присутствуют следы широкого среза для придания фигурке характерного профиля. В итоге галька получила контур стилизованной женской фигуры с широким тазом, с выделенным в профиле ягодичным выступом и коротким торсом. Обе плоскости покрыты сложными гравированными орнаментами [Там же. С. 170-171]. Размеры статуэтки 5,7×1,9-5,1×0,6 см (рис. 10, *5*). Ближайшей и единственной приблизительной аналогией являются условные женские изображения с палеолитической стоянки Мезин, у которых присутствует не только определенное стилистическое сходство в форме статуэток, но и в мотивах их орнаментации [Там же. С. 171]. По мнению А.Ф. Горелика, условиями проникновения антропоморфных изображений в южнорусские степи являлись определенное генетическое родство населения Северского Донца с населением центра Русской равнины, а также усилившимися этническим и культурным взаимодействием в конце эпохи палеолита [Там же. С. 178]. Последнее может объяснить и использование в изобразительной практике Рогаликского очага палеолитического искусства галечных форм, характерных больше для восточной части Евразии.

Практика использования естественных форм кости присутствует как элемент в изобразительной деятельности развитой художественной традиции павловско-костенковско-виллендорфской общности. Например, на стоянке Авдеево, наряду с женскими статуэтками, присутствует антропоморфная фигурка из метакарпальной кости мамонта. Высота ее 9 см (рис. 11, *6*). Дистальная часть кости отделена широким и глубоким надрезом, формируя массивную голову округлой формы. На

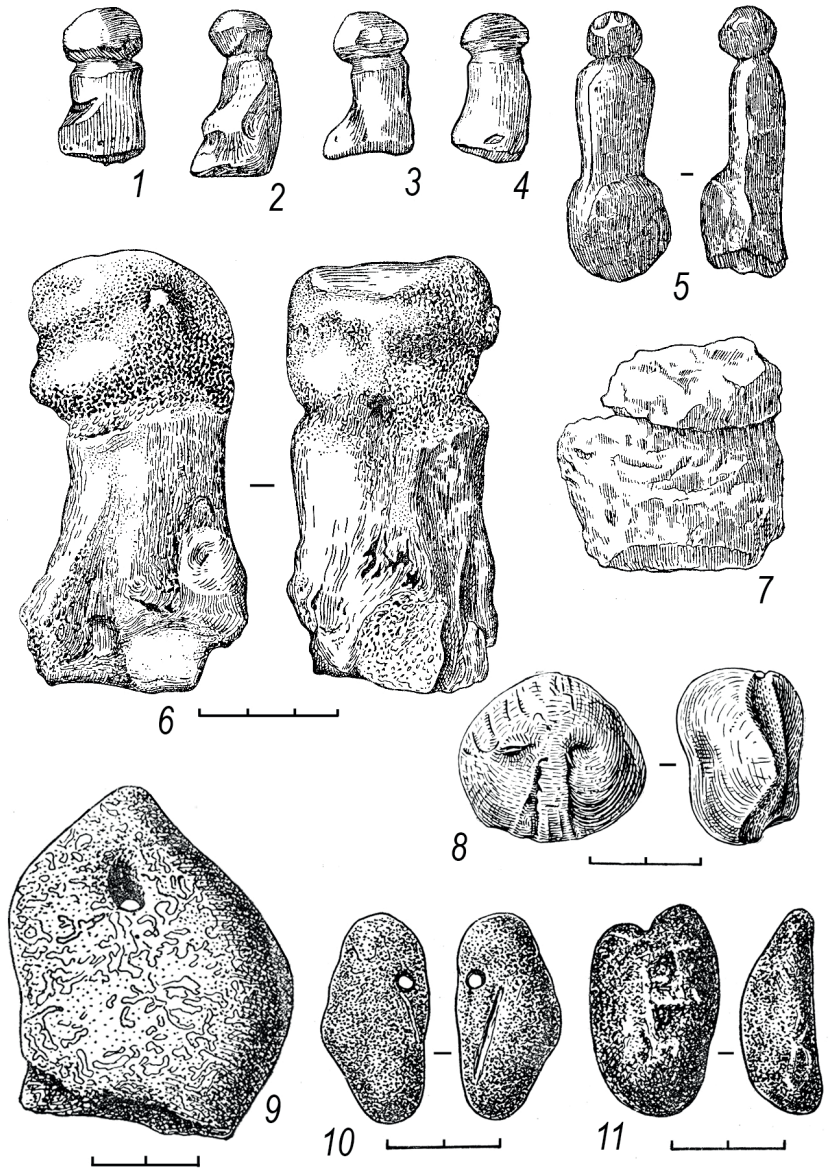


Рис. 11. Костяные и каменные изделия верхнего палеолита Центральной и Восточной Европы. *1-4* – антропоморфные фигурки из метакарпальных костей мамонта, Пшедмость; *5* – антропоморфная фигурка, Тру-Магрит; *6* – антропоморфная фигурка, Авдеево; *7* – антропоморфная фигурка, Хлум; *8* – человеческая личина на основе ископаемой раковины, Костенки 1; *9-11* – подвески из галечек, Костенки 1 (*1-7* – по: [Абрамова, 1966. Табл. XX], *8-11* – по: [Ефименко, 1958])

Fig. 11. Bone and stone products of the Upper Paleolithic of Central and Eastern Europe. *1-4* – anthropomorphic figurines from metacarpal bones of a mammoth, Pshedmost; *5* – anthropomorphic figurine, Tru-Magritte; *6* – anthropomorphic figurine, Avdeevo; *7* – anthropomorphic figurine, Chlum; *8* – a human mask based on a fossil shell, Kostenki 1; *9-11* – pendants made of pebbles, Kostenki 1 (*1-7* – after: [Abramova, 1966. Table XX], *8-11* – after: [Efimenko, 1958])

плоскосферической поверхности присутствует ряд беспорядочных царапин. На шаровидном лице обнажено губчатое вещество. Глубокими выемками обозначены крупные глазницы, разделенные прямой переносицей, боку выступом передано ухо, округлым углублением передан рот [Гвоздовер, 1953. С. 218]. Еще на четырех метакарпальных костях мамонта обнаружены царапины и нарезки, что свидетельствует об их использовании для поделок. Это дало основание М.Д. Гвоздовер предполагать, что «…антропоморфная статуэтка была в стоянке не единичной, и, возможно, мы имеем перед собой либо заготовки подобных же статуэток, либо эти метаподии и без дальнейшей обработки осмыслялись так же, как и хорошо оформленные, и имели то же значение в представлениях первобытного человека» [Там же. С. 218-219].

Аналогичные семь фигурок из метакарпальных костей мамонта происходят из коллекции Машка со стоянки Пшедмость. У них также глубоким врезом намечена шея и округлая голова, расширяющаяся внизу кость обозначает как бы сидящего на корточках человека, гладкое основание кости служит подставкой (рис. 11, *1-4*). Местами поверхность стерта и обнажена губчатая ткань. У четырех фигурок имеются сзади следы ожога, следы краски на поверхности не сохранились [Обермаер, 1914. С. 347; Абрамова, 1966. С. 24. Табл. XX, *2-5, 7*].

То, что это законченные произведения, свидетельствует сходный прием оформления антропоморфных изображений посредством выделения головы с помощью искусственного желобка на различных изделиях стержневидной формы (Костенки I, Ла Мадлен, Фогельгерд, Костенки IV) [Абрамова, 1966. Табл. XXI].

Ярким примером интереса представителей этой общности к естественным формам демонстрируют материалы из коллекции стоянки Костенки 1 из раскопок П.П. Ефименко. Это набор маленьких хорошо обточенных галечек, отличающиеся причудливой формой. По форме и размеру они напоминают обыкновенный боб, поверхность многих покрыта сетью мелких бороздчатых жилок, причем некоторые имеют более крупные размеры и естественные сквозные отверстия (рис. 11, *9-11*). П.П. Ефименко считал, что «такие галечки, несомненно, намеренно приносились сюда из-за причудливой формы, возможно, ассоциируясь в представлении первобытных людей с зародышами людей или животных» [Ефименко, 1958. С. 339].

Интересно, что, по мнению П.П. Ефименко, такую же роль для древнего населения играли ископаемые раковины моллюсков, главным образом рода Spirifer [Там же]. Одна находка весьма показательна – она представляет собой ядро ископаемой раковины длиной 2,3 см. Своими формами она напоминает человеческое лицо и это сходство усилено дополнительно обработкой: двумя глубокими

вертикальными бороздами изображен нос, по бокам переносицы двумя искусственными выемками сделаны глаза, короткие борозды по краю воспроизводят волосы и бороду [Ефименко, 1958. С. 340. Рис. 137] (рис. 11, *8*).

Сосуществование двух видов изобразительной практики – хорошо проработанных фигуративных изображений и изделий на основе естественных форм кости и камня с минимальной подработкой – на одном из важнейших базовых памятников костенковско-павловской общности весьма показательно. Вероятно, оно может свидетельствовать о сходстве стереотипов восприятия, приемов формообразования и использования в культово-изобразительной практике некоторых природных объектов (костей животных, фигурных галек, ископаемых ракушек) у людей по всей верхнепалеолитической ойкумене. Важно понять, почему в одних регионах эта изобразительная практика сосуществовала с другими видами изобразительной деятельности, а на других абсолютно преобладала.

В дальневосточном регионе, на восточном склоне Сихотэ-Алиня в среднем течении реки Зеркальная, на двух финальнопалеолитических памятниках были зафиксированы ритуальные комплексы с камнями необычной формы.

На стоянке Суворово-IV в нижней части культурных отложений, вблизи кострища, возраст которого по данным радиоуглеродного анализа 15900±120 л.н. (АА-36626), был найден шестигранный стержень, стоящий почти вертикально между небольшими валунами. Вблизи него было зафиксировано необычное скопление орудий и продуктов расщепления. Длина стержня 24,5 см, ширина 4,5 см. Преднамеренный и символический характер установки этого стержня природной формы очевиден [Крупянко, Табарев, 2005. С. 94-95. Рис. 6, *7, 8*].

Второй такой же комплекс был выявлен на стоянке Богополь-IV, расположенной в 15 км ниже по течению р.Зеркальная. В 2002 г. вблизи бровки террасы был обнаружен комплекс, состоящий из трех округлых камней и заваленных веером трех удлиненных камней. Один из этих трех камней – крупный шестигранник длиной 39,8 см, шириной 7-7,3 см. Второй камень – это речная галька подтрапециевидной формы размером 31,1×10 см. Третий камень является четырехгранной окатанной галькой размером 29,4×5,3 см. Шестигранник и удлиненные гальки не обработаны и не имеют на поверхности следов краски. Под этим скоплением на глубине 11 см был найден единственный на этом участке раскопа целый нож-бифас из зеленоватого кремнистого сланца [Крупянко, Табарев, 2005. С. 95-96. Рис. 9, *10*]. Данные скопления авторы считают ритуальными комплексами, обладающими знаковой ролью на местности [Там же. С. 96].

В Приморье на неолитических памятниках также были обнаружены галечные скульптуры. Одна из таких ярких находок была сделана на памятнике Бойсмана II, расположенном в бухте Бойсмана в заливе Петра Великого (Японское море). Здесь была найдена круглая гранитная галька размером 9×8×5 см, которая пикетажем и гравировкой была превращена в полиэйконическую скульптуру. На выпуклой поверхности гальки была создана человеческая личина, на противоположной стороне – относительно прямая линия. На боковых сторонах пикетажем и гравировкой показана еще одна

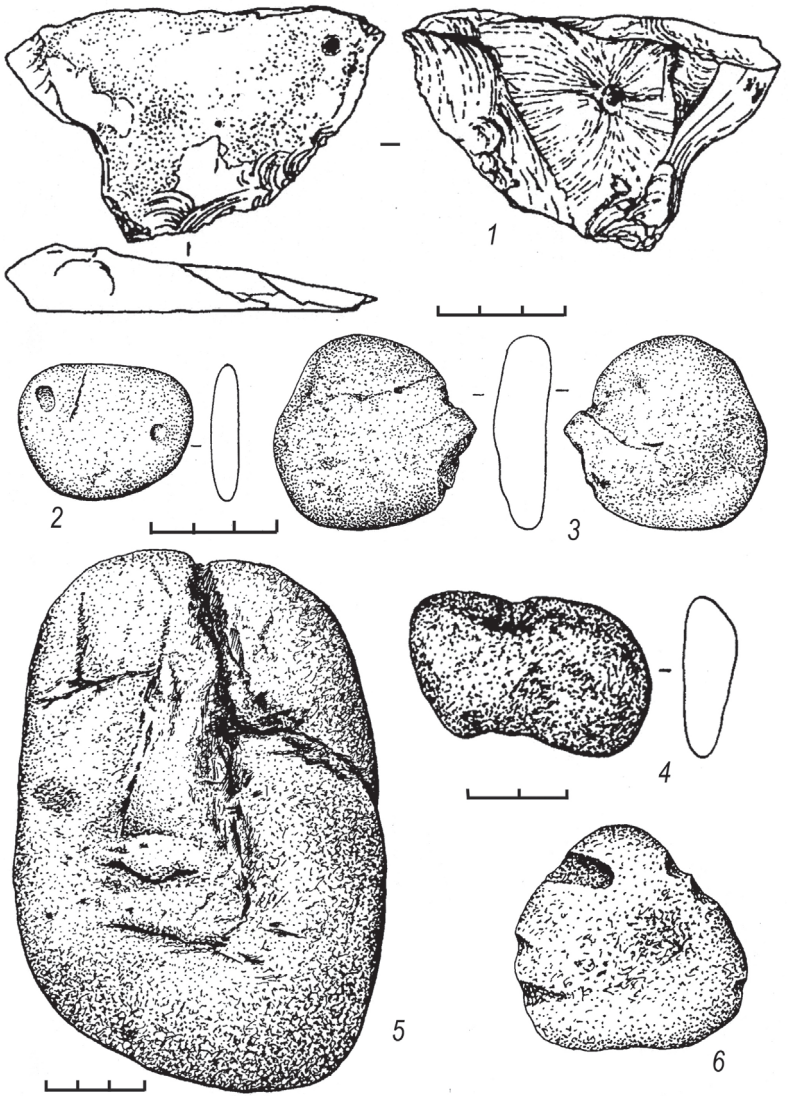


Рис. 12. Галечные скульптуры с памятников Дальнего Востока (по: [Кирьяк (Дикова), 2003]). *1* – фигура птички; *2* – личина человека; *3* – голова человека; *4* – фигура «мамонта» (*1-4* – верхнепалеолитическая стоянка Большой Эльгахчан I); *5* – личина человека на валуне, постпалеолитическая стоянка Сибердик; *6* – голова человека на гальке со стоянки Лопатка III, неолит

Fig. 12. Pebble sculptures from the monuments of the Far East (after: [Kiryak (Dikova), 2003]). *1* – figure of a bird; *2* – a person's face; *3* – human head; *4* – the figure of a "mammoth" (*1-4* – Upper Paleolithic site Bolshoi Elgakhchan I); *5* – the face of a person on a boulder, post-Paleolithic site Siberik; *6* – a human head on a pebble from the Lopatka III site, Neolithic age

личина и нанесены различные знаки [Бродянский, 2007. С. 49. Рис. 3]. Кроме этой галечной скульптуры, на памятнике был найден фрагмент сланцевой плитки подтреугольной формы, на которой с обеих сторон была высверлена пара углублений – глаза [Там же. С. 49. Рис. 2]. Здесь были применены те же способы оформления природных форм, что и на территории Уральского региона: пикетаж, выбивка и сверление.

На верхнепалеолитической стоянке Большой Эльгахчан I (Северо-Эвенский р-н Магаданской обл.) был обнаружен целый ряд произведений изобразительной деятельности на основе фигурных галек. Среди них голова человека в профиль на фигурной гальке, у которой пикетажем выделен нос и ретушью рот, глаз обозначен естественным вкраплением (рис. 12, *3*) [Кирьяк (Дикова), 2003. С. 66]. На другой плоской галечке овальной формы (размер 3,3×4,2×0,7 см) имеется два углубления, одно из которых искусственное, что позволяет автору раскопок видеть в нем личину [Кирьяк (Дикова), 2003. С. 68. Рис. 9, *а, 1*] (рис. 12, *2*). Здесь же был найден первичный отщеп окремнелого глинистого сланца серого цвета треугольной формы. Он был обработан несколькими крупными сколами на вентрале и образован выступающий клюв, подправленный со стороны спинки мелкой ретушью, одним крупным сколом создан выступающий хвост птицы и несколькими средними и мелкими снятиями смоделированы ноги. В районе головы на кальцитовой корке, покрывающей спинку отщепа, в нужном месте была сделана одним ударом лунка – глаз птицы [Там же. С. 77. Рис. 27, *а*; Фото 8] (рис. 12, *1*).

Еще одна галечная скульптура – личина на крупнозернистой гальке размером 16×11,5 см (рис. 11, *5*) была найдена в процессе раскопок стоянки Сибердик на Верхней Колыме (Тенькинский р-н Магаданской области). Самый ранний этап сибердиковской культуры имеет датировку 9470+530 л.н. (Крил-314). На стоянке Сибердик представлены два последующих этапа этой культуры, которая, как считает ее исследователь, по своей сути – палеолитическая [Диков, 1979. С. 90]. Наиболее древним на этой стоянке является нижний (третий) слой, для которого характерно «сочетание индустрии ножевидных пластин с галечными орудиями – чопперами» [Там же. С. 92]. Датируется этот горизонт сибердиковской стоянки 8480±200 л.н. (Крил-249), 8020+80 л.н. (Крил-250) [Там же]. У скульптуры пикетажем выделены нос, ноздри и линия рта [Киръяк (Дикова), 2003. С. 65-66].

Во многом сходная скульптура была обнаружена Т.М. Диковой на южной оконечности полуострова Камчатка на мысу Лопатка (стоянка Лопатка III). Внутри раковиной кучи, имеющей возраст 4380±70 л.н. (Маг-312), было обнаружено антропоморфное изображение лица в профиль на крупнозернистой гальке (рис. 12, *6*). С помощью пикетажа на одной стороне были образованы два поперечных желобка, соответствующие глазу и рту. Нос обозначен естественным выступом боковой грани. Многочисленными точечными ударами на боковых сторонах сделаны углубления, соответствующие ушам [Там же. С. 66. Рис. 10].

На Ближнем Востоке в пещере эль-Вад (el-Wad cave, гора Кармель, территория современного Израиля) в отложениях раннего этапа натуфийской культуры (12800-10300 л.н.) вместе с находками из кости и камня и кусками охры были найдены 5 предметов изобразительной деятельности, выполненные на основе природных форм [Weinstein-Evron, Belfer-Cohen, 1993]. Все они представляли собой окремненные желваки, подвергнутые минимальной обработке. Их размер варьировал от 4,3 до 6 см. Два предмета обладали вытянутыми пропорциями, в то время как остальные имели закругленные очертания. Три закругленных фигурки имели по центру опоясывающее углубление, возможно, обозначающие талию (?). У одной фигурки (размер 4,4×3 см) один конец плоский, создан одним сколом, в то время как другой конец округлый, имеет на поверхности следы пикетажа, поверхность вне зоны повреждений более ровная и заглаженная. Предположительно гравированными линиями изображен овальный глаз и ниже рот [Там же. P. 102. Fig. 2, *2*] (рис. 13, *3*). Другие две фигурки (4,3×3,8 см и 5,5×3,2 см) имеют сдвоенную сферическую форму, поверхность которой тоже заглажена и местами заполирована, на обоих концах присутствуют негативы сколов и следы забитости. На выпуклой поверхности одной из фигурок были нанесены гравировкой многочисленные вертикальные параллельные борозды [Там же. P. 102. Fig. 2, *1*, *3*] (рис. 13, *1*, *5*). Два предмета отличались от предыдущих не только удлиненной формой (5,5×2,3 см и 6,1×2 см), но и оформлением, на них двумя концентрическими гравированными бороздами были отделены пояс в нижней части и утолщенный закругленный конец вверху, что придало им фаллическую форму (рис. 13, *2, 4*). Это убедительно подтверждается гравированной короткой бороздой на торцевой поверхности выпуклости второго изделия, которая изображала, по мнению исследователей, отверстие уретры [Там же. P. 102] (рис. 13, *4*). Основание первого изделия сегментировано одним сколом, края имеют многочисленные негативы укороченной ретуши с заломами, на другом конце выпуклую поверхность покрывают многочисленные мелкие выбоины, все это указывает на использование этого предмета в качестве отжимника и/или ретушера [Там же. P. 103]. Поверхность этих изделий заполирована.

Для нас особый интерес представляет еще один предмет – скребок высокой формы – нуклеус из окремненного фигурного желвака (размер 5,3×3 см) с негативами пластинчатых снятий на одном конце (рис. 13, *6*). Сама кремневая галька имела форму, напоминающую тело живого существа с круглой головой и массивным клювом или вытянутой мордой (черепахи, кролика или птицы?), в центре «головы» имеется углубление с естественной

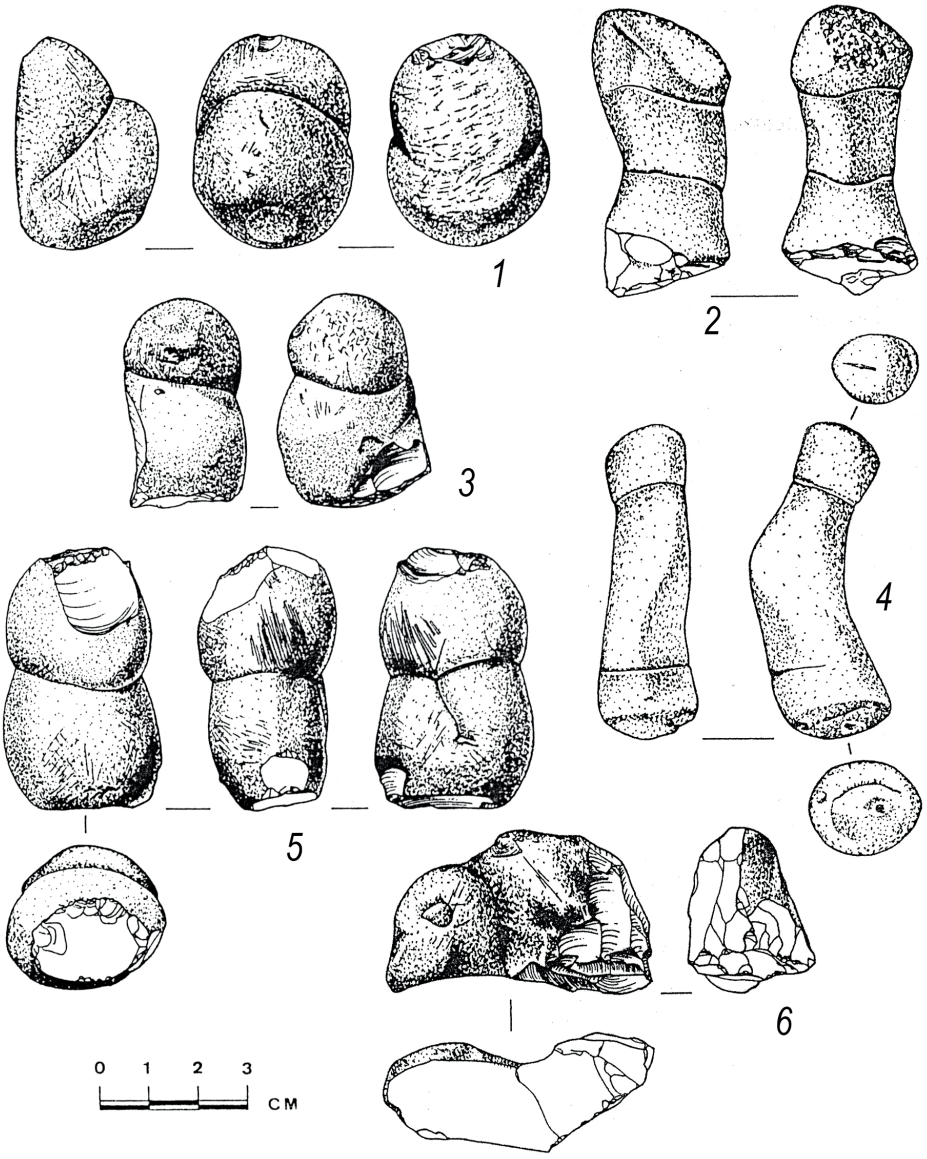


Рис. 13. Скульптуры на основе естественных форм в позднем палеолите Ближнего Востока (по: [Wtinstein-Evron, Belfer-Cohen, 1993]). Фигурки из конкреций кремня: *1, 3, 5* – антропоморфные (?) изображения; *2, 4* – фаллические изображения; *6* – зооморфное изображение

Fig. 13. Sculptures based on natural forms in the Late Paleolithic of the Near East (after: [Wtinstein-Evron, Belfer-Cohen, 1993]). Figures from flint nodules: *1, 3, 5* – anthropomorphic (?) images; *2, 4* – phallic images; *6* – zoomorphic image

овальной выпуклостью – «глазом» [Там же. P. 103, 104].

Кроме этих фигурок в этих же отложениях в пещере эль-Вад в слоях материалами раннего Натуфа была найдена голова человека из кальцита [Там же. P. 102]. Аналогичные изделия были обнаружены в пещере Кебара: несколько конкреций кремня и три предмета из известняка, которым с помощью гравировки придана форма, предположительно, фаллосов, а также небольшая плитка из известняка с гравировками [Там же. P. 104].

На другом базовом поселении натуфийской культуры – Нахал Орен (Nahal Oren) – из слоя раннего этапа этой культуры происходит длинная кость, на эпифизах которой были вырезаны на одном конце голова животного, а на другом – голова человека (?) [Там же].

Эти модифицированные фигурные гальки из кремня свидетельствуют о существовании в среде населения раннего Натуфа стойкого предпочтения в изобразительной практике естественных форм из камня и кости. Обращает на себя внимание серия фигурок из кремневых конкреций, которые также использовались как отжимники-ретушеры или нуклеусы. Эта особенность встречается только в раннем периоде натуфийской культуры. Между тем, на ряде погребальных памятников эпохи мезолита-энеолита в Приуралье были встречены подвески гантелевидной формы из естественных окремненных конкреций и из кости, а также фигурная зооморфная галька из кремня (Меллятамакский V могильник, Русско-Шуганское погребение, Старо-Нагаевский могильник) [Казаков, 1978; 2011; Стоколос, 1984]. В свете выявленных многочисленных фактов южных влияний на неолитические культуры Южного Урала эти находки могут быть дополнительных аргументом данного взаимодействия.

Культ камней по данным археологии, фольклора и этнографии

Еще на заре науки этнографии в своей обобщающей работе «Первобытная культура» Э. Тейлор подробно рассматривал почитание природных камней как одно из проявлений фетишизма у традиционных народов по всему земному шару [Тэйлор, 1939. С. 371-375].

Определение того, в чем заключается культ камня, оставил В.Р. Кабо: «Под культом камней в его первоначальной форме следует понимать, прежде всего, приписывание камням сверхъестественных свойств, наделение их магической силой и использование в обрядах магии» [Кабо, 2007. С. 128]. Почитание камня и использование камней в магических обрядах было свойственно и сибирским народам. Известный путешественник XVIII столетия И.Г. Георги (1729-1802) оставил такое наблюдение об изобразительной практике традиционных народов Сибири: «Идолы… делаются по большей части шаманами из странных отростков дерева и из каменных отломков, которые кажутся подобными несколько человеческому виду. Нередко и целые каменные горы ради необыкновенного их вида, почитаются идолами, как например, Шаманская гора в восточной стороне от Байкала, и другие» [Георги, 1799. С. 106].

Об ритуальном использовании камня свидетельствуют и древние эпические произведения. В мифологическом эпосе финнов Калевале сохранилось описание древнего заклинания при строительстве лодки, сопровождающегося ритуальным раскалыванием камня:

«Был старый Вяйнямейни,
Заклинаньем делал лодку…
Камнем он постукивает,
На утесе поколачивает».

Цитата приводится с поправками В.Я. Евсеева [Евсеев, 1957. С. 74]. Содержащаяся творческая сила в акте раскалывания камня, равнозначная заклинанию само по себе вызывает пристальный интерес. Сходное по смыслу представление о процессе раскалывания камня присутствует в древнем мифологическом предании у обских угров об изобретении Торумом добывания огня огнивом: «Ходил он (Торум – В.К.) по земле и думал. Увидел камень и приложил руку к этому камню, и пошел жар от камня. Возле него лежал маленький камень. Когда он взял маленький камень и ударил о большой, то большой рассыпался – и из него вышла женщина-огонь. От камня пошла дорога, неизвестно куда ведущая, но очень широкая. Еще из камня образовалась не целая лодка, то ли нос, то ли корма ее – неизвестно. Взял Торум опять камешки и стал друг о друга ударять, и показался огонь» [Мифы…, 1990. С. 63]. Интересно, что в контексте добывания огня в ходе действия раскалывания камня из камня порождается богиня огня, возникает рукотворный элемент ландшафта – дорога и появляется какая-то лодка – средство передвижения. Предположительно, в данном предании одно ритуальное действие соединило три мифологемы древних уральцев, являвшиеся осколками древних мифов.

Похожий миф о творении добрых и злых духов, а также огня известен у мокши: «Богу нужны были помощники, и он стал создавать их, ударяя камнем о камень. Шайтан и тут стал подражать богу и творить злых духов, но Шкай произнес заклятие и вместо духов у Шайтана стали получаться искры – так был сотворен огонь. Наконец, Шкаю удалось запереть злых духов в лесном шалаше, но случайный прохожий из любопытства выпустил их, и они рассеялись по всей земле» [Петрухин, 2003. С. 299]. Такой же миф есть и у марийцев: «Кугу Юмо сотворил также добрых духов из искр, высекаемых огнивом; Керемет подсмотрел способ творения и создал злых духов – кереметов. Они расселились по земле и требуют от людей постоянных жертв» [Петрухин, 2003. С. 262].

Сходный мифологический сюжет известен в греческой мифологии. В частности, Аполлодор сообщает миф о Девкалионовом катаклизме: Девкалион – сын Прометея, был царем в стране Фтия (в Фессалии), чтился как обожествленный первопредок. Зевс решил истребить людей медного века, наслав на них потоп. Девкалион вместе с женой Пиррой спасается в ящике, который он построил по совету Прометея. Ковчег плавал 9 дней и ночей, пока не пристал к Парнасу. Девкалион приносит обильную жертву Зевсу и тот посылает к нему Гермеса с предложением исполнить его желание. Девкалион просит у Зевса чтобы от него появились люди. По приказу Зевса он стал собирать камни и бросать их через свою голову. Камни, которые бросал Девкалион превращались в мужчин, а камни, которые бросала Пирра – в женщин. Отсюда пошло название людей – по гречески laoi – от слова laas – камень (Аполлодор. 1.7.2). Этот греческий миф о первопредке греческого народа, увязанный с мифом о потопе, показывает глубокую древность мифологического сюжета «*рождение первых людей из камней*».

Мифологема «*рождение первого человека из камня*» присутствует в сказочном варианте этногенетической легенды башкир «Алп-батыр» [БНТ. Т. 3, 1988. С. 43-45]. В ней повествуется о том, как по повелению хозяина горы в обмен за его душу, старик раскалывает топором камень и из него рождается богатырь Алп. Старик передает родившемуся сыну свое оружие, топор и лук со стрелами. И только Алп-батыр попытался натянуть лук, как тотчас он сломался: «От того треска дрогнула гора, посыпались камни, и старик упал замертво» [Там же. С. 44]. Так исполнилось предсказание хозяина горы: «Без чьей-то смерти никто на свет не родится. Если сыном обзаведешься, сам умрешь» [Там же. С. 43]. Далее титан Алп делает семь шагов и тем самым совершает землеустроительное действие – создает семь полян, на которых потом расселятся потомки его семи сыновей – родоначальников семи башкирских родов. Таким образом, в основе этого предания был положен архаический по своему содержанию этиологический и этноге-

нетический миф. Уникальность его состоит в том, что титан рождается из *расколотой* горы-камня и этот акт рождения героя-предка ассоциирован с духом-хозяином горы. Из горы, согласно преданию, вышла и лучезарная дева по имени Таубикэ (букв. Горная дева) [БНТ. Т. 2, 1987б. № 155].

Также в башкирском фольклоре есть масса примеров превращении людей в камни. В мифологическом эпосе «Урал-батыр» в горы превращаются побежденные в битве дивы-аждахи, а также сам исполин Урал [БНТ. Т. 1, 1987а. № 1]. В одном башкирском предании рассказывается как хозяин горы, приняв облик огромного медведя, вступает в борцовский поединок с зазнавшимся батыром, в конечном итоге они оба уходят под землю, а их тела окаменевают [БНТ. Т. 2, 1987б. С. 40-41]. В башкирских волшебных сказках также встречается мотив превращения человека в камень [БНТ. Т. 4, 1989. С. 187, 295]. Более того, в башкирской традиции сохранилось архаическое представление о камнях, как о живых существах, которые имеют корни, могут расти, «созревать» и «рождать» потомство [Хисамитдинова, 2010. С. 290-291].

Здесь также присутствует еще одна мифологема, которая важна для нашего исследования – это «*душа в камне*». В богатырской сказке «Акъял-батыр» у главного героя вместилищем второй души является каменный брусок белого цвета, который находится у него под мышкой [БНТ. Т. 3, 1988. С. 97]. Судя по изображениям на серебряных булгарских блюдах X-XI вв. людей с каким-то предметом под мышкой, у народов Урало-Поволжья эта мифологема была широко известна еще тысячу лет назад [Котов, 2010. С. 67-68]. Точно такие же представления о связи души с камнем имеются у обских угров: они хоронили ребенка в дупле дерева, положив ему в рот маленький камешек, а у ваховских хантов умершему клали на сердце маленький камень, что по мансийскому фольклору являлось вместилищем души [Сагалаев, 1991. С. 92].

Опираясь на мифологему «*душа в камне*» можно предположить, что какие-то из найденных при археологических раскопках культовых мест или святилищ обычные или же орнаментированные камни могли быть таким вместилищем души, наподобие чуринг у представителей традиционных культур [Кабо, 2007. С. 128].

В эпоху раннего железа также фиксируется использование камней в культовых целях: у ранних сармат в 27 могилах среди погребального инвентаря обнаружены речные гальки и камешки без какой-либо обработки, которые могли выполнять какую-то очистительную функцию [Пшеничнюк, 1983. С. 107]. Точно также и в могилы башкир помещались камни белого цвета [Хисамитдинова, 2011. С. 329]. В погребениях селькупов дно должно было быть выложено камнем; в случае невыполнимости этого условия из-за большой редкости камней в Нарымском Приобье, мог быть положен хоть один камень или же черепок сосуда [Ожередов, 2003. С. 218].

Об отголосках высокого символического статуса камней в башкирской традиции свидетельствуют факты использования галек необычной формы или цвета в лечебной магии [Хисамитдинова, 2011. С. 329; Исхакова, 2012. С. 75]. Точно также у ненцев мелкие камни являлись основой-телом домашнего духа (*хэхэ*), использовавшегося в лечебной магии [Ожередов, 2003. С. 218].

Прямой цитатой архаического культа камня в рамках продуцирующей магии следует рассматривать существовавший у минусинских тюрок обычай приношения, сделанных из камня фигурок домашних животных, священной скале Иней-Тас («Бабушка-камень») на реке Тюгом (приток р. Аскыза). При этом местные жители верили, что «если фигурки стоят хорошо, то хорошо и скоту; упали – быть беде, скотский падеж угрожает татарам» [Окладников, 1959. С. 57].

Заключение

На семи верхнепалеолитических памятниках Уральского региона были обнаружены предметы изобразительной деятельности, выполненные на основе естественных форм камня: в Прикамье (стоянки Ширококово II и Горная Талица), в Южном Приуралье (стоянки Сергеевка-1, пещера Неолитовая) и горной части Южного Урала (пещеры Шульган-Таш (Каповая) и Байсланташ, стоянка Шульганово-4). Широкий разброс по территории говорит о том, что эта специфическая форма изобразительной деятельности отражает определенную культурную специфику «уральского» верхнего палеолита, выявленную по характеру индустрии [Котов, 2018].

По содержанию мобильные предметы подразделяются на изображения человека (3 экз.), животных (8 экз.), птицы (1 экз.), также представлена одна орнаментированная галька. Из них полных фигур – 3 экз., а изображений голов – 9 экз. (3 – человеческие, 5 голов животных и 1 голова птицы). Причем использовались достаточно сложные и трудоемкие приемы обработки (пикетаж, ретуширование, шлифовка), требующие использования специализированных инструментов. Это, в первую очередь, характерно для изготовления галечных скульптур. Важно, что только для этих произведений изобразительной практики характерно использование определенного набора технических приемов для их оформления: для изображения глаза создавалась пикетажем выемка или же пикетажем выделялся выпуклый овал; выемка рта создавалась на боковой грани одним боковым сколом, которая затем расширялась и углублялась посредством пикетажа; другие детали создавались цепочкой регулярных мелких сколов с помощью острого каменного посредника и молоточка. Подобный набор приемов присутствует при изготовлении человеческих личин на известняковых гальках со стоянки Шульганово-4 вблизи пещеры Шульган-Таш (Каповой) [Румянцев, 2014]. Точно также с помощью цепочки сколов выделены характерные черты «мамонта» на галечной скульптуре из пещеры

Шульган-Таш (Каповой) [Котов, 2014а. С. 123-124. Рис. 4]. Еще одна фигурка «мамонта» со стоянки Ширококово II в Прикамье от обычных «фигурных кремней» отличается тем, что это объемная скульптура [Сериков, 2014. Фото 7, *1*]. Следует отметить, что основную знаковую нагрузку у галечных скульптур нес *контур* изделия, поскольку в большинстве случаев они являлись *плоскостными односторонними* изображениями.

Вероятно, при оформлении пещерного святилища Шульган-Таш изобразительная практика на основе естественных форм была перенесена и на монументальную скульптуру – в ней известны два барельефных изображении лошади, расположенные в залах среднего и верхнего ярусов [Котов, 2009; Пещерное святилище…, 2019].

Можно было бы предположить случайный характер существования подобного феномена, например, фигурные гальки или кости могли использоваться в качестве игрушек или сувениров, если бы они не были подвергнуты в ряде случаев тщательной обработке. Кроме того, обнаружение четырех скульптур в пещерном святилище Шульган-Таш (Каповой) и стоянке Шульганово-4, одного – на предполагаемом святилище в пещере Байсланташ, гравированное изображение на фигурной гальке со стоянки Горная Талица, а также следы охры на галечной скульптуре со стоянки Сергеевка-1 свидетельствуют о включенности этих изделий в контекст ритуальной практики уральского палеолитического населения, а также о высоком символическом статусе данных предметов. Для каменного века вообще характерен культ камня. Очевидно, существование «галечной скульптуры» следует понимать в контексте почитания камня как некой «одушевленной» субстанции. В этом же ключе можно воспринимать и обработку фигурных галек, которые уже имели определенное сходство с теми или иными образами. Оформление могло ощущаться как «воплощение» некого образа, существующего в голове создателя, а значит, часть «души» человека передавалась предмету и он «оживал». По крайней мере, так понимали процесс изображения человека представители традиционного общества, в частности, бурзянские башкиры, почему и существовал у них запрет изображать лицо, иначе часть души передавалась этому изображению, и в результате можно было, в конце концов, «растратить» всю свою душу и умереть (сообщение этнографа З.Г. Аминева, ИИЯЛ УФИЦ РАН). У большинства народов Сибири существовал архаический по своей природе запрет изготавливать тела и лица у кукол [Павлинская, 1988. С. 244]. Это было связано с представлением о том, что воспроизведение лица (глаз, носа и рта) сразу превращало предмет в одушевленный, и он переходил в разряд культовых и запретных для детей [Рейнсон-Правдин, 1949. С. 120]. Культовые фигурки животных или человека становились помощниками только в том случае, если за ними их хозяева ухаживали: «одевали», «кормили» и всячески ублажали, в противном случае они могли отомстить и стать источником многих бед [Грачева, 1981. С. 154; Алексеенко, 1981. С. 170]. Следует обратить внимание на то, что нганасанами особенно ценились случайно найденные предметы, которые воспринимались как «упавшие с неба» дары, обладающие духами-помощниками, наделенные особой «силой», и обращение с этими предметами было обставлено особыми ритуалами и запретами [Грачева, 1981. С. 162].

Все эти реликтовые представления о культовых изображениях, сохранившиеся в этнографии народов Сибири в полной мере применимы к галечным скульптурам: изображения глаз и рта означало «*оживление*» этих предметов. Между тем, рот у галечных скульптур, предположительно, был нужен для того, чтобы их «кормить». Следы охры на одном из изображений со стоянки Сергеевка-1, возможно, является следами подобного ритуального воздействия на культовый предмет. Также факт неоднократного переоформления фигурной гальки может быть проявлением стремления человека «наделить» предмет новой душой или новой «силой», а также «привязать» очередного хозяина к данному культовому предмету.

Исходя из всего сказанного, мы можем предполагать, что для верхнего палеолита использование и почитание фигурных камней и костей являлось важным и специфичным способом символизации в рамках изобразительной деятельности носителей уральской верхнепалеолитической традиции. Для предметов изобразительной и культовой практики на основе естественных форм камня и кости, датируемых голоценовым временем характерны те же приемы обработки. Сходство проявляется и в том, что среди изделий присутствуют как изображения фигур, так и изображения голов животных и человека [Сериков, 2007б]. Таким образом, мы можем говорить о единой традиции от начала верхнего палеолита и до эпохи средневековья [Сериков, 2004; Сериков, 2005а; Котов, 2012]. Причем для верхнего палеолита использование и почитание естественных форм камня и кости является важным и специфичным способом символизации в рамках изобразительной деятельности, прежде всего, на территории Урало-Поволжья [Котов, 2012].

Присутствие сходной изобразительной деятельности на территории Приазовья, Поволжья, Среднего и Южного Урала, Забайкалья, Красноярского края, Чукотки, Камчатки и Приморья [Сериков, 2007б; Кирьяк (Дикова), 2003], позволяют воспринимать её как проявление изобразительно-культовой практики «уральского» и шире – «восточного» или «сибирского» мира верхнего палеолита и последующих эпох [Котов, 2014б]. Продолжение этой традиции в Уральском регионе и на территории Дальнего Востока вплоть до средневековья свидетельствует, с одной стороны, об устойчивости во времени не только определенных тенденций изобразительной практики, а в целом, всего содержания традиционной культуры, которая стойко поддерживала эту практику, как сущностное проявление религиозно-культового отношения человека к миру. Таким образом, использование и

изготовление образов на основе природных форм камня, кости, дерева и прочих материалов является специфическим способом изобразительной деятельности уральского и сибирского населения в противоположность разнообразной художественной деятельности палеолитического населения Восточной, Центральной и Западной Европы, центральное место в котором занимало фигуративное искусство (реалистичная объемная скульптура, наскальные изображения). Широкое распространение скульптур на основе естественных форм камня и кости на Урале и в Сибири во все эпохи от верхнего палеолита до средневековья позволяет говорить об этом феномене как транскультурном и трансэпохальном явлении. Глубинной причиной широкого географического распространения этого вида изобразительной деятельности в границах Северной Евразии являются, с одной стороны, уходящая корнями в глубины палеолита культовое отношение древних людей к раскалыванию камня, каменным орудиям и к камню в целом [Кабо, 2007. С. 128]. С другой стороны, устойчивость данной изобразительной практики могла быть связана с табуированностью изобразительной деятельности уральских и сибирских народов, предполагающая запрет использовать в быту изображения животных и человека и жестко регламентирующая характер изображений [Рейнсон-Правдин, 1949; Грачева, 1981; Алексеенко, 1981]. Это могло быть связано с существовавшим в эпоху каменного века культом камня, а также костей/рогов крупных промысловых животных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова З.А. Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.; Л.: Наука, 1966. 223 с.

Алексеенко Е.А. Шаманская нарта (коссул) у кетов // Материальная культура и мифология. Сборник МАЭ. Т. 37 / Отв. ред. Б.Н. Путилов. Л.: Наука, 1981. С. 169-178.

Аполлодор. Мифологическая библиотека. Перевод, предисл. и коммент. А. Шапошникова. М.: Эксмо, 2006. 416 с.

Бадер О.Н. Жертвенное место под Писанным камнем на р. Вишере // Советская археология. Т. XX. 1954. С. 241-258.

БНТ. Т. 1: Башкирское народное творчество. Т. 1. Эпос / Сост. М.М. Сагитов. Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1987а. 544 с.

БНТ. Т.2: Башкирское народное творчество. Т. 2. Предания и легенды / Сост. Ф.А. Надршина. Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1987б. 576 с.

БНТ. Т.3: Башкирское народное творчество. Т. 3. Богатырские сказки / Сост. Н.Т. Зарипов. Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1988. 448 с.

БНТ. Т.4: Башкирское народное творчество. Т. 4. Волшебные сказки. Сказки о животных / Сост. Ф.А. Надршина. Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1989. 510 с.

Богданов С.В., Котов В.Г. Верхнепалеолитическая стоянка Лабазы I (Оренбургская обл.) // УАВ. Вып. 8. 2008. С. 27-38.

Бродянский Д.Л. Мир мифов в искусстве дальневосточного неолита // Искусство и религия древних обществ / Сост. В.С. Ветров. Луганск: Світлиця, 2007. С. 48-51.

Ветров В.С. Предметы искусства как фактор идентификации позднепалеолитических жилищ степной зоны Приазовья (опыт анализа) // Искусство и ритуал ледниковой эпохи / Сост. В.С. Ветров. Луганск: Вега, 2005. С. 48-63.

Ветров В.С. Искусство позднего палеолита степей Северного Причерноморья и Приазовья // Искусство и религия древних обществ / Сост. В.С. Ветров. Луганск: Світлиця, 2007. С. 12-18.

Волков Р.Б. Многоликий камень // Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. С. 210-223.

Гвоздовер М.Д. Обработка кости и костяные изделия Авдеевской стоянки // Палеолит и неолит СССР. Т. 2 (МИА СССР. № 39). М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. С. 192-224.

Георги Г.И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Часть третья о народах семоядских, манджурских и восточных сибирских как и о Шаманском законе. СПб.: Императорская академия наук, 1799. 162 с.

Гимранов Д.О., Котов В.Г., Курманов Р.Г., Румянцев М.М. Стоянка верхнего палеолита Сергеевка 1 на р. Нугуш (Южный Урал) // Вестник Пермского университета. Вып. 1 (18). 2012. С. 24-37.

Горелик А.Ф. Находки предметов изобразительной деятельности палеолитического человека у хутора Рогалик (Украина) // РА. 1997. № 2. С. 169-180.

Грачева Г.Н. Культовый комплект нганасан // Материальная культура и мифология. Сборник МАЭ. Т. 37 / Отв. ред. Б.Н. Путилов. Л.: Наука, 1981. С. 153-168.

Деревянко А.П., Рыбин Е.П. Древнейшее проявление символической деятельности палеолитического человека на Горном Алтае // Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. С. 232-255.

Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии: Азия на стыке с Америкой в древности. М.: Наука, 1979. 352 с.

Древности Башкирского Урала / Сост. и науч. ред. Н.С. Савельев. Уфа: Информреклама, 2018. 216 с.

Евсеев В.Я. Исторические основы карело-финского эпоса. Кн. 1. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. 336 с.

Елинек Я. Большой иллюстрированный атлас

первобытного человека. Прага: Артия, 1985. 560 с.

Ефименко П.П. Костенки I. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. 451 с.

Исхакова Г.Г. Стилистические особенности имен существительных и прилагательных в башкирских заговорах // Актуальные проблемы истории, языка и культуры Башкортостана. Сб. науч. трудов молодых ученых ИИЯЛ УНЦ РАН. Вып. 4 / Отв. ред. Г.Р. Хусаинова, Р.Н. Сулейманова. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. С. 70-76.

Кабо В.Р. Круг и крест: размышления этнолога о первобытной духовности. М.: Восточная литература, 2007. 328 с.

Казаков Е.П. Неолитические погребения в восточных районах Татарии // СА. 1978. № 2. С. 165-177.

Казаков Е.П. Памятники эпохи камня в Закамье. Казань: Фолиантъ, 2011. 180 с.

Кирьяк (Дикова) М.А. Древнее искусство Севера Дальнего Востока как исторический источник (каменный век). 2-е изд., испр. и доп. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2003. 278 с.

Константинов М.В. Забайкалье: земля, проникнутая небом // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I. СПб.; М.; Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011. С. 53-55.

Косинцев П.А., Котов В.Г., Пантелеев А.В., Яковлев А.Г. Использование известнякового сырья в верхнем палеолите Урала (по материалам стоянки в пещере Балатукай) // Вестник Пермского университета. Вып. 1 (40). 2018. С. 5-19.

Котов В.Г. Исследование палеолитического слоя в пещере Байсланташ (Акбутинская) // УАВ. Вып. 5. 2004. С. 36-55.

Котов В.Г. Палеолит // История башкирского народа. Т. 1. М.: Наука, 2009. С. 23-53.

Котов В.Г. «Булгарская торевтика» как источник по реконструкции мировоззрения волго-уральского населения в эпоху раннего средневековья // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии / Отв. ред. А.А. Тишкин (Труды САИПИ. Вып. VI). Барнаул: Азбука, 2010. С. 61-71.

Котов В.Г. Некоторые итоги изучения пещеры Шульган-Таш (Каповой) // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I. СПб.; М.; Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011. С. 159-161.

Котов В.Г. Скульптуры на основе естественных форм в палеолите Урала // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М.П. Грязнова. Часть 1. СПб: ИИМК РАН, Периферия, 2012. С. 179-185.

Котов В.Г. Исследования многослойной палеолитической стоянки в пещере Шульган-Таш (Каповой) // Проблемы археологии эпохи камня: к 70-летию Валентины Ивановны Беляевой (Труды исторического факультета С.-Петерб. гос. ун-та. Т. 18) / Отв. ред. Д.Г. Савинов, А.И. Мурашкин. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, 2014а. С. 120-141.

Котов В.Г. Проблемы верхнего палеолита Урала и концепция Г.П. Григорьева // Каменный век от Атлантики до Пацифики (Замятнинский сборник. Вып. 3) / Отв. ред. Г.А. Хлопачев, С.А. Васильев. СПб.: МАЭ РАН; ИИМК РАН, 2014б. С. 366-385.

Котов В.Г. Изобразительная практика на основе естественных форм в палеолите Урала // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 1 (40). С. 16-27.

Котов В.Г. Научный отчет о разведочном обследовании в Мелеузовском, Кугарчинском, Бурзянском и Салаватском районах Республики Башкортостан в 2017 г. по Открытому листу № 1379 от 31.07.2017 г. Уфа, 2019 // Архив ИА РАН.

Крупянко А.А., Табарев А.В. Ритуальные комплексы с бифасами и шестигранниками в финальном палеолите Приморья // Искусство и ритуал ледниковой эпохи / Сост. В.С. Ветров. Луганск: Вега, 2005. С. 91-99.

Ларичев В.Е. Мамонт в искусстве поселения Малая Сыя и опыт реконструкции представлений верхнепалеолитического человека Сибири о возникновении вселенной // Звери в камне (Первобытное искусство) / Отв. ред. Р.С. Васильевский. Новосибирск: Наука, 1979. С. 159-198.

Любин В.П. Изображения мамонтов в палеолитическом искусстве (по материалам Каповой пещеры) // СА. 1991. № 1. С. 20-42.

Макаров Э.Ю., Павлов П.Ю. Стоянка Ширококово II – новый памятник позднего палеолита в бассейне Верхней Камы // Каменный век Европейского севера / Отв. ред. А.В. Волокитин. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2007. С. 7-21.

Матюшин Г.Н. Мезолит Южного Урала. М.: Наука, 1976. 368 с.

Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. М.: Наука, 1982. 328 с.

Мельничук А.Ф., Павлов П.Ю. Стоянка Горная Талица на р. Чусовой и проблема раннего мезолита в Прикамье // Проблемы изучения древней истории Удмуртии / Отв. ред. Л.А. Наговицын. Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР, 1987. С. 5-18.

Мифы, предания, сказки хантов и манси. Пер. с хантыйского, мансийского, немецкого языков / Сост. Н.В. Лукина (Сказки и мифы народов Востока). М.: Наука, 1990. 568 с.

Мосин В.С. Каменный век // Древняя история Южного Зауралья. Том 1. Каменный век. Эпоха бронзы / Серия «Этногенез уральских народов». Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. С. 21-240.

Обермайер Г. Доисторический человек. Человек в его прошлом и настоящем. Т. 1. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1914. 687 с.

Ожередов Ю.Н. Камень в погребальном обряде селькупов // Интеграция археологических и этнографических исследований / Отв. ред.

М.А. Корусенко, С.С. Тихонов, Н.А. Томилов. Омск: Наука-Омск, 2003. С. 218-224.

Окладников А.П. Шишкинские писаницы. Памятник древней культуры Прибайкалья. Иркутск: Иркутское кн. изд-во, 1959. 211 с.

Павлинская Л.Р. Игрушка и мир ребенка в традиционных культурах Сибири // Традиционное воспитание детей у народов Сибири / Отв. ред. И.С. Кон, Ч.М. Таксами. Л.: Наука, 1988. С. 222-252.

Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. Новосибирск: Наука, 1992. 207 с.

Петрин В.Т., Смирнов Н.Г. Палеолитические памятники в гротах Среднего Урала // Археологические исследования на Урале и Западной Сибири (Вопросы археологии Урала. Вып. 14) / Отв. ред. В.Е. Стоянов. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1977. С. 56-71.

Петрухин В.Я. Мифы финно-угров. М.: Астрель, 2003. 464 с.

Пещерное святилище Шульган-Таш (Каповая): Колл. монография / Сост. и отв. ред. В.Г. Котов. Уфа: Китап, 2019. 360 с. (электронное издание: https://www.academy.edu/40924987/ обращение 20.05.2020 г.).

Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука, 1983. 200 с.

Рейнсон-Правдин А.Н. Игра и игрушка у народов Обского Севера // Этнографическое обозрение. 1949. № 3. С. 109-132.

Румянцев М.М. Первые исследования палеолитической стоянки открытого типа Шульганово-4 в горно-лесной зоне Южного Урала // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. 1. Казань: Отечество, 2014. С. 124-127.

Сагалаев А.М. Урало-Алтайская мифология. Символ и архетип. Новосибирск: Наука, 1991. 155 с.

Сериков Ю.Б. Использование естественных форм из кости и камня в первобытном искусстве // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. Материалы тематич. науч. конф. СПб., 2004. С. 58-61.

Сериков Ю.Б. Использование природных форм в культовой практике древнего населения Урала // Сериков Ю.Б. Проблемы археологии и древней истории Урала: Сб. научных работ. Нижний Тагил: НТГСПА, 2005а. С. 26-44.

Сериков Ю.Б. Гальки и их использование древним населением Урала // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2005б. № 6. С. 42-57.

Сериков Ю.Б. Гаринская палеолитическая стоянка и некоторые проблемы уральского палеолитоведения. Нижний Тагил: НТГСПА, 2007а. 138 с.

Сериков Ю.Б. Галечные скульптуры – изобразительные символы обрядовой деятельности древнего человека // Миф и символ в прошлом и настоящем / Отв. ред. О.В. Рыжкова. Нижний Тагил: НТГСПА, 2007б. С. 28-39, 155-163.

Сериков Ю.Б. Становление ритуально-культовой практики у палеолитического населения Урала // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической перспективе. Вып. 1 / Отв. ред. П.К. Дашковский. Барнаул: Азбука, 2007в. С. 7-24.

Сериков Ю.Б. Очерки по первобытному искусству Урала. Нижний Тагил: НТГСПА, 2014. 268 с.

Стоколос В.С. Старо-Нагаевский могильник // Эпоха меди юга Восточной Европы / Отв. ред. А.А. Старостин. Куйбышев: Куйбышевский пединститут, 1984. С. 22-43.

Столяр А.Д. Происхождение изобразительного искусства. М.: Искусство, 1985. 299 с.

Тэйлор Э. Первобытная культура / Отв. ред. В.К. Никольский. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939. 568 с.

Хисамитдинова Ф.Г. Мифологический словарь башкирского языка. М.: Наука, 2010. 452 с.

Хисамитдинова Ф.Г. Словарь башкирской мифологии. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. 164 с.

Широков В.Н., Косинцев П.А., Волков Р.Б. Палеолитическая стоянка Троицкая I на реке Уй // Новое в археологии Южного Урала / Отв. ред. С.А. Григорьев. Челябинск: Рифей, 1996. С. 3-17.

Щелинский В.Е. Ильская стоянка на Кубани. Уникальный памятник среднего палеолита на территории России // Археологические открытия, 1991-2004 гг. Европейская Россия / Гл. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2009. С. 23-34.

Goren-Inbar N., Peltz S. Additional remarks on the Berekhat Ram figure // Rock Art Research. 1995. № 12. P. 131-132.

Weinstein-Evron M., Belfer-Cohen A. Natufian figurines from the new excavations of the el-Wad cave, mt Carmel, Israel // Rock art Research. 1993. Vol. 10. № 2. P. 102-106.

REFERENCES

Abramova Z.A. Izobrazheniya cheloveka v paleoliticheskom iskusstve Evrazii [Images of man in the Paleolithic art of Eurasia]. M.; L.: Nauka, 1966. 223 s.

Alekseenko E.A. Shamanskaya narta (kossul) u ketov [Shamanic sled (kossul) among the Kets] // Material'naya kul'tura i mifologiya. Sbornik MAE. T. 37 / Otv. red. B.N. Putilov. L.: Nauka, 1981. S. 169-178.

Apollodor. Mifologicheskaya biblioteka [Apollodorus. Mythological library]. Perevod, predisl. i komment. A. Shaposhnikova. M.: Eksmo, 2006. 416 s.

Bader O.N. Zhertvennoe mesto pod Pisannym kamnem na r. Vishere [A sacrificial place under the Pisannyi kamen on the Vishera river] // Sovetskaya arheologiya. T. XX. 1954. S. 241-258.

BNT. T. 1: Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo [A collection of Bashkir folklore. Volume 1. Epic]. T. 1. Epos / Sost. M.M. Sagitov. Ufa: Bashkirskoe kn. izd-vo, 1987a. 544 s.

BNT. T.2: Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo [A collection of Bashkir folklore. Volume 2. Tales and legends]. T. 2. Predaniya i legendy / Sost. F.A. Nadrshina. Ufa: Bashkirskoe kn. izd-vo, 1987b. 576 s.

BNT. T.3: Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo. [A collection of Bashkir folklore. Volume 3. Heroic fairy tales]. T. 3. Bogatyrskie skazki / Sost. N.T. Zaripov. Ufa: Bashkirskoe kn. izd-vo, 1988. 448 s.

BNT. T.4: Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo [A collection of Bashkir folklore. Volume 4. Animal fairy tales]. T. 4. Volshebnye skazki. Skazki o zhivotnyh / Sost. F.A. Nadrshina. Ufa: Bashkirskoe kn. izd-vo, 1989. 510 s.

Bogdanov S.V., Kotov V.G. Verhnepaleoliticheskaya stoyanka Labazy I (Orenburgskaya obl.) [Upper Paleolithic site Labazy I (The Orenburg Region)] // UAV. Vyp. 8. 2008. S. 27-38.

Brodyanskij D.L. Mir mifov v iskusstve dal'nevostochnogo neolita [The world of myths in the art of the Far Eastern Neolithic] // Iskusstvo i religiya drevnih obshchestv / Sost. V.S. Vetrov. Lugansk: Svitlicya, 2007. S. 48-51.

Vetrov V.S. Predmety iskusstva kak faktor identifikacii pozdnepaleoliticheskih zhilishch stepnoj zony Priazov'ya (opyt analiza) [Art objects as a factor of identification of the Late Paleolithic dwellings of the steppe zone of the Azov region (analysis experience)] // Iskusstvo i ritual lednikovoj epohi / Sost. V.S. Vetrov. Lugansk: Vega, 2005. S. 48-63.

Vetrov V.S. Iskusstvo pozdnego paleolita stepej Severnogo Prichernomor'ya i Priazov'ya [The Art of the Late Paleolithic Steppes of the Northern Black Sea and the Region of the Azov Sea] // Iskusstvo i religiya drevnih obshchestv / Sost. V.S. Vetrov. Lugansk: Svitlicya, 2007. S. 12-18.

Volkov R.B. Mnogolikij kamen' [Many-faceted stone] // Kul'tovye pamyatniki gorno-lesnogo Urala. Ekaterinburg: UrO RAN, 2004. S. 210-223.

Georgi G.I. Opisanie vsekh obitayushchih v Rossijskom gosudarstve narodov. Ih zhitejskih obryadov, obyknovenij, odezhd, zhilishch, uprazhnenij, zabav, veroispovedanij i drugih dostopamyatnostej. Chast' tret'ya o narodah semoyadskih, mandzhurskih i vostochnyh sibirskih kak i o Shamanskom zakone [Description of all peoples living in the Russian state. Their everyday rites, customs, clothes, dwellings, exercises, fun, faiths and other things of interest. Part Three: on the peoples of the Samyeda, Manjurian and the Eastern Siberian ones as well as on the Shaman Law]. SPb.: Imperatorskaya akademiya nauk, 1799. 162 s.

Gvozdover M.D. Obrabotka kosti i kostyanye izdeliya Avdeevskoj stoyanki [Treatment of bone and bone artifacts of the Avdiivka site] // Paleolit i neolit SSSR. T. 2 (MIA SSSR. № 39). M.; L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1953. S. 192-224.

Gimranov D.O., Kotov V.G., Kurmanov R.G., Rumyancev M.M. Stoyanka verhnego paleolita Sergeevka 1 na r. Nugush (Yuzhnyj Ural) [The Upper Paleolithic site Sergeevka 1 on the Nugush river (South Urals)] // Vestnik Permskogo universiteta. Vyp. 1 (18). 2012. S. 24-37.

Gorelik A.F. Nahodki predmetov izobrazitel'noj deyatel'nosti paleoliticheskogo cheloveka u hutora Rogalik (Ukraina) [Findings of objects of pictorial activity of the Paleolithic man at the Rogalik farm stead (Ukraine)] // RA. 1997. № 2. S. 169-180.

Gracheva G.N. Kul'tovyj komplekt nganasan [Cult Nganasan Set] // Material'naya kul'tura i mifologiya. Sbornik MAE. T. 37 / Otv. red. B.N. Putilov. L.: Nauka, 1981. S. 153-168.

Derevyanko A.P., Rybin E.P. Drevnejshee proyavlenie simvolicheskoj deyatel'nosti paleoliticheskogo cheloveka na Gornom Altae [The oldest manifestation of the symbolic activity of the Paleolithic man in the Altai Mountains] // Perekhod ot srednego k pozdnemu paleolitu v Evrazii: gipotezy i fakty. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2005. S. 232-255.

Dikov N.N. Drevnie kul'tury Severo-Vostochnoj Azii: Aziya na styke s Amerikoj v drevnosti [Ancient cultures of Northeast Asia: Asia at the junction with America in antiquity]. M.: Nauka, 1979. 352 s.

Drevnosti Bashkirskogo Urala [Antiquities of the Bashkir Urals: a collective monograph] / Sost. i nauch. red. N.S. Savelev. Ufa: Informreklama, 2018. 216 s.

Evseev V.Ya. Istoricheskie osnovy karelo-finskogo eposa [The historical foundations of the Karelian-Finnish epic]. Kn. 1. M.; L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1957. 336 s.

Elinek Ya. Bol'shoj illyustrirovannyj atlas pervobytnogo cheloveka [Large illustrated atlas of the primitive man]. Praga: Artiya, 1985. 560 s.

Efimenko P.P. Kostenki I [Kostenki I]. M.; L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1958. 451 s.

Iskhakova G.G. Stilisticheskie osobennosti imen sushchestvitel'nyh i prilagatel'nyh v bashkirskih zagovorah [Stylistic features of nouns and adjectives in Bashkir magic spells] // Aktual'nye problemy istorii, yazyka i kul'tury Bashkortostana. Sb. nauch. trudov molodyh uchenyh IIYaL UNC RAN. Vyp. 4 / Otv. red. G.R. Husainova, R.N. Sulejmanova. Ufa: IIYaL UNC RAN, 2012. S. 70-76.

Kabo V.R. Krug i krest: razmyshleniya etnologa o pervobytnoj duhovnosti [The circle and the cross: ethnologist's thoughts on primitive spirituality]. M.: Vostochnaya literatura, 2007. 328 s.

Kazakov E.P. Neoliticheskie pogrebeniya v vostochnyh rajonah Tatarii Neolithic burials in the eastern regions of Tatarstan] // SA. 1978. № 2. S. 165-177.

Kazakov E.P. Pamyatniki epohi kamnya v Zakam'e [Sites of the Stone Age in the trans Kama region]. Kazan': Foliant", 2011. 180 s.

Kir'yak (Dikova) M.A. Drevnee iskusstvo Severa Dal'nego Vostoka kak istoricheskij istochnik (kamennyj vek) Ancient art of the North of the Far East as a historical source (the Stone Age)]. 2-e izd., ispr. i dop. Magadan: SVKNII DVO RAN, 2003. 278 s.

Konstantinov M.V. Zabajkal'e: zemlya, proniknutaya nebom Trans Baikal region: Earth Penetrated by Sky] // Trudy III (XIX) Vserossijskogo arheo-

logicheskogo s”ezda. T. I. SPb.; M.; Velikij Novgorod: IIMK RAN, 2011. S. 53-55.

Kosincev P.A., Kotov V.G., Panteleev A.V., Yakovlev A.G. Ispol’zovanie izvestnyakovogo syr’ya v verhnem paleolite Urala (po materialam stoyanki v peshchere Balatukaj) [The use of limestone raw materials in the Upper Paleolithic of the Urals (based on materials from the site in the Balatukay cave)] // Vestnik Permskogo universiteta. Vyp. 1 (40). 2018. S. 5-19.

Kotov V.G. Issledovanie paleoliticheskogo sloya v peshchere Bajslantash (Akbutinskaya) [The study of the Paleolithic layer in the cave Bayslantash (Akbutinskaya)] // UAV. Vyp. 5. 2004. S. 36-55.

Kotov V.G. Paleolit [The Paleolithic] // Istoriya bashkirskogo naroda. T. 1. M.: Nauka, 2009. S. 23-53.

Kotov V.G. «Bulgarskaya torevtika» kak istochnik po rekonstrukcii mirovozzreniya volgo-ural’skogo naseleniya v epohu rannego srednevekov’ya [“Bulgarian toreutics” as a source for reconstructing the worldview of the Volga-Ural population in the early Middle Ages] // Torevtika v drevnih i srednevekovyh kul’turah Evrazii / Otv. red. A.A. Tishkin (Trudy SAIPI. Vyp. VI). Barnaul: Azbuka, 2010. S. 61-71.

Kotov V.G. Nekotorye itogi izucheniya peshchery Shul’gan-Tash (Kapovoj) [Some results of the study of the Shulgan-Tash (Kapova) cave] // Trudy III (XIX) Vserossijskogo arheologicheskogo s”ezda. T. I. SPb.; M.; Velikij Novgorod: IIMK RAN, 2011. S. 159-161.

Kotov V.G. Skul’ptury na osnove estestvennyh form v paleolite Urala [Sculptures based on natural forms in the Ural Paleolithic] // Kul’tury stepnoj Evrazii i ih vzaimodejstvie s drevnimi civilizaciyami. Materialy mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 110-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya rossijskogo arheologa M.P. Gryaznova. Chast’ 1. SPb: IIMK RAN, Periferiya, 2012. S. 179-185.

Kotov V.G. Issledovaniya mnogoslojnoj paleoliticheskoj stoyanki v peshchere SHul’gan-Tash (Kapovoj) [Investigations of the multilayer paleolithic site in the Shulgan-Tash cave (Kapova)] // Problemy arheologii epohi kamnya: k 70-letiyu Valentiny Ivanovny Belyaevoj (Trudy istoricheskogo fakul’teta S.-Peterb. gos. un-ta. T. 18) / Otv. red. D.G. Savinov, A.I. Murashkin. SPb.: S.-Peterb. gos. un-t, 2014a. S. 120-141.

Kotov V.G. Problemy verhnego paleolita Urala i koncepciya G.P. Grigor’eva [Paleolithic Problems of the Urals and the Concept of G.P. Grigoriev] // Kamennyj vek ot Atlantiki do Pacifiki (Zamyatninskij sbornik. Vyp. 3) / Otv. red. G.A. Hlopachev, S.A. Vasil’ev. SPb.: MAE RAN; IIMK RAN, 2014b. S. 366-385.

Kotov V.G. Izobrazitel’naya praktika na osnove estestvennyh form v paleolite Urala Izobrazitel`naya praktika na osnove estestvenny`h form v paleolite Urala // Vestnik arheologii, antropologii i etnografii. 2018. № 1 (40). S. 16-27.

Kotov V.G. Nauchnyj otchet o razvedochnom obsledovanii v Meleuzovskom, Kugarchinskom, Burzyanskom i Salavatskom rajonah Respubliki Bashkortostan v 2017 g. po Otkrytomu listu № 1379 ot 31.07.2017 g. Ufa, 2019 [Scientific report on an exploratory survey in the Meleuzovsky, Kugarchinsky, Burzyansky and Salavtsky districts of the Republic of Bashkortostan in 2017. Ufa] // Arhiv IA RAN.

Krupyanko A.A., Tabarev A.V. Ritual’nye kompleksy s bifasami i shestigrannikami v final’nom paleolite Primor’ya [Ritual complexes with bifaces and hexagons in the final Paleolithic of the Primorye] // Iskusstvo i ritual lednikovoj epohi / Sost. V.S. Vetrov. Lugansk: Vega, 2005. S. 91-99.

Larichev V.E. Mamont v iskusstve poseleniya Malaya Syya i opyt rekonstrukcii predstavlenij verhnepaleoliticheskogo cheloveka Sibiri o vozniknovenii vselennoj [The mammoth in the art of the settlement of Malaya Syya and the experience of reconstructing the concepts of the Upper Paleolithic man of Siberia about the emergence of the universe] // Zveri v kamne (Pervobytnoe iskusstvo) / Otv. red. R.S. Vasil’evskij. Novosibirsk: Nauka, 1979. S. 159-198.

Lyubin V.P. Izobrazheniya mamontov v paleoliticheskom iskusstve (po materialam Kapovoj peshchery) [Images of mammoths in the Paleolithic art (based on materials from the Kapova cave)] // SA. 1991. № 1. S. 20-42.

Makarov E.Yu., Pavlov P.Yu. Stoyanka Shirovanovo II – novyj pamyatnik pozdnego paleolita v bassejne Verhnej Kamy [The Shirovanovo II site is a new Late Paleolithic monument in the Upper Kama basin] // Kamennyj vek Evropejskogo severa / Otv. red. A.V. Volokitin. Syktyvkar: IYaLI Komi NC UrO RAN, 2007. S. 7-21.

Matyushin G.N. Mezolit Yuzhnogo Urala [The Mesolithic of the Southern Urals]. M.: Nauka, 1976. 368 s.

Matyushin G.N. Eneolit Yuzhnogo Urala [The Eneolithic of the Southern Urals]. M.: Nauka, 1982. 328 s.

Mel’nichuk A.F., Pavlov P.Yu. Stoyanka Gornaya Talica na r. Chusovoj i problema rannego mezolita v Prikam’e [The Talitsa Mountain site on the Chusovaya river and the problem of the early Mesolithic in the Kama region] // Problemy izucheniya drevnej istorii Udmurtii / Otv. red. L.A. Nagovicyn. Izhevsk: Nauchno-issledovatel’skij institut pri Sovete Ministrov Udmurtskoj ASSR, 1987. S. 5-18.

Mify, predaniya, skazki hantov i mansi. Per. s hantyjskogo, mansijskogo, nemeckogo yazykov [Myths, traditions, tales of the Khanty and Mansi] / Sost. N.V. Lukina (Skazki i mify narodov Vostoka). M.: Nauka, 1990. 568 s.

Mosin V.S. Kamennyj vek [The Stone Age] // Drevnyaya istoriya Yuzhnogo Zaural’ya. Tom 1. Kamennyj vek. Epoha bronzy / Seriya «Etnogenez ural’skih narodov». Chelyabinsk: Izd-vo YuUrGU, 2000. S. 21-240.

Obermajer G. Doistoricheskij chelovek. Chelovek v ego proshlom i nastoyashchem [The Prehistoric Man. Man in his past and present]. T. 1. SPb.: Brokgauz-Efron, 1914. 687 s.

Ozheredov Yu.N. Kamen’ v pogrebal’nom obryade sel’kupov [The stone in the Selkup funeral rite] // Integraciya arheologicheskih i etnograficheskih issle-

dovanij / Otv. red. M.A. Korusenko, S.S. Tihonov, N.A. Tomilov. Omsk: Nauka-Omsk, 2003. S. 218-224.

Okladnikov A.P. Shishkinskie pisanicy. Pamyatnik drevnej kul'tury Pribajkal'ya [The Shishkin pisanitsas. Monument of the ancient culture of Baikal]. Irkutsk: Irkutskoe kn. izd-vo, 1959. 211 s.

Pavlinskaya L.R. Igrushka i mir rebenka v tradicionnyh kul'turah Sibiri [The toy and the world of the child in traditional cultures of Siberia] // Tradicionnoe vospitanie detej u narodov Sibiri / Otv. red. I.S. Kon, Ch.M. Taksami. L.: Nauka, 1988. S. 222-252.

Petrin V.T. Paleoliticheskoe svyatilishche v Ignatievskoj peshchere na Yuzhnom Urale [Paleolithic sanctuary in the Ignatiev cave in the South Urals]. Novosibirsk: Nauka, 1992. 207 s.

Petrin V.T., Smirnov N.G. Paleoliticheskie pamyatniki v grotah Srednego Urala [Paleolithic monuments in the grottoes of the Middle Urals] // Arheologicheskie issledovaniya na Urale i Zapadnoj Sibiri (Voprosy arheologii Urala. Vyp. 14) / Otv. red. V.E. Stoyanov. Sverdlovsk: Izd-vo UrGU, 1977. S. 56-71.

Petruhin V.Ya. Mify finno-ugrov [Myths of the Finno-Ugric peoples]. M.: Astrel', 2003. 464 s.

Peshchernoe svyatilishche Shul'gan-Tash (Kapovaya) [The Shulgan-Tash Cave Sanctuary (Kapova)] / Sost. i otv. red. V.G. Kotov. Ufa: Kitap, 2019. 360 s. (elektronnoe izdanie: https://www.academy.edu/40924987/ obrashchenie 20.05.2020 g.).

Pshenichnyuk A.H. Kul'tura rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala [The culture of the early nomads of the Southern Urals]. M.: Nauka, 1983. 200 s.

Rejnson-Pravdin A.N. Igra i igrushka u narodov Obskogo Severa [Games and toys among the peoples of the Ob North] // Etnograficheskoe obozrenie. 1949. № 3. S. 109-132.

Rumyancev M.M. Pervye issledovaniya paleoliticheskoj stoyanki otkrytogo tipa SHul'ganovo-4 v gorno-lesnoj zone Yuzhnogo Urala The first studies of the open-type paleolithic site Shulganovo-4 in the mountain-forest zone of the Southern Urals] // Trudy IV (XX) Vserossijskogo arheologicheskogo s"ezda v Kazani. T. 1. Kazan': Otechestvo, 2014. S. 124-127.

Sagalaev A.M. Uralo-Altajskaya mifologiya. Simvol i arhetip [The Ural-Altai mythology. Symbol and Archetype]. Novosibirsk: Nauka, 1991. 155 s.

Serikov Yu.B. Ispol'zovanie estestvennyh form iz kosti i kamnya v pervobytnom iskusstve [The use of natural forms of bone and stone in the primitive art] // Izobrazitel'nye pamyatniki: stil', epoha, kompozicii. Materialy tematich. nauch. konf. SPb., 2004. S. 58-61.

Serikov Yu.B. Ispol'zovanie prirodnyh form v kul'tovoj praktike drevnego naseleniya Urala [The use of natural forms in the cult practice of the ancient population of the Urals] // Serikov Yu.B. Problemy arheologii i drevnej istorii Urala: Sb. nauchnyh rabot. Nizhnij Tagil: NTGSPA, 2005a. S. 26-44.

Serikov Yu.B. Gal'ki i ih ispol'zovanie drevnim naseleniem Urala [Pebbles and their use by the ancient population of the Urals] // Vestnik arheologii, antropologii i etnografii. 2005b. № 6. S. 42-57.

Serikov Yu.B. Garinskaya paleoliticheskaya stoyanka i nekotorye problemy ural'skogo paleolitovedeniya [The Garyn paleolithic site and some problems of the Ural paleolithic studies]. Nizhnij Tagil: NTGSPA, 2007a. 138 s.

Serikov Yu.B. Galechnye skul'ptury – izobrazitel'nye simvoly obryadovoj deyatel'nosti drevnego cheloveka [Pebble sculptures us graphic symbols of the ritual activity of the ancient human] // Mif i simvol v proshlom i nastoyashchem / Otv. red. O.V. Ryzhkova. Nizhnij Tagil: NTGSPA, 2007b. S. 28-39, 155-163.

Serikov Yu.B. Stanovlenie ritual'no-kul'tovoj praktiki u paleoliticheskogo naseleniya Urala lithic population of the Urals] // Mirovozzrenie naseleniya Yuzhnoj Sibiri i Central'noj Azii v istoricheskoj perspektive. Vyp. 1 / Otv. red. P.K. Dashkovskij. Barnaul: Azbuka, 2007v. S. 7-24.

Serikov Yu.B. Ocherki po pervobytnomu iskusstvu Urala [Essays on the primitive art of the Urals]. Nizhnij Tagil: NTGSPA, 2014. 268 s.

Stokolos V.S. Staro-Nagaevskij mogil'nik [The Staro-Nagaevsky burial ground] // Epoha medi yuga Vostochnoj Evropy / Otv. red. A.A. Starostin. Kujbyshev: Kujbyshevskij pedinstitut, 1984. S. 22-43.

Stolyar A.D. Proiskhozhdenie izobrazitel'nogo iskusstva [The origin of the visual art]. M.: Iskusstvo, 1985. 299 s.

Tejlor E. Pervobytnaya kul'tura [The primitive culture] / Otv. red. V.K. Nikol'skij. M.: Gosudarstvennoe social'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1939. 568 s.

Hisamitdinova F.G. Mifologicheskij slovar' bashkirskogo yazyka [The mythological dictionary of the Bashkir language]. M.: Nauka, 2010. 452 s.

Hisamitdinova F.G. Slovar' bashkirskoj mifologii [A dictionary of Bashkir mythology]. Ufa: IIYaL UNC RAN, 2011. 164 s.

Shirokov V.N., Kosincev P.A., Volkov R.B. Paleoliticheskaya stoyanka Troickaya I na reke Uj [Paleolithic site Troitskaya I on the river Uy] // Novoe v arheologii Yuzhnogo Urala / Otv. red. S.A. Grigor'ev. Chelyabinsk: Rifej, 1996. S. 3-17.

Shelinskij V.E. Il'skaya stoyanka na Kubani. Unikal'nyj pamyatnik srednego paleolita na territorii Rossii [The Ilskaya site on the Kuban. A unique monument of the Middle Paleolithic in Russia] // Arheologicheskie otkrytiya, 1991-2004 gg. Evropejskaya Rossiya / Gl. red. N.A. Makarov. M.: IA RAN, 2009. S. 23-34.

Goren-Inbar N., Peltz S. Additional remarks on the Berekhat Ram figure // Rock Art Research. 1995. № 12. P. 131-132.

Weinstein-Evron M., Belfer-Cohen A. Natufian figurines from the new excavations of the el-Wad cave, mt Carmel, Israel // Rock art Research. 1993. Vol. 10. № 2. P. 102-106.

ENEOLITHIC SACRED PLACE ON A ROCK ON THE BANK OF THE GORBUNOVSKIY PEATLAND

Yu. Serikov

Abstract. In the article new materials from the rock sacred place Kupol are published. The sacred place is situated on the rocky domed cliff ledge at the Gorbunovskiy peatland bank. At that place specific set of thematic cultic complexes was identified. In those complexes a prominent place is taken by products with a pointed end (arrowheads, points, knives) and products which are connected with producing fire (bitted flint, scrapers, pieces of crushed quartz, splitted shingle). Besides at the Kupol site we found artefacts of non-utilitarian purpose typical for sacred places: figured flint, stone and bone pendants. The faunal complex is represented by small fragments of calcified animal bones, among which the bones of skulls and limbs predominate, that is, the most characteristic parts of the body for sacrifices. Unlike other rock sacred places, which contain materials from different eras from the Mesolithic to the Middle ages, Kupol contains only Mesolithic finds (as an impurity) and Eneolithic finds. The presence of two Eneolithic sacred places on the valley side of the Gorbunovsky paleolake (Kupol) and in the swampy part of it (VI-th section) indicates a pronounced individuality of the cult practice of the ancient population, even on the scale of a single social group.

Key words: Gorbunovskiy peatland, Eneolithic, rock sacred place, thematic cult complexes, artefacts of non-utilitarian purpose

Citation. Serikov Yu. 2020. Eneolithic sacred place on a rock on the bank of the Gorbunovskiy peatland. The Ufa Archaeological Herald, is. 20, pp. 35-43. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2020.20.002

УДК 902.01
ББК 63.4

Дата поступления статьи: 20.10.2020
Дата принятия статьи: 10.11.2020

ЭНЕОЛИТИЧЕСКОЕ СКАЛЬНОЕ СВЯТИЛИЩЕ НА БЕРЕГУ ГОРБУНОВСКОГО ТОРФЯНИКА

Юрий Борисович Сериков

д-р. ист. наук / профессор / ведущий научный сотрудник
Филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета
г. Нижний Тагил, Российская Федерация / E-mail: u.b.serikov@mail.ru

Аннотация. Публикуются новые материалы со скального святилища Купол, расположенного на каменистом куполообразном выступе берега Горбуновского торфяника. На памятнике выявлен специфический набор тематических комплексов находок. В этих комплексах заметное место принадлежит изделиям с заостренным концом (наконечники стрел, острия, ножи) и изделиям, связанным с добыванием огня (кресальный кремень, скребки, куски колотого кварца, колотая галька). Также на памятнике обнаружены типичные для святилищ предметы неутилитарного назначения: фигурный кремень, каменная и костяная подвески. Фаунистический комплекс представлен мелкими фрагментами кальцинированных костей животных, среди которых преобладают кости черепов и конечностей, т.е. наиболее характерных для жертвоприношений частей тела. В отличие от других скальных святилищ, которые содержат материалы разных эпох от мезолита до средневековья, на Куполе присутствуют находки только мезолита (в виде примеси) и энеолита. Наличие двух энеолитических святилищ на коренном берегу Горбуновского палеоозера (Купол) и в заболоченной его части (VI-й разрез) свидетельствует о ярко выраженной индивидуальности культовой практики древнего населения даже в масштабах одной социальной группы.

Ключевые слова: Горбуновский торфяник, энеолит, скальное святилище, тематические культовые комплексы, предметы неутилитарного назначения

Цитирование. Сериков Ю.Б., 2020. Энеолитическое скальное святилище на берегу Горбуновского торфяника // Уфимский археологический вестник. Вып. 20. С. 35-43. DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2020.20.002

Летом 1944 г. во время осмотра Горбуновской береговой стоянки (Первой), открытой и исследованной Д.Н. Эдингом, О.Н. Бадер обнаружил Вторую Береговую стоянку. На схематическом плане кроме указания места находок им обозначен «Круглый курганообразный бугор» [Бадер, 1953. С. 342-344. Рис. 10]. Разведки автора на Горбуновском торфянике, проведенные в 1976-1979 гг., обнаружили семь новых береговых стоянок и пять стоянок на торфе. «Круглый бугор» также был обследован тремя шурфами, которые показали наличие на нем культурного слоя. Памятник был определен как стоянка и получил название «Купол» [Сериков, 1984. С. 104. Рис. 5; *7*, *18-22*]. Однако впоследствии характер памятника был пересмотрен. Многолетние исследования берегов Шайтанского озера в окрестностях г. Невьянска выявили новый тип культовых памятников, расположенных на невысоких скальных образованиях, которые на Урале называют «шиханами» [Сериков, 2007]. Это привело к переосмыслению характера целого ряда старых и новых археологических памятников. С учетом новых данных Купол был отнесен к скальным святилищам [Сериков, 2015. С. 142. Рис. 1, *1-7*].

Памятник находится на северо-восточном берегу Горбуновского торфяника, между Первой и Второй Береговыми стоянками. Расположен он в глубине берега, в 50 м от береговой кромки. Высота Купола достигает 7 м, но с учетом высоты береговой террасы над зеркалом воды он возвышался на 12-13 м. На вершине и склонах Купола местами выступают крупные камни.

В 2017 г. на берегах Горбуновского торфяника сильным ураганом были повалены десятки деревьев. В корнях четырех упавших на святилище деревьев (трех – на площадке и одного – на склоне) были обнаружены древние изделия. Полученные материалы значительно дополняют характеристику берегового святилища Горбуновского торфяника.

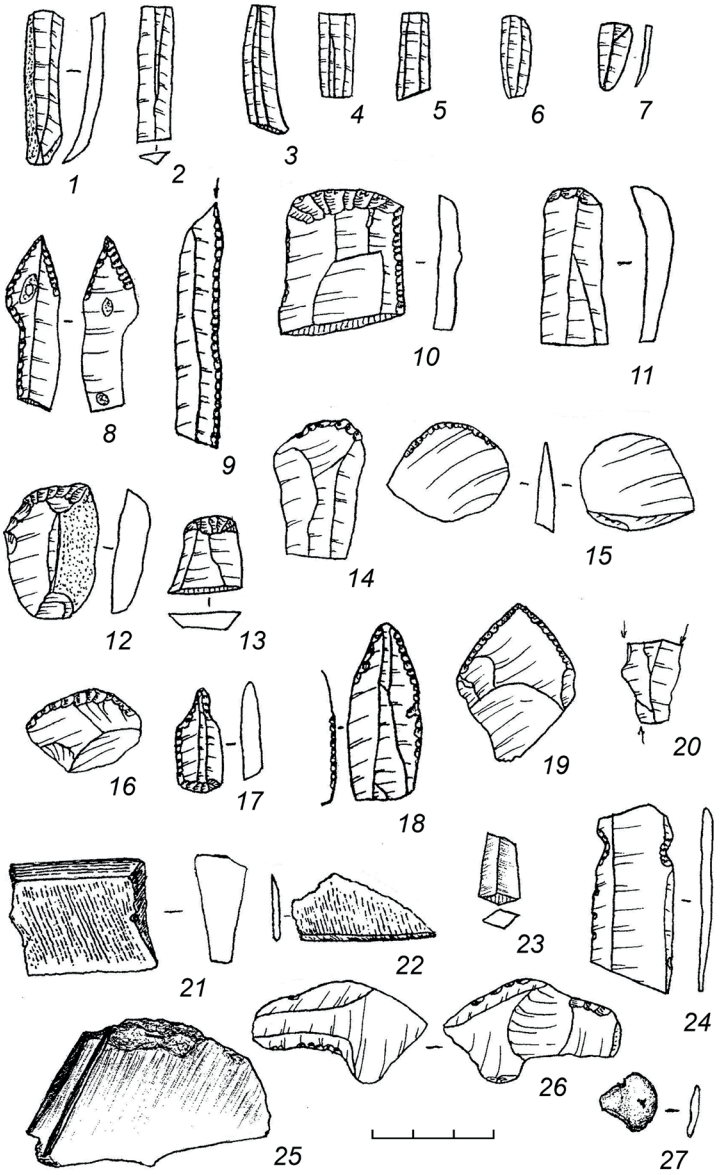


Рис. 1. Святилище Купол. Каменные (*1-26*) и костяное (*27*) изделия (*1-7* – микропластинки; *8-9* – наконечники стрел; *10-16* – скребки; *17* – комбинированное орудие; *18-19* – острия; *20* – резец; *21* – абразив; *22* – обломок шлифованного ножа; *23* – обломок шлифованного наконечника стрелы; *24, 27* – подвески; *25* – обломок шлифованного изделия с пропилами; *26* – фигурный кремень)

Fig. 1. Sanctuary Cupol. Stone (*1-26*) and bone (*27*) items (*1-7* – microplates; *8-9* – arrowheads; *10-16* – scrapers; *17* – combined tool; *18-19* – points; *20* – incisor; *21* – abrasive ; *22* – a fragment of a ground knife; *23* – a fragment of a ground arrowhead; *24, 27* – pendants; *25* – a fragment of a ground product with cuts; *26* – figured flint)

С учетом материалов 1976 г. суммарная коллекция находок на Куполе составляет 1034 экз. На святилище выявлены материалы двух эпох – мезолита и энеолита, причем мезолитический комплекс можно считать примесью. Он представлен всего 16 изделиями.

Единственный в коллекции нуклеус изготовлен из плитки некачественного кремнистого сланца высотой 3 см. С трех сторон плитки произведено по одному пробному сколу, после чего, видимо, нуклеус был признан непригодным для дальнейшей обработки. Расколотый вдоль нуклеус высотой 3,4 см также изготовлен из плитки кремнистого сланца. На нем сохранились негативы от сколотых пластинок шириной 0,5 и 0,8 см. Имеется в коллекции сколотая с нуклеуса ударная площадка размером 1,1×1,2 см. Она также изготовлена из кремнистого сланца.

Из 14 микропластинок только одна пластинка обработана ретушью, остальные без ретуши (рис. 1, *1-7*). Длина целых пластинок 2,1 – 2,5 – 3,1 см, ширина, соответственно, 0,7 – 0,8 – 0,8 см. Они заметно изогнуты в профиле, имеют утолщенный дистальный конец. На всех пластинках сохранилась первичная корка. Остальные пластинки являются сечениями длиной от 1,6 до 2,5 см и шириной от 0,5 до 0,8 см. Единственная пластинка с вторичной обработкой представлена обломком длиной 0,4 см и шириной 0,8 см. Один ее край обработан крутой ретушью со стороны спинки. Для изготовления

пластинок использовались кремень, кремнистый сланец, халцедон (по 2 экз.), светло-серая кремнистая порода (5 экз.), светло-серая яшма, сердолик и голокаменский алевротуф (по 1 экз.).

Остальной комплекс находок относится к энеолиту.

Коллекция керамики состоит из 60 фрагментов венчиков и 614 фрагментов стенок сосудов. Только 42 фрагмента (3 венчика и 39 стенок) не имеют орнамента. Керамика заметно измельченная, 66,5% всех фрагментов имеют размеры меньше 3 см. Фрагментов сосудов длиной свыше 4 см в коллекции всего 14,7%. Тем не менее, удалось собрать часть сосуда аятского типа из 35 фрагментов размером 38×23 см (рис. 2, *1*). Диаметр сосуда 34 см. Во всех фрагментах сосудов присутствует заметная примесь мелкого песка и талька. Имеется фрагмент сосуда с гребенчатым орнаментом, в тесте которого присутствует большое количество толченой раковины. По фрагментам венчиков удалось выделить 27 сосудов, по фрагментам стенок – еще не менее пятидесяти. Основная часть керамики относится к аятской культуре. Керамика липчинского типа в коллекции отсутствует полностью, а фрагменты сосудов с орнаментом шувакишского (рис. 2, *5*; 3, *9, 10*) и карасье-озерского типов (рис. 3, *7*) представлены единичными находками. Интересно отметить, что один из фрагментов имеет такую же сохранность, как и керамика из торфа. На святилище он мог попасть с VI-го разреза Горбуновского торфяника.

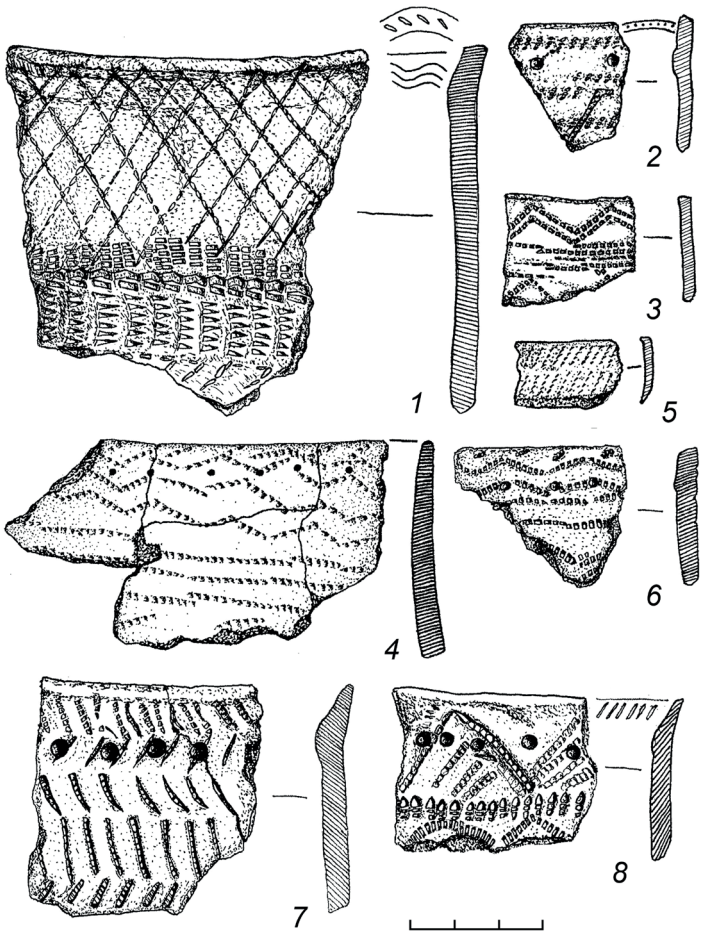


Рис. 2. Святилище Купол. Керамика эпохи энеолита
Fig. 2. Sanctuary Cupol. Eneolithic pottery (*1–8*)

Энеолитические сосуды аятского типа обычно имеют прямой или скошенный вовнутрь край венчика, украшенный по срезу диагонально поставленными отпечатками гребенчатого штампа (рис. 2, *1-8*). Сосуды орнаментированы гребенчатым штампом. Орнамент бывает как сплошным, так и разреженным. Для него характерно деление на горизонтальные пояса, заполненные различными сочетаниями гребенчатого штампа. Обычно пояса состоят из горизонтальных и зигзагообразных линий, выполненных гребенкой (рис. 2, *3, 4, 6*; 4, *2*). Часто горизонтальные пояса заполнены вертикально или наклонно поставленными отпечатками короткого гребенчатого штампа (рис. 2, *2, 5, 7*; 3, *2, 5*; 4, *5*). Иногда пояса из наклонно поставленных отпечатков гребенки сочетаются с зигзагами (рис. 2, *8*; 3, *1, 8, 11*). Также для аятской керамики характерны геометрические узоры в виде ромбов, треугольников и других фигур (рис. 2, *1*; 3, *4, 9, 10*; 4, *3, 4, 6, 7*). Редко встречается сочетание гребенчатого орнамента с наколами (6 фр.). Необходимо отметить присутствие в коллекции фрагментов от шести миниатюрных сосудов диаметром до 8 см (рис. 2, *2, 3, 5*).

На трех фрагментах керамики выявлены следы вторичного использования. В двух случаях это следы порезов металлическим ножом на внутренней стороне фрагментов. На внутренней стороне третьего фрагмента присутствует два параллельных пропила длиной 1,1 и 1,3 см и глубиной до 0,1 см.

Из орнаментированных фрагментов керамики путем оббивки изготовлено четыре нашивки. Две нашивки имеют прямоугольную форму и размеры – 2×2,5 см (рис. 4, *10*) и 1,8×2,7 см. Диаметр овальных нашивок по длинной оси 1,9 и 3,1 см, по короткой соответственно 1,4 и 2,8 см (рис. 4, *11, 12*).

Комплекс каменных изделий, несмотря на преобладание в нем отщепов, имеет ярко выраженный пластинчатый характер. От нуклеуса сохранилась выклинившаяся при сколе часть размером 2,5×2,3×0,7 см. Сколотая ударная площадка нуклеуса имеет размеры 3,3×3,0 см. На ее боковых поверхностях сохранились глубокие негативы от ударных бугорков сколотых пластин. Один край площадки со стороны брюшка обработан зубчатой крутой крупно-фасеточной ретушью. От ребристой пластины сохранился слегка изогнутый отсеченный дистальный конец. Гладкий край пластины обработан мелкой краевой ретушью со стороны спинки (рис. 5, *22*). Все отходы обработки нуклеусов изготовлены из светло-серой кремнистой породы.

Пластинчатый комплекс представлен 52 пластинами и изделиями из них. Он включает пластины с ретушью и без нее, наконечник стрелы, комбинированное орудие, резец, скребки и подвеску.

Наконечник стрелы имеет боковую выемку и относится к кельтеминарскому типу. Его длина 3,4 см, ширина 1 см. Нижняя часть с насадом отломана. Боковая выемка обработана со спинки крутой перпендикулярной ретушью. Кончик пера со спинки и с брюшка заострен плоской ретушью (рис. 1, *8*). Изготовлен наконечник из полосчатой (красно-зеленой) яшмы. Но пятнышко зеленого цвета просматривается только на спинке изделия, основной его цвет – сургучный. Размеры наконечника позволяют считать его вотивным. В коллекции 1976 г. присутствует узкая (0,8 см) пластина длиной 4,9 см, обработанная по всей длине края крутой перпендикулярной ретушью (рис. 1, *9*). По характеру обработки ее можно отнести к отломанному насаду кельтеминарского наконечника. Наконечники стрел с боковой выемкой (кельтеминарского типа) считаются культурно-хронологическим индикатором энеолитических памятников. Известны они и в могильниках этого времени – Чепкуль 21 и Бузан 3 [Чаиркина, 2011. С. 112-113].

Комбинированное орудие соединяет в себе острие и скребок. Это небольшое изделие длиной 2 см, шириной 0,9 см и толщиной 0,4 см. Изготовлено из трехгранной правильно ограненной пластины светло-серой кремнистой породы (рис. 1, *17*). Лезвие скребка выпуклое, слегка скошено влево. Обработано достаточно крутой ретушью. Боковые края изделия по всей длине отретушированы мелкой крутой ретушью со спинки. Короткое острие имеет хорошо выраженные плечики, обработанные крутой ретушью со стороны спинки. С брюшка присутствует лишь незначительная подправка кончика острия. Заостренный конец слегка заглажен и закруглен. На нем присутствуют линейные следы использования его в качестве сверла.

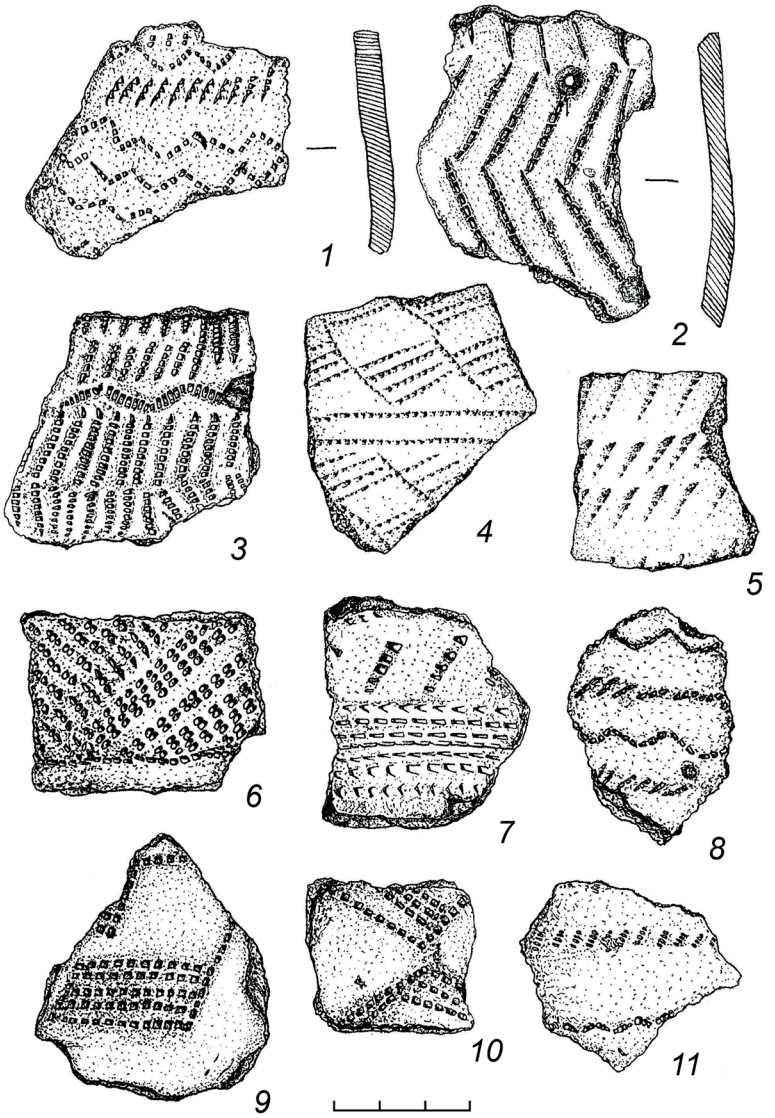


Рис. 3. Святилище Купол. Керамика эпохи энеолита
Fig. 3. Sanctuary Cupol. Eneolithic pottery

Пластины без ретуши (37 экз.) имеют длину от 0,7 до 8,5 см (рис. 5, *1, 4-21, 27*). Преобладают пластины длиной до 2 см – 17 экз. Их ширина колеблется от 0,8 до 2,3 см. Большая часть пластин (17 экз.) имеет ширину от 1,1 до 1,5 см. Их толщина составляет 0,2-0,5 см. Среди пластин преобладают короткие и прямые сечения (11 экз.). Первичная корка сохранилась на трех пластинах (на двух – плиточная, на одной – галечная). Одна пластина имеет боковой вылом правильной округлой формы диаметром 1 см и глубиной 0,4 см (рис. 5, *7*). Все пластины имеют хорошо выраженный ударный бугорок, иногда с изъянцем, что свидетельствует о сильном ударе жестким отбойником. На некоторых пластинах имеется ретушь утилизации (рис. 5, *3, 20*).

Изготовлены пластины из кремня, халцедона (по 5 экз.), алевротуфа (3 экз.), алевролита, кремнистого сланца (по 1 экз.) и светло-серой кремнистой породы (22 экз.).

Среди пластин с вторичной обработкой присутствуют пластины с ретушью со спинки – 8 экз., с ретушью с брюшка – 1 экз. и с отретушированными выемками – 2 экз.

Только одна пластина с ретушью со спинки обработана по двум краям. Ее размеры: длина 2,9 см, ширина 1,5 см, толщина 0,4 см (рис. 5, *26*). Изготовлена пластина из светло-серой кремнистой породы. Остальные пластины отретушированы по одному краю. Их длина колеблется от 1,6 до 5,2 см, ширина – от 1,1 до 1,5 см, толщина – от 0,2 до 0,7 см (рис. 5, *22-26, 29*). Изготовлены пластины из светло-серой кремнистой породы (6 экз.) и алевротуфа (2 экз.).

Со стороны брюшка отретушировано сечение трапециевидной формы из красно-зеленой яшмы длиной 1,5 см, шириной 2 см и толщиной 0,4 см. Мелкая краевая ретушь нанесена по длинному краю сечения (рис. 5, *28*).

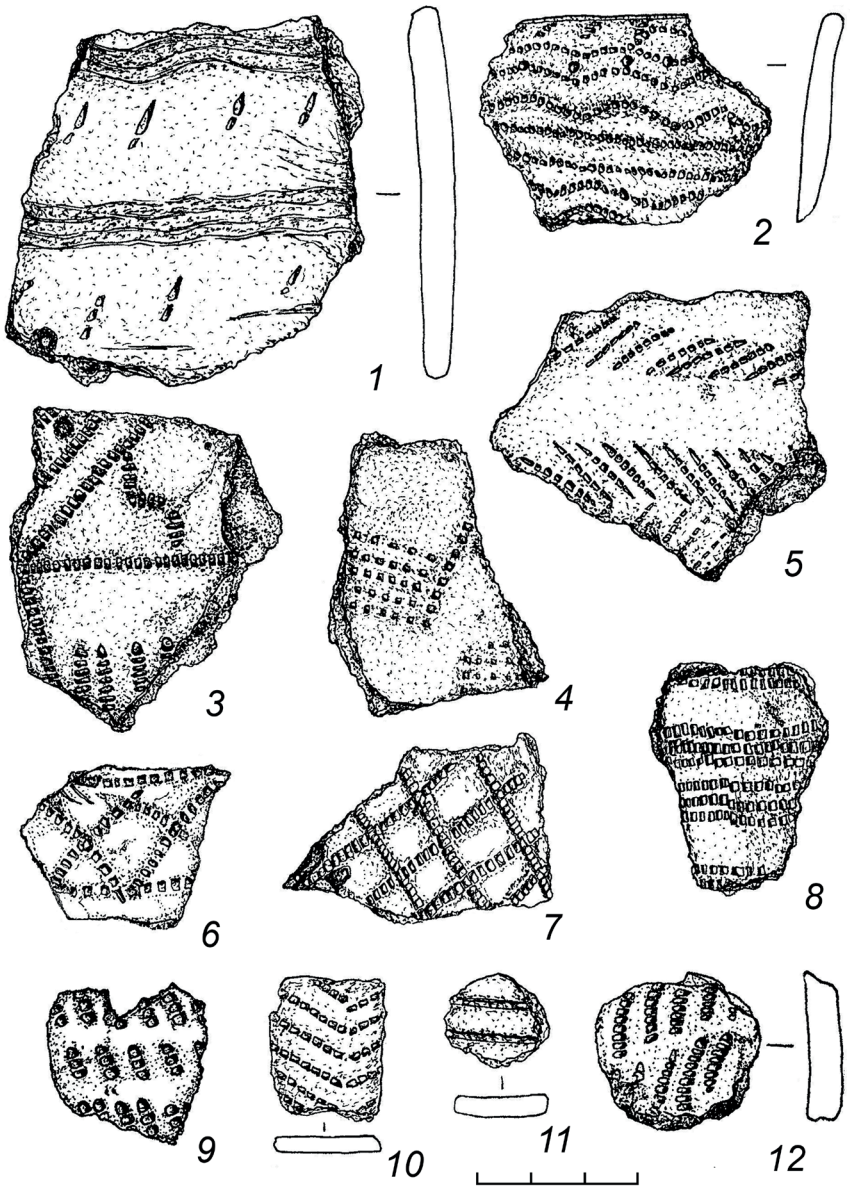


Рис. 4. Святилище Купол. Керамика эпохи энеолита (*1-9*) и керамические нашивки (*10-12*)

Fig. 4. Sanctuary Cupol. Eneolithic ceramics (*1–9*) and ceramic patches (*10–12*)

У двух пластин мелкой ретушью образованы небольшие выемки. У одной пластины две выемки диаметром 0,3 и 0,4 см оформлены ретушью со спинки (рис. 5, *2*). У второй пластины выемка диаметром до 0,8 см обработана ретушью с брюшка. Обе пластины изготовлены из светло-серой кремнистой породы.

Единственный в коллекции резец оформлен двумя противолежащими сколами. Изготовлен на сечении пластины светло-серой кремнистой породы (рис. 1, *20*).

Скребки изготовлены на пластинах (5 экз.), пластинчатых отщепах (2 экз.) и отщепах (6 экз.). В качестве скребка был использован отсеченный изогнутый дистальный конец пластины светло-серой породы. Его длина 3,1 см, ширина 1,2 см, толщина до 0,5 см (рис. 1, *11*). Три скребка выполнены на укороченных пластинах длиной 1,9 – 2,7 – 2,9 см. Их ширина, соответственно, 1,5 – 1,8 – 2,4 см, толщина – 0,7 – 0,6 – 0,5 см (рис. 1, *10, 12*). Рабочие лезвия обработаны крутой ретушью со спинки. Самый широкий скребок дополнительно обработан по боковым краям ретушью со спинки (рис. 1, *10*). Еще один скребок выполнен на первичной пластине зеленоватого алевротуфа. Два скребка изготовлены из светло-серой кремнистой породы, по одному – из зеленой яшмы и кремнистого сланца.

Скребки на пластинчатых отщепах имеют длину 2,6 и 2,8 см, ширину – 1,9 и 1,8 см. Обработанные крутой ретушью лезвия скошены влево, что свидетельствует о работе левой рукой. Изготовлены скребки из халцедона (рис. 1, *14*) и алевротуфа.

Длина скребков на отщепах укладывается в размеры от 1,4 до 2,2 см. Все скребковые лезвия оформлены ретушью со спинки. У двух скребков ретушь крутая, у двух – пологая и у одного – мелкая краевая (рис. 1, *15, 16*). Изготовлены скребки из кремня, молочного кварца, халцедона, кремнистого сланца и зеленой яшмы.

Два острия происходят из раскопок 1976 г. Одно острие выполнено на пластине светло-серой кремнистой породы длиной 3,5 см и шириной 1,4 см. Кончик острия оформлен крутой ретушью со спинки. Причем ретушь спускается по одному краю до основания острия. Противоположный край частично обработан мелкой ретушью со стороны брюшка (рис. 1, *18*). Второе острие изготовлено на заостренном отщепе кремнистого сланца. Треугольный выступ отщепа подработан мелкой краевой ретушью со стороны спинки (рис. 1, *19*).

Кресальный кремень изготовлен из расколотого нуклеуса, выполненного из темно-коричневого кремня. Его размеры 2,3×1,5×1,0 см. Оба рабочих лезвия вогнуты, на них присутствует выкрошенность и забитость. Это придает ему сходство с типичными палеолитическими стамесками типа *pieces esquillees* [Сериков, 2003. С. 259-262].

В качестве ножа использовалась плитка сланца серповидной формы размером 7,4×4,1×1,1 см. Дугообразное выпуклое лезвие с двух сторон обработано несистематической ретушью.

В коллекции присутствует обломок массивной двусторонней шлифовальной плиты из зеленоватого тонкозернистого песчаника. От нее сохранился кусок длиной 26,4 см, шириной 11,5 см и толщи-

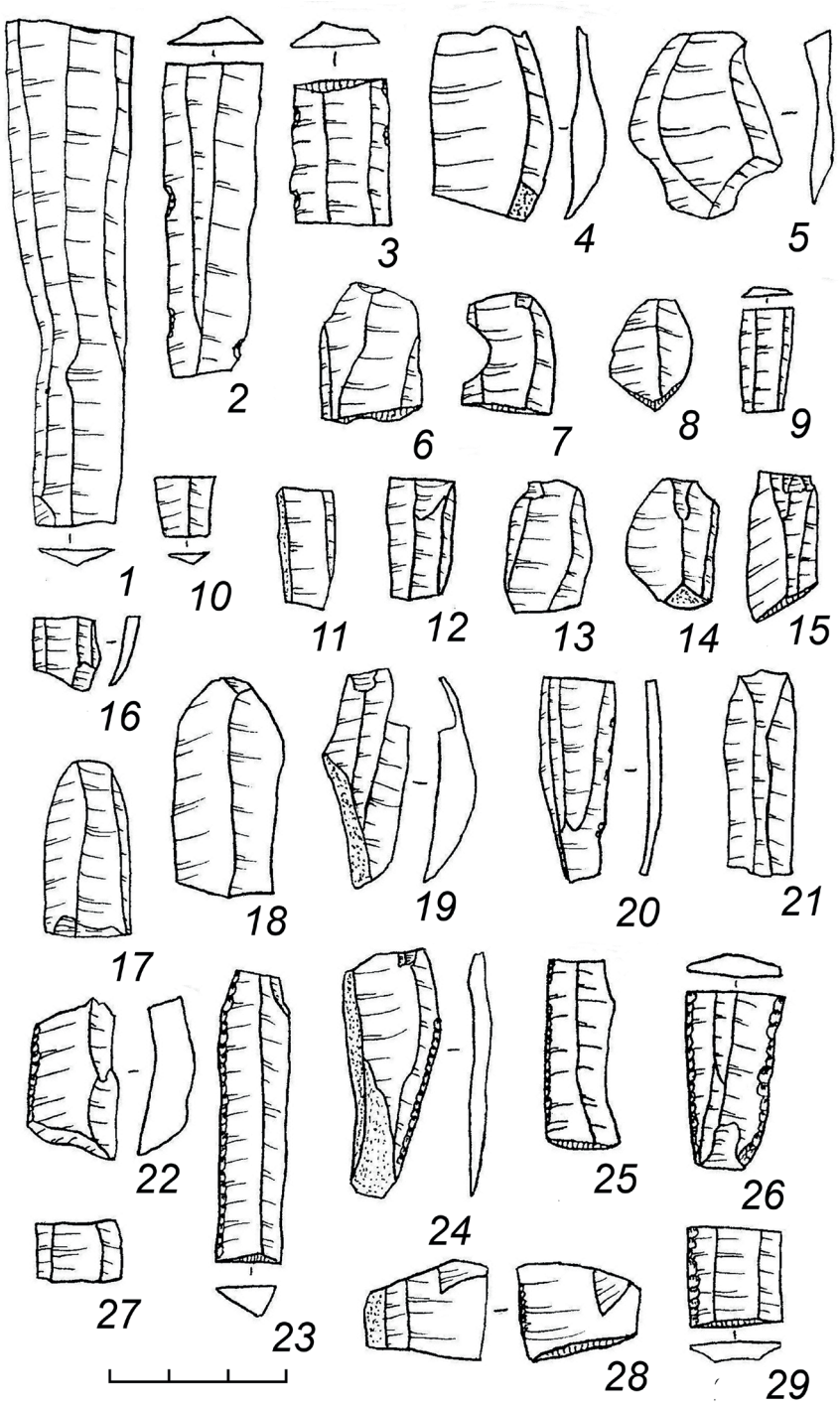


Рис. 5. Святилище Купол. Каменные изделия (*1-21, 27* – пластины без ретуши; *22-26, 28-29* – пластины с ретушью)
Fig. 5. Sanctuary Cupol. Stone products (*1-21, 27* – plates without retouch; *22-26, 28-29* – plates with retouch)

ной 15,4 см. Обе рабочие поверхности хорошо заглажены. На одной поверхности присутствует забитость – плита служила и наковальней.

Шлифованные изделия представлены обломками (13 экз.). От шлифованного наконечника стрелы сохранился фрагмент длиной 1,3 см, шириной 0,9 см, толщиной 0,45 см. Он имеет ромбическое сечение (рис. 1, *23*), изготовлен из сланца серо-бурого цвета.

От рубящих орудий происходит 11 обломков. Их размеры колеблются от 0,7×0,7 см до 4,2×3,4 см. Интересен самый крупный фрагмент. По длинному краю он был пропилен абразивной пилой. Длина пропила 4,3 см, глубина – 0,1 см. По надпилу отщеп пытались сломать, но из-за небольшой глубины пропила слом произошел только у одного края. Затем отщеп обломали и по второму краю, но посередине пропила остался треугольный выступ длиной 0,25 см. После этого с отшлифованной стороны поперек отщепа сделали второй пропил длиной 3 см и глубиной до 0,3 см (рис. 1, *25*). Толщина отщепа в этом месте достигает 0,7 см. Видимо, поэтому дальнейшая обработка отщепа была прекращена.

От шлифованного ножа в коллекции присутствует обломок размером 2,8×1,3×0,15 см (рис. 1, *22*). Изготовлен нож из зеленоватого алевролита.

В качестве абразива использовался брусок из светло-желтого пористого мелкозернистого песчаника. Сохранилась средняя часть бруска разме-

ром 2,6×2,2×1,0 см (рис. 1, *21*). На всех четырех плоскостях присутствуют следы сработанности. Данный абразив использовался для заточки узких металлических лезвий.

Суммарный комплекс отщепов содержит 212 экз. Их длина варьирует от 1 до 10,5 см. Преобладают отщепы длиной до 3 см – 191 экз. (94,8%). Отщепов длиной свыше 4 см в коллекции всего 5 экз. (2,4%). Список минерального сырья, из которого изготовлены отщепы, состоит из 11 наименований. Чаще всего использовались алевролит (37 экз.), халцедон (35 экз.), алевротуф (30 экз.), светло-серая кремнистая порода (29 экз.), кремень и кремнистый сланец (по 26 экз.). В сумме эти виды сырья составляют 86,3%. Значительно реже применялся углистый сланец (17 экз.). Остальные минералы использовались эпизодически: сердолик (5 экз.), сланец (3 экз.), яшма зеленая и кварц молочный (по 2 экз.).

Обычными для культовых памятников находками являются куски колотого кварца (11 экз.), гальки целые (15 экз.) и расколотые (6 экз.). Аналогичные изделия встречены практически во всех культовых комплексах Шайтанского озера [Сериков, 2013. С. 187-188]. Колотая галька присутствует во всех исследованных раскопками пещерных святилищах р. Чусовой – гротах в камнях Дождевом и Денежном, пещерах Туристов, Котел, Кумыш и Усть-Койва [Сериков, 2009. С. 20-21, 65, 124, 130, 153, 161]. Сотни нуклевидных бесформенных кусков и осколков, найденные у подножья Писаного камня на р. Вишера, О.Н. Бадер связывал с культом огня [Бадер, 1954. С. 252]. По мнению А.Н. Лепихина, круглые и овальные гальки, найденные на костищах Прикамья «могли обозначать яйцо – символ творения и жизни». А ритуалам с раскалыванием галек А.Н. Лепихин приводит интересную аналогию из удмуртской мифологии, по который дробление камня связано, с одной стороны, с подземным миром, а с другой – с созданием новой жизни [Лепихин, 2004. С. 62-63]. Скорее всего, правы оба исследователя, так как и культ огня, и обряд дробления с целью созидания – это разные проявления культа плодородия.

Расчистка выворотней дала и несколько предметов неутилитарного назначения: фигурный кремень и две подвески, каменную и костяную.

Фигурный кремень изготовлен на отщепе серого халцедона длиной 3,4 см. Имеет Г-образную форму, обработан краевой ретушью лишь в нескольких местах. Для создания образа животного применялась ретушь и со спинки, и с брюшка. В горизонтальном положении отщеп имеет сходство с головой животного, предположительно, лося. Если отщеп повернуть на 90° и поставить вертикально, то в треугольном выступе можно увидеть голову медведя (рис. 1, *26*). Данный фигурный кремень, возможно, является полиэйконической скульптурой. Полиэйконические кремневые скульптуры выявлены на энеолитической стоянке Юрьино VII, а также в ритуальном кладе бронзового века на Шайтанском озере II [Сериков, 2015а. С. 29-30]. Интересно отметить, что обе скульптуры изготовлены из халцедона, но не серого, а коричневого. Во всех трех скульптурах совмещены образы лося и медведя. Возможно, они являлись отражением дуалистической традиции, противопоставляющей две основные силы мира – положительную и отрицательную, верхний (средний) мир и нижний. Г-образные кремневые фигуры в Среднем Зауралье известны на памятниках неолита-энеолита: Исетское Правобережное, Шайтанское озеро I, Мыс Крутяк, Юрьино VII, Бузан 3 и др. [Сериков, 2009а. Рис. 3, *7*; 4, *10, 12-14*]. Также важно подчеркнуть, что кремневая скульптура на скальных святилищах уже известна. Она происходит с крупнейшего скального святилища Шайтанского озера – Шайтанского шихана [Сериков, 2013. С. 136. Рис. 180, *4*].

Каменная подвеска с Купола не имеет аналогов среди тысячи учтенных автором подвесок Урала [Сериков, 2013а. С. 45-63]. Она изготовлена на сечении тонкой (0,2 см) пластины красно-зеленой яшмы длиной 3,8 см и шириной 1,6 см. На верхнем конце место слома подработано ретушью с брюшка, которая сняла выступающий уголок. В верхней же части ретушью со спинки образованы две противолежащие выемки диаметром 0,5 и 0,6 см и глубиной до 0,25 см (рис. 1, *24*). Эти выемки служили для крепления подвески. Целенаправленно использовался цвет материала: один край пластины имеет красный цвет, второй – зеленый. Такие подвески на территории Урала автору неизвестны.

Вторая подвеска с Купола костяная. Она имеет округлую форму диаметром около 1,1 см и толщиной 0,2 см. Подвеска повреждена: у сверлины отломан сегмент длиной 0,7 см, а в нижней части – такой же сегмент длиной 0,6 см. Подвеска побывала в огне, видимо, этим и объясняются ее повреждения. Ее поверхность с двух сторон тщательно отшлифована. Отверстие на подвеске диаметром 0,12 см имеет биконическую форму, что свидетельствует о двустороннем сверлении. Размер и форма подвесок типична для энеолитических подвесок Среднего Урала и Западной Сибири. Они известны на целом ряде энеолитических могильников – Аятское озеро (16 экз.), Большой Андреевский остров (17 экз.), Бузан 3 (2 экз.), Скворцовская гора V (150 экз.), Чепкуль 21 (29 экз.), Шайтанский шихан (76 экз.) [Матвеев и др., 2015. С. 72]. Наиболее близкие аналогии данной подвеске имеются в энеолитическом погребении могильника Скворцовской горы V, который расположен на скальном выступе горы на северном берегу Шигирского торфяника [Чаиркина, 2011. С. 76-82. Рис. 29, *23-27, 31*]. Не исключено, что продолжение исследований на Куполе приведет к открытию погребения, аналогичного найденному на Шайтанском шихане [Сериков, 2013. С. 130-134].

Еще одним костяным изделием с Купола является кальцинированный отломанный кончик острия длиной 1,8 см и диаметром 0,6 см. На его поверхности сохранились заглаженные следы строгания каменным ножом. Подобные стержень-

ки найдены в погребении на Шайтанском Шихане [Сериков, 2013. С. 133. Рис. 178, *22*]. Учитывая их миниатюрные размеры, можно предположить, что они служили заколками для оформления прически.

Также к предметам неутилитарного характера отнесен кусочек охры лимонно-желтого цвета размером 2,0×1,1×1,1 см.

Заключает коллекцию находок кальцинированные мелкие обломки костей животных (462 экз.). П.А. Косинцеву удалось определить кости лося (зубы, фаланги, плюсна, карпальная кость), северного оленя (локтевая, фаланга), волка (фрагмент черепа), бобра (фрагмент черепа, пяточная), соболя (метаподия), а также три кости среднего размера птицы. Остальные кости (209 экз.) относятся к млекопитающим животным размером с лося – северного оленя. Нетрудно заметить, что практически все кости относятся к головам и ногам животных. Именно эти части тела чаще всего приносились в жертву, начиная с эпохи палеолита [Сериков, 2009. С. 137-138].

Таким образом, полученные новые материалы позволяют более детально охарактеризовать скальное святилище на берегу Горбуновского торфяника. Сравнение с комплексами находок других скальных святилищ Среднего Зауралья показывают их полную идентичность. Особенностью Купола является наличие на нем находок только мезолита (в виде примеси) и энеолита. Тогда как обычно скальные святилища содержат материалы разных эпох от мезолита до средневековья, но с преобладанием на них комплексов раннего железного века. Наличие энеолитических святилищ на коренном берегу Горбуновского палеоозера (Купол) и в заболоченной его части (VI-й разрез) свидетельствует о ярко выраженной индивидуальности культовой практики древнего населения даже в масштабах одной социальной группы.

Следует отметить также интересную аналогию с материалами Шайтанского озера, которое в древности почиталось как священное. На западном берегу озера располагался энеолитический культовый центр Шайтанское озеро I. На его площади найдены энеолитическое погребение, каменные и глиняные скульптуры, украшения и другие предметы неутилитарного назначения [Сериков, 2013. С. 11-59]. На северном берегу озера находилось святилище на гранитном останце – Шайтанский Шихан. На нем найдено засыпанное пластинками талька энеолитическое погребение с 76 костяными подвесками и захороненный череп человека. Также в энеолитический комплекс входили просверленный диск из талька, кремневая скульптура, гребенчатый штамп, кусочки охры, наконечники стрел [Сериков, 2013. С. 127-146].

А теперь обратимся к Горбуновскому торфянику. Основное святилище эпохи энеолита (VI-й разрез) находилось в центре Горбуновского палеоозера ближе к его северо-восточной части. Его культовый комплекс хорошо известен по многочисленным публикациям. Святилище Купол располагалось на скалистом шихане в глубине коренного берега. Уже сейчас на нем найдены наконечники стрел, кремневая скульптура, каменная и костяная подвески, охра.

Можно предполагать, что расположение энеолитических святилищ связано со структурированием освоенного пространства. Оба святилища расположены на ключевых точках освоенной территории и являлись своеобразными маркерами сакрального ландшафта [Байбурин, 1989. С. 82-86].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадер О.Н. Археологические памятники Тагильского края // Ученые записки Молотовского государственного университета. Т. VIII. Вып. 2. 1953. С. 311-364.

Бадер О.Н. Жертвенное место под Писаным камнем на р. Вишере // СА. Т. XXI. 1954. С. 241-258.

Байбурин А.К. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры / Отв. ред. А.С. Мыльников. Л.: Наука, 1989. С. 63-87.

Лепихин А.Н. Каменные изделия костищ гляденовской культуры // Оборинские чтения. Материалы IV-V региональных археологических конференций. Вып. 3. Пермь: Пермский областной краеведческий музей, 2004. С. 59-64.

Матвеев А.В., Матвеева Н.П., Сериков Ю.Б., Скочина С.Н. Культовые памятники эпохи энеолита. Тюмень: ТГУ, 2015. 156 с.

Сериков Ю.Б. Новые памятники Горбуновского торфяника // СА. 1984. № 2. С. 102-114.

Сериков Ю.Б. К вопросу об орудиях для высекания огня // Петербургская трасологическая школа и изучение древних культур Евразии: В честь юбилея Г.Ф. Коробковой / Отв. ред. В.М. Массон. СПб.: ИИМК РАН, 2003. С. 254-263.

Сериков Ю.Б. Скальные культовые памятники Шайтанского озера // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т.М. Потемкиной) / Отв. ред. М.П. Вохменцев. Курган: КГУ, 2007. С. 42-49.

Сериков Ю.Б. Пещерные святилища реки Чусовой. Нижний Тагил: НТГСПА, 2009. 368 с.

Сериков Ю.Б. Кремневая скульптура Урала (проблемы происхождения, хронологии и семантики) // Тверской археологический сборник. Вып. 7 / Под ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2009а. С. 391-410.

Сериков Ю.Б. Шайтанское озеро – священное озеро древности. Нижний Тагил: НТГСПА, 2013. 408 с.

Сериков Ю.Б. Украшения населения Урала в каменном веке // Тверской археологический сборник. Вып. 9 / Под ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2013а. С. 45-63.

Сериков Ю.Б. К вопросу о выделении скальных святилищ на территории Среднего Урала // Вестник Пермского университета. Серия История. 2015. Вып. 1(28). С. 141-150.

Сериков Ю.Б. Полиэйконические образы в скульптуре Урала // XIII Зыряновские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Курган: Изд-во КГУ, 2015а. С. 29-30.

Чаиркина Н.М. Погребальные комплексы эпохи энеолита и раннего железного века Зауралья (по материалам погребально-культовой площадки Скворцовская гора V). Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 224 с.

REFERENCES

Bader O.N. Arkheologicheskie pamiatniki Tagil'skogo kraia [Archaeological sites of the Tagil region] // Uchenye zapiski Molotovskogo gosudarstvennogo universiteta. T. 8. Vyp. 2. 1953. S. 311-364.

Bader O.N. Zhertvennoe mesto pod Pisanym kamnem na r. Vishere [Sacrificial place under the Pisaniy stone on the Vishera river] // SA. Vol. 21. 1954. S. 241-258.

Baĭburin A.K. Semioticheskie aspekty funktsionirovaniia veshcheĭ [Semiotic aspects of objects fanctioing] // Ėtnograficheskoe izuchenie znakovykh sredstv kul'tury / Otv.red. A.S.Mylnikov. Leningrad: Nauka, 1989. S. 63-87.

Lepihin A.N. Kamennye izdelija kostishch gljadenovskoj kul'tury [Stone products of sanctuaries of the Glyadenovsky culture] // Oborinskie chtenija. Materialy IV–V regional'nykh arheologicheskikh konferentsij. Vyp. 3. Perm': Permskiy oblastnoj kraevedcheskij muzej, 2004. S. 59-64.

Matveev A.V., Matveeva N.P., Serikov Yu.B., Skochina S.N. Kul'tovye pamjatniki epokhi eneolita [Cult sites of the Eneolithic era]. Tjumen': Tiumenskii gosudarstvennyi universitet, 2015. 156 s.

Serikov Yu.B. Novye pamjatniki Gorbunovskogo torfjanika [New sites of the Gorbunovsky peat bog] // SA. №. 2. 1984. S. 102-114.

Serikov Yu.B. K voprosu ob orudijakh dlja vysekanija ognja [To the question of tools for igniting fire] // Peterburgskaja trasologicheskaja shkola i izuchenie drevnikh kul'tur Evrazii: V chest' jubileja G.F. Korobkovoi / Otv.red. V.M. Masson. Sant Peterburg: IIMK RAN, 2003. S. 254-263.

Serikov Yu.B. Skal'nye kul'tovye pamjatniki Shajtanskogo ozera [Rock cultic places of Shaytanskoe Lake] // Problemy arheologij: Ural i Zapadnaja Sibir' (k 70-letiju T.M. Potemkinoj) / Otv. red. M.P. Vokhmentsev. Kurgan: Kurganskii gosudarstvennyi universitet, 2007. S. 42-49.

Serikov Yu.B. Peshchernye svjatilishcha reki Chusovoj [Cave sanctuaries of the Chusovaya river]. Nizhny Tagil: NTGSPA. 368 s.

Serikov Yu.B. Kremnevaja skul'ptura Urala (problemy proiskhozhdenija, hronologij i semantiki) [Flint sculpture of the Urals (problems of origin, chronology and semantics)] // Tverskoj arheologicheskij sbornik. Vyp. 7 / Red. I.N. Chrnykh. Tver': Triada, 2009. S. 391-410.

Serikov Yu.B. Shaitanskoe ozero – sviashchennoe ozero drevnosti [Shaitanskoje lake – a sacral lake of the Ancient time]. Nizhny Tagil: NTGSPA, 2013. 408 s.

Serikov Yu.B. Ukrashenija naselenija Urala v kamennom veke [Decorations of the population of the Urals in the Stone age] // Tverskoj arheologicheskij sbornik. Vyp. 9 / Red. I.N. Chrnykh. Tver': Triada, 2013. S. 45-63.

Serikov Yu.B. K voprosu o vydelenij skal'nykh svjatilishch na territorij Srednego Urala [To the question of the identification of rock sanctuaries in the Middle Urals] // Vestnik Permskogo universiteta. Serija Istorija. № 1 (28). 2015. S. 141-150.

Serikov Yu.B. Poliejkonicheskie obrazy v skul'pture Urala [Polyeiconic images in the sculpture of the Urals] // XIII Zyrjanovskie chtenija: materialy Vserossiiskoj nauchno-prakticheskoj konferentsij. Kurgan: Izd-vo KGU, 2015a. S. 29-30.

Chairkina N.M. Pogrebal'nye kompleksy epokhi eneolita i rannego zheleznogo veka Zaural'ja (po materialam pogrebal'no-kul'tovoi ploshchadki Skvortsovskaia gora V [Funerary complexes of Neolithic and Early Bronze age of the Transurals (after materials of funerary-cultic ground Skvortsovskaia Mount V)]. Ekaterinburg: UrO RAN, 2011. 224 s.

SEASON SYSTEM OF USING THE TERRITORY OF FOREST-STEPPE CIS-URALS BY POPULATION OF THE ERAS BOUNDARY

V. Lyasovich

Abstract. The article is devoted to the analysis of materials obtained as a result of exploration studies of the territory of a large gully complex, cutting the high plateau of the right bank of the Belaya River (Iglinsky district of the Republic of Bashkortostan, the western outskirts of the village of Akberdino, 15 km east of Ufa confined to the sides of the ravine, located in the visibility zone of the fortified settlement Akberdino-2. Most likely, these settlements were short-term settlements of the Kara-Abyz population, which changed every year or economic season. The article proposes a seasonal system for the development of the environs of the largest settlement monuments of the Kara-Abyz archaeological culture, which means the economic use by the population of the Early Iron Age of certain clearly defined areas with the necessary landscape-topographic parameters-clusters.

Key words: Urals, South Urals, Kara-Abyz culture, Ubalar type, Gafuri type, seasonal settlements, settlement system, land development, forest-steppe

Citation. Lyasovich V. 2020. Season system of using the territory of forest-steppe Cis-Urals by population of the eras boundary. The Ufa Archaeological Herald, is. 20, pp. 44-52. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2020.20.003

УДК 902.01
ББК 63.4

Дата поступления статьи: 18.03.2020
Дата принятия статьи: 11.11.2020

СЕЗОННАЯ СИСТЕМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕРРИТОРИИ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИУРАЛЬЯ НАСЕЛЕНИЕМ РУБЕЖА ЭР

Всеволод Игоревич Лясович

аспирант / научный сотрудник / Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН
г.Уфа, Российская Федерация / E-mail: vsevolodlyasovich@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу материалов, полученных в результате разведочных исследований территории крупного овражно-балочного комплекса, рассекающего высокое плато правобережья р. Белая (Иглинский район Республики Башкортостан, западная окраина с. Акбердино, 15 км к юго-востоку от г. Уфа). Выявлен комплекс селищ, приуроченных к бортам оврага, расположенных в зоне прямой видимости городища Акбердино-2. Показано, что данные памятники являлись кратковременными стоянками кара-абызского населения, менявшимися, вероятно, каждый год или хозяйственный сезон. Обосновывается существование сезонной системы освоения окрестностей крупнейших поселенческих памятников кара-абызской культуры, под которой подразумевается хозяйственное использование определенных четко ограниченных участков с необходимыми ландшафтно-топографическими параметрами (кластеров).

Ключевые слова: Приуралье, Южный Урал, кара-абызская культура, убаларский тип, гафурийский тип, сезонные селища, система расселения, освоение территории, лесостепь

Цитирование. Лясович В.И., 2020. Сезонная система использования территории лесостепного Приуралья населением рубежа эр // Уфимский археологический вестник. Вып. 20. С. 44–52. DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2020.20.003

В 2018 г. в Иглинском районе Башкортостана археологическим отрядом ИИЯЛ УФИЦ РАН проводились исследования, которые позволили открыть большой комплекс памятников на западной окраине с. Акбердино [Лясович, 2018]. Работы носили разведочный характер, их целью являлось обследование бортов крупного овражно-балочного комплекса (около 3×1,6 км) с большим количеством ровных мысов и находящегося между ранее известными памятниками, относящимися к кара-абызской культуре. Полученные результаты позволили говорить о возможном характере освоения данной территории в раннем железном веке.

Изучение территории Иглинского района началось с конца XIX в. Впервые археологические работы здесь проводили В.В. Гольмстен и

Д.Н. Эдинг [Пшеничнюк, Овсянников, 2007. С. 5]. Затем, в начале 60-х гг. XX в., ряд памятников на территории района был открыт А.П. Шокуровым (Шиповские могильник и городище, Блохинское селище, Жилинское городище и др.) [АКБ, 1976. С. 140-141]. Наиболее крупные исследования здесь проводил А.Х. Пшеничнюк, среди его работ – масштабные раскопки Шиповского и Охлебининского комплексов. На основании, в том числе, и этих материалов, А.Х. Пшеничнюк обосновал существование кара-абызской археологической культуры [Пшеничнюк, 1973. С. 159-252].

Исследуя в 1964 г. Охлебининское II городище, А.Х. Пшеничнюк пытался установить его место среди кара-абызских древностей. А раскопки Охлебининского могильника, начатые в 1965 г., позволили соотнести его материалы с уже известным для науки Уфимским могильником IV-III вв. до н.э. Одновременно с этим проводились раскопки Шиповского могильника. Цель, которая была поставлена А.Х. Пшеничнюком – комплексное изучение особенностей материальной и духовной культуры южноуральских племен раннего железного века, уточнение хронологии археологических культур, составление карт расселения племен и т.д. Этот вектор исследований практически не изменился вплоть до 90-х гг. XX века.

Непосредственно на левом борту описываемой в настоящей статье овражно-балочной системы в 1985 г. Г.Н. Гарустовичем было обнаружено городище Акбердино-2 (первоначальное наименование: Акбердинское II), где собрана коллекция керамики кара-абызской культуры и имендяшевского типа [ПАБ, 1988. С. 61]. В 2005 г. В.В. Овсянниковым на городище был заложен шурф размером 2×2 м, который показал культурное разнообразие гончарных традиций проживавшего здесь населения (посуда позднеананьинская, кара-абызская, гафурийская и убаларско-имендяшевская) [Пшеничнюк, Овсянников, 2007. С. 20]. Повторный осмотр городища в 2011 г. дал подъемный материал, аналогичный находкам более раннего времени [Овсянников, 2011. С. 19].

Также в 2005 г. В.В. Овсянниковым в окрестностях городища Акбердино-2 были выявлены селища Акбердино-9 и -10 с керамикой убаларско-имендяшевского типа [Пшеничнюк, Овсянников, 2007. С. 20-21].

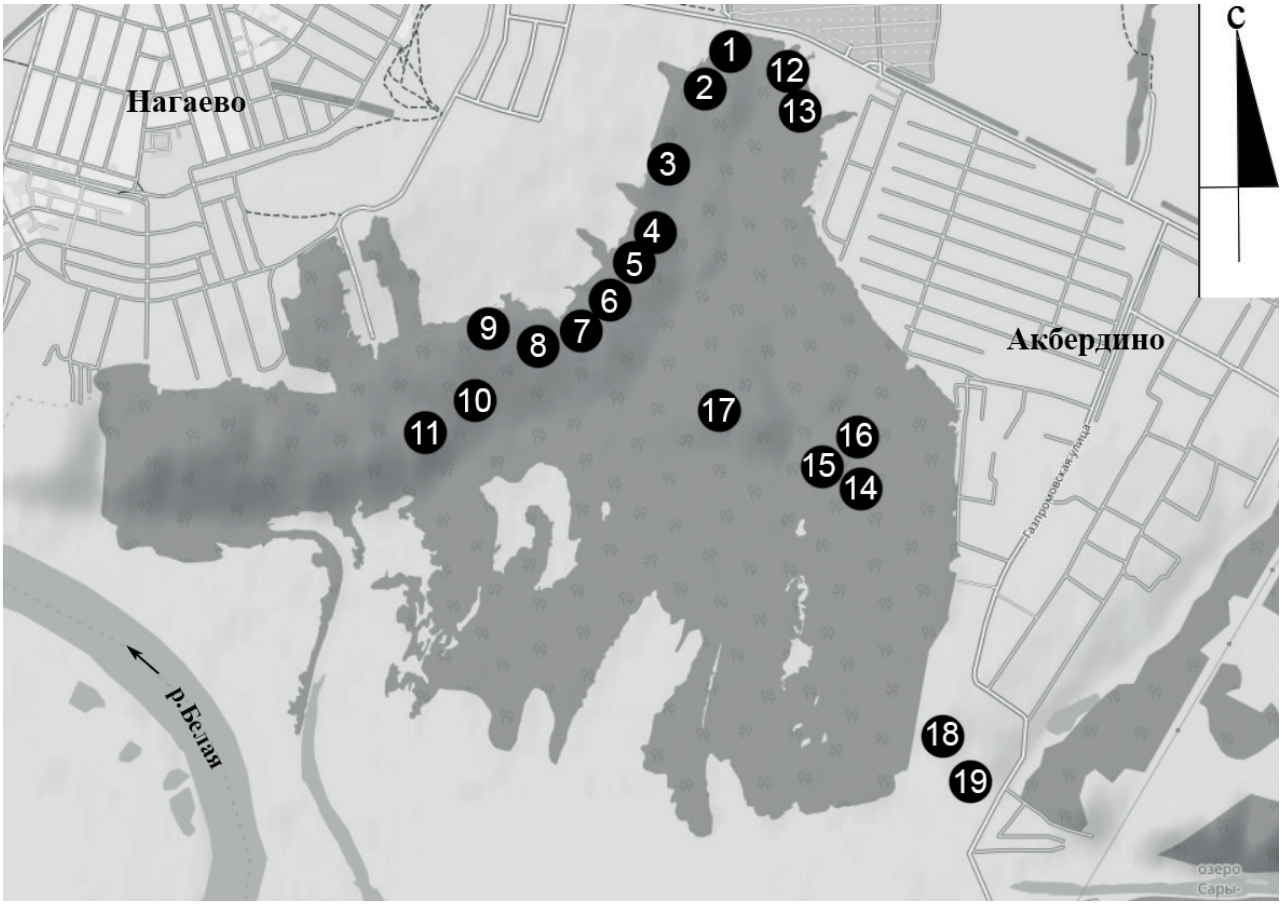


Рис. 1. Расположение памятников эпохи раннего железа на западной окраине с. Акбердино Иглинского района Башкортостана. *1* – Акбердино-11; *2* – Акбердино-12; *3* – Акбердино-13; *4* – Акбердино-14; *5* – Акбердино-15; *6* – Акбердино-16; *7* – Акбердино-17; *8* – Акбердино-18; *9* – Акбердино-19; *10* – Акбердино-20; *11* – Акбердино-2; *12* – Акбердино-21; *13* – Акбердино-22; *14* – Акбердино-23; *15* – Акбердино-24; *16* – Акбердино-9; *17* – Акбердино-10; *18* – Акбердино-4; *19* – Акбердино-3 (*9* – местонахождение; *11* – городище; *18* – курганный могильник; *19* – поселение; *остальное* – селища)

Fig. 1. Location of objects of the Early Iron Age on the western outskirts of the village Akberdino, Iglinsky district of Bashkortostan. *1* – Akberdino-11; *2* – Akberdino-12; *3* – Akberdino-13; *4* – Akberdino-14; *5* – Akberdino-15; *6* – Akberdino-16; *7* – Akberdino-17; *8* – Akberdino-18; *9* – Akberdino-19; *10* – Akberdino-20; *11* – Akberdino-2; *12* – Akberdino-21; *13* – Akberdino-22; *14* – Akberdino-23; *15* – Akberdino-24; *16* – Akberdino-9; *17* – Akberdino-10; *18* – Akberdino-4; *19* – Akberdino-3 (*9* – location; *11* – fortified settlement; *18* – barrow burial ground; *19* – settlement; *the rest* are settlements)

Всего к 2018 г. Иглинском районе Башкортостана по данным открытых источников насчитывалось 40 археологических объектов[1]. Большинство известных памятников расположено в бассейне р. Белая и её правого притока – р. Сим. Часть находится в бассейне р.Уфа и её малых притоков – рек Тауш и Караган. Ряд памятников выявлен в бассейне р. Лемеза, при этом бассейны Сима и Лемезы исследованы незначительно.

Осенью 2018 г. в ходе описываемых работ было выявлено 13 новых памятников, обследовано 3 ранее известных и зафиксировано одно местонахождение керамики (рис. 1).

Все найденные объекты относятся к эпохе раннего железа [Лясович, 2018], за исключением поселения Акбердино-3, на котором присутствуют находки средней бронзы и начального этапа раннего железа [Савельев, 2010. С. 235-240]. Подъемный материал в основном представлен керамикой караабызской культуры, в том числе гафурийского и убаларско-имендяшевского типов (рис. 2) [Пшеничнюк, Овсянников, 2007. С. 7].

Обследованный овраг географически приурочен к коренной террасе правого берега р. Белая. Долина реки к югу от села Акбердино – широкая, образует большое количество высоких террас, пляжей. Правый берег реки представляет собой высокое плато, у подножья которого расположена пойма шириной до 3 км с многочисленными старичными озерами и болотами. Также правый берег реки обладает хорошо выраженными и удобно расположенными надпойменными террасами. В природном отношении правый берег р. Белая занят здесь луговой растительностью и липово-осиновыми лесами. Левый берег практически по всей своей ширине характеризуется низкими затапливаемыми пойменными террасами, только через несколько километров переходящих в плавный подъем коренной возвышенности.

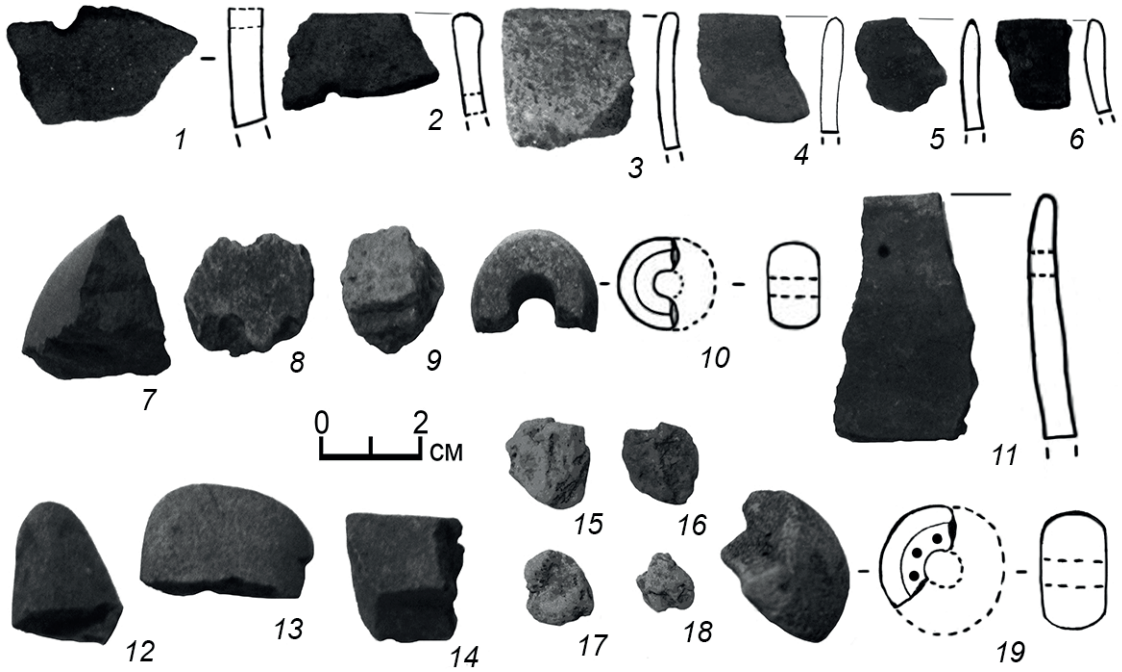


Рис. 2. Находки с Акбердинских селищ. *1-6, 11* – фрагменты лепных сосудов; *7, 12-14* – расколотые гальки; *8, 9, 15-18* – глиняная обмазка; *10, 19* – фрагменты лепных пряслиц (*1-2* – Акбердино-9; *3-6* – Акбердино-22; *7-11* – Акбердино-20; *12-14* – Акбердино-10; *15-18* – Акбердино-19; *19* – Акбердино-18)

Fig. 2. Artefacts from the Akberdino settlements. *1-6, 11* – fragments of molded pottery; *7, 12-14* – split pebbles; *8, 9, 15-18* – clay coating; *10, 19* – fragments of molded spinning wheels (*1-2* – Akberdino-9; *3-6* – Akberdino-22; *7-11* – Akberdino-20; *12-14* – Akberdino-10; *15-18* – Akberdino-19; *19* – Akberdino-18)

Все найденные и осмотренные памятники расположены компактно, на территории протяженностью 3 км и шириной до 2 км. Расстояние между ними в среднем около 150-200 м (табл. 1). Средняя площадь мысов – от 6000 до 14000 м^2. Наиболее крупный по площади памятник – селище Акбердино-10 (ширина мыса 520 м, длина мыса 230 м).

Местоположение селищ однотипно (рис. 3, 4). С юга или севера селища ограничены логами сезонных водотоков. Стекающая вода образует между ними либо резкие обрывы, либо плавные скаты в дно оврага. Основной ручей – один, протекающий по дну оврага и делящий его на две части (левый и правый борт). В основной ручей впадают дополнительные, местами ограждающие селища с двух сторон. Конечной точкой течения главного ручья являются старичные озера Евакуль и Псыкуль, расположенные в 300 м от устья обследованного

[1] Информация взята из нормативных документов, опубликованных на сайте УГООКН РБ – Управления по государственной охране объектов культурного наследия Республики Башкортостан (https://okn.bashkortostan.ru).

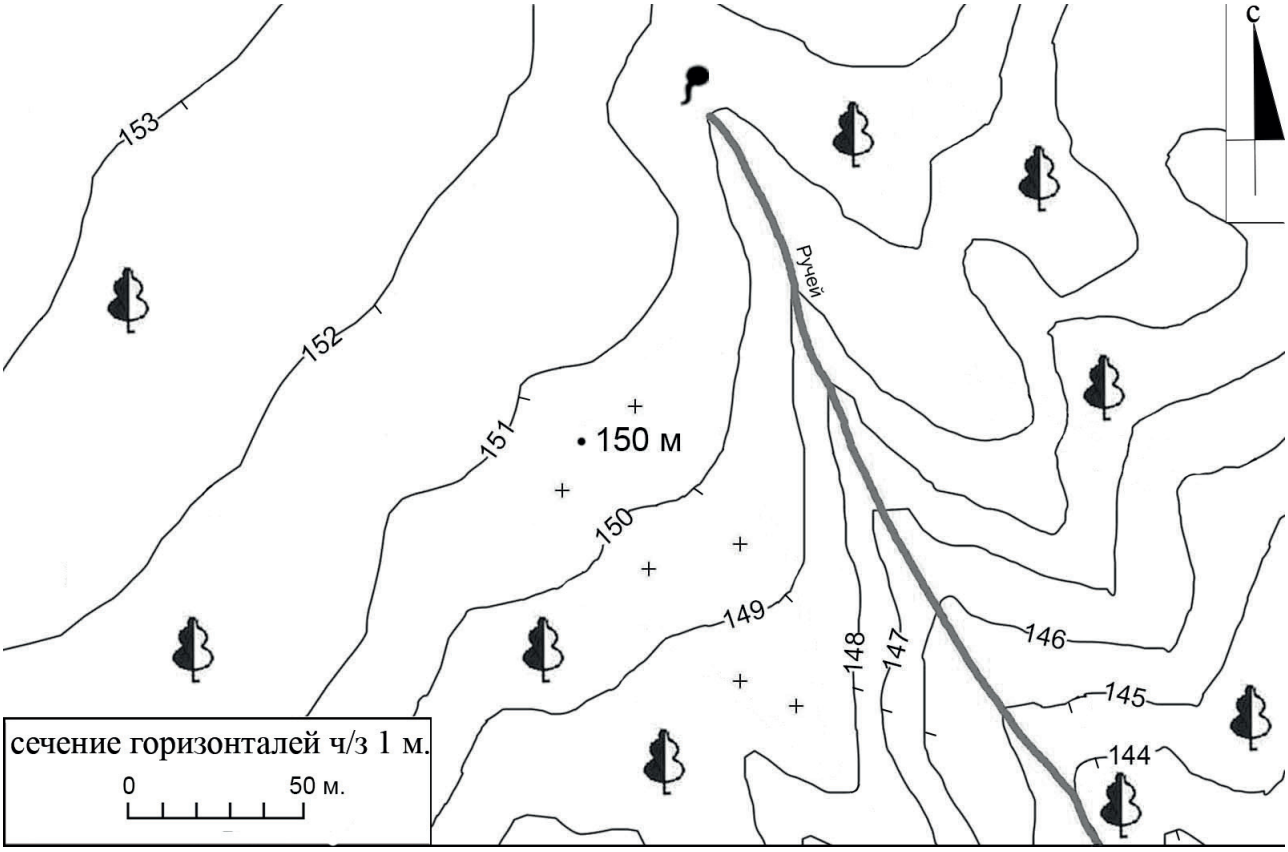


Рис. 3. Селище Акбердино-16. План
Fig. 3. Akberdino-16 settlement. View

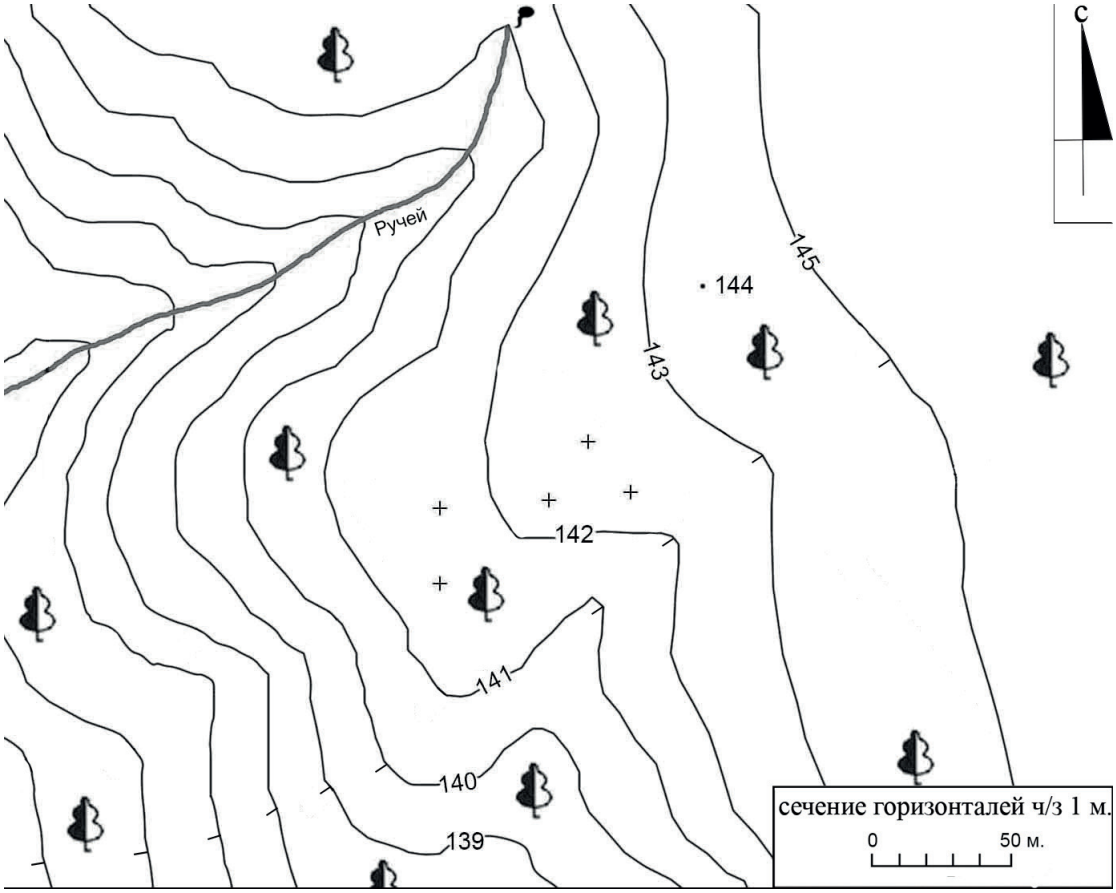


Рис. 4. Селище Акбердино-23. План
Fig. 4. Akberdino-23 settlement. View

овражно-балочного комплекса. Обрывы и скаты весьма разнообразны по высоте и характеру перехода в ложбину оврага. К примеру, высота мыса, на котором расположено селище Акбердино-10 достигает 55 м. А высота мыса, на котором находится поселение Акбердино-3, составляет не более 15 м.

С запада и северо-запада левый край оврага переходит в поле, отведенное под строительство коттеджного посёлка Нагаево. С востока и северо-востока правый край оврага упирается в жилые дома с. Акбердино. На территории некоторых памятников (селища Акбердино-11-15) проведена искусственная высадка сосны. В целом, нужно отметить, что площадки всех памятников плотно заняты лесной растительностью.

Подъемный материал скрыт под листвой и встречается на всех площадках-мысах. В большинстве случаев его распространение локальное. Только на селищах Акбердино-11 и -21 находки фиксируются по всей площади мыса. В остальных случаях сосредоточение подъемного материала можно охарактеризовать как небольшие разбросанные «пятна». В среднем с одного памятника происходит 13 находок (табл. 2).

Самыми массовыми находками являются фрагменты керамики (232 фр.). Примеси в тесте: песок, шамот, тальк, раковина и органика. Средняя толщина стенок составляет 0,5 см. Среди найденных фрагментов всего 15 имеют орнамент, представленный округлыми, каплевидными или треугольными вдавлениями. Формы сосудов не реконструируются. Однако, по всем признакам они находят ближайшие аналогии в керамических группах с городища Акбердино-2 [Овсянников, Савельев, 2019. С. 205].

Чтобы не оставить последний тезис без доказательной базы, необходимо сравнить керамические коллекции, полученные в ходе исследования рассматриваемых акбердинских селищ и керамики из раскопок городища Акбердино-2. В.В. Овсянниковым и Н.С. Савельевым был проведен анализ примесей к формовочной массе сосудов с этого городища, что позволило выделить хорошо фиксируемые культурные группы (кара-абызская, убаларская, гафурийская). Что касается самих примесей, то ситуация выглядит следующим образом: тальк, тальк-раковина (гафурийская); раковина, раковина-органика, раковина-органика-шамот; раковина-шамот (кара-абызская); песок, песок-шамот, песок-шамот-органика (убаларская); раковина-песок, песок-шамот-раковина, раковина-песок-органика, песок-шамот-раковина-органика (смешанная) [Овсянников, Савельев, 2019. С. 204].

Анализ керамики с рассматриваемых селищ показал, что 184 экз. относится к чисто убаларским традициям (песок, шамот, органика), 14 экз. – к кара-абызским традициям (раковина, раковина-органика, раковина-органика-шамот, раковина-шамот), 9 экз. – к гафурийским традициям (тальк, тальк-раковина), а 25 экз. – к смешанному типу.

Таблица 1
Акбердинские селища. Сводные данные по найденной керамике

Table 1
Akberdino settlements. Summary of found ceramics

№	Объект	Тип	Кол-во	Примеси
1	Акбердино-11	Селище	15	Песок 100%
2	Акбердино-12	Селище	10	Песок 90% Шамот 10%
3	Акбердино-13	Селище	12	Песок 91,7% Раковина 8,3%
4	Акбердино-14	Селище	10	Песок 100%
5	Акбердино-15	Селище	16	Тальк 6,25% Органика 6,25% Песок 87,5%
6	Акбердино-16	Селище	8	Песок 100%
7	Акбердино-17	Селище	12	Песок 8,3% Органика 8,3% Тальк 83,4%
8	Акбердино-18	Селище	18	Песок 83,4% Тальк 11,1% Органика 5,5%
9	Акбердино-19	Селище	1	Песок 100%
10	Акбердино-20	Селище	23	Песок 87,1% Тальк 8,6% Органика 4,3%
11	Акбердино-21	Селище	18	Песок 89% Раковина 5,5% Тальк 5,5%
12	Акбердино-22	Селище	13	Песок 100%
13	Акбердино-23	Селище	8	Песок 50% Тальк 50%
14	Акбердино-24	Селище	7	Песок 57,2% Тальк 42,8%
15	Акбердино-10	Селище	17	Песок 76,6% Раковина 5,8% Тальк 17,6%
16	Акбердино-9	Селище	20	Песок 65% Тальк 30% Раковина 5%
17	Акбердино-3	Поселение	3	Песок 66,6% Тальк 33,3%

Во-первых, данные выводы демонстрируют то, что селища в окрестностях городища Акбердино-2 оставлены его обитателями. Во-вторых, они не противоречат наблюдениям В.В. Овсянникова и Н.С. Савельева о том, что процент керамики убаларской традиции значительно возрастает к финалу накопления культурных отложений городища Акбердино-2. Так как археологическое обследование селищ на бортах овражно-балочного комплекса в 2018 г. проводилось без осуществления земляных работ, то последний вывод является логичным, исходя из сборов находок исключительно с поверхности селищ.

Помимо керамики, на описываемых селищах были найдены фрагменты глиняной обмазки, расколотые гальки и два биконических пряслица. Особенностью подъемного материала с данных селищ является полное отсутствие костей животных. На-

личие глиняной обмазки на памятниках кара-абызской культуры является следствием использования глины как для постройки жилищ [Бахшиев, Савельев, 2013. С. 112], так и в качестве строительного материала для укреплений [Борзунов, Новиченков, 1988. С. 97]. Галька же могла использоваться в качестве очажных камней, а после раскалывания – в качестве различных макроорудий [Котов, 2009. С. 142].

На пряслице с местонахождения Акбердино-19 (рис. 2, *19*) нанесен орнамент в виде трех округлых вдавлений, имеющий полную аналогию в материалах раскопок городища Акбердино-2 [Овсянников, Савельев, 2019. С. 218].

Все описываемые памятники концентрируются рядом с одноименным городищем. Начало освоения данных площадок связано с приходом на правый берег р. Белая носителей гафурийских культурных традиций. Хотя количество найденной на них гафурийской керамики незначительно, но она показывает, что эта территория входила в орбиту хозяйственных интересов насельников городища уже в IV-III вв. до н.э. Более того, данные палинологических исследований Шиповского городища свидетельствуют об аридизации климата в IV-III вв. до н.э. [Савельев и др., 2018. С. 244]. С остепнением окружающих пространств кара-абызское население испытывает сильное давление проникающих с юга «гафурийцев», которые по своему происхождению являлись оседавшими в лесостепи кочевниками-сарматами.

В свое время А.Х. Пшеничнюк выделял кара-абызские городища в отдельные родовые или даже племенные поселки, куда стекалось население в случае военной опасности. Хозяйство же велось не на самом городище, а в удобных местах его округи [Пшеничнюк, 1973. С. 216]. У северных соседей кара-абызской культуры – носителей пьяноборской культуры селища основывались небольшими родовыми общинами, а городище являлось местом совместного проживания нескольких родов [Генинг, 1970. С. 121]. Ссылаясь на концентрацию мелких укрепленных пунктов вокруг Юлдашевского городища, В.А. Иванов выдвинул идею, что последнее являлось родовым или племенным центром [Иванов, 1978. С. 176]. С другой стороны, Г.Н. Журавлева видит основной социально-экономической ячейкой пьяноборского общества не род, а большую патриархальную семью [Журавлева, 2002. С. 154]. С доминированием большой семьи как основы социума в ананьинское и пьяноборское время солидарна и Е.М. Черных [Черных, 2002. С. 62].

Мысль о том, что городище Акбердино-2 являлось одним из опорных объектов кара-абызской культуры уже высказывалась. Мощность его культурных отложений можно сопоставить с такими памятниками как Охлебининское II, Шиповское, Кара-Абызское и Биктимировское городища.

Таблица 2
Акбердинские селища: общие характеристики и количественные данные

Table 2
Akberdino settlements: general characteristics and quantitative data

Памятник	Площадь мыса, м^2	Находки, кол-во	Расстояние до городища Акбердино-2, км.
Акбердино-3, пос.	19684	3	2,6
Акбердино-9, сел.	6600	20	1,7
Акбердино-10, сел.	120813	22	1,2
Акбердино-11, сел.	10240	15	2,0
Акбердино-12, сел.	20535	10	1,9
Акбердино-13, сел.	42192	13	1,45
Акбердино-14, сел.	10126	10	1,3
Акбердино-15, сел.	5880	16	1,2
Акбердино-16, сел.	6829	8	1,0
Акбердино-17, сел.	7918	12	0,9
Акбердино-18, местонахождение	6240	2	0,8
Акбердино-19, сел.	13923	26	0,6
Акбердино-20, сел.	54020	27	0,2
Акбердино-21, сел.	6750	18	2,1
Акбердино-22, сел.	14632	14	2,0
Акбердино-23, сел.	14352	9	1,8
Акбердино-24, сел.	37422	7	1,6

Вероятно, городище Акбердино-2 являлось одним из «родоплеменных» центров кара-абызской культуры, о чем свидетельствуют окружающие его некрополи (из известных – Акбердинские и Нагаевские курганы) [Овсянников, Савельев, 2019. С. 201] и те сезонные селища, которые были обнаружены в 2018г.

К выводу о наличии у носителей кара-абызской культуры сезонных поселений или поселков-летников на основе изучения селища Зинино-1 пришли И.И. Бахшиев и Н.С. Савельев [Бахшиев,

Савельев, 2013. С. 114]. Это же подтверждается и результатами исследований 2018 г. О сезонности использования мысов Акбердинского овражно-балочного комплекса также говорит: а) небольшое количество находок; б) их ограниченность в категориях; в) топографические особенности местности; г) значительная их концентрация на компактной площади.

Говоря конкретно о концентрации памятников на столь небольшой площади, то она обусловлена несколькими факторами: а) наличием рядом опорного памятника – городища Акбердино-2; б) естественными барьерами в виде глубоких ложбин, разделяющих овраг на отдельные мысы; в) обильным количеством ручьев, протекающих по логам балочно-овражного комплекса.

Похожая система расселения встречается у носителей саргатской культуры Западной Сибири. В Карташовском микрорайоне на р. Иртыш выявлено 20 памятников, расположенных в радиусе 16-17 км от Карташовского-3 городища [Матвеева и др., 2005. С. 24-27]. Само городище является одним из культурных центров древнего населения, а вокруг него расположен ряд поселений, где велась хозяйственная деятельность. Подобную же ситуацию иллюстрирует Батаковско-Богдановский микрорайон саргатской культуры на р. Иртыш с 55 памятниками, экономической зоной диаметром в 50-52 км и центром на городище Батаково-19 [Матвеева и др., 2005. С. 27].

Для эпохи Великого переселения народов также зафиксирован по крайней мере один случай подобного освоения территории – это группа памятников мазунинской и бахмутинской культур на южной окраине г. Бирск (IV-VII вв. н.э.). Ее особенностью является то, что между двумя хорошо защищенными городищами высокой террасы правого берега р. Белая (Бирское I и Михайло-Никольское I), расположенных на расстоянии 4,5 км друг от друга, фиксируется одно городище-убежище (Пономарёвка-7) и базовый зимник (Михайло-Никольское II). Причем, последнее городище, исходя из мощности и насыщенности культурного слоя, а также защищенности только рвом, было опорным. Множество бахмутинских селищ расположено в окрестностях описанных выше городищ, но приурочены они не к высокой террасе правого берега р. Белая, а к мелким речкам в её глубине – рр. Таловка, Отарная, Юланда и др. [Акбулатов и др., 2010. С. 333].

Ранее В.Ф. Генингом уже была описана схема расселения мазунинских племен. По его мнению, в эпоху раннего средневековья большие семьи жили обособленно. Главная черта этого периода не в том, что разные по родовой принадлежности семьи живут по соседству в одних поселках, а в замене родовых связей территориальными. Большая семья экономически обособляется, стремится поселиться отдельно от других таких же семей своего рода, чтобы достичь большей самостоятельности [Генинг, 1967. С. 37]. Также, исследуя поселения пьяноборской культуры, Д.Г. Бугров писал о сезонной системе хозяйственно-промысловых посёлков, являющихся сателлитами центрального городища [Бугров, 2006. С. 167-168]

Таким образом, опираясь на эти данные, можно выделить сезонную систему освоения человеком одного из участков правого берега р. Белая в раннем железном веке. В данном случае, сезонная система освоения – это хозяйственное использование населением раннего железного века овражно-балочного комплекса, на котором располагалось и крупное городище (Акбердино-2). По всей видимости, благоприятные географические условия правого берега р. Белая в эпоху раннего железа способствовали концентрации поселенческих объектов в одном месте и позволяли успешно заниматься хозяйством. Важно отметить, что памятники более раннего и более позднего времени на расстоянии до 15 км вокруг описываемой территории буквально единичны.

Данные селища – это следы кратковременных стоянок, места которых могли меняться каждый год или каждый сезон. Наличие рядом опорного памятника и состав керамики на селищах позволяет уверенно говорить о том, что мысы Акбердинского овражно-балочного комплекса активно использовались в хозяйственных целях обитателями городища Акбердино-2.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акбулатов И.М., Савельев Н.С., Овсянников В.В. Разведочные работы на территории г. Бирск // Археологические открытия 2007 года / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 333-336.

АКБ, 1976: Археологическая карта Башкирии / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Наука, 1976. 262 с.

Бахшиев И.И., Савельев Н.С. К изучению некоторых вопросов этнокультурной динамики и хозяйства населения лесостепи Южного Приуралья эпохи раннего железа (по материалам селища Зинино-1) // УАВ. 2013. Вып. 13. С. 104-115.

Борзунов В.А., Новиченков Н.Н. Ранние укрепленные поселения финно-угров Урала // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири (Вопросы археологии Урала. Вып. 19) / Отв. ред. В.Т. Ковалева. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. С. 88-103.

Бугров Д.Г. Поселения пьяноборской культуры в Икско-Бельском междуречье. Дисс. на соискание … к.и.н. Казань, 2006. 351 с.

Генинг В.Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // Вопросы археологии Урала. Вып. 7 / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1967. С. 7-84.

Журавлева Г.Н. Народонаселение Среднего Прикамья в пьяноборскую эпоху (опыт палеодемографических реконструкций) // Социально-исто-

рические и методологические проблемы древней истории Прикамья / Науч. ред. О.М. Мельникова. Ижевск: Удмуртский университет, 2002. С. 131-156.

Иванов В.А. Оборонительные сооружения городищ эпохи раннего железа на северо-западе Башкирии // СА. № 1. 1967. С. 166-167.

Котов В.Г. Каменные изделия с Шиповского городища кара-абызской культуры // УАВ. 2009. Вып. 9. С. 141-143.

Лясович В.И. Научный отчет о проведении разведочных археологических исследований в Иглинском районе Республики Башкортостан по Открытому листу № 2047 от 21.09.2018 г. Уфа, 2018. 217 с// Архив ИА РАН.

Матвеева Н.П., Ларина Н.С., Берлина С.В., Чикунова И.Ю. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 227 с.

Овсянников В.В. Научный отчет о результатах инвентаризации памятников археологии в Иглинском районе Республики Башкортостан. Уфа, 2011. 85 с // Архив НПЦ МК РБ.

Овсянников В.В., Савельев Н.С. Воинское святилище на Акбердинском II городище // Археология евразийских степей. № 2. 2019. С. 201-226.

ПАБ, 1988: Памятники археологии Башкирской АССР, открытые в 1981-1986 годы. Каталог / Отв. за выпуск Р.Г. Мухтаров. Уфа: БРО ВООПИК, 1988. 94 с.

*Пшеничнюк А.*Х. Кара-абызская культура (Население Центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Т. 5 / Под ред. Р.Г. Кузеева. Уфа: БФАН СССР, 1973. С. 162-243.

Пшеничнюк А.Х., Овсянников В.В. Археологическая карта Иглинского района. Уфа: б.и., 2007. 47 с.

Савельев Н.С. Этнокультурные компоненты лесостепи Южного Приуралья на стадии сложения кара-абызской культуры (по материалам поселения Акбердино-3) // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология: Материалы XVIII Уральского археологического совещания. Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. С. 235-240.

Савельев Н.С., Курманов Р.Г., Сулейманов Р.Р. Первые результаты комплексных исследований Шиповского городища в лесостепи Южного Приуралья // XXI Уральское археологическое совещание. Материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Самара: Изд-во СГСПУ, 2018. С. 242-244.

Черных Е.М. Аргыжское городище на реке Вятке. М.: Институт компьютерных исследований, 2002. 188 с.

REFERENCES

Akbulatov I.M., Savelev N.S., Ovsyannikov V.V. Razvedochnye raboty na territorii g. Birsk [Exploration work on the territory of Birsk] // Arheologicheskie otkrytiya 2007 goda / Otv. red. N.V. Lopatin. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2007. S. 333-336.

AKB, 1976: Arheologicheskaya karta Bashkirii [Archaeological map of Bashkiria] / Otv. red. O.N. Bader. M.: Nauka, 1976. 262 s.

Bahshiev I.I., Savelev N.S. K izucheniyu nekotoryh voprosov etnokul'turnoj dinamiki i hozyajstva naseleniya lesostepi Yuzhnogo Priural'ya epohi rannego zheleza (po materialam selishcha Zinino-1) [To the study of some issues of ethnocultural dynamics and economy of the population of the forest-steppe of the Southern Urals of the Early Iron Age (based on the materials of the Zinino-1 settlement)] // UAV. 2013. Vyp. 13. S. 104-115.

Borzunov V.A., Novichenkov N.N. Rannie ukreplennye poseleniya finno-ugrov Urala [Early fortified settlements of the Finno-Ugric peoples of the Urals] // Material'naya kul'tura drevnego naseleniya Urala i Zapadnoj Sibiri (Voprosy arheologii Urala. Vyp. 19) / Otv. red. V.T. Kovaleva. Sverdlovsk: Izd-vo UrGU, 1988. S. 88-103.

Bugrov D.G. Poseleniya p'yanoborskoj kul'tury v Iksko-Bel'skom mezhdurech'e [Settlements of the Pianobor culture in the Ik-Belsk interfluve]. Diss. na soiskanie … k.i.n. Kazan', 2006. 351 s.

Gening V.F. Mazuninskaya kul'tura v Srednem Prikam'e [The Mazunin culture in the Middle Kama region] // Voprosy arheologii Urala. Vyp. 7 / Otv. red. A.F. Medvedev. Sverdlovsk: Izd-vo UrGU, 1967. S. 7-84.

Zhuravleva G.N. Narodonaselenie Srednego Prikam'ya v p'yanoborskuyu epohu (opyt paleodemograficheskih rekonstrukcij) [Population of the Middle Kama region in the Pianobor era (experience of paleodemographic reconstructions] // Social'no-istoricheskie i metodologicheskie problemy drevnej istorii Prikam'ya / Nauch. red. O.M. Mel'nikova. Izhevsk: Udmurtskij universitet, 2002. S. 131-156.

Ivanov V.A. Oboronitel'nye sooruzheniya gorodishch epohi rannego zheleza na severo-zapade Bashkirii [Defensive structures of settlements of the early Iron era in the north-west of Bashkiria] // SA. № 1. 1967. S. 166-167.

Kotov V.G. Kamennye izdeliya s Shipovskogo gorodishcha kara-abyzskoj kul'tury [Stone products from the Shipovo fortified settlement of the Kara-Abyz culture] // UAV. 2009. Vyp. 9. S. 141-143.

Lyasovich V.I. Nauchnyj otchet o provedenii razvedochnyh arheologicheskih issledovanij v Iglinskom rajone Respubliki Bashkortostan po Otkrytomu listu № 2047 ot 21.09.2018 g. [Scientific report on exploratory archaeological research in the Iglinsky district of the Republic of Bashkortostan according to Open sheet No. 2047 dated 09.21.2018]. Ufa, 2018. 217 s // Arhiv IA RAN.

Matveeva N.P., Larina N.S., Berlina S.V., Chikunova I.Yu. Kompleksnoe izuchenie uslovij zhizni drevnego naseleniya Zapadnoj Sibiri [Comprehensive study of the living conditions of the ancient population

of Western Siberia]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2005. 227 s.

Ovsyannikov V.V. Nauchnyj otchet o rezul'tatah inventarizacii pamyatnikov arheologii v Iglinskom rajone Respubliki Bashkortostan [Scientific report on the results of the inventory of archaeological sites in the Iglinsky district of the Republic of Bashkortostan]. Ufa, 2011. 85 s. // Arhiv NPC MK RB.

Ovsyannikov V.V., Savelev N.S. Voinskoe svyatilishche na Akberdinskom II gorodishche [Military sanctuary at the Akberdinsky II settlement] // Arheologiya evrazijskih stepej. № 2. 2019. S. 201-226.

PAB, 1988: Pamyatniki arheologii Bashkirskoj ASSR, otkrytye v 1981-1986 gody. Katalog [Monuments of archeology of the Bashkir ASSR, discovered in 1981-1986] / Otv. za vypusk R.G. Muhtarov. Ufa: BRO VOOPIK, 1988. 94 s.

Pshenichnyuk A.H. Kara-abyzskaya kul'tura (Naselenie Central'noj Bashkirii na rubezhe nashej ery) [The Kara-Abyz culture (Population of Central Bashkiria at the turn of our era] // AEB. T. 5 / Pod red. R.G. Kuzeeva. Ufa: BFAN SSSR, 1973. S. 162-243.

Pshenichnyuk A.H., Ovsyannikov V.V. Arheologicheskaya karta Iglinskogo rajona [Archaeological map of Iglinsky district]. Ufa: b.i., 2007. 47 s.

Savelev N.S. Etnokul'turnye komponenty lesostepi Yuzhnogo Priural'ya na stadii slozheniya kara-abyzskoj kul'tury (po materialam poseleniya Akberdino-3) [Ethno-cultural components of the forest-steppe of the Southern Urals at the stage of formation of the Kara-Abyz culture (based on materials from the Akberdino-3 settlement] // XVIII Ural'skoe arheologicheskoe soveshchanie: kul'turnye oblasti, arheologicheskie kul'tury, hronologiya: Materialy XVIII Ural'skogo arheologicheskogo soveshchaniya. Ufa: Izd-vo BGPU, 2010. S. 235-240.

Savelev N.S., Kurmanov R.G., Sulejmanov R.R. Pervye rezul'taty kompleksnyh issledovanij Shipovskogo gorodishcha v lesostepi Yuzhnogo Priural'ya [The first results of comprehensive studies of the Shipovo settlement in the forest-steppe of the Southern Urals] // XXI Ural'skoe arheologicheskoe soveshchanie. Materialy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem. Samara: Izd-vo SGSPU, 2018. S. 242-244.

Chernyh E.M. Argyzhskoe gorodishche na reke Vyatke [Argyzhskoe fortified settlement on the Vyatka river]. M.: Institut komp'yuternyh issledovanij, 2002. 188 s.

REVISTING THE DATA CONCERNING THE TEMYASOVO KURGANS DATING

F. Sungatov

Abstract. The article presents the results of archaeological research of mounds IX and X of the Temyasovo-1 burial ground, located in the Baymak District of the Republic of Bashkortostan. Under the burial mounds, burial chambers containing the remains of three and seven buried persons were found. The anthropological research showed that in mound IX remains belong to a 10-12 years old teenager, a woman and a man of mature age. On all three skulls there are traces of severe artificial deformation of the circular type. One skull is defined as Caucasoid with some mongoloid features.

The burial equipment from the burials is typologically close to the material culture of the population of the Ural-Aral region of the Late Sarmatian time (II-IVth centuries A.D.). Odontological data indicate a "mixed" morphotype of the buried. The nature of the distribution of various genetic abnormalities, judging by the results of the study of the bones from mound IX allows to conclude that the buried were relatives. This conclusion most likely indicates that those 7, buried in collective grave pits, were also in kinship.

Analysis of indicators of mechanical stress of the physical activity indicates that the man and woman (barrow IX) were riders.

The discovered inventory includes various artifacts: spindles, fibulas, a kalach-shaped earring, long knives with bone handles, a bronze cauldron with two loop-shaped handles, polyhedral beads, a metal mirror, earthenware. The article gives a morphological description of the discovered objects, provides analogies from synchronous monuments of the South Urals, the Lower Volga region, discusses the issues of their dating, determines the place of the complexes in the chronological scale of the Hun-Sarmatian antiquities of the Ural-Aral region. The existing analogies, the data on the reciprocity of chronologically significant artifacts, and radiocarbon analysis make it possible to date the burial complex in the framework of the III century A.D. and attribute it to the antiquities of the Hun-Sarmatian time. The determination of the chronological position of the complexes allows us to clarify the chronological framework of the existence of the Temyasovo necropolis.

Key words: Southern Urals, Ural-Aral Region, Hunno-Sarmatian culture, late Sarmatian Time, Temyasovo-1, burial ground, chrono-indicator, fibula, curl-shaped earring, spinning wheel, bronze cauldron

Citation. Sungatov F., 2020. Revisiting the data concerning the Temyasovo kurgans dating. The Ufa Archaeological Herald, is. 20, pp. 53-70. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2020.20.004

УДК 902.01
ББК 63.4

Дата поступления статьи: 18.03.2020
Дата принятия статьи: 13.11.2020

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ ТЕМЯСОВСКИХ КУРГАНОВ

Фларит Абдулхаевич Сунгатов

канд. ист. наук / директор / учебно-научный археологический музей БашГУ
г.Уфа, Российская Федерация / E-mail: sungatov58@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты археологических исследований курганов 9-10 могильника Темясово-1, расположенного в Баймакском районе Башкортостана. Под курганными насыпями выявлены погребальные камеры, содержавшие останки трех и семи захороненных соответственно. Антропологическое определение показало, что в кургане 9 они принадлежат подростку 10-12 лет, женщине и мужчине зрелого возраста. На всех трех черепах имеются следы выраженной искусственной деформации циркулярного типа. Один череп определяется как европеоидный с некоторой долей «монголоидных» признаков.

Погребальный инвентарь из погребений типологически близок материальной культуре населения Урала-Аральского региона позднесарматского времени – II-IV вв. Одонтологические данные указывают на «смешанный» морфотип погребенных. Характер распределения различных генетических аномалий, судя по результатам исследования костяков из кургана 9, позволяет говорить о родстве погребенных. Данный вывод с большой вероятностью указывает на то, что захороненные в коллективных могильных ямах (всего в могильнике исследовано 7 таких захоронений), также состояли в родственных отношениях. Анализ индикаторов механического стресса типа физической активности свидетельствует о том, что мужчина и женщина (курган 9) являлись всадниками.

Обнаруженный инвентарь представлен различными изделиями: пряслицами, фибулами, калачиковидной серьгой, длинными ножами с составной костяной рукоятью, бронзовым котлом с двумя петлевидными ручками, полиэдрическими бусами, металлическим зеркалом, глиняными сосудами. В статье дается морфологическое описание обнаруженных предметов, приводятся аналогии из синхронных памятников Южного Урала, Нижнего Поволжья, обсуждаются вопросы их датировки, определяется место комплексов в хронологической шкале гунно-сарматских древностей Урало-Аральского региона. Имеющиеся аналогии, данные взаимовстречаемости хронологически значимых артефактов и радиоуглеродного анализа позволяют погребальный комплекс датировать в рамках III в. и отнести к древностям гунно-сарматского времени. Определение хронологической позиции комплексов позволяет уточнить хронологические рамки существования Темясовского некрополя.

Ключевые слова: Южный Урал, Урало-Аральский регион, гунно-сарматская культура, позднесарматское время, Темясово-1, могильник, хроноиндикатор, фибула, калачиковидная серьга, пряслице, бронзовый котел

Цитирование. Сунгатов Ф.А., 2020. К вопросу о датировке Темясовских курганов // Уфимский археологический вестник. Вып. 20. С. 53–70. DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2020.20.004

Темясовский курганный могильник известен научному сообществу со второй половины XX века. Он находится в Баймакском районе Республики Башкортостан, восточнее села Темясово, на возвышенности широкого мыса правого берега р. Сакмары, в местности, именуемой «Карагай-мурун» (*баш. – Сосновый мыс*).

По архивным данным и сведениям научной литературы известно, что могильник в своем составе насчитывал 13 курганных насыпей. Памятник выявлен в 1963 г. М.Х. Садыковой. В тот же год ею был раскопан один курган без следов захоронения [АКБ, 1976. С. 190]. В 1970-1972 гг. раскопки курганов проводил Н.А. Мажитов, эти материалы были введены в научный оборот публикацией А.Х. Пшеничнюка и М.Ш. Резяпова [Пшеничнюк, Резяпов, 1976. С. 132-140]. В 1990 г. памятник осмотрен Б.Б. Агеевым [АПБ, 1996. С. 223. № 391]. Экспедициями Р.А. Мигранова[1] в 1998 г. и под руководством Ф.А. Сунгатова в 2014 г. было исследовано по одному кургану.

В настоящей статье публикуются материалы раскопок курганов № 9 и № 10, которые не только пополняют источниковую базу по гунно-сарматскому (позднесарматскому) времени Урала-Аральского региона, но и служат решению ряда дискуссионных научных проблем.

ОПИСАНИЕ КОМПЛЕКСОВ

Курган 9. Диаметр 12 м, высота 0,5 м. Вскрытие выявленной могильной ямы привело к обнаружению трех костяков, лежавших параллельно друг другу. Погребальная камера простой конструкции, длинными стенками ориентирована по линии юго-восток – северо-запад, размеры ямы 2,45×2,80 м, глубина от уровня материка 75 см, стенки отвесные, дно ровное, углы округлые (рис. 1). В заполнении ямы прослежены фрагменты истлевшего дерева.

Костяк 1 располагался у длинной северо-западной стенки ямы. Анатомический порядок расположения костей скелета нарушен – кости ног отсутствуют за исключением одной тазобедренной кости, располагавшейся параллельно локтевым костям правой руки. Тазовые кости сдвинуты. У костяка также отсутствуют кости левой руки. Позвоночный столб с явным искривлением. Череп имеет четкие следы искусственной деформации, судя по которым определяется принадлежность его подростку 10-12 лет[2]. Судя по сохранившимся in situ костям, можно утверждать, что захороненный был ориентирован головой на северо-запад и уложен на спине (рис. 1; 2). При костяке какие-либо предметы, за исключением раздавленного лепного неорнаментированного сосуда, не обнаружены (рис. 3, *9-10*).

Костяк 2 (женский), уложенный вытянуто на спине с ориентировкой головы на северо-запад, располагался в центре могильной ямы. Скелет принадлежит женщине зрелого возраста (35-50 лет). Лицевая часть черепа слегка повернута на восток (рис. 1; 2). Скелет имеет хорошую степень сохранности, череп с признаками циркулярной деформации. На его правой скуловой кости зафиксирован след окислившегося бронзового изделия. С левой стороны под черепом обнаружена бронзовая серьга калачиковидной формы (рис. 3, *1-2*).

Левая кисть находится частично под кистью правой руки костяка 3. На левом и правом запястьях находились золотостеклянные бусины и бусы светло-зеленого стекла (браслет?) плохой сохранности. Ниже левой ключицы костяка обнаружена крупная бронзовая фибула (рис. 3, *3-4*).

Костяк 3 (мужской) располагался у северо-восточной длинной стенки могильной ямы в положении вытянуто на спине, головой на северо-запад (рис. 1; 2). Череп в раздавленном состоянии, имеет следы искусственной деформации, лицевой частью повернут на восток. Скелет принадлежит мужчине зрелого возраста (35-50 лет).

Костяк имеет хорошую степень сохранности. Кости рук сохранились полностью, кисть правой

[1] Автор статьи выражает благодарность Р.А.Мигранову за возможность публикации материалов его раскопок.
[2] Здесь и далее антропологическое определение черепов из погребения кургана 9 выполнено к.б.н. В.В. Куфтериным.

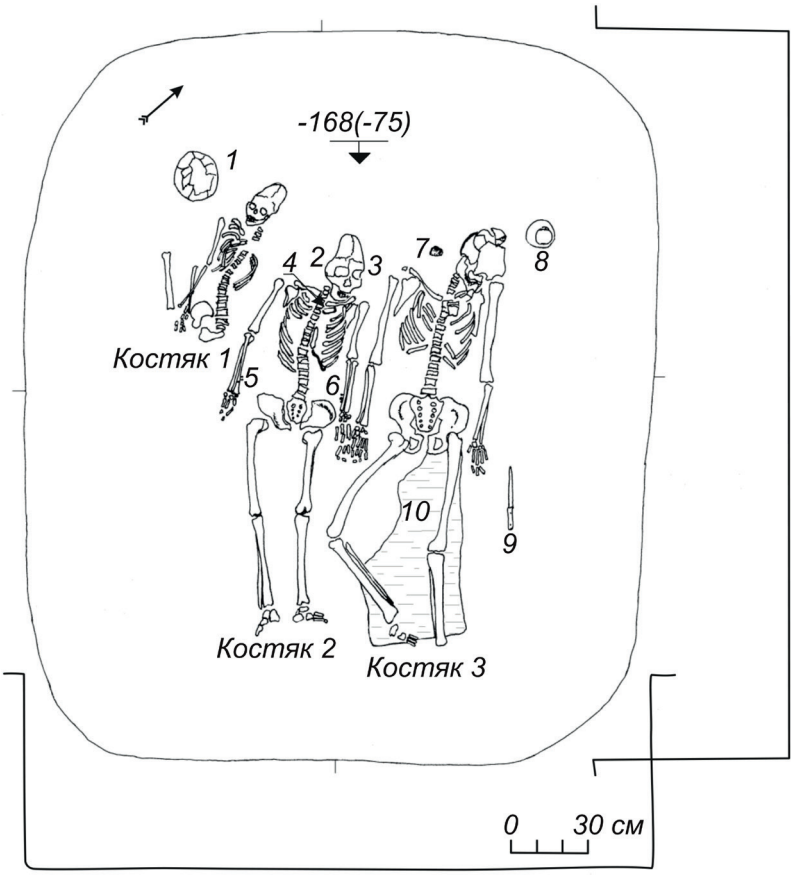


Рис. 1. Курганный могильник Темясово-1. Курган №9. План погребения: *1* – глиняный сосуд; *2, 3* – серьги; *4* – бронзовая фибула; *5, 6* – золотостеклянные бусы; *7* – глиняное пряслице; *8* – бронзовый котел; *9* – железный нож с костяной рукоятью; *10* – остатки подстилки

Fig. 1. Temyasovo-1 burial mound. Burial plan of mound № 9: *1* – earthen vessel; *2, 3* – earrings; *4* – bronze brooch; *5, 6* – gold-glass beads; *7* – clay spindle; *8* – bronze cauldron; *9* – iron knife with a bone handle; *10* – litter remnants

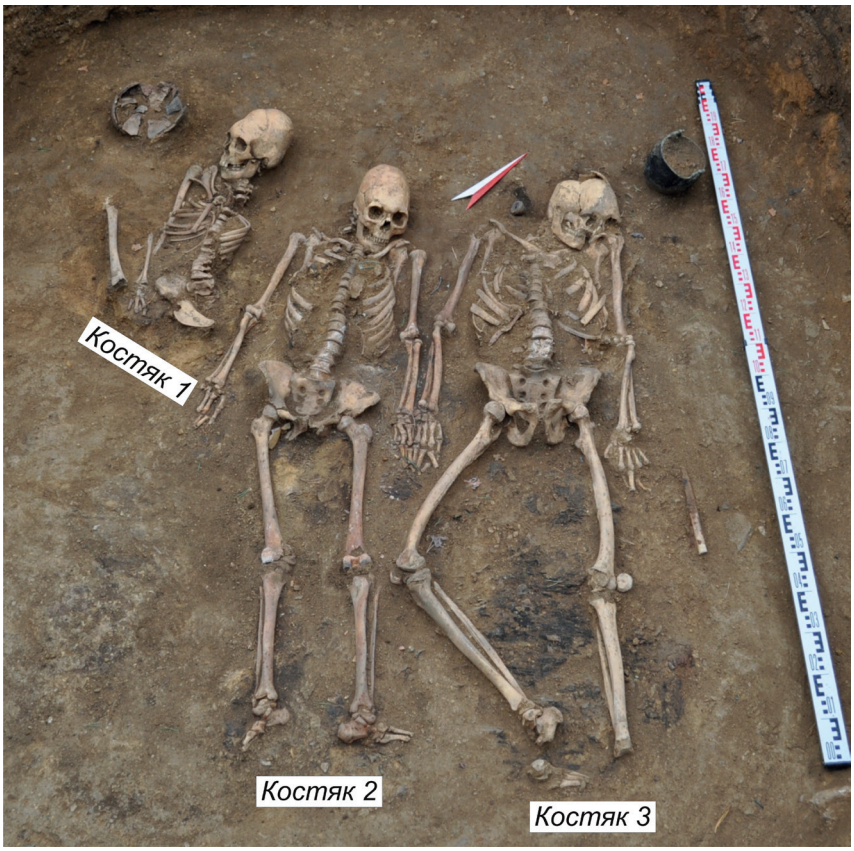


Рис. 2. Курганный могильник Темясово-1. Фото погребения кургана № 9

Fig. 2. Temyasovo-1 burial mound. Photo of the burial mound № 9

руки частично покоится на кисти левой руки костяка 2 (рис. 2). Левая нога вытянута, правая согнута в колене и отставлена в сторону по направлению на юго-запад. Кости правой ступни находятся в анатомическом порядке, кости левой не сохранились.

У правой височной кости найдено ассиметричное биконическое глиняное пряслице (рис. 3, *5-6*). Слева от черепа обнаружен бронзовый котел с двумя ручками (рис. 3, *11*). Параллельно левой бедренной кости находился однолезвийный железный нож с костяной заполированной ручкой (рис. 3, *7-8*). Острием нож ориентирован на северо-запад. Под костяком в районе ног были зафиксированы следы органической подстилки (рис. 1; 2). Также фиксировались остатки волокон подстилки под кистями рук костяка 2 и 3.

Устанавливается следующая последовательность захоронения: первым был погребен подросток, в дальнейшем к нему было совершено подзахоронение еще двух умерших. Видимо, при совершении захоронений произошло частичное разрушение костяка 1 – кости левой руки и ног большей частью оказались за пределами ямы. Женщина и мужчина (костяки 2 и 3) были погребены одновременно, на что указывает расположение кистей рук (правой у костяка 3 и левой у костяка 2).

Рис. 3. Курганный могильник Темясово-1. Погребение кургана №9. Инвентарь: *1-2* – серьга со стеклянными вставками (костяк 2 – фото и рисунок); *3-4* – бронзовая фибула (костяк 2 – фото и рисунок); *5-6* – глиняное пряслице (костяк 3 – фото и рисунок); *7-8* – железный нож с костяной рукоятью (костяк 3 – фото и рисунок); *9-10* – глиняный сосуд (костяк 1 – графическая реконструкция и реконструкция в программе 3D Max 2011); *11* – бронзовый котел (костяк 3 – фото)

Fig. 3. Temyasovo-1 burial mound. Funeral inventory of burial mound № 9: *1-2* – earring with glass inserts (skeleton 2 – photo and drawing); *3-4* – bronze brooch (skeleton 2 – photo and drawing); *5-6* – clay spindle (skeleton 3 – photo and drawing); *7-8* – iron knife with a bone handle (skeleton 3 – photo and drawing); *9-10* – earthen vessel (skeleton 1 – graphic reconstruction and reconstruction in the 3D Max 2011 program); *11* – bronze cauldron (skeleton 3 – photo)

Курган 10. Диаметр 10 м, высота 0,4 м. Вскрытие выявленной могильной ямы привело к обнаружению семи костяков (рис. 4). Четыре костяка, относящиеся к индивидуумам зрелого возраста, лежавшим параллельно друг другу, занимали почти всю площадь могильной камеры, а три подростковых костяка располагались в южной половины ямы: череп костяка 5 находился на правой голени, а череп костяка 6 – на левой ступне костяка 1. Останки костяка 7, принадлежащего индивидууму младенческого возраста, были зафиксированы южнее костяка 3.

Погребальная камера простой конструкции, длинными стенками ориентирована по линии юго-восток – северо-запад, размеры ямы 2,7×1,95 м, глубина от уровня материка 1,0 м, стенки отвесные, дно ровное, углы округлые. В заполнении ямы на различной глубине прослежены фрагменты истлевших деревянных плах, а древесная кора прослежена на дне ямы вдоль западной длинной и короткой южной стенок. Под погребенными и почти на всей площади дна камеры фиксировался тонкий слой органического тлена (войлок?).

Костяк 1 располагался у длинной северо-западной стенки ямы. Анатомический порядок расположения костей скелета нарушен – голенные кости правой ноги, обе стопы, левая тазобедренная, предплечевые и локтевые кости отсутствуют. Черепная коробка, лежавшая на затылке, раздавлена. Судя по сохранившим анатомический порядок костям позвоночного столба, ног и положению черепа можно заключить, что захороненный был ориентирован головой на север-северо-запад и уложен вытянуто на спине (рис. 4).

При костяке находилось несколько предметов: в 20 см западнее черепа бронзовая фибула с остатками ткани на игле, над правой ключицей серебряные нашивки треугольной формы в количестве 16 экземпляров (рис. 5, *3-4*) и восемь полусферических округлой формы из бронзы (рис. 5, *2*), над левой лопаткой окислившийся железный предмет, в 15 см ниже нашивок – одна янтарная бусина эллипсоидной формы (рис. 5, *25*).

Костяк 2 уложен вытянуто на спине с ориентировкой головы на север-северо-запад, располагался в центре могильной ямы параллельно костяку 1 (рис. 1; 2). Скелет имеет хорошую степень сохранности, лежит вытянуто на спине. Черепная коробка лежит на затылке. Правая рука вытянута вдоль туловища. Локтевые кости с кистью левой руки отсутствуют. Ноги вытянуты вдоль оси туловища.

Западнее ступни правой ноги находились серебряная фибула (рис. 5, *29*) и подвеска из бронзового листа округлой формы (рис. 5, *27*), а южнее, у стенки могильной камеры и ниже ступней левой ноги – два пряслица, эллипсоидной и усеченно-конической форм (рис. 5, *33-34*). Здесь же, ниже ступни правой ноги, стоял небольших размеров лепной глиняный сосуд (5, *40*).

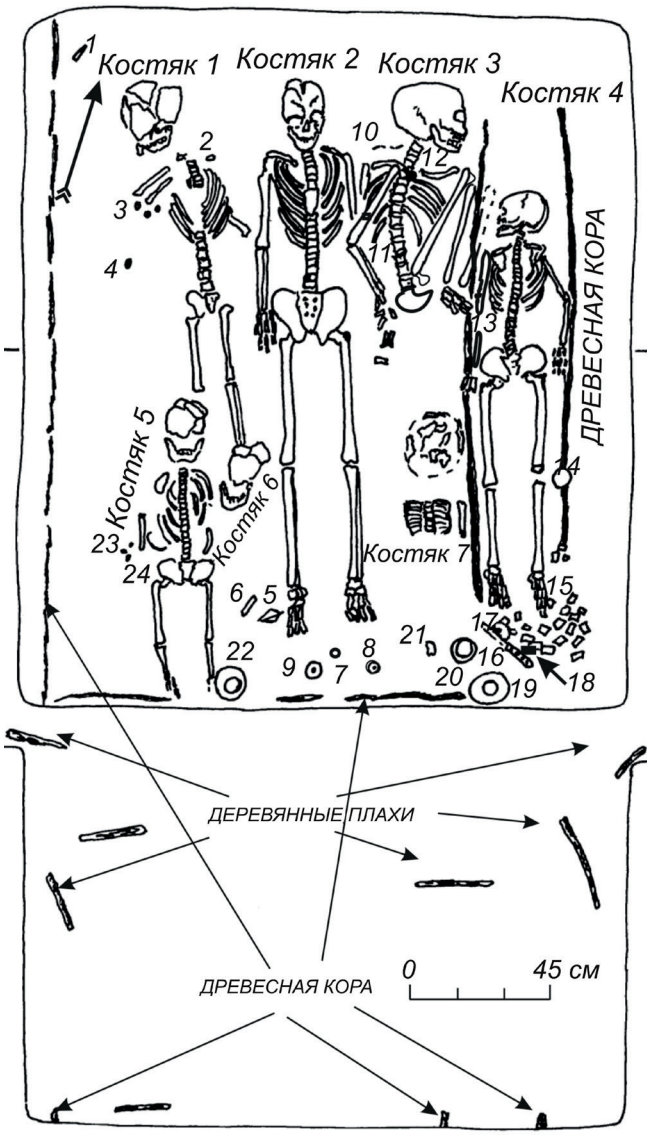


Рис. 4. Курганный могильник Темясово-1. Курган № 10. План погребения.

Костяк 1: 1(28) – бронзовая фибула; *2* – остатки предмета из железа; *3(2-4)* – серебряные и бронзовые нашивки; *4(25)* – янтарная бусина.

Костяк 2: 5(29) – серебряная фибула; *6(27)* – бронзовая подвеска; *7-8(33-34)* – глиняные пряслица; *9(40)* – глиняный сосуд.

Костяк 3: 10(26) – бронзовая подвеска, *11(8-9)* – полиэдрические бусы, *12(30)* – фибула из железа.

Костяк 4: 13(6-7, 10-24) – полиэдрические бусы; *14(32)* – изделие из рога (кистень?); *15(41-55)* – овечьи астрагалы и костяные фишки; *16(38)* – железный нож с костяной рукоятью; *17(31)* – бронзовое зеркало; *18(39)* – глиняное пряслице; *19-20(35-36)* – глиняные кувшины.

Костяк 5: 22(37) – глиняный сосуд; *23(5)* – бусина; *24(1)* – бусина из гагата.

Костяк 7: 21 – остатки деревянного сосуда

(в скобках дана нумерация находок, приведенных на рис. 5)

Fig. 4. Temyasovo-1 burial mound. Burial plan of kurgan № 10.

Skeleton 1: 1(28) – bronze brooch; *2* – remains of an object made of iron; *3(2-4)* – silver and bronze stripes; *4(25)* – amber bead. *Skeleton 2: 5(29)* – silver brooch; *6(27)* – bronze pendant; *7-8(33-34)* – clay spindle; *9(40)* – clay vessel. *Skeleton 3: 10(26)* – bronze pendant; *11(8-9)* – polyhedral beads; *12(30)* – iron brooch. *Skeleton 4: 13(6-7, 10-24)* – polyhedral beads; *14(32)* – artifact made of horn (flint?); *15(41-55)* – sheep astragals and bone chips; *16(38)* – iron knife with a bone handle; 17(31) – bronze mirror; *18(39)* – clay spindle; *19-20(35-36)* – clay jugs. *Skeleton 5: 22(37)* – earthen vessel; *23(5)* – bead; *24(1)* – jet bead. *Skeleton 7: 21* – remains of a wooden vessel

(the finds shown in Fig. 5 are numbered in brackets)

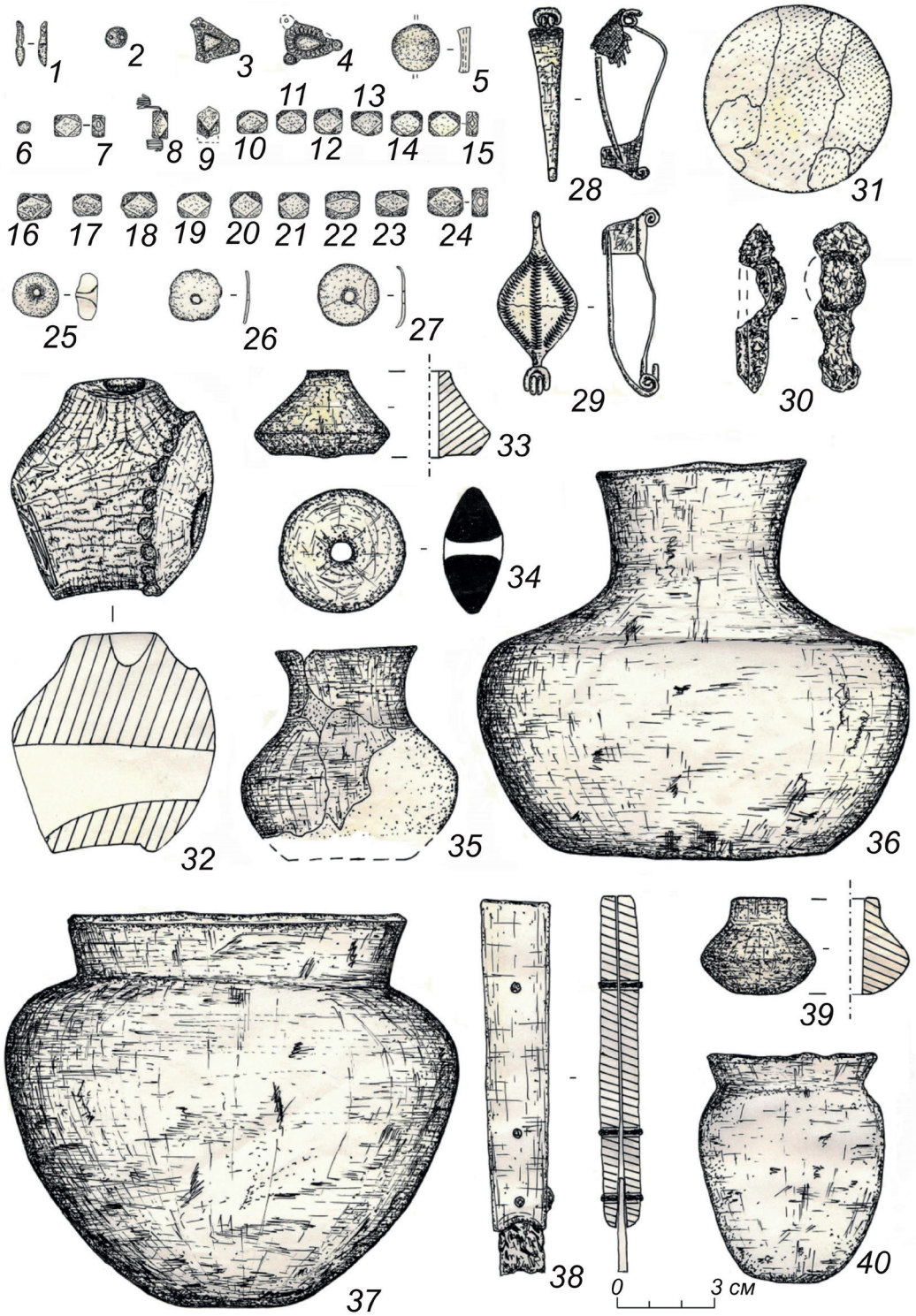


Рис. 5. Курганный могильник Темясово-1. Погребение кургана №10. Инвентарь: *1* – стреловидная бусина; *2* – полусферическая бронзовая нашивка; *3-4* – серебряные нашивки; *5* – бусина, мергель; *6-24* – полиэдрические бусы; *25* – янтарная бусина; *26-27* – подвески, бронза; *28* – фибула, бронза; *29* – фибула, серебро; *30* – фибула, железо; *31* – серебряное зеркало; *32* – кистень(?); *33-34, 39* – глиняные пряслица; *35-37, 40* – глиняные сосуды; *38* – нож с костяной рукоятью. *Рисунки Н.С. Савельева, 1998 г.*

Fig. 5. Temyasovo-1 burial mound. Funeral inventory of burial mound № 10. *1* – arrow-shaped bead; *2* – hemispherical bronze patch; *3-4* – silver stripes; *5* – mergel bead; *6-24* – polyhedral beads; *25* – amber bead; *26-27* – bronze pendants; *28* – bronze brooch; *29* – silver brooch; *30* – iron brooch; *31* – silver mirror; *32* – brush (?); *33-34, 39* – clay spindle; *35-37, 40* – clay vessels; *38* – knife with a bone handle. *Picture and drawings by N.Savelev, 1998*

Костяк 3 располагался восточнее костяка 2 в сильноскорченном положении на левом боку. Череп покоился на левом виске, лицевой частью обращен на восток. Ноги сильно согнуты в коленях и плотно прижаты к груди. Правая рука согнута под прямым углом и слегка отставлена за спину, кисть покоилась за тазом (рис. 4).

У шейных позвонков зафиксировано нахождение округой подвески из бронзовой тонкой пластины (рис. 5, *26*), в области грудной клетки – двух полиэдрических бусин, насаженных на бронзовую проволоку (рис. 5, *8-9*) и фибулы из железа (рис. 5, *30*).

Костяк 4 располагался между длинной восточной стенкой погребальной ямы и костяками 3 и 7. Захороненный уложен вытянуто на спине, голова ориентирована на север-северо-запад. Череп покоится на правом виске и лицом обращен на запад. Левая рука слегка согнута под тупым углом, правая находится в вытянутом положении. Ноги вытянуты вдоль оси туловища. На поверхности костей скелета и под ним, а также по его бокам фиксировались остатки древесной коры, в которую было завернуто тело погребенного. Кора дерева перекрывала кости голени левой ноги костяка 3 (рис. 4).

Над плечевой костью погребенного обнаружено 17 бус полиэдрической формы (рис. 5, *6-7, 10-24*). Левее коленной чашки над остатками коры дерева обнаружено изделие (кистень?) из рога (рис. 5, *32*). В ногах погребенного в кожаном мешочке плохой сохранности находились астрагалы в количестве 103 экземпляров и две таблетковидной формы фишки. Из общего числа астрагалов 11 с граффити (рис. 5, *41-51*), пять – со следами сверления (рис. 5, *41, 50-53*). Граффити также снабжена одна из фишек (рис. 5, *55*).

Слева от мешочка с астрагалами находились железный нож с костяной рукоятью, острием ориентированный на северо-запад (рис. 5, *38*), бронзовое зеркальце (рис. 5, *31*), глиняное пряслице ассиметричной грушевидной формы (рис. 5, *39*). У южной короткой стенки могильной ямы были размещены два глиняных кувшина (рис. 5, *35-36*).

Костяк 5, принадлежащий подростку, выявлен в южной половине погребальной камеры. Захороненный уложен вытянуто на спине с ориентировкой головы на север-северо-запад. Череп раздавлен и покоится на затылке. От костей рук сохранилась только часть правой локтевой кости. Ноги вытянуты вдоль оси туловища (рис. 4).

При костяке у ступни левой ноги находился лепной глиняный сосуд средних размеров (рис. 5, *37*), у правой кисти были расчищены бусы плохой сохранности, в том числе таблетковидной формы из мергеля(?) белесо-серого цвета (рис. 5, *5*) и гагатовая стреловидной формы (рис. 5, *1*).

Костяк 6, принадлежащий, судя по черепу, подростку, выявлен в южной половине погребальной камеры. Костяк плохой сохранности, от него сохранился только раздавленный череп, лежавший

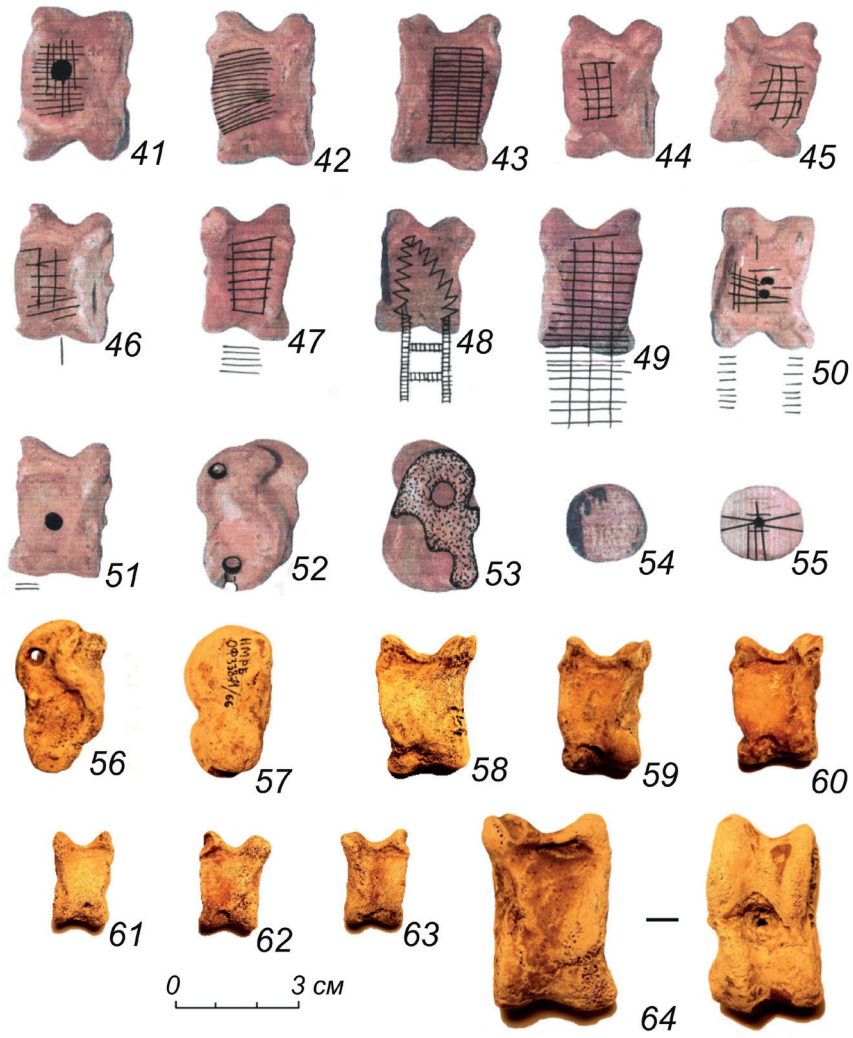


Рис. 5 (продолжение). Курганный могильник Темясово-1. *41-53* – астрагалы с граффити; *54-55* – костяные фишки таблетковидной формы. Прорисовки граффити даны в развороте. *41-55* – фото и рисунки Н.С. Савельева, 1998 г.

Fig. 5 (continued). Temyasovo-1 burial mound. *41-53* – astragalus with graffiti; *54-55* – костяные pill-shaped chips. Graffiti drawings are given in the spread. *41-55* – foto and drawings by N. Savelev, 1998

на затылке на стопе левой ноги костяка 1. Остальные кости отсутствуют, что, видимо, связано с его разрушением при помещении в могилу умершего, обозначенного нами как костяк 2 (рис. 4). Погребальный инвентарь при скелете не обнаружен.

Костяк 7 располагался между костями ног костяков 2 и 4 и ниже (южнее) костяка 3 (рис. 4). Кости скелета плохой сохранности, от него сохранился фрагментированный череп, верхний отдел грудной клетки и левая предплечевая кость. Судя по сохранявшим анатомический порядок костям, можно заключить, что захороненный был уложен вытянуто на спине с ориентировкой головы на север-северо-запад. Размеры костей указывают, что данные останки относятся к ребенку младенческого возраста.

При погребенном в области предполагаемого нахождения стоп ног был расчищен деревянный сосуд небольших размеров с двумя металлическими скобами длиной около 3 см. Форму сосуда и его размеры в силу плохой сохранности зафиксировать не удалось.

Последовательность захоронений с учетом характера расположения скелетов и их частичного разрушения при очередном совершении подзахоронения устанавливается следующим образом: костяк 1 → 5 → 6 → 2 → 3 → 7 → 4.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Новые исследования на Темясовском могильнике показали, что погребальные камеры находились под индивидуальной земляной насыпью округлой формы. Какие-либо дополнительные конструкции над курганом и в самой насыпи не обнаружены. Диаметр курганов колеблется в пределах от 10 до 12 м, высота не превышает 0,5 м, глубина ям достигает 1 м. В насыпи кургана 9 встречены следы тризны в виде неорнаментированных фрагментов керамики.

Погребальные камеры длинными стенками ориентированы в меридиональном направлении с небольшим отклонением к западу. Могильные ямы простой конструкции и в плане имеют форму широкого прямоугольника. Стенки ям вертикальные, дно ровное. В заполнении исследованных погребальных ям встречены остатки деревянных плах. Причем в яме кургана 10 деревянные плахи были зафиксированы на плечах длинных стенок. Данное обстоятельство указывает, что над могильной ямой сооружалось перекрытие. Плахи размещались поперек длинной оси ямы.

Полученные данные по устройству погребальной камеры позволяют сделать вывод, что они являлись своего рода семейными усыпальницами. Для осуществления подзахоронений доступ в камеру, находившийся, видимо, с южной или северной стороны и сверху, на что указывают положения частично разрушенных скелетов ранее погребенных, сохранялся до времени помещения в усыпальницу последнего умершего. После этого доступ в усыпальницу закрывался и над могильной ямой насыпался земляной холм.

Определение темясовских коллективных погребений семейными усыпальницами имеет свое подтверждение исследованиями генома захороненных из погребения кургана 9. Геномные исследования установили, что подросток является сыном покоившихся рядом мужчины и женщины. Причем, женщина и подросток принадлежат одной митохондриальной гаплогруппе (u5B), а мужчина к другой (D4), одновременно указывающей на его возможное восточное (азиатское) происхождение [Krzewińska et al., 2018].

Погребальные камеры содержали от трех до семи скелетов погребенных. Все они ориентированы головами в северный сектор с некоторым отклонением к западу. В большинстве случаев погребенные были уложены в вытянутом положении на спине (8 случаев). Один скелет погребенного находился в сильно скорченном положении: на левом боку с подогнутыми в коленях и прижатыми к груди ногами, отставленными за спину руками. Подобное, но не тождественное, положение костяка редко встречается в других синхронных памятниках [Малашев, Яблонский, 2008. Рис. 116; 144]. В одном случае зафиксировано положение погребенного в так называемой «атакующей» позе – руки вытянуты вдоль туловища, левая нога вытянута, а правая согнута в колене. Погребения с такой позой скелета находят аналогии в памятниках Южного Приуралья [Малашев, Яблонский, 2008. С. 45. Рис. 37; 90], Зауралья [Боталов, Гуцалов, 2000. Рис. 22, *III;* 32*, VII*] и Нижнего Поволжья [Скрипкин, 1984. С. 74].

В исследованных курганах дно погребальных камер несет признаки наличия подстилки в виде однородной органической массы темно-серого цвета (войлок?). В одном случае вдоль одной длинной и короткой стенок ямы прослежены остатки деревянных плах, установленных на торец.

В одном случае зафиксирован такой элемент погребального обряда, как оборачивание тела умершего лубом или корой. Об этом свидетельствуют истлевшие их остатки над и под скелетом 4 погребения кургана 10, а также по его бокам.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ

Бусы и ожерелья. Коллекция бус из исследованных погребений двух курганов представлена изделиями из различного материала. Среди них присутствуют: янтарная эллипсоидной формы диаметром 1,5 см (рис. 5, *25*), гагатовая стреловидной формы длиной 1,5 см со сквозным отверстием на одном конце (рис. 5, *1*), из камня белесо-серого цвета коротко-цилиндрической формы диаметром 1,5 см (рис. 5, *5*).

В составе инвентаря погребения кургана 10 обнаружены полиэдрические (14-гранные) бусы, всего 19 экземпляров. Изготовлены они из камня темно-фиолетового цвета. На одной из бусин сохранилась спиралевидная из бронзовой проволоки пронизь (рис. 5, *6-24*), указывающая, что нанизанные на проволоку бусы составляли ожерелье. Территория распространения таких ожерелий, по дан-

ным В.Ю. Малашева, охватывает районы Нижнего Подонья, Нижнего Поволжья, Южного Урала, Зауралья, Центрального Кавказа, а хронологические рамки их бытования укладываются в III век [Малашев, Яблонский, 2008. С. 64].

Калачиковидная серьга (рис. 3, *1-2*). У украшения относительно удовлетворительно сохранилось лишь тулово, состоящее из двух рельефных пластин, имеющих полушаровидные выпуклости в боковых частях. Нижняя часть оформлена в форме трехбусинной грозди. На внешней и оборотной стороне серьги – стеклянные вставки в гнездах. Одна из них из стекла с золотой фольгой и желто-коричневым внешним слоем, вторая – из стекла светло-зеленого цвета.

Аналогии подобным серьгам имеются в памятниках степного Южного Урала [Боталов, Полушкин, 1996. Рис. 4, *12*; 6, *8*; Боталов, Гуцалов, 2000. Рис. 12, *8*], а также в Приуралье [Пшеничнюк, 1992. Рис. 3, *1-2;* 6*, 6-7*]. Подобный тип украшений является переходной формой калачиковидных серег к образцам гроздевидных салтовского облика [Боталов, 2009. С. 190. Рис. 60; Древняя история…, 2000. С. 242].

Подвески. Обнаружены 2 однотипных экземпляра. Изготовлены из тонкого гладкого листа бронзы, имеют форму округлого диска диаметром 1,7-2 см со сквозным отверстием в центре. Края одной из них загнуты и образуют невысокий бортик (рис. 5, *26-27*).

Нашивные бляшки. Обнаружены при костяке 1 кургана 10. Представлены двумя типами. Первый из них (24 экз.), изготовленный из тонкой серебряной пластины, имеет подтреугольную форму, вершины которой оформлены в виде округлого выступа с отверстиями. По периметру изделия оттиск псевдозерни, образующий в центре каплевидную или подтреугольную фигуру с гладкой поверхностью (рис. 5, *3-4*).

Второй тип нашивных бляшек (8 экз.) изготовлен из бронзы и имеет полусферическую форму с двумя диаметрально расположенными отверстиями по краям (рис. 5, *2*). Данные бляшки являются широко распространенными в кочевнических погребениях первых веков нашей эры. В большом количестве они обнаружены в погребениях джетыасарских могильников Восточного Приаралья, датируемых периодом от последних веков до н.э. до IV-V вв. н.э. [Левина, 1996. С. 209. Рис. 110].

Фибулы (4 экз.) Две фибулы из бронзы однотипны: имеют высокий сплошной приемник с завитком на конце, низкий коленчатоизогнутый корпус из пластины вытянуто-подтреугольной формы и стержневидную иглу. Пружина четырехвитковая с верхней тетивой. Длина фибул находится в пределах 5,4-5,6 см (рис. 3*, 3-4*; 5, *28*).

Фибулы данной формы рядом исследователей выделены в особую группу [Амброз, 1966. С. 46. Рис. 5, *19*; Скрипкин, 1977. С. 114-115; Кропотов, 2010. С. 182-183]. Они представлены в материалах позднесарматских захоронений волго-донских [Гущина, Фирсов, 2000. Рис. 5, *6;* Клепиков и др., 2006. Рис. 13, *5*; Скрипкин, 1977. Рис. 6, *2-5*] и приуральских степей [Боталов, Полушкин, 1996. Рис. 2, *10*; Боталов, Гуцалов, 2000. Рис. 23, *13*; 25, *14*; Малашев, Яблонский, 2008. Рис. 167, *10*; 172, *2, 7*; 173, *3* и др.]. Отдельные экземпляры обнаружены далеко к северу от основной территории их расселения [Терехова, Чемякин, 1983. С. 136. Рис. 2, *9*], а также на Северном Кавказе, где они указывают на присутствие позднесарматского компонента среди населения Центрального Кавказа [Абрамова, 2007. Рис. 44, *9*; Малашев, 2010. Рис. 2, *5*].

А.К. Амброз склонялся к мысли, что данные фибулы являются южноуральским вариантом и датированы концом III – началом IV вв. н. э. [Амброз, 1966. С. 46, 95]. Мнение А.К. Амброза о месте их производства затем было подтверждено анализом сплавов фибул Лебедевского могильника [Мошкова, 2000. С. 192].

А.С. Скрипкиным аналогичные фибулы выделены в хронологическую группу более широкого диапазона – конца III – IV вв. н.э. и представлены как самые поздние находки у сарматов Нижнего Поволжья [Скрипкин, 1977. С. 115. Рис. 6, *6-17*; Скрипкин, 1984. С. 32, 53. Рис. 12, *32*]. М.Г. Мошкова такие находки помещает в более ранний хронологический отрезок и ограничивает их время концом II – первой половиной III вв. н.э. [Мошкова, 2000. С. 190-191; Мошкова, 2008. С. 253].

Комплексы, содержащие аналогичные фибулы, В.Ю. Малашев по совокупности представленных в них хроноиндикаторов считает возможным датировать в рамках III в. Опираясь на результаты датировки фибул и ременной гарнитуры Покровских могильников, он указывает на хронологическую лакуну, датируемую IV в. [Малашев, Яблонский, 2008. С. 62-63].

Аналогичные находки с территории Урало-Казахстанских степей С.Г. Боталовым отнесены к раннему этапу гунно-сарматских древностей – II-III вв. [Боталов, 2009. С. 199]. Предпринятый анализ хронологической позиции фибул эпохи раннего железного века В.В. Кропотова показал, что фибулы данного типа бытовали в основном в рамках III века [Кропотов, 2010. С. 204. Рис. 57, *6*].

Третья фибула (рис. 5, *29*), длиной 6 см, изготовлена из серебра, является вариантом описанных выше. Данный вариант отличается только характеристикой спинки, имеющей овально-ромбическую форму, периметр которой окантован короткими насечками, образующими зигзаг. Такой же орнаментальный элемент, идущий по оси фибулы, делит ее спинку на две равные части.

Данные для датировки фибул этого варианта, что было отмечено В.В. Кропотовым, ограничены, так как комплексы, из которых они происходят, редко содержат хронологически значимые находки: лишь в девяти случаях вместе с ними были найдены лучковые подвязные фибулы разных вариантов, сильно профилированные с бусинами на дужке и шарнирные броши с эмалью. Среди других сопутствующих им вещей отмечены четырехгранные курильницы, орнаментированные зеркала-под-

вески и зеркала-подвески с центральной петлей, пряжки с фасетированными язычками, сердоликовые 14-гранные бусы. Все эти предметы наиболее характерны для периода повсеместного господства позднесарматской культуры (конец II – первая половина III вв. н.э.), но продолжают бытовать и в более позднее время. В.В. Кропотовым также отмечено, что в сарматских захоронениях конца III – IV вв. н.э. фибулы с завитком на конце приемника до сих пор не встречены. Исходя из этого, период бытования таких фибул он ограничил концом II – III вв. н.э., поставив под сомнение возможность их использования в следующем столетии [Кропотов, 2010. С. 204. Рис. 57, *7-8*].

Четвертая фибула, длиной 5,5 см, изготовлена из железа (рис. 5, *30*). Несмотря на то, что предмет сильно коррозирован, форма ее устанавливается. Фибула двухпластинчатая. Головка и ножка из пластины подтреугольной формы, спинка равномерной ширины дугообразная, высокая. Способ крепления основания иглы к головке и форма приемника остались, в силу плохой сохранности предмета, невыясненными. Аналогичные находки в Урало-Аральском региона нам неизвестны.

Зеркало (1 экз.) представлено отполированным бронзовым диском с неорнаментированной поверхностью диаметром 6 см. Аналогичная находка содержится в погребении кургана 7 [Пшеничнюк, Резяпов, 1976. Рис. 1, *18*]. Зеркала данного типа имели длительный период бытования на широкой территории. По мнению А.М. Хазанова, наибольшее распространение они имели на сусловском этапе сарматской культуры, позднее встречаются редко [Хазанов, 1963. С. 64]. В Восточном Приаралье аналогичные находки встречены в памятниках джетыасарской культуры, где датированы в диапазоне от последних веков до н.э. и по VI в. н.э. [Левина, 1996. С. 231. Рис. 158, *10-22*]. Нахождение зеркал этого типа в памятниках салтовской культуры указывает на продолжение их бытования как анахронизма и в более позднее время – в VII-IX вв. [Аксенов, 2008. С. 442. Рис. 1, *1-6*]. А.Х. Пшеничнюк при первой публикации материалов раскопок Темясовского могильника, с учетом того, что в позднесарматских памятниках преобладают зеркала-подвески, их присутствие на этом памятнике считал пережиточным явлением [Пшеничнюк, Резяпов, 1976. С. 146].

Глиняные пряслица (4 экз.). Представлены биконической, усеченно-биконической, эллипсоидной и ассиметричной грушевидной формами (рис. 3, *5-6*; 5, *33-34, 39*).

Биконические и усеченно-биконические пряслица, высотой в среднем 3 см и наибольшим диаметром 4,4 см, встречены во многих комплексах II-IV вв. н.э. Урало-Казахстанских степей [Боталов, Гуцалов, 2000. Рис. 9, *50*; Малашев, Яблонский, 2008. Рис. 159, *3-4*; Терехова, Чемякин, 1983. Рис. 2, *13*]. Судя по данным В.Ю. Малашева, такая форма пряслиц в Покровских могильниках является ведущей [Малашев, Яблонский, 2008. С. 65]. Эта же форма пряслиц является единственной в серии находок из ранее исследованной части Темясовского могильника [Пшеничнюк, Резяпов, 1976. С. 146. Рис. 1, *9-12*].

Эллипсоидной и ассиметричной грушевидной формы пряслица в Темясовском могильнике встречены впервые. Первое из них имеет диаметр 4 см, высоту 2 см, второе – диаметр 3,5 см, высоту 3 см. Находки пряслиц эллипсоидной формы в памятниках II-IV вв. Урала-Аральского региона крайне редки, известные аналогии происходят из могильника Целинный I Зауралья [Боталов, Гуцалов, 2000. Рис. 26, *16*] и встречены в джетыасарских некрополях Восточного Приаралья [Левина, 1996. Рис. 100]. Также малочисленны находки пряслиц ассиметричной грушевидной формы: в единичных экземплярах они представлены в памятниках степной зоны Южного Урала и Восточного Приаралья [Левина, 1996. Рис. 99; 100; Малашев, Яблонский, 2008. Рис. 173, *7*].

Ножи однолезвийные с прямой спинкой и слегка сужающимся в нижней трети к острию лезвия. Насады рукоятей без оформленного перехода в лезвие. На костяных ручках, состоящих из двух отполированных костяных пластин, фиксируются 3 железных штифта. Штифты скрепляли костяные пластины с полотном рукояти. Место перехода рукояти в лезвие оформлено в виде арочного выреза. Длина ножа, судя по хорошо сохранившемуся экземпляру, составляет 24,5 см, длина рукояти – 11 см, длина лезвия 16,8 см, ширина 1,5 см, толщина – 0,3 см (рис. 3, *7-8*; 5, *38*).

Круг аналогий ножам подобной конструкции достаточно широк и указывает на то, что основная территория их распространения – степная зона от низовьев Дона до Зауралья и Восточного Приаралья [Беспалый, 1990. Рис. 1, *32*; Боталов, Гуцалов, 2000. Рис. 23, *3;* Левина, 1996. С. 203. Рис. 97; Безуглов, 1997. Рис. 2, *22*; Малашев, Яблонский, 2008. С. 65. Рис. 174, *3*; Мошкова, 2008. С. 251. Рис. 9, *5*]. Самый близкий по морфологическим особенностям экземпляр обнаружен в кургане у д. Машевка Саратовской области [Гущина, Фирсов, 2000. Рис. 3, *1*].

В.Ю. Малашев допускает, что данные предметы своим происхождением могут быть связаны с указанными выше районами. Однако, учитывая особый принцип сложносоставной конструкции рукояти и качество металла, он не исключает их более восточное происхождение [Малашев, Яблонский, 2008. С. 65]. Но особенности оформления рукояти рассматриваемого ножа, а также то, что ножи с костяной рукоятью из других регионов имеют отличия, следует ограничить основной ареал их бытования границами Урало-Аральских степей.

Параметрические данные ножа указывают на специфику его функционального назначения: они встречены в инвентарных наборах как компонент бытовой культуры, но иногда входили и в состав воинской экипировки [Безуглов, 1997. С. 135]. Из этого следует, что данный предмет, безусловно, двойного назначения.

Бронзовый котел имеет яйцевидное тулово и низкоуплощенную выделенную подножку. Припаянные к тулову ручки арочной формы снабжены 3 грибовидными отростками. В верхней части тулово украшено одним тонким горизонтальным швом. На тулове в двух местах заметны следы ремонта в виде заплаток. Высота котла 19,6 см, диаметр устья 13,5 см, диаметр подножки 4,8 см, толщина стенок 0,5 см.

Под каждой ручкой котла имеются утопленные в стенку углубления до 2-3 мм: одно из них округлых очертаний диаметром 1 см, второе – в виде шестиугольника диаметром 1,2 см. Вероятно, данные углубления на стенке котла несут какую-то смысловую нагрузку и, по нашему предположению, могут являться тамгами. Для такого суждения имеется основание, выражающееся в наличии аналогии – котел из Наваринского погребения, имеющий тамгообразный знак, помещенный также под ручкой котла. По заключению С.Г. Боталова, наличие тамг под ручками котлов есть своеобразная традиция гунно-сарматского населения [Боталов, 2006. С. 373. Рис. 4.1, *1-2*].

Котлы этого типа большей частью обнаружены в комплексах, датируемых II-III вв. [Боталов, Гуцалов, 2000. С. 132. Рис. 14, *7*; Боталов, 2006. Рис. 4.1, *1-2*; Боталов, 2009. С. 190; 202; Древняя история…, 2000. С. 241]. Исследователи указывают, что они имеют много общего с находками в Туве. Тувинский регион расматривается связующим в транзите этих форм котлов из Ордоса и Монголии через Урало-Казахстанские степи в Заволжье [Боталов, 2009. С. 202, 228. Рис. 58].

Исследование Н.А. Боковенко установило, что находки котлов аналогичного типа локализуются также в Поволжье, а отдельные экземпляры найдены в Подонье и на Северном Кавказе. Дата их бытования ограничена исследователем рамками II-III вв. н.э. [Боковенко, 1977. С. 233-234].

Изделие из рога нами атрибутировано как ударное оружие – кистень. По форме изделие приближено к коротко-усеченному цилиндру, имеющему высоту 5 см, диаметр 7 см. На предмете имеется сквозное раструбообразное отверстие, сделанное по каналу рога. Диаметры входных отверстий составляют 1,5 см и 3 см. Неглубокое отверстие имеется и на месте спила рогового ответвления (рис. 5, *32*).

Конструктивно кистень состоял их трех элементов: из «била», изготовленного в данном случае из основания рога крупного животного (лось?), гибкого кожаного крепления и деревянной рукояти. На использовании кожаного ремня в качестве крепления била с рукоятью через продевание сквозь отверстие указывает заполированность канала по всей длине. Результатом воздействия трения кожаного ремня на стенку отверстия может быть объяснена его раструбообразная форма. Последние два элемента оружия, в силу определенных причин, не сохранились.

Аналогичные находки в памятниках позднесарматского времени мне неизвестны. Видимо, кистень из Темясово является первым случаем обнаружения того, что А.Х. Пшеничнюк называл вещью сугубо мужской принадлежности [Пшеничнюк, Резяпов, 1976. С. 149].

Керамические сосуды. Из двух погребальных комплексов происходят 5 глиняных сосудов. Сосуды лепные, неорнаментированные. Первый характеризуется раздутым туловом, узким уплощенным дном, невысокой и слабоотогнутой наружу шейкой. Плечико покатое, средней высоты. В тесте фиксируется примесь шамота. Изготовлен из ожелезненной среднепластичной глины с естественной примесью песка размером в концентрации 1:7. В составе теста присутствует шамот в концентрации 1:4 и органический раствор. Поверхность изделия носит следы предварительного заглаживания пальцами, а на завершающем этапе деревянным ножом. Поверхность серо-коричневого цвета. Обжиг произведен в окислительной среде[3]. Высота сосуда составляет 18 см, высота венчик 4 см, диаметр устья 7 см, диаметр максимального расширения тулова 17,5 см, диаметр дна 7 см (рис. 3, *9-10*).

Второй сосуд меньшего размера: его высота 12 см, высота венчика 2 см, диаметр устья 10,5 см, диаметр максимального расширения тулова 14 см, диаметр дна 4,5 см. В отличие от первого, имеет высокое плечико. Поверхность серо-коричневая с пятнами красного-оранжевого цвета и налетом нагара (рис. 5, *35-37, 40*).

Нахождение сосудов описанного типа в памятниках Урало-Аральского региона II-IV вв. н.э. не является редкостью. Они представлены в могильниках Друженский, Целинный I, Покровка-10 [Боталов, Гуцалов, 2000. Рис. 13, *3* и др.; Малашев, Яблонский, 2008. Рис. 179, *2*; 182, *9* и др.]. Характеристика формовочной массы и морфология указывают на принадлежность данных сосудов к ассортименту изделий гончаров населения Урало-Аральских степей II-IV вв. н.э.

В коллекции керамической посуды также присутствует миниатюрный лепной сосудик высотой 7 см. У сосуда отогнутый наружу прямой венчик, покатые плечики, вытянуто-яйцевидное тулово и округлое дно. Наружная поверхность сглажена. Аналогии миниатюрным сосудикам представлены в ряде памятников Приуралья II-IV вв. [Боталов, Гуцалов, 2000. Рис. 11, *10*; 17, *8*; Малашев, Яблонский, 2008. Рис. 200, *10*]. Соответствия группе миниатюрных сосудиков из могильника Покровка-10 В.Ю. Малашев находит в керамическом комплексе саргатской культуры [Малашев, Яблонский, 2008. С. 49]. В нашем случае данное керамическое изделие аналогий там не имеет. Предпочтительной выглядит позиция А.Х. Пшеничнюка, считавшего, что лепные горшки этого типа, наряду с другими, являются продуктом местного производства [Пшеничнюк, Резяпов, 1976. С. 147. Рис. 1, *13*].

[3] Анализ керамики из погребения кургана 9 произведен А.К. Файзрахмановой.

В погребении кургана 10 обнаружены два неорнаментированных кувшиновидных сосуда. Один из них небольших размеров, высотой около 7 см, имеет высокий плавно отогнутый наружу венчик и раздутое уплощенное тулово с высоким покатым плечиком. Высота венчика 2,5 см, диаметр устья 4,6 см, диаметр максимального расширения тулова 7 см, диаметр дна 4 см (рис. 5, *35*).

Второй кувшин, высотой 18 см, высотой венчика 4 см, диаметром устья 6,5 см, диаметром максимального расширения тулова 14 см, диаметром дна 8,5 см, имеет высокое, незначительно сужающееся к основанию горло, высокое крутое плечико и уплощенное днище. Венчик по противоположным сторонам разной высоты. Поверхность темно-серого цвета (рис. 5, *36*).

Находки кувшинов и кувшиновидных сосудов в памятниках Урала-Аральского региона нередки. Аналогии темясовским экземплярам с подобной профилировкой находятся в памятниках Восточного Приаралья [Левина, 1996. Рис. 74, *83*] и Северного Кавказа [Абрамова, 2007. Рис. 42, *11*; 61, *5*], а территориально и хронологически близкие экземпляры представлены в некрополях Степного Приуралья [Малашев, Яблонский, 2008. Рис. 198, *10*; 200, *9*].

Деревянная посуда. Остатки деревянного сосуда обнаружены в ногах костяка 7 из кургана 10. В силу плохой сохранности установить форму сосуда не удалось. При нем находились две скобы, изготовленные из прямоугольной в сечении серебряной проволоки.

Находки остатков деревянной посуды в погребениях памятников Урало-Аральского региона первых веков нашей эры не редкость. Они содержатся в некрополях, исследованных в степной зоне Южного Урала [Малашев, Яблонский, 2008. С. 50] и Восточного Приаралья [Левина, 1996. С. 204].

Астрагалы. Обнаружены в кургане 10 при костяке 4, в кожаном мешочке в количестве 103 экз. (рис. 5, *41-53, 56-63*). Все астрагалы, за одним исключением, овечьи, левые и правые. В коллекции представлены также астрагалы молодых особей, которые выделяются из общей серии малыми размерами (рис. 5, *61-63*).

Среди астрагалов выделяются экземпляры с граффити на лицевой стороне (11 экз.): три сочетают в себе граффити и неглубокие признаки сверления, один имеет два противоположно отстоящих сквозных отверстия в узком боку, два снабжены только одним отверстием (рис. 5, *41-52, 56*). В их числе представлены экземпляры, граффити которых переходит на обратную широкую сторону (рис. 5, *47-50*). Знаки-граффити нанесены острым предметом и семантика их неясна.

На одном астрагале почти вся боковая поверхность срезана, а затем заполирована. Не затронутый срезом участок естественного углубления имеет округлую форму диаметром 0,5 см (рис. 5, *53*). На нескольких таранных костях боковые поверхности сточены и имеют ровную поверхность (рис. 5, *37*).

В коллекции астрагалов встречена в единственном экземпляре таранная кость косули, отличающаяся от овечьих определенными морфологическими характеристиками: астрагал косули более вытянутых пропорций и массивнее. Примечательно, что астрагалы косули в погребениях встречены в таштыкских памятниках Южной Сибири [Вадецкая, 1999. Табл. 44].

Астрагалы полисемантичны и назначение их могло быть различным: бабками для игры, амулетом, сакральным предметом. Для определения их назначения необходим трасологический анализ, который в отношении представляемого материала не производился.

Обнаружение астрагалов в погребальных комплексах гунно-сарматского времени мне неизвестно. Их нет и в ранее исследованных курганах Темясовского могильника, но они присутствуют в материалах культуры населения как более раннего, так и позднего времени на достаточно широкой территории [Вадецкая, 1999. Табл. 73; Плетнева, 1967. С. 156; Кызласов, 1960. С. 141. Рис. 53; Левина, 1996. С. 75. Ил. 30б]. По количеству их обнаружения в одном месте (255 экз.), начертанию граффити и характеру среза одной из узких боковых сторон астрагала к расматриваемым наиболее близок средневековый комплекс из Верхнего Прииртышья [Археологические памятники в зоне затопления …, 1987. Рис. 75, *1-26*].

Среди астрагалов также обнаружены два изделия из кости таблетковидной формы диаметром 2 см и высотой 0,5 см (рис. 5, *54-55*). На плоскости одной из них процарапаны расходящиеся от центра, намеченного в виде неглубокого углубления, линии. На поверхности второго экземпляра присутствуют следы смолянистого вещества черного цвета. Поверхность предметов заполирована.

ДАТИРОВКА КОМПЛЕКСОВ

Представленный погребальный инвентарь Темясовского некрополя состоит из достаточного количества хроноиндикаторов, позволяющих позиционировать его место в хронологической шкале древностей Южного Урала первой половины I тыс. н.э. Решение этой проблемы упрощается тем, что вопросы хронологии гунно-сарматских древностей достаточно хорошо разработаны [Боталов, 2009. С. 199-240; Малашев, Яблонский, 2008. С. 82-84].

Отметим, что приведенный выше круг аналогий артефактам из погребений курганов 9 и 10 целиком укладывается в рамки III века. Наиболее надежными хроноиндикаторами среди них являются серьга (рис. 3, *1-2*), фибулы (рис. 3, *3-4;* 5, *28-29*) и полиэдрические бусы, насаженные на металлическую проволоку со спиралевидными завитками (рис. 5, *6-24*). Остальные предметы датируются в более широком хронологическом диапазоне.

Включение хроноиндикаторов из погребений курганов 9-10 в корреляционную таблицу взаимовстречаемости хронологически значимых предметов, составленным В.Ю. Малашевым [Малашев, Яблонский, 2008. Рис. 210], позволяет сделать

вывод, что рассматриваемые комплексы, входя в состав группы I взаимосвязанных предметов, датируются второй половиной II – началом III в. В.Ю. Малашев также выделил еще две группы погребальных комплексов, хронологические рамки которых определены первой половиной – серединой III в. и серединой – второй половиной III [Малашев, Яблонский, 2008. С. 83]. В основу хронологических построений В.Ю. Малашева положен анализ бытования разных типов фибул, зеркал, полиэдрических бус, калачиковидных сережек, горшков с орнаментацией плечиков коническими выступами.

Выделение трех хронологических групп в корреляционной таблице В.Ю. Малашева выглядит стройным и вполне обоснованным. Однако, хронологическая позиция выделенных групп вызывает сомнение в связи с их конфликтом с радиоуглеродными датами трех костяков из кургана 9. Так, радиоуглеродный возраст костяка 2, принадлежащего женщине, указывает на дату 253 г. С ней согласуется радиоуглеродный возраст мужского костяка 3 (табл. 1). Разница между радиоуглеродным возрастом взрослых костяков в 18 лет с учетом вероятной погрешности выглядит вполне допустимой и не противоречит установленной в ходе исследования погребения кургана 9 одновременности захоронений мужчины и женщины.

Таблица 1

Темясово, курган 9	95% low Cal BC	95% high Cal BC	Probablility (unless 95%)	$\delta^{13}C$	$\delta^{15}N$
костяк 2	123	253	92,90%	-18	15
костяк 3	85	235		-17,9	15,4
костяк 1	128	323		-17,9	12,9

Радиоуглеродная дата костяка 1, принадлежащего подростку, видимо, завышена, а на фоне радиоуглеродного возраста костяков 2-3, и вовсе не корректна, так как находится в явном противоречии. Судя по археологическим данным, захоронение подростка по времени было произведено раньше, чем мужчины и женщины. Следовательно, радиоуглеродный возраст 323 г не отражает реальное положение дел.

Для установления даты погребального комплекса кургана 9 важными представляются данные радиоуглеродного возраста костяка 2, так как именно при нем находились предметы (фибула, калачиковидные серьги), признанными надежными хроноиндикаторами хронологической группы I.

Исходя из радиоуглеродного возраста данного костяка, установленного 253 г, а также костяка 3, следует заключить, что дата закрытого комплекса приходится на первую половину – середину III в. н.э. Этим же временем необходимо датировать комплекс погребения кургана 10, так как в составе погребального инвентаря присутствует фибула, аналогичная фибуле из погребения кургана 9. Ранее, при первой публикации материалов раскопок кургана 9, дата погребального комплекса определялась нами первой половиной – серединой III в. [Султанова, Сунгатов, 2017. С. 41]. С учетом данных радиоуглеродного анализа, предложенную дату погребения кургана 9 необходимо признать правильной.

При рассмотрении корреляционной таблицы взаимовстречаемости хронологически значимых предметов, куда были включены хроноиндикаторы из погребений курганов 9-10 и данных радиоуглеродных возрастов трех костяков, мы можем констатировать несовпадение дат, установленных археологическим инструментарием и методом радиоуглеродного анализа. Так, группа I взаимосвязанных предметов В.Ю. Малашевым датирована второй половиной II – началом III в., в то время как радиоуглеродный анализ дату этой группы определяет 253 г., т.е. серединой III в.

При условии, что радиоуглеродные даты костяков 2-3 из Темясовского могильника достоверны, очевиден вывод, суть которого заключается в необходимости корректировки в сторону омоложения даты группы 1, а, следовательно, и групп 2-3. Однако для проведения ревизии хронологических позиций групп взаимосвязанных предметов требуется как пополнение источниковой базы по гунно-сарматскому периоду, так и получение достаточно большой серии радиоуглеродных дат.

В целом, хронологические рамки Темясовского могильника, судя по месту в таблице взаимовстречаемости еще двух комплексов (рис. 6), содержащих соответствующие хроноиндикаторы, следует в свете данных радиоуглеродного анализа ограничить первой половиной – серединой III в. н.э.

Относительно этнокультурной принадлежности исследованных комплексов и всего Темясовского могильника следует помнить, что при публикации его материалов предшествующие авторы пришли к выводу, что его следует относить к позднесарматскому населению Урала и Поволжья. При этом они обращали внимание на своеобразие могильника, которое выражалось в преобладании коллективных захоронений [Пшеничнюк, Резяпов, 1976. С. 148-149]. Эта особенность погребального обряда параллели среди памятников гунно-сармат Урала-Аральского региона не имеет.

Несколько по-иному рассматривают памятники темясовского круга челябинские коллеги. Анализ накопленного материала по периоду II-IV вв. позволил им установить различия между синхронными урало-казахстанскими и нижневолжскими памятниками как по погребальному обряду, так и по составу инвентаря, что послужило основанием

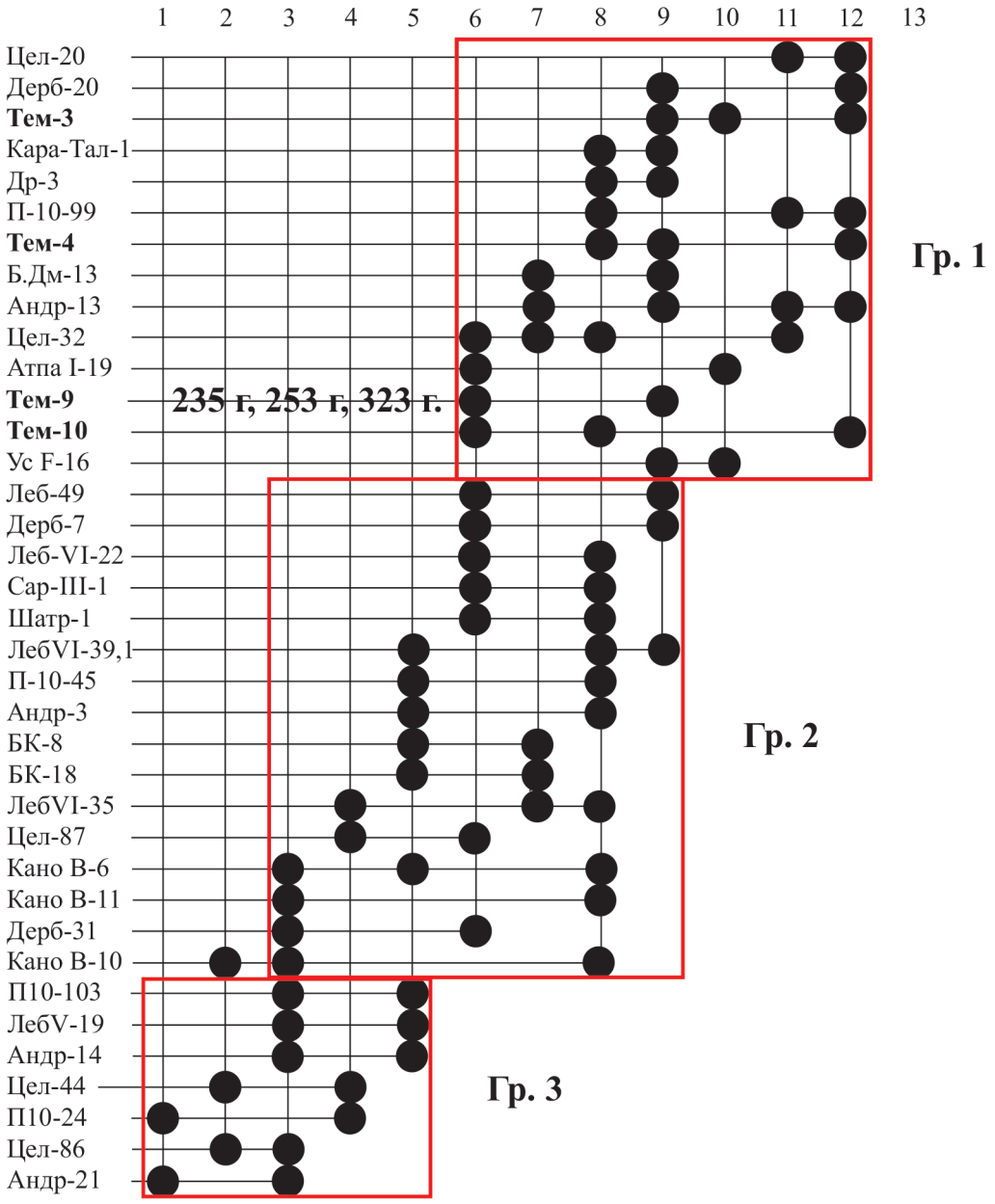


Рис. 6. Таблица взаимовстречаемости хронологически значимых разновидностей погребального инвентаря в комплексах Южного Приуралья (по В.Ю. Малашеву [Малашев, Яблонский, 2008. Рис. 210], дополненная Ф.А. Сунгатовым)

Список хроноиндикаторов и индикаторов синхронизации: 1 – сильнопрофилированные фибулы вар. 1 и 2 со спинкой из узкого стержня; *2* – пружинные одночленные фибулы гр. 13 с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника и плавно изогнутой спинкой; *3* – зеркала-подвески с боковой ручкой и орнаментированной обратной стороной; *4* – сильнопрофилированные фибулы вар. 2 и 3 с пластинчатой спинкой; *5* – лучковые одночленные фибулы вар. 4 и 5; *6* – пружинные одночленные фибулы гр. 13 с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника и коленчато-изогнутой спинкой; *7* – зеркала с центральной петлей; *8* – украшения из бусин, нанизанные на металлическую проволоку, с чередующимися спиральными пронизями; *9* – полые серьги калачековидной формы с проволочной дужкой; *10* – крупные одночленные фибулы, повторяющие схему лучковых, с широкой раскованной орнаментированной ножкой; *11* – горшки с орнаментацией плечиков коническими выступами; *12* – пружинные одночленные фибулы гр. 13 с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника и ромбической спинкой

Сокращения названий памятников: Андр. – Андреевка; БК – Большекараганский; Дерб. – Дербенево; Б.Дм. – Большая Дмитриевка; Др. – Дружненский; ЛебV и ЛебVI – соответственно, Лебедевские V и VI могильники; П10 – Покровка 10; Сар. – Саранжин; Тем. – Темясово; Ус. – Усатово; Цел. – Целинный; Шатр. – Шатрово

Fig. 6. Table of the mutual occurrence of chronologically significant varieties of burial implements in the complexes of the Southern Urals (according to V. Malashev [Малашев, Яблонский, 2008. Fig. 210], supplemented by F. Sungatov).

List of chronological and synchronization indicators: 1 – highly profiled brooches, var. 1 and 2 with a narrow rod back; *2* – spring single-member brooches, gr. 13 with a curl at the end of a solid plate receiver and a smoothly curved back; *3* – suspension mirrors with a side handle and an ornamented reverse side; *4* – highly profiled brooches, var. 2 and 3 with a lamellar back; *5* – onion-like single-member brooches, var. 4 and 5; *6* – spring single-member brooches, gr. 13 with a curl at the end of a solid plate receiver and an arched back; *7* – mirrors with a central loop; *8* – jewelry made of beads strung on a metal wire, with alternating spiral beads; *9* – roll-shaped hollow earrings with a wire bow; *10* – large single-member brooches, repeating the scheme of the bow-shaped brooches, with a wide, laxly ornamented stem; *11* – pots with ornamented “shoulders” with conical protrusions; *12* – spring single-member brooches, gr. 13 with a curl at the end of a solid plate receiver and a rhombic back.

List of abbreviations of the names of monuments: Андр. – Andreevka; БК – Bolshekaragan; Дерб. – Derbenevo; Б.Дм. – Bolshaya Dmitrievka; Др. – Druzhny; ЛебV and ЛебVI – Lebedevsky V and VI burial grounds respectively; П10 – Pokrovka 10; Сар. – Saranzhin; Тем. – Temyasovo; Ус. – Usatovo; Цел. – Tselinny; Шатр. – Shatrovo

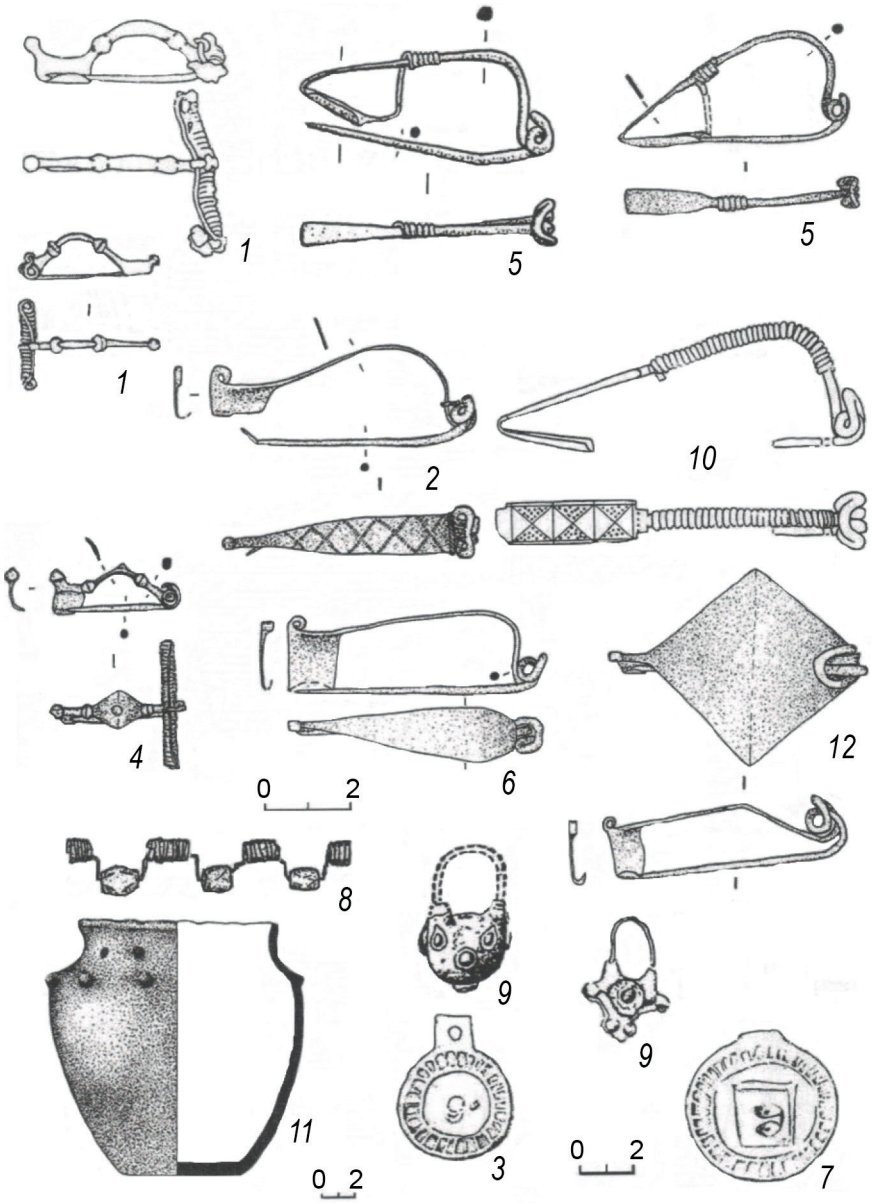


Рис. 7. Хроноиндикаторы и индикаторы синхронизации. Нумерация позиций соответствует нумерации разновидностей предметов погребального инвентаря в таблице взаимовстречаемости. Приводится по В.Ю. Малашеву [Малашев, Яблонский, 2008. Рис. 211]

Fig. 7. Chrono and synchronization indicators. The numbering of positions corresponds to the numbering of varieties of items of burial implements in the table of mutual occurrence. Given according to V. Malashev [Malashev, Yablonskij, 2008. Fig. 211]

для выделения древностей степной зоны Южного Приуралья в отдельную культуру – гунно-сарматскую [Боталов, 1993. С. 142; Древняя история …, 2000. С. 223, 256-288], сложение которой во многом связано с импульсом, данным с востока хуннами.

На восточный импульс указывают данные краниологии, установившие наличие смешанного монголоидно-европеоидного типа погребенных. К признакам «восточной ориентации» относятся лопатообразная форма резцов и коленчатая складка метаконида на зубах одного из скелетов мужчины из погребения кургана 9 (костяк 3). Такую же картину установила одонтологическая характеристика погребенных на могильнике Покровка. В частности, Н.А. Суворова заключает, что у поздних сармат этого могильника, в целом тяготеющих к западному кругу популяций, наблюдается повышение частот маркеров восточной ориентации, что, в первую очередь, касается лопатообразности верхних резцов [Суворова, 2008. С. 88, 91].

Данный вывод также имеет подтверждение исследованиями древнего ДНК, проведенными в лаборатории Стокгольмского университета [Krzewińska et al., 2018], установившего, что мужской скелет относится к митохондриальной гаплогруппе D4q, указывающей на его восточное (азиатское) происхождение, женщины и подростка – к гаплогруппе U5b2b (табл. 2).

Здесь заметим, что население первых веков нашей эры Урало-Аральского региона не было однородным. На это указывает установленная исследователями антропологическая гетерогенность популяции могильника Покровка 10, состоявшей из трех антропологических компонентов [Малашев, Яблонский, 2008. С. 84, 98]. Об этом свидетельствует и палеоантропологический материал Темясовского могильника. Анализ генома индивидуумов

Таблица 2

Individual	95% high Cal BC	Biological Sex	MtDNA Haplogroup	Y Haplogroup
Темясово, к.2	253	XX	U5b2b	-
Темясово, к.3	235	XY	D4q	R1b1a1a2
Темясово, к.1	323	XY	U5b2b	R1b1a1a2?
Черный Яр	222	XY	T1a1	R1a1a

из могильников Черный Яр и Темясово тому еще одно подтверждение: захороненные в первом принадлежат гаплогруппе R1a1a, во втором – R1b1a1a2 (табл. 2).

Также отметим, что захороненные в кургане 9 подросток и женщина, будучи носителями G-аллеля, имели светло-коричневую пигментацию кожи. Захороненный мужчина характеризуется более темной пигментацией кожного покрова и черным цветом волос. Достаточно высокое значение $\delta^{15}N$ (табл. 1) указывает, что рацион питания включал, помимо традиционного набора продуктов кочевника, также иную белковую пищу (пресноводная рыба). Анализ индикаторов механического стресса типа физической активности свидетельствует, что мужчина и женщина являлись всадниками [Krzewińska et al., 2018].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова М.П. Курганные могильники Северного Кавказа первых веков нашей эры // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке / Материалы и исследования по археологии России. №8 / Отв. ред. В.И. Козенкова, В.Ю. Малашев. М.: ИА РАН, 2007. С. 13-188.

АКБ: Археологическая карта Башкирии / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Наука, 1976. 260 с.

Аксенов В.С. Зеркала из праболгарских памятников салтовской культуры Верхнего Подонечья // Древности юга России: памяти А.Г. Атавина / Отв. ред. Г.Е. Афанасьев. М.: ИА РАН, 2008. С. 441-448.

Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР / Археология СССР. САИ. Вып. Д1-30. М.: Наука, 1966. 140 с.

АПБ: Археологические памятники Башкортостана (История культуры Башкортостана. Вып. 6) / Отв. ред. Ю.А. Морозов. Уфа: Гилем, 1996. 280 с.

Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата: Изд-во Наука Казахской ССР, 1987. 270 с.

Безуглов С.И. Воинское позднесарматское погребение близ Азова // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Вып. 14 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азов. краевед. музей, 1997. С. 133-142.

Беспалый Е.И. Погребение позднесарматского времени у г. Азова // СА. 1990. № 1. С. 213-223.

Боковенко Н.А. Типология бронзовых котлов сарматского времени в Восточной Европе // СА. 1977. №4. С. 228-235.

Боталов С.Г. Большекараганский могильник II–III вв. н.э. // Кочевники Урало-Казахстанских степей / Отв. ред. А.Д. Таиров. Екатеринбург: Наука, 1993. С. 122-143.

Боталов С.Г. Коллекции гунно-сарматского периода II-IV вв. // Археология Южного Урала. Степь. Проблемы культурогенеза / Серия «Этногенез уральских народов». Челябинск: Рифей, 2006. С. 371-374.

Боталов С.Г. Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). Челябинск: Рифей, 2009. 672 с.

Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Рифей, 2000. 265 с.

Боталов С.Г. Полушкин Н.А. Гунно-сарматские памятники Южного Зауралья III-V веков // Новое в археологии Южного Урала / Отв. ред. С.А. Григорьев. Челябинск: Рифей, 1996. С. 178-193.

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 435 с.

Гущина И.И., Фирсов К.Б. Курганы у деревни Машевки, колонии Норка и станции Лебяжье в Балашовском и Камышинском уездах бывшей Саратовской губернии (по материалам раскопок А.А. Спицына в 1895 г.) // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3. 2000. С. 268-293.

Древняя история Южного Зауралья. Ранний железный век и средневековье. Том 2 / Отв. ред. Н.О. Иванова. Челябинск: ЮУрГУ, 2000. 494 с.

Клепиков В.М., Дьяченко А.Н., Блохин В.Г., Кривошеев М.В. Исследования курганов у сел Племхоз и Моисеево // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 3 / Отв. ред. И.В. Сергацков. Волгоград: ВолГУ, 2006. С. 164-190.

Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДЕФ-Украина, 2010. 384 с.

Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М.: МГУ, 1960. 197 с.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья, I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э. М.: Восточная литература, 1996. 438 с.

Малашев В.Ю. Центральные районы Северного Кавказа в позднесарматское время // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным). Материалы семинара Центра изучения истории и

культуры сарматов. Вып. III / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2010. С. 117-142.

Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. По материалам могильника Покровка 10. М.: Восточная литература, 2008. 365 с.

Мошкова М.Г. Фибулы из позднесарматских погребений Южного Приуралья: вопросы хронологии и производства // Нижневолжский археологический вестник. 2000. Вып. 3. С. 188-200.

Мошкова М.Г. Позднесарматское погребение могильника «Три брата» // Проблемы современной археологии: Сб. памяти В.А. Башилова / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Таус, 2008. С. 243-264.

Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура / МИА. №142. М.: Наука, 1967. 197 с.

Пшеничнюк А.Х. Дербеневский курганный могильник позднесарматского времени в Западном Приуралье // Проблемы хронологии сарматской культуры / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1992. С. 67-84.

Пшеничнюк А.Х., Резяпов М.Ш. Темясовские курганы позднесарматского времени на юго-востоке Башкирии // Древности Южного Урала / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1976. С. 132-149.

Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья // СА. 1977. № 2. С. 100-120.

Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1984. 150 с.

Суворова Н.А. Одонтологическая характеристика ранних кочевников Южного Приуралья по материалам могильника Покровка 10 (предварительное сообщение) // Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. М.: Восточная литература, 2008. С. 87-94.

Султанова А.Н, Сунгатов Ф.А. Темясовский курганный могильник // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. Т. 22. 2017. № 1. С. 36-42.

Терехова Л.М., Чемякин Ю.П. Новый могильник раннего железного века в Челябинской области // История и культура сарматов / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1983. С. 129-138.

Хазанов А.М. Генезис сарматских зеркал // СА. 1963. № 4. С. 58-71.

Krzewińska M., at al. Ancient genomes suggest the eastern Pontic-Caspian steppe as the source of western Iron Age nomads // Science Advances. 4. 1-12. 10.1126/sciadv.aat4457

REFERENCES

Abramova M.P. Kurgannye mogil'niki Severnogo Kavkaza pervyh vekov nashej ery [Burial Mounds of the North Caucasus of the first centuries of our era] // Severnyj Kavkaz i mir kochevnikov v rannem zheleznom veke / Materialy i issledovaniya po arheologii Rossii. № 8 / Otv. red. V.I. Kozenkova, V.Yu. Malashev. M.: IA RAN, 2007. S. 13-188.

AKB: Arheologicheskaya karta Bashkirii [Archaeological map of Bashkiria] / Otv. red. O.N. Bader. M.: Nauka, 1976. 260 s.

Aksenov V.S. Zerkala iz prabolgarskih pamyatnikov saltovskoj kul'tury Verhnego Podonech'ya [Mirrors from the Pra-Bolgar monuments of the Saltov culture of the Upper Podonech region] // Drevnosti yuga Rossii: pamyati A.G. Atavina / Otv. red. G.E. Afanas'ev. M.: IA RAN, 2008. S. 441-448.

Ambroz A.K. Fibuly yuga evropejskoj chasti SSSR [Fibulae of the South of the European part of the USSR] / Arheologiya SSSR. SAI. Vyp. D1-30. M.: Nauka, 1966. 140 s.

APB: Arheologicheskie pamyatniki Bashkortostana [Archaeological sites of Bashkortostan] (Istoriya kul'tury Bashkortostana. Vyp. 6) / Otv. red. Yu.A. Morozov. Ufa: Gilem, 1996. 280 s.

Arheologicheskie pamyatniki v zone zatopleniya Shul'binskoj GES [Archaeological sites in the flood zone of the Shulba hydroelectric power station]. Alma-Ata: Izd-vo Nauka Kazahskoj SSR, 1987. 270 s.

Bezuglov S.I. Voinskoe pozdnesarmatskoe pogrebenie bliz Azova [Military Late Sarmatian burial near Azov] // Istoriko-arheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 1994 g. Vyp. 14 / Otv. red. V.YA. Kiyashko. Azov: Azov. kraeved. muzej, 1997. S. 133-142.

Bespalyj E.I. Pogrebenie pozdnesarmatskogo vremeni u g. Azova [Burial of the late Sarmatian time in the city of Azov] // SA. 1990. № 1. S. 213-223.

Bokovenko N.A. Tipologiya bronzovyh kotlov sarmatskogo vremeni v Vostochnoj Evrope [Typology of bronze boilers of the Sarmatian time in Eastern Europe] // SA. 1977. №4. S. 228-235.

Botalov S.G. Bol'shekaraganskij mogil'nik II–III vv. n.e. [Bolshenarymski's the burial ground of the II-III centuries BC] // Kochevniki Uralo-Kazahstanskih stepej / Otv. red. A.D. Tairov. Ekaterinburg: Nauka, 1993. S. 122-143.

Botalov S.G. Kollekcii gunno-sarmatskogo perioda II-IV vv. [Collections of the Hunno-Sarmatian period I-IV centuries] // Arheologiya Yuzhnogo Urala. Step'. Problemy kul'turogeneza / Seriya «Etnogenez ural'skih narodov». Chelyabinsk: Rifej, 2006. S. 371-374.

Botalov S.G. Gunny i tyurki (istoriko-arheologicheskaya rekonstrukciya) [The Huns and Turks (historical and archaeological reconstruction)]. Chelyabinsk: Rifej, 2009. 672 s.

Botalov S.G., Gucalov S.Yu. Gunno-sarmaty Uralo-Kazahstanskih stepej [The Hun-Sarmatians of the Ural-Kazakhstan steppes]. Chelyabinsk: Rifej, 2000. 265 s.

Botalov S.G. Polushkin N.A. Gunno-sarmatskie pamyatniki Yuzhnogo Zaural'ya III-V vekov [The

Hun-Sarmatian monuments of the III-V centuries southern Trans-Urals] // Novoe v arheologii Yuzhnogo Urala / Otv. red. S.A. Grigor'ev. Chelyabinsk: Rifej, 1996. S. 178-193.

Vadeckaya E.B. Tashtykskaya epoha v drevnej istorii Sibiri [Tashtyk epoch in the ancient history of Siberia]. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie, 1999. 435 s.

Gushchina I.I., Firsov K.B. Kurgany u derevni Mashevki, kolonii Norka i stancii Lebyazh'e v Balashovskom i Kamyshinskom uezdah byvshej Saratovskoj gubernii (po materialam raskopok A.A. Spicyna v 1895 g.) [Burial Mounds near the village of Mashevka, Mink and Swan colony at Balashov stations and the Kamyshin uyezds of the former Saratov province (on materials of excavations by A.A. Spitsyn in 1895)] // Nizhnevolzhskij arheologicheskij vestnik. Vyp. 3. 2000. S. 268-293.

Drevnyaya istoriya Yuzhnogo Zaural'ya. Rannij zheleznyj vek i srednevekov'e [The ancient history of the southern Trans-Urals]. Tom 2 / Otv. red. N.O. Ivanova. Chelyabinsk: YuUrGU, 2000. 494 s.

Klepikov V.M., D'yachenko A.N., Blohin V.G., Krivosheev M.V. Issledovaniya kurganov u sel Plemhoz i Moiseevo [Research of barrows near the villages of Plemkhoz and Moiseevo] // Materialy po arheologii Volgo-Donskih stepej. Vyp. 3 / Otv. red. I.V. Sergackov. Volgograd: VolGU, 2006. S. 164-190.

Kropotov V.V. Fibuly sarmatskoj epohi [Fibulae of the Sarmatian period]. Kiev: ADEF-Ukraina, 2010. 384 s.

Kyzlasov L.R. Tashtykskaya epoha v istorii Hakassko-Minusinskoj kotloviny [The Tashtyk epoch in the history of the Khakass-Minusinsk basin]. M.: MGU, 1960. 197 s.

Levina L.M. Etnokul'turnaya istoriya Vostochnogo Priaral'ya, I tysyacheletie do n.e. – I tysyacheletie n.e. [Ethnocultural history of the Eastern Aral sea region. I millennium B.C. – I millennium A.D.]. M.: Vostochnaya literatura, 1996. 438 s.

Malashev V.Yu. Central'nye rajony Severnogo Kavkaza v pozdnesarmatskoe vremya [Central regions of the North Caucasus in the late Sarmatian time] // Stanovlenie i razvitie pozdnesarmatskoj kul'tury (po arheologicheskim i estestvennonauchnym dannym). Materialy seminara Centra izucheniya istorii i kul'tury sarmatov. Vyp. III / Otv. red. A.S. Skripkin. Volgograd: VolGU, 2010. S. 117-142.

Malashev V.Yu., Yablonskij L.T. Stepnoe naselenie Yuzhnogo Priural'ya v pozdnesarmatskoe vremya. Po materialam mogil'nika Pokrovka 10 [The steppe population of the southern Urals in the late Sarmatian period. Based on the materials of the Pokrovka 10 burial ground]. M.: Vostochnaya literatura, 2008. 365 s.

Moshkova M.G. Fibuly iz pozdnesarmatskih pogrebenij Yuzhnogo Priural'ya: voprosy hronologii i proizvodstva [Fibulae from the late Sarmatian burials of the southern Urals: questions of chronology and production] // Nizhnevolzhskij arheologicheskij vestnik. 2000. Vyp. 3. S. 188-200.

Moshkova M.G. Pozdnesarmatskoe pogrebenie mogil'nika «Tri brata» [Late Sarmatian "Tri brata" burial ground] // Problemy sovremennoj arheologii: Sb. pamyati V.A. Bashilova / Otv. red. M.G. Moshkova. M.: Taus, 2008. S. 243-264.

Pletneva S.A. Ot kochevij k gorodam. Saltovo-mayackaya kul'tura [From nomads to towns. The Saltovo-Mayatskaya culture] / MIA. №142. M.: Nauka, 1967. 197 s.

Pshenichnyuk A.H. Derbenevskij kurgannyj mogil'nik pozdnesarmatskogo vremeni v Zapadnom Priural'e [The Derbenevsky burial mound of late Sarmatian time in the Western Urals] // Problemy hronologii sarmatskoj kul'tury / Otv. red. A.S. Skripkin. Saratov: Izd-vo Saratov. un-ta, 1992. S. 67-84.

Pshenichnyuk A.H., Rezyapov M.Sh. Temyasovskie kurgany pozdnesarmatskogo vremeni na yugo-vostoke Bashkirii [The Temyasov kurgans of late Sarmatian time in the South-East of Bashkiria] // Drevnosti Yuzhnogo Urala / Otv. red. R.G. Kuzeev. Ufa: BFAN SSSR, 1976. S. 132-149.

Skripkin A.S. Fibuly Nizhnego Povolzh'ya [Fibulae of the Lower Volga region] // SA. 1977. № 2. S. 100-120.

Skripkin A.S. Nizhnee Povolzh'e v pervye veka nashej ery [The Lower Volga region in the first centuries of our era]. Saratov: Izd-vo Saratov. un-ta, 1984. 150 s.

Suvorova N.A. Odontologicheskaya harakteristika rannih kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya po materialam mogil'nika Pokrovka 10 (predvaritel'noe soobshchenie) [Odontological characteristics of the early nomads of the southern Urals based on the materials of the Pokrovka 10 burial ground (preliminary report)] // Malashev V.Yu., Yablonskij L.T. Stepnoe naselenie Yuzhnogo Priural'ya v pozdnesarmatskoe vremya: po materialam mogil'nika Pokrovka 10. M.: Vostochnaya literatura, 2008. S. 87-94.

Sultanova A.N, Sungatov F.A. Temyasovskij kurgannyj mogil'nik [Temyasovsky Kurgan burial ground] // Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan. T. 22. 2017. № 1. S. 36-42.

Terekhova L.M., Chemyakin Yu.P. Novyj mogil'nik rannego zheleznogo veka v Chelyabinskoj oblasti [New burial ground of the early Iron Age in the Chelyabinsk region] // Istoriya i kul'tura sarmatov / Otv. red. A.S. Skripkin. Saratov: Izd-vo Saratov. un-ta, 1983. S. 129-138.

Hazanov A.M. Genezis sarmatskih zerkal [The origin of the Sarmatian mirrors] // SA. 1963. № 4. S. 58-71.

Krzewińska M., at al. Ancient genomes suggest the eastern Pontic-Caspian steppe as the source of western Iron Age nomads // Science Advances. 4. 1-12. 10.1126/sciadv.aat4457

ZOOMORPHIC IMAGES ON WOODEN VESSELS OF LATE SARMATIAN TIME

M. Krivosheev

Abstract. The animal style was quite a significant matter in the history of Early Iron Age nomad peoples. Pictures of animals are found on various objects of objects made of different materials. Several phases of animal style popularity had occured in nomad cultures. Most often pictures of animals are found on objects of the Scythian and Sarmatian cultures. A decline of widespread animal images use is revealed analyzing Late Sarmatian nomads, which could be possibly explained by a change in nomadic artistic traditions, as well as traditions of sedentary and agricultural populations of Middle Asia and Eastern Europe. At the same time, some industrial centers of Middle Asia and Northern Caucasus kept using animal images, primarily for ceramic products. Industrial centers of Northern Caucasian Early Alan culture provided a massive source of ceramic vessels with handles made as stylized animals. The culture itself formed its own animal style.

Animal images are rarely found in burial sites of Late Sarmatian age nomads. Several findings of wooden vessels with handles made as animal figures or animal heads are known. Similar vessels of earlier ages' nomads are known. They were probably related to ritual activities. Supposedly, some of wooden vessels were crafted at lathes in antique cities' workshops and purchased by nomads. Wooden products are not preserved well in archaeological complexes, so it's impossible to estimate real numbers of them. The fact of vessels with handles stylized as animals being found only in noble's burial sites may suggest they were used only among nomadic elite for ritual purposes.

Key words: Late Sarmatian culture, images of animals, wooden vessels, zoomorphic handles

Citation. Krivosheev M., 2020. Zoomorphic images on wooden vessels of late Sarmatian time. The Ufa Archaeological Herald, is. 20, pp. 71-77. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2020.20.005

The work was carried out within the framework of the grant RFBR No. 19-09-00471 «Paleoanthropology of the ancient and medieval population of the Lower Volga region (paleopathological aspect)»

УДК 902.01 Дата поступления статьи: 09.06.2020

ББК 63.4 Дата принятия статьи: 13.11.2020

ЗООМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА ДЕРЕВЯННЫХ СОСУДАХ ПОЗДНЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ

Михаил Васильевич Кривошеев

канд. ист. наук / заведующий лабораторией археологических исследований
Волгоградксий государственный университет / г.Волгоград, Российская Федерация
E-mail: arhlab@volsu.ru

Аннотация. Звериный стиль в истории кочевых народов Евразии в раннем железном веке имел важное значение. Изображения зверей наносили на самые разнообразные вещи из различных материалов: металл, дерево, кость, ткани. Популярность звериного стиля в кочевых культурах имеет несколько пиков. Чаще всего изображения животных встречаются в комплексах скифских культур и в среднесарматскую эпоху. В позднесарматское время у кочевников наблюдается отказ от широкого применения образов животных, что, возможно, связано с изменением традиций в искусстве не только самих кочевников, но и оседло-земледельческих культур Центральной Азии и Восточной Европы. При этом в некоторых производственных центрах Средней Азии и Северного Кавказа продолжают использовать звериные образы, в первую очередь на керамических изделиях. С территории раннеаланской культуры Северного Кавказа в степь массово поступают керамические сосуды с ручками в виде стилизованных животных. В самой культуре формируется собственный звериный стиль.

В погребениях кочевников позднесарматского времени изображения животных крайне редки. Известно несколько находок деревянных сосудов с ручками, выполненными в виде фигур животных или их голов. Аналогичные сосуды известны у кочевников и в более ранние периоды. Возможно, они были связаны с ритуальными действиями. Предполагается, что некоторые деревянные сосуды изготавливались на токарных станках в мастерских античных городов и приобретались кочевниками. Сохранность деревянных изделий в археологических комплексах не позволяют в полной мере понять их распространенность. Находки сосудов с ручками в виде животных только в высокостатусных захоронениях позднесарматского времени могут указывать на их использование лишь в среде представителей кочевой элиты в качестве ритуальных.

Ключевые слова: позднесарматская культура, изображения зверей, деревянные сосуды, зооморфные ручки

Цитирование. Кривошеев М.В., 2020. Зооморфные изображения на деревянных сосудах позднесарматского времени // Уфимский археологический вестник. Вып. 20. С. 71–77. DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2020.20.005

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-09-00471 «Палеоантропология древнего и средневекового населения Нижнего Поволжья (палеопатологический аспект)»

Изображения зверей в искусстве кочевников Евразии раннего железного века играло очень важную роль. Популярность звериного стиля в кочевых культурах имеет несколько пиков. В скифо-савромато-сакском мире такие изображения встречаются на всех возможных артефактах. По уникальным находкам из элитарных комплексов Пазырыка, Филипповки, Берельских курганов мы можем судить о значимости изображений зверей: в торевтике, в ткачестве, в изделиях из дерева – скульптурах, сосудах, даже в татуировках [Полосьмак, 2001; Самашев, 2011; Пшеничнюк, 2012; Яблонский, 2013]. В раннесарматское время наблюдается спад этой популярности. Известные изображения животных связаны в основном с поясными пряжками, получившими широкое распространение не только у сарматов [Глебов, 2016; Трейстер, 2019. С. 183-190]. Среднесарматская культура отмечена новым витком популярности звериного стиля, который связывают с появлением сразу целого набора элементов, прежде характерных для савроматской культуры [Скрипкин, 1992].

Позднесарматское время отличается от предшествующих культур резким отказом от использования зооморфных изображений в искусстве. В археологическом контексте, который доступен нам сейчас, многое из того, что было создано в изобразительном искусстве номадов по большей части не сохраняется в силу специфики материалов. Находки подобные пазырыкским, сохранившимся в вечной мерзлоте, уникальны. Однако доступные нам для исследования категории вещей, которые были традиционны для номадов и продолжают использоваться в позднесарматское время, также демонстрируют смену направленности в стилистике оформления в сторону отказа от зооморфизма.

Вероятно, смена художественной стилистики в искусстве в середине II в. н.э. связана не только с предпочтениями самих кочевников, но и с общими тенденциями в художественном и прикладном искусстве тех регионов, с которыми у кочевником этого периода были налажены наиболее устойчивые связи. В Средней Азии в первые века нашей эры на некоторых типах керамических сосудов присутствуют ручки, выполненные в зооморфном стиле. Такие сосуды образуют немногочисленные серии [Литвинский, 1973. С. 103, 104. Табл. 53, *3*; 54; 55, *1*]. На территории распространения позднесарматской культуры керамических сосудов с зооморфными ручками из Средней Азии пока не встречено. Взаимодействие кочевников со среднеазиатским регионом в этот период проявляется достаточно слабо. Находки вещей среднеазиатского происхождения в кочевнических комплексах, в первую очередь южноуральской группы, не создают впечатления наличия развитых торговых отношений [Кривошеев, 2017].

В материалах джетыасарской культуры также встречаются зооморфные изображения в виде литых подвесок, ручек керамических сосудов, прорезные и налепные изображения на сосудах. Известны немногочисленные, но выразительные изображения диких и домашних копытных, медведя, волка или собаки, змеи. Авторы исследования отмечают, что зооморфные изображения хоть и являются характерной особенностью джетыасарской культуры, но распространяются лишь на определенных этапах. Они не имеют корней в самой культуре и их появление там связано с притоком пришлого населения [Левина, Чижова, 1995. С. 187-188]. В известных джетыасарских материалах сложно выделить признаки, хронологически относящиеся именно к позднесарматскому периоду. Определение последовательности появления тех или иных элементов в сарматском мире и джетыасарской культуре вызывает затруднения. В связи с этим использование данного материала для определения связей с сарматским миром проблематично.

В ювелирном искусстве и торевтике на позднесарматских материалах отмечается отказ от традиций использования зооморфных изображений, широко применяемых в предыдущее среднесарматское время. Античные центры ювелирного производства переходят к новым стилистическим моделям, где превалируют иные схемы. В III в. эта динамика приводит к расцвету полихромного стиля позднеримского времени [Шаров, 2019].

Некоторые сферы прикладного искусства демонстрируют консерватизм в использовании зооморфных изображений. В первую очередь это касается керамического производства. В позднесарматское время на полную мощность выходят раннеаланские производственные центры Северного Кавказа, которые экспортируют в степь керамическую посуду с ручками, оформленными в зооморфном стиле [Абрамова, 1993. С. 156-158. Рис. 61, *16, 18, 20*; Малашев, 2013. С. 40-42. Рис. 8, *6, 7, 9*; 9, *1*; 11, *1-3*]. Эта традиция на Кавказе имеет глубокие корни и продолжает жить и в раннем средневековье. В это же время на Северном Кавказе получает развитие особый звериный стиль аланской культуры Северного Кавказа, который встречается на украшениях конской сбруи. В.Ю. Малашев относит группу вещей, выполненных в этом стиле, к середине III – IV вв. н.э., но допускает возможность смещения нижней границы во II в. Этот стиль мог сформироваться в раннеаланской среде под культурным влиянием и при участии носителей среднесарматского культурного комплекса [Малашев, 2017. С. 212-213].

Несмотря на активные торговые связи Северного Кавказа и степных районов Урало-Волго-Донского региона, а после середины III в. – и экспансии кавказского населения на Нижний Дон, зооморфный стиль у кочевников позднесарматского времени так и не получил широкого развития.

В позднесарматском археологическом комплексе встречаются зооморфные фигуры, которые можно отнести к изделиям или, по крайней мере, заказу самих кочевников. Это ручки на деревянных сосудах. На данный момент известно несколько комплексов, в которых обнаружены деревянные

сосуды с ручками, выполненными в виде фигур или голов животных.

Деревянные сосуды в целом обнаружены в 7% захоронений позднесарматского времени Доно-Волго-Уральских степей и представлены чашами различных размеров, блюдами, кубками, ковшами. Чаще всего встречается один сосуд в погребении. Однако известны находки до 5-6 экземпляров в одной могиле (Лебедёвка кург. 2, Валовый I кург. 25). Присутствие деревянных сосудов нередко идентифицируется лишь по наличию металлических накладок на венчик: бронзовых, серебряных, реже золотых. Деревянные сосуды встречаются в мужских погребениях в 2 раза чаще, чем в женских. Устойчивой корреляции находок деревянных сосудов с определенными типами ям, ориентировкой и возрастом погребенных не отмечено. В половине случаев чаши обнаружены в погребениях с мечами, кинжалами и даже наборами клинков, состоящих из меча и кинжала.

В отдельных случаях условия находки указывают на использование деревянных сосудов в качестве ритуальных. В могильнике Котлубань V на крупном овальном деревянном блюде лежали 2 длинных ножа, возможно ритуального назначения, и копье [Скрипкин, 1989].

Деревянные сосуды не являются уникальными для позднесарматского времени. Их находки известны и в погребениях киммерийского времени, и широко представлены в скифо-савроматский период. В скифское время такие сосуды нередко оформлялись накладками из золота, серебра, которые сами были выполнены в виде фигур зверей или на них изображены зооморфные фигуры [Максименко, 1983. С. 85-87; Королькова, 2003; Пшеничнюк, 2012. Рис. 156-172. Фото 5-11; Яблонский, 2013. С. 90. Кат. 302 и др.].

Стоит обратить внимание, что в погребальном обряде сарматов не во всех комплексах встречаются сосуды, которые можно было бы отнести к категории предметов индивидуального использования. В позднесарматское время среди керамической посуды превалируют круговые кувшины, горшки, миски преимущественного импортного производства из мастерских Нижнего Дона и Северного Кавказа. Известные типы лепных сосудов также редко можно связать с индивидуальной посудой. Однако её наличие у кочевников не вызывает сомнения [Полосьмак, 2001. С. 199]. В позднесарматское время эту роль могли выполнять деревянные чаши или кубки. Не исключено, что такие сосуды не во всех случаях помещали в могилы или они не дошли до нас ввиду недолговечности материала. Небольшие курганы позднесарматского времени не способствуют сохранности органических материалов в погребениях.

Мне известно всего пять комплексов позднесарматского времени, в которых на деревянных сосудах ручки оформлены в виде зверей или звериных голов. На Нижнем Дону, в кургане 25 могильника Валовый I, обнаружено 6 деревянных сосудов [Безуглов и др., 2009. С. 48-63], самый крупный из которых имел форму таза диаметром около 30 см. Еще один сосуд имел полусферическую форму и диаметр 13 см. На боку находилась резная деревянная ручка в виде фигуры кабана (рис. 1, *3*). В комплексе присутствовали 4 миниатюрных сосуда диаметром от 4 до 8 см. Три из них также имели зооморфные ручки: в виде полной фигуры лося (рис. 1, *1*), в виде фигуры стоящего кошачьего хищника (рис. 1, *2*) и несохранившейся зооморфной фигуры, идентифицируемой по остаткам лап на стенке сосуда. Стоит отметить, что фигуры животных вырезаны достаточно реалистично, но в некоторых случаях отдельные части гипертрофированы. Сложно сказать, была ли это задумка автора или отражение уровня мастерства резчика. Погребение в кургане 25 датируется первой половиной III в. н.э. и принадлежало воину-всаднику высокого социального ранга. Все фигуры на ручках сосудов в изначальной конструкции не имели дополнительных элементов фиксации на корпусах сосудов. На чаше с ручкой в виде кабана фигура крепилась к корпусу железной и бронзовой проволокой, что является следствием ремонта сосуда [Безуглов и др., 2009. С. 62].

В том же регионе, на левом берегу Дона, в достаточно богатом женском погребении 1 кургана 20 могильника Новоалександровка был обнаружен овальный деревянный ковшик с небольшой ручкой, оформленной в виде головы кошачьего хищника [Беспалый, 1990. С. 217-202. Рис. 3, *16*]. Шею животного охватывает тонкая серебряная полоска в виде ошейника. На верхней части головы от ошейника до окончания морды спускается ещё одна серебряная полоска-налобник. Морда хищника тупая, уши вытянуты назад и заострены (рис. 1, *6*). Ошейник и налобник крепятся к деревянной основе при помощи маленьких серебряных гвоздиков. Погребение датируется концом II – первой половиной III в. н.э. [Кропотов, 2010. С. 256].

Аналогичная ручка обнаружена в погребении 2 кургана 1 курганной группы Гремячая на левом берегу Дона [Гуренко, 2008] [1]. Деревянная основа ручки выполнена в виде головы животного, которая близка описанной голове кошачьего хищника из Новоалександровки: прижатые к голове уши также вытянуты назад и заострены, пасть приоткрыта. Шея фигуры сверху до половины сечения охвачена серебряной пластинкой, прикрепленной к деревянной основе тремя серебряными гвоздиками. От верхней части ошейника до окончания морды спускается полоска-налобник, загибающаяся под прямым углом на носу и охватывающая морду спереди. Налобник крепится двумя серебряными гвоздиками [Гуренко, 2008. Илл. 45]. Как и некоторые сосуды из Валового и Новоалександровки, чаша из Гремячей была украшена бронзовыми, серебряными и золотыми прямоугольными, согнутыми пополам накладками на венчик сосуда. Также

[1] Материалы раскопок Л.В. Гуренко не опубликованы.

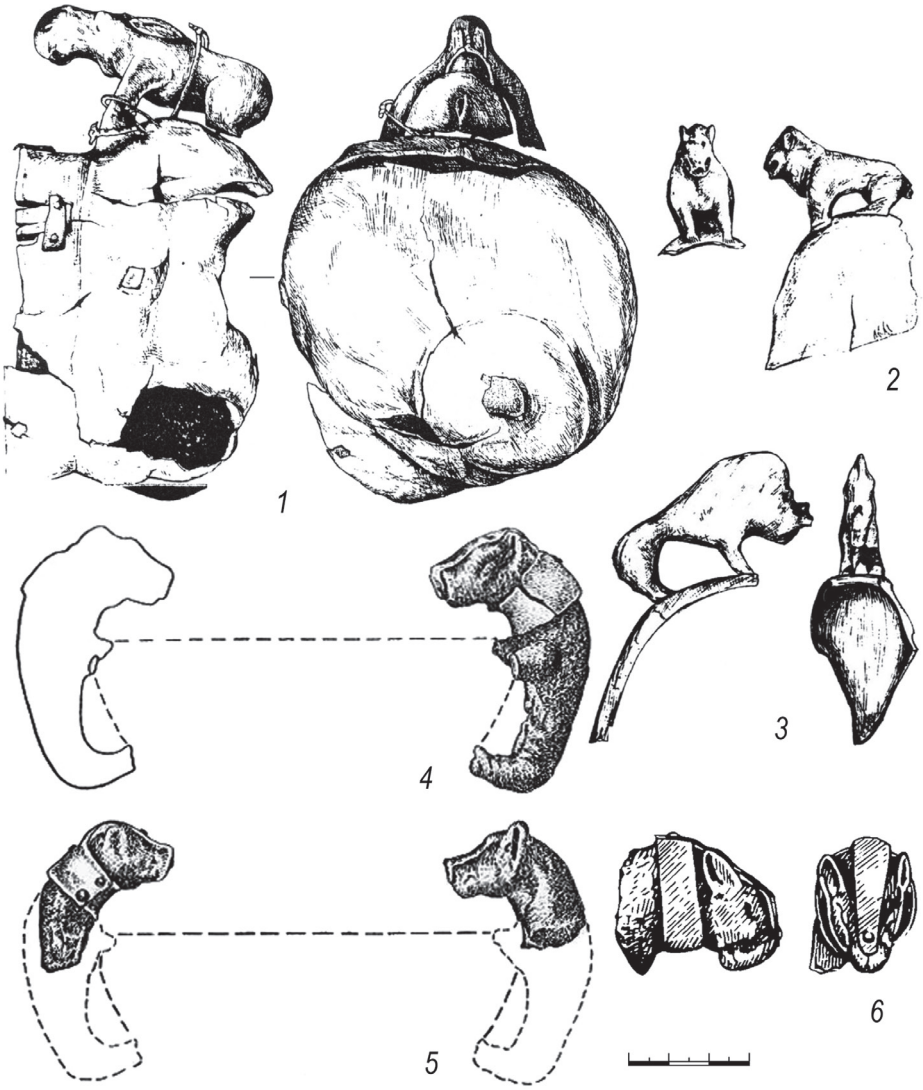


Рис. 1. Деревянные сосуды с зооморфными ручками из погребение позднесарматского времени: *1-3* – Валовый I, курган 25 погр. 1 (по: [Безуглов и др., 2009. Рис. 34, *3, 5, 6*]); *4-5* – Олонешты, курган IV погр. 4 (по: [Курчатов, Бубулич, 2003. Рис. 7, *1, 2*]); *6* – Новоалександровка, курган 20 погр. 1 (по: [Беспалый, 1990. Рис. 3, *16*])

Fig. 1. Wooden vessels with zoomorphic handles from a late Sarmatian burial: *1-3* – Valoviy I kurgan 25 burial 1 (after: [Bezuglov et al., 2009. Fig. 34, *3, 5, 6*]); *4-5* – Olonesti kurgan IV, burial 4 (after: [Kurchatov, Bubulich, 2003. Fig. 7, *1, 2*]); *6* – Novoaleksandrovka kurgan 20, burial 1 (after: [Bespaly, 1990. Fig. 3, *16*])

встречены фрагменты стенок, скрепленные бронзовой проволокой, указывающие на ремонт сосуда. Погребение профессионального воина с набором клинкового оружия в кургане 1 курганной группы Гремячая можно отнести к середине – второй половине III в. н.э.

Ещё в одном комплексе позднесарматского времени, в кургане 4 у с. Олонешты на Днестре, был обнаружен набор деревянной посуды, состоящий из круглого блюда, двух полусферических сосудов с парными зооморфными ручками, чашки и пиксиды [Мелюкова, 1962; Курчатов, Бубулич, 2003. С. 300. Рис. 7]. На упомянутых сосудах ручки представляли собой стилизованные фигурки медведей, которые, по мнению автора раскопок, А.И. Мелюковой, были вырезаны отдельно и вставлены в стенки чаш. На каждом из сосудов одна из ручек была оформлена кольцевыми ошейниками и пластинами-налобниками из серебряных пластин, захватывающими переднюю часть морды (рис. 1, *4, 5*). Аналогичные накладки отмечены на упомянутой выше ручке сосуда из Новоалександровки. Сам набор посуды близок комплексу из Валового I. А.И. Мелюкова отмечала, что все деревянные сосуды из олонештского комплекса выточены на токарном станке в мастерских античных центров Боспора, а, значит, не могли быть созданы самими кочевниками [Мелюкова, 1962. С. 205]. В пользу этого могут говорить другие находки деревянных блюд, аналогичных по размерам олонештскому [Курчатов, Бубулич, 2003. С. 300-301].

Стоит упомянуть ещё один набор деревянной посуды, происходящий из женского погребения в кургане 2 могильника Лебедёвка на другом краю сарматского мира – в Южном Приаралье [Мошкова, 2009]. В одном из самых богатых захоронений позднесарматского времени обнаружено пять сосудов различной формы. Один из них, по утверждению авторов первой публикации, был сделан на токарном станке. Ручек в зооморфном стиле на этих сосудах не обнаружено, но на одной из чаш зафик-

сировано изображение в виде скарабея [Багриков, Сенигова, 1968].

Неоднократные указания на изготовление деревянных сосудов на токарном станке вполне могут соответствовать действительности. Это означает, что кочевники приобретали их, наряду с круговой глиняной посудой, в мастерских оседлого населения. Возможно, именно этим может объясняться высокая частота встречаемости следов ремонта на деревянных сосудах.

В первые века новой эры, во многом благодаря появлению носителей среднесарматской культуры, которые в своем происхождении связаны со среднеазиатским регионом, в степях Восточной Европы получил распространение звериный стиль в искусстве. Эту моду поддерживали и античные ювелирные центры, работавшие, в том числе, и по заказу кочевых элит. С появлением в середине II в. н.э. на этой территории позднесарматских племен наблюдается резкий отказ от многих традиций предшествующей культуры, в том числе и от звериных мотивов в искусстве. Принимая идею о восточном происхождении позднесарматской культуры, стоит обратить внимание на этот факт. Не исключено, что складывание позднесарматского комплекса происходило в районах, удаленных от среднеазиатских культурных центров. В.Ю. Малашев указывает на Среднее Поишимье, как на возможный регион формирования позднесарматской культуры [Малашев, 2013. С. 158]. Позднесарматская культура выглядит более аскетичной по сравнению со среднесарматской. Требования к богатству и роскоши, которые можно видеть на материалах погребений позднесарматской элиты, снижаются: украшения становятся менее изящными; импортные изделия, как маркер богатства, не являются высокохудожественными изделиями, а чаще вышедшими из моды и употребления в римских провинциях; серебряные изделия становятся значительно более популярными, чем золотые.

Находки сосудов с ручками в виде животных именно в элитных позднесарматских комплексах могут являться продолжением общих скифо-сарматских традиций на другом уровне. Эти традиции связаны с помещением в богатые могилы кубков с зооморфными ручками. Особенно ярко это отразилось в скифскую эпоху [Королькова, 2003] и в среднесарматское время, когда в богатейших могилах были обнаружены кубки из серебра и золота с ручками в виде фигур различных животных [Засецкая, 2011. С. 160-195]. Безусловно, такие сосуды могли носить особый семантический смысл и роль ручек в виде фигур зверей выглядит крайне важной. Различные идеи на это счёт подробнейшим образом разобраны Е.Ф. Корольковой [Королькова, 2003].

Таким образом, в кочевых культурах раннего железного века наблюдается волнообразный интерес к зооморфности. Пики популярности приходятся на скифскую и среднесарматскую эпохи. В раннесарматское время изображения зверей достаточно редки. В позднесарматский период известны лишь четыре погребения, в которых встречены деревянные сосуды с зооморфными ручками. В период становления позднесарматской культуры в Волго-Донском регионе носители новой культуры наслаиваются на предшествующее среднесарматское население и в течение второй половины II в. н.э. отмечается постепенное вытеснение среднесарматских традиций в погребальном обряде. Это подразумевает сосуществование предшествующего среднесарматского населения и носителей позднесарматской культуры. При этом отмечается резкий отказ от некоторых элементов, которые были характерны для среднесарматского времени: меняются типы клинкового оружия, выходят из обихода круглые курильницы, уступая место кубическим, пропадают вещи золото-бирюзового стиля. Также к этому числу относится и традиция помещения в могилы металлических кубков/чаш с зооморфными ручками, которые, вероятно, играли важную роль в ритуальной практике. Сложно сказать, какие факторы во взаимоотношениях представителей двух культурных традиций могли повлиять на такой резкий отказ от устоявшихся практик и вещей. Возможно, в позднесарматском обществе бытовали иные представления о культах и методиках их отправления. При этом сохраняется преемственность с предшествующим временем, предписывающая отправление культов представителям элиты. Этим можно объяснить находки деревянных сосудов с зооморфными ручками в элитных захоронениях позднесарматского времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Багриков Г.И., Сенигова Т.Н. Открытие гробниц в Западном Казахстане (II-IV и XIV вв.) // Изв. АН Каз. ССР. Серия общественная. Вып. 2. Алма-Ата, 1968. С. 71-89.

Безуглов С.И., Глебов В.П., Парусимов И.Н. Позднесарматские погребения в устье Дона (курганный могильник Валовый I). Ростов-на-Дону: Медиа-Полис, 2009. 128 с.

Беспалый Е.И. Погребения позднесарматского времени у города Азова // СА. № 1. 1990. С. 213-223.

Глебов В.П. Пряжки с зооморфными изображениями в раннесарматской культуре Нижнего Подонья // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Оренбург: ОГПУ, 2016. С. 69-79.

Гуренко Л.В. Отчет о проведении спасательных археологических раскопок курганной группы «Гремячая» и одиночного кургана «Гремячий-I» в Котельниковском муниципальном районе Волгоградской области в 2008 г. Волгоград // Архив ВОКМ. № 301.

Засецкая И.П. Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад. СПб.: Эрмитаж, 2011. 328 с.

Королькова Е.Ф. Ритуальные чаши с зооморфным декором в культуре ранних кочевников // АСГЭ. Вып. 36. СПб., 2003. С. 28-59.

Кривошеев М.В. Восточные традиции и инновации в сарматских памятниках второй половины II – IV в. н.э. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 22. № 4. 2017. С. 17-27.

Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДЕФ-Украина, 2010. 384 с.

Курчатов С., Бубулич В. «Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты» – 40 лет спустя // Взаимодействие культур и хронология Северо-Понтийского региона / Отв. ред. Е. Сава. Кишинёв: Ин-т археологии и этнографии АН РМ, 2003. С. 285-312.

Левина Л.М., Чижова Л.В. О некоторых антропоморфных и зооморфных изображениях в джетыасарских памятниках // Джетыасарская культура. Ч. 5. Низовья Сырдарьи в древности / Ред. А.Н. Седловская. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1995. С. 185-201.

Литвинский Б.А. Керамика из могильников Западной Ферганы. М.: Наука, 1973. 260 с.

Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону: Ростовский университет, 1983. 224 с.

Малашев В.Ю. Позднесарматская культура Южного Приуралья во II – III вв. н.э. Дисс. на соиск. … к.и.н. М., 2013. 301 с.

Малашев В.Ю. Звериный стиль аланской культуры Северного Кавказа // И музою его была наука. Сборник памяти В.А. Кореняко (1952-2016) / Отв. ред. и сост. С.В. Кузьминых, А.А. Горбенко. Азов: Азовский музей-заповедник, 2017. С. 194-214.

Мелюкова А.И. Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты (Молдавская ССР) // СА. № 1. 1962. С. 195-208.

Мошкова М.Г. Женское погребение в кургане 2 из Лебедевского могильного комплекса (раскопки Г.И. Багрикова) // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем / Ред. А.Г. Фурасьев. СПб.: Фак-т филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 99-113.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.

Пшеничнюк А.Х. Филипповка: Некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 280 с.

Самашев З.С. Некоторые результаты исследований Берельских курганов // «Terra Scythica»: Материалы международного симпозиума «Terra Scythica». Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2011. С. 218-238.

Скрипкин А.С. Погребальный комплекс с уздечным набором из Котлубани и некоторые вопросы этнической истории сарматов // СА. № 4. 1989. С. 172-181.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии, периодизации и этнополитической истории. Научный доклад, представленный на соискание ученой степени доктора исторических наук. М. 1992.

Трейстер М.Ю. «Импорты» из Центральной Азии и Сибири в погребальных памятниках Азиатской Сарматии II-I вв. до н.э. // Проблемы истории, филологии, культуры. № 4. 2019. С. 180–239.

Шаров О.В. Боспор. Полихромные стили позднеримской эпохи // Нижневолжский археологический вестник. Т. 18. № 2. 2019. С. 197-220.

Яблонский Л.Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004-2009 гг.). Каталог коллекции. Кн. 1. М.: ИА РАН, 2013. 232 с.

REFERENCES

Bagrikov G.I., Senigova T.N. Otkrytie grobnic v Zapadnom Kazahstane (II-IV i XIV vv.) [Discovery of tombs in Western Kazakhstan (II-IV and XIV centuries)] // Izv. AN Kaz. SSR. Seriya obshchestvennaya. Vyp. 2. Alma-Ata, 1968. S. 71-89.

Bezuglov S.I., Glebov V.P., Parusimov I.N. Pozdnesarmatskie pogrebeniya v ust'e Dona (kurgannyj mogil'nik Valovyj I) [Late Sarmatian burials at the mouth of the Don (Valovy I burial mound)]. Rostov-na-Donu: Media-Polis, 2009. 128 s.

Bespalyj E.I. Pogrebeniya pozdnesarmatskogo vremeni u goroda Azova [Burials of late Sarmatian time near Azov town] // SA. № 1. 1990. C. 213-223.

Glebov V.P. Pryazhki s zoomorfnymi izobrazheniyami v rannesarmatskoj kul'ture Nizhnego Podon'ya [Buckles with zoomorphic images in the early Sarmatian culture of the Lower Don region] // Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennye problemy sarmatskoj arheologii. Materialy IX Mezhdunar. nauch. konf. «Problemy sarmatskoj arheologii i istorii». Orenburg: OGPU, 2016. S. 69-79.

Gurenko L.V. Otchet o provedenii spasatel'nyh arheologicheskih raskopok kurgannoj gruppy «Gremyachaya» i odinochnogo kurgana «Gremyachij-I» v Kotel'nikovskom municipal'nom rajone Volgogradskoj oblasti v 2008 g. Volgograd [Report on the archaeological rescue excavations of the kurgans group "Gremyachaya" and the single kurgan "Gremyachy-I" in the Kotelnikovsky municipal district of the Volgograd region in 2008 Volgograd] // Arhiv VOKM. № 301.

Zaseckaya I.P. Sokrovishcha kurgana Hohlach. Novocherkasskij klad [The treasures of "Khokhlach" kurgan. Novocherkassk buried treasure]. SPb.: Ermitazh, 2011. 328 s.

Korol'kova E.F. Ritual'nye chashi s zoomorfnym dekorom v kul'ture rannih kochevnikov [Ritual bowls with zoomorphic decor in the culture of the early nomads] // ASGE. Vyp. 36. SPb., 2003. S. 28-59.

Krivosheev M.V. Vostochnye tradicii i innovacii v sarmatskih pamyatnikah vtoroj poloviny II – IV v. n.e. [Eastern traditions and innovations in Sarmatian cite

of the second half of the 2nd - 4th cc. AD] // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. T. 22. № 4. 2017. S. 17-27.

Kropotov V.V. Fibuly sarmatskoj epohi [Fibulae of the Sarmatian era]. Kiev: ADEF-Ukraina, 2010. 384 s.

Kurchatov S., Bubulich V. «Sarmatskoe pogrebenie iz kurgana u s. Oloneshty» – 40 let spustya [«Sarmatian burial from kurgan near Oloneshty village» – 40 years later] // Vzaimodejstvie kul'tur i hronologiya Severo-Pontijskogo regiona / Otv. red. E. Sava. Kishinyov: In-t arheologii i etnografii AN RM, 2003. S. 285-312.

Levina L.M., Chizhova L.V. O nekotoryh antropomorfnyh i zoomorfnyh izobrazheniyah v dzhetyasarskih pamyatnikah [About some anthropomorphic and zoomorphic images in the Djetyasar site] // Dzhetyasarskaya kul'tura. Ch. 5. Nizov'ya Syrdar'i v drevnosti / Red. A.N. Sedlovskaya. M.: Institut etnologii i antropologii RAN, 1995. S. 185-201.

Litvinskij B.A. Keramika iz mogil'nikov Zapadnoj Fergany [Ceramics from the burial grounds of Western Fergana]. M.: Nauka, 1973. 260 s.

Maksimenko V.E. Savromaty i sarmaty na Nizhnem Donu [Sauromats and Sarmatians in the Lower Don region]. Rostov-na-Donu: Rostovskij universitet, 1983. 224 s.

Malashev V.Yu. Pozdnesarmatskaya kul'tura Yuzhnogo Priural'ya vo II – III vv. n.e. [Late Sarmatian culture of the Southern Cis-Urals in the II - III centuries AD] Diss. na soisk. … k.i.n. M., 2013. 301 pp.

Malashev V.Yu. Zverinyj stil' alanskoj kul'tury Severnogo Kavkaza [Animal style of Alan culture of the North Caucasus] // I muzoyu ego byla nauka. Sbornik pamyati V.A. Korenyako (1952-2016) / Otv. red. i sost. S.V. Kuz'minyh, A.A. Gorbenko. Azov: Azovskij muzej-zapovednik, 2017. S. 194-214.

Melyukova A.I. Sarmatskoe pogrebenie iz kurgana u s. Oloneshty (Moldavskaya SSR) [Sarmatian burial from kurgan near Oloneshty village (Moldavian SSR)] // SA. № 1. 1962. S. 195-208.

Moshkova M.G. Zhenskoe pogrebenie v kurgane 2 iz Lebedevskogo mogil'nogo kompleksa (raskopki G.I. Bagrikova) [Female burial in kurgan 2 from the Lebedevsky burial complex (excavations by G.I.Bagrikov)] // Gunny, goty i sarmaty mezhdu Volgoj i Dunaem / Red. A.G. Furas'ev. SPb.: Fak-t filologii i iskusstv SPbGU, 2009. S. 99-113.

Polos'mak N.V. Vsadniki Ukoka [Ukok riders]. Novosibirsk: INFOLIO-press, 2001. 336 s.

Pshenichnyuk A.H. Filippovka: Nekropol' kochevoj znati IV veka do n.e. na Yuzhnom Urale [Necropolis of the nomadic nobility of the 4th century BC in the Southern Urals]. Ufa: IIYaL UNC RAN, 2012. 280 s.

Samashev Z.S. Nekotorye rezul'taty issledovanij Berel'skih kurganov // «Terra Scythica»: Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma «Terra Scythica» [Some results of the studies of the Berel kurgans]. Novosibirsk: In-t arheologii i etnografii SO RAN, 2011. S. 218-238.

Skripkin A.S. Pogrebal'nyj kompleks s uzdechnym naborom iz Kotlubani i nekotorye voprosy etnicheskoj istorii sarmatov [Burial complex containing the bridle set from Kotlubani and some questions of the ethnic history of the Sarmatians] // SA. № 4. 1989. S. 172-181.

Skripkin A.S. Aziatskaya Sarmatiya. Problemy hronologii, periodizacii i etnopoliticheskoj istorii [Asian Sarmatia. Problems of chronology, periodization and ethnopolitical history]. Nauchnyj doklad, predstavlennyj na soiskanie uchenoj stepeni doktora istoricheskih nauk. M. 1992.

Trejster M.Yu. «Importy» iz Central'noj Azii i Sibiri v pogrebal'nyh pamyatnikah Aziatskoj Sarmatii II-I vv. do n.e. ["Imports" from Central Asia and Siberia in the funerary cites of Asiatic Sarmatia of the 2nd-1st centuries. BC.] // Problemy istorii, filologii, kul'tury. № 4. 2019. S. 180–239.

Sharov O.V. Bospor. Polihromnye stili pozdnerimskoj epohi [Bosporus. Polychrome styles of the late Roman era] // Nizhnevolzhskij arheologicheskij vestnik. T. 18. № 2. 2019. S. 197-220.

Yablonskij L.T. Zoloto sarmatskih vozhdej. Elitnyj nekropol' Filippovka 1 (po materialam raskopok 2004-2009 gg.) [Gold of the Sarmatian leaders. Elite necropolis Filippovka 1 (based on materials from excavations in 2004-2009)]. Katalog kollekcii. Kn. 1. M.: IA RAN, 2013. 232 s.

KAZAKLAROVSKOE I HILLFORT IN THE BASIN OF THE BELAYA RIVER

T. Ostanina

Abstract. The article deals with the results of archaeological excavations of the Kazaklarovskoe I hillfort, located in the Dyurtyulinsky district of the Republic of Bashkortostan, at the Elbaza river, left-bank tributary of the Belaya river. The excavations were carried out in 1980 under the leadership of V. Ivanov (Institute for history, language and literature of the Bashkir Department of the USSR Academy of Sciences) and T. Ostanina (Udmurt Republican Museum of Local History). Some parts of the material collected on the site have already been used by researchers, but the entire set of the materials has not yet been published. The author has made a detailed description and classification of the objects found on the settlement (dwellings, outbuilding, hearths, middens and pole pits). As a result, the range-type layouts and the presence of food complexes on the site have been discovered. Some key findings are described in detail.

Much attention is paid to the characterization of the ceramic complex, as a result of which the common features of the pottery and its specifics were revealed. Kazaklarovskoe I hillfort is attributed to the range of sites of the Mazunino / Bakhmutino culture and is dated by the IV-V centuries.

Key words: archaeology, the Belaya river, early Middle Ages, hillfort, settlement, dwelling, ceramics, Mazunin culture, Bashkir variation

Citation. Ostanina T., 2020. Kazaklarovskoe I hillfort in the basin of the Belaya river. The Ufa Archaeological Herald, is. 20, pp. 78-95. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2020.20.006

УДК 902.01 Дата поступления статьи: 23.11.2020

ББК 63.4 Дата принятия статьи: 01.12.2020

КАЗАКЛАРОВСКОЕ I ГОРОДИЩЕ В БАССЕЙНЕ БЕЛОЙ

Таисия Ивановна Останина
д-р. ист. наук / хранитель музейных предметов
Национальный музей Удмуртской Республики им. Кузебая Герда
г.Ижевск, Российская Федерация / E-mail: tiostanina@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена результатам археологических раскопок Казакларовского городища, расположенного в Дюртюлинском районе Республики Башкортостан на р. Елбаза, левом притоке р. Белая. Раскопки проводились в 1980 г. под руководством В.А. Иванова (ИИЯЛ Башкирского филиала АН СССР) и Т.И. Останиной (Удмуртский республиканский краеведческий музей). Отдельные моменты из материалов памятника уже использовались исследователями, но публикация всего материала городища до сих пор не была сделана. Автором выполнено подробное описание и классификация обнаруженных на площадке поселения объектов (жилищ, хозяйственной постройки, очагов, хозяйственных и столбовых ям). Выявлена рядовая планировка жилищ и наличие продовольственных комплексов на городище. Подробно описаны отдельные находки. Значительное место уделено характеристике керамического комплекса, в результате чего были выявлены общие черты глиняной посуды и ее особенности. Казакларовское I городище отнесено к кругу памятников мазунинской/бахмутинской культуры и датировано IV-V вв.

Ключевые слова: археология, р. Белая, раннее средневековье, городище, поселение, жилище, керамика, мазунинская культура, башкирский вариант

Цитирование. Останина Т.И., 2020. Казакларовское I городище в бассейне Белой // Уфимский археологический вестник. Вып. 20. С. 78–95. DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2020.20.006

Городище находится в 1,4 км к северо-востоку от д. Казакларово Дюртюлинского района РБ. Занимает высокий (24 м) мыс удлиненно-треугольной формы правой береговой террасы р. Елбаза, левого притока Белой. Восточный склон ограничен оврагом, по дну которого протекает ручей, впадающий в Елбазу напротив конца мыса. С запада его ограничивает излучина р. Елбаза. Мыс вытянут по линии север-юг. Поверхность городища задернована, имеет перепад высот 9 м. С напольной стороны городище укреплено двумя валами и рвом между ними. Внутренний вал имеет длину 52 м, ширину 17,5 м. Его высота по отношению к площадке городища равна 2 м. Внешний вал длиной 66 м, шириной 16,4 м. Его высота в западной, хорошо сохранившейся части равна 2,3 м, в восточной – 1 м. Ров имеет длину 63 м, ширину 2,5 м, глубину 1,9 м. И ров, и внешний вал имеют перемычку (въезд на городище). Площадь памятника составляет около 4000 м² (рис. 1).

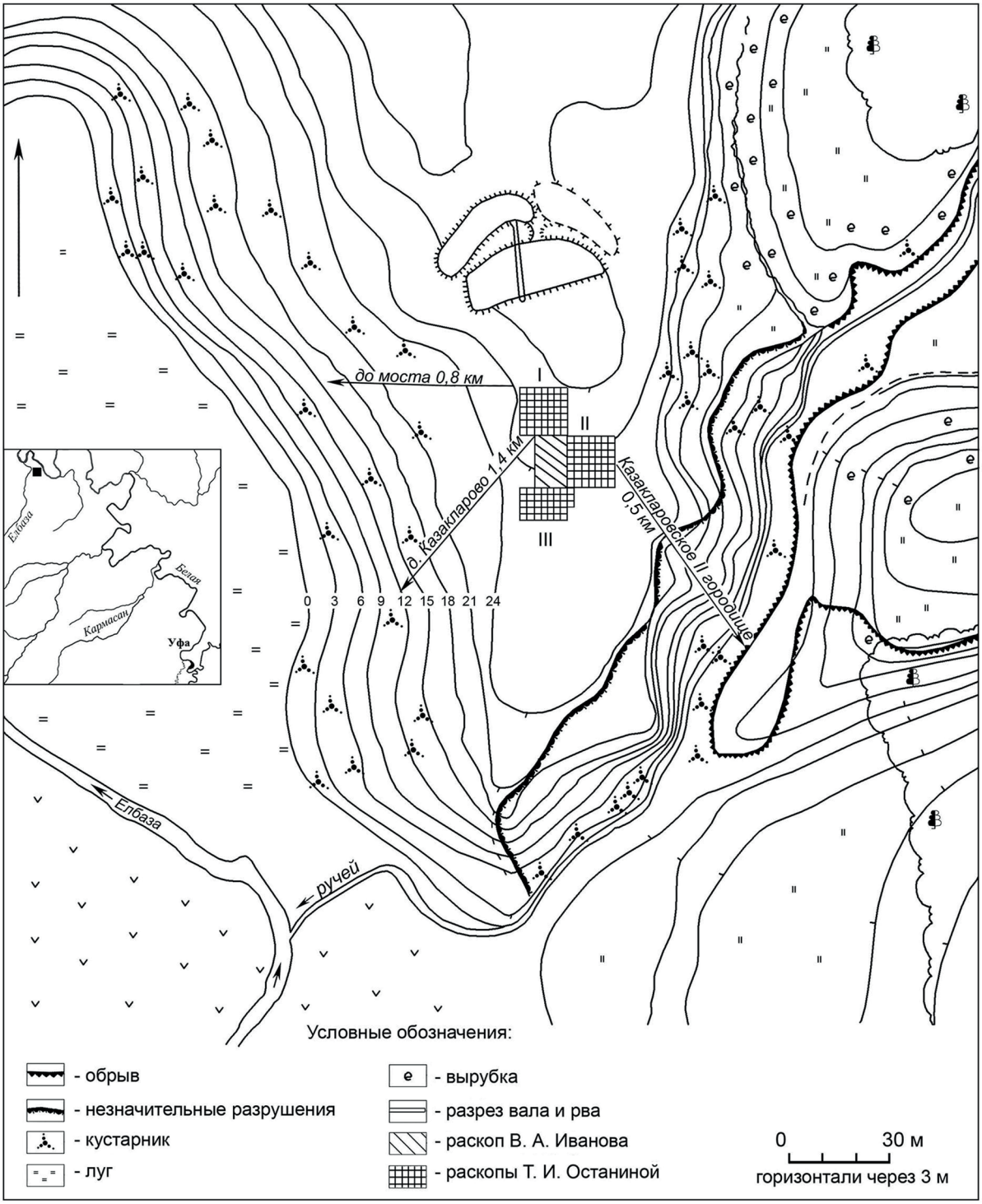


Рис. 1. Казакларовское I городище. Топографический план (съемка 1980 г.)
Fig. 1. Kazaklarovsky I hillfort. Topographic plan (survey 1980)

Казакларовское I городище было открыто в 1970 г. разведочным отрядом археологической экспедиции Башкирского государственного университета, руководимым В.С. Горбуновым [Горбунов, 1970; Археологическая…, 1976. № 271]. В июне 1980 г. в центральной части городища были проведенные раскопочные работы археологической экспедицией ИИЯЛ Башкирского филиала АН СССР (ныне ИИЯЛ УФИЦ РАН) под руководством В.А. Иванова[1] [Иванов, 1980. Л. 2-8]. Им был заложен раскоп площадью 160 м² и сделан разрез внутреннего вала и части рва. В июле этого же года экспедиция Удмуртского республиканского краеведческого музея (ныне Национальный музей УР им. К. Герда) под руководством старшего научного сотрудника Т.И. Останиной продолжила археологические работы на городище [Останина, 1980. Л. 14-27]. Авторами раскопок были сделаны небольшие информационные статьи в сборнике «Археологические открытия 1980 года» [Иванов, 1981. С. 132; Останина, 1981. С. 149]. Материалы Казакларовского I городища привлекались автора-

[1] Автор приносит искреннюю благодарность д.и.н. В.А. Иванову за право публикации материалов его раскопок на Казакларовском I городище и постоянную поддержку в исследованиях памятников раннего средневековья.

ми в обобщающей статье и монографии [Иванов, Останина, 1983; Останина, 1997]. Но полная публикация этого интересного памятника так и не была выполнена. Автор статьи попытался ввести в научный оборот весь имеющийся материал.

К востоку и югу от сетки раскопа В.А. Иванова ею были заложены раскопы I-III соответственно площадью 196, 228, 153 м² (всего 576 м²). Участки размером 2×2 м были обозначены с севера на юг заглавными буквами русского алфавита, а с запада на восток – арабскими цифрами. Стратиграфия напластований была проста и состояла из слоя дерна (5-6 см), темно-серой гумусированной супеси (7-15 см). Только по краю городища (линия участков 1) этот слой достигал 53 см, а на линии участков 7-8 совсем исчезал. Подстилающий слой в западной части раскопа – красная глина, в восточной (раскоп II) – глина с песком.

Всего силами двух экспедиций было вскрыто 736 м², где обнаружены очертания 26 хозяйственных и 7 столбовых ям, 5 (6?) очагов, одного жилища, одной хозяйственного назначения постройки и две впадины в виде черных пятен гумуса (рис. 2).

Характеристика обнаруженных объектов

Ямы[2]**.** Конструкция ям (их сечение) позволили выделить три типа (рис. 3; 4).

Тип I. Ямы с вертикальными с плоским (10 случаев) или округлым (3 случая) дном. В редких случаях одна стенка может быть наклонена (№ 2). Две ямы (№ 8, 13) имеют обе стенки наклонные. Размеры последних ям достаточно большие. Возможно, это были естественного характера впадины, которые использовались для сброса мусора. На плане они имели чаще всего округлую (4), подпрямоугольную (6), овальную (3) форму, реже трапециевидную (1) и подтреугольную (1). Всего выделено 15 ям первого типа. В состав заполнения данного типа ям входит смесь темно-серой супеси с примесью гумуса, угольков, золы и кусочков прокаленной глины. Во всех ямах, кроме № 23, имеются находки фрагментов керамики и костей животных. Использовались ямы в качестве временного сбора мусора при чистке очагов.

Тип II. Ямы с вертикальными стенками, но со ступенькой на одной стороне (3 ямы: № 6, 14, 26). Ширина ступеньки доходила до 35 см (яма № 26). Форма ям на уровне материка была подпрямоугольная, подтреугольная и овальная. Они имели довольно большую глубину – от 60 до 100 см. Заполнение этого типа ям составляет смесь темно-серой супеси, гумуса, кусочков прокаленной и сырой глины, иногда песка. В двух ямах найдены фрагменты керамики, раздавленный сосуд и пряслице (яма № 14). Ямы могли использоваться для хранения скоропортящихся продуктов. Ступенька позволяла удобно и часто спускаться в яму, а большая глубина – для относительно длительного их хранения. Не случайно, все они найдены в хозяйственной постройке (яма № 6), жилищной впадине

Фото 1. Вид на мыс Казакларовского I городища с северо-запада. Фонды НМУР № 13575/17-НВ
Photo 1. View of the Cape of Kazaklarovsky I hillfort from the northwest. Funds NMUR No. 13575/17-HB

[2] Местоположение на раскопе, форма и размеры, глубина, конструкция ям вынесены в табл. 1.

(яма № 26) и в продовольственном комплексе на западном склоне поселения (яма № 14).

Тип III. Ямы подколоколовидной формы (8 ям). В сечении в верхней части они имели отвесные или наклонные стенки с выемками посередине и расширением в нижней части. Следует отметить, что все они имели довольно большую глубину (88-198 см). В плане преобладает подпрямоугольная (3) или округлая (4), в одном случае треугольная (яма № 12) форма. В их заполнении наблюдаются следующие слои: на дне смесь темно-серой супеси, песка и глины с находками костей животных и керамики, в верхнем слое – темно-серая с гумусом и кусочками прокаленной глины, между ними смесь темно-серой супеси и глины. Конструкция ямы и большая глубина с находками костей и керамики позволяет отнести этот тип к продуктовым ямам для хранения мясных и молочных продуктов, а также зерна. Располагаются они рядом с хозяйственной постройкой, около жилищ и на западном склоне площадки городища.

Яма № 1. На глубине 30 см очертания ямы сокращаются, размеры на плане равны 75×105 см. Ее заполнение в нижней части (на дне) – смесь песка и темно-серой супеси с преобладанием последней и глины, верхняя часть ямы заполнена темно-серой гумусированной супесью. Найдено 48 фрагментов керамики и 4 кости животных. Относится к типу III.

Яма № 2. Одна стенка отвесная, другая наклонная. Заполнение: на дне – смесь темно-серой супеси, глины и камней, в верхней части – темно-серая гумусированная супесь. Находки: 10 фрагментов керамики. Относится к типу I.

Яма № 3. Заполнение: смесь темно-серой супеси (она преобладает), песка и золы (только на дне). Находки: 44 фрагмента керамики, 1 кость животного. Относится к типу I.

Яма № 4. Стенки имеют небольшое закругление у плоского дна. Заполнение: смесь темно-серой супеси с гумусом и кусочками прокаленной глины. Находки: 5 мелких фрагментов керамики. Относится к типу I.

Яма № 5. Стенки имеют небольшое закругление у округлого дна. Заполнение: смесь темно-серой супеси с гумусом и кусочками прокаленной глины. Находки: 4 мелких фрагментов керамики. Относится к типу I.

Яма № 6. Имеется ступенька на одной стенке, дно округлое. Заполнение: в нижней части ямы смесь темно-серой супеси с преобладанием песка, в верхней – темно-серая супесь с гумусом и кусочками прокаленной глины, между слоями – прослойка смеси грунта и кусков прокаленной глины. Найдены 19 фрагментов керамики (рис. 7, *6*) и раздавленный сосуд (рис. 7, *10*). Относится к типу II.

Яма № 7. Дно округлое. Заполнение: в нижней части ямы – смесь темно-серой супеси с преобладанием глины, в средней части – светло-серая супесь, в верхней части темно-серая супесь с гумусом. Находки: 52 фрагмента керамики, сосудик-тигель (рис. 5, *6*). Относится к типу I.

Яма № 8. Сечение линзовидной формы. Заполнение: темно-серая супесь с большим количеством гумуса. Находок нет. Относится к типу I.

Яма № 9. Стенки ямы имеют округление у дна. Заполнение: на дне – смесь темно-серой супеси, гумуса и кусочков прокаленной глины, в верхней ча-

Фото 2. Казакларовское I городище. Общий вид на площадку городища с раскопами I, II. Снимок сделан со стороны вала (с севера). Фонды НМУР № 13575/10-НВ

Photo 2. Kazaklarovsky I hillfort. General view of the location of the hillfort with excavation I and II. The photo is taken from the side of vallation (north). Funds of NMUR No. 13575/10-HB

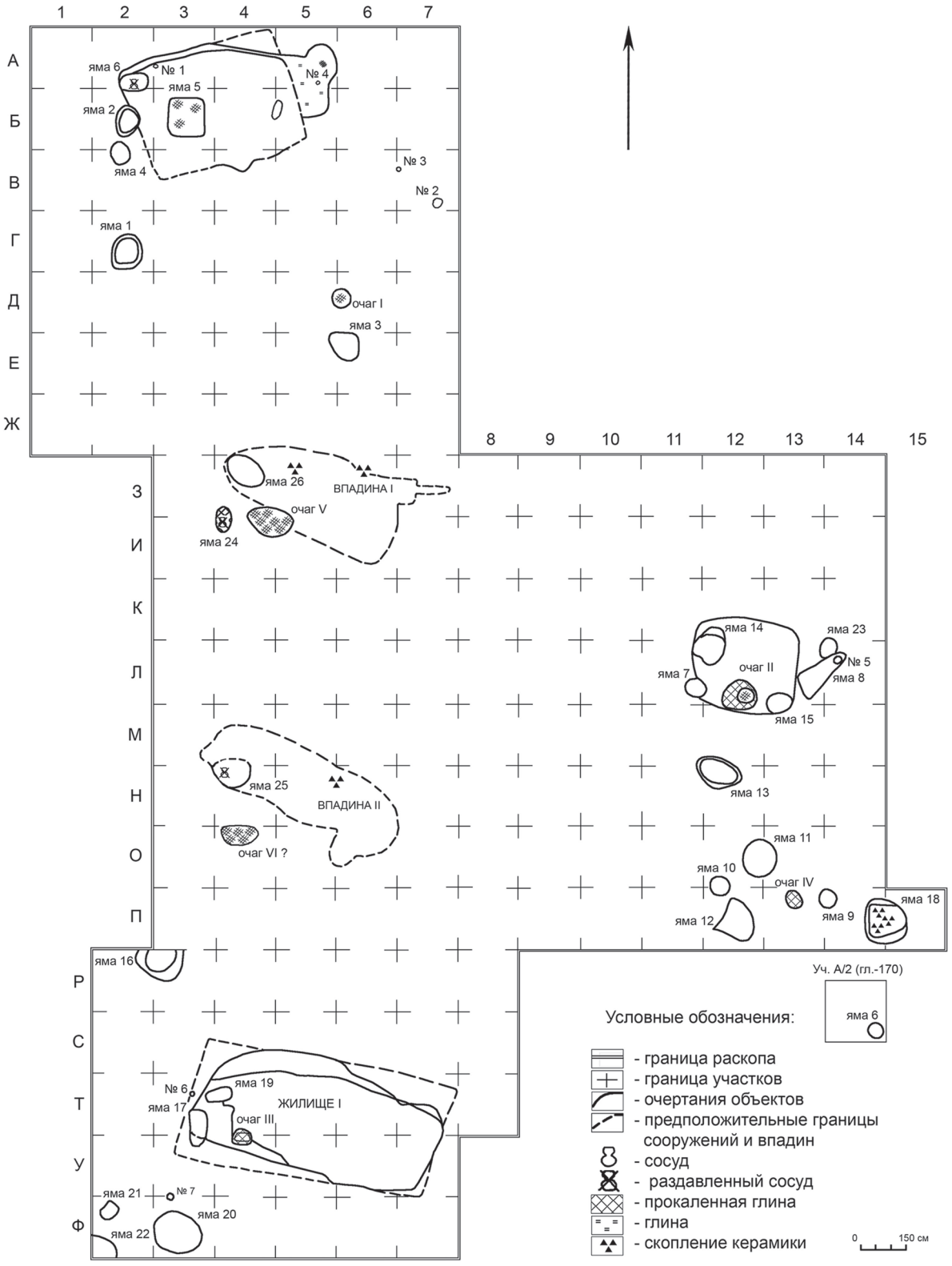


Рис. 2. Казакларовское I городище. Общий план раскопов

Fig. 2. Kazaklarovsky I hillfort. General plan of the excavation

сти – темно-серая гумусированная супесь. Находки: 12 фрагментов керамики. Относится к типу I.

Яма № 10. Заполнение: смесь темно-серой супеси, гумуса и кусочков прокаленной глины. Найден 1 фрагмент керамики. Относится к типу I.

Яма № 11. Заполнение: на дне – светло-серая супесь, в верхней части – темно-серая гумусированная супесь, между этими слоями светло-серая супесь (верхняя часть) и смесь с преобладанием глины. Находки: 57 фрагментов керамики (рис. 7, *5*). Относится к типу III.

Яма № 12. Заполнение: смесь темно-серой супеси и глины (преобладает), в верхней части и на дне ямы включение гумуса и кусочков прокаленной глины. Находки: обломок жернова (рис. 5, *12*), часть раздавленного сосуда (рис. 7, *9*), 86 фрагментов керамики, 3 кости животных. Относится к типу III.

Яма № 13. На глубине 37 см размеры ямы сокращаются до 75×128 см. В разрезе яма имеет наклонные стенки и округлое дно. Заполнение: на дне смесь темно-серой супеси и песка (преобладает), в верхней части – смесь темно-серой супеси, гумуса и кусочков прокаленной глины. Находки: обломок бронзового предмета, 14 фрагментов керамики. Относится к типу I.

Яма № 14. На глубине 50 см размеры ямы сокращаются (105×90 см). С западной стороны стенка ямы имеет небольшую ступеньку. Заполнение: на дне смесь темно-серой супеси и глины (преобладает), в верхней части – смесь темно-серой супеси, гумуса и кусочков прокаленной глины. Находки: пряслице (рис. 5, *8*), 21 фрагмент керамики. Относится к типу II.

Яма № 15. Дно ямы наклонено. Заполнение: на дне смесь темно-серой супеси, гумуса с кусочками прокаленной глины, в верхней части – темно-серая гумусированная супесь. Между этими слоями прослойка смеси темно-серой супеси и глины (преобладает). Находки: 8 фрагментов керамики, 1 кость животного. Относится к типу III.

Яма № 16. Зафиксирована часть ямы. На глубине 49 см от современной поверхности диаметр ямы сокращается (достигает 100 см). Заполнение: на дне смесь песка и темно-серой супеси (преобладает), в верхней части – смесь темно-серой супеси, гумуса и кусочков прокаленной глины, между ними смесь темно-серой супеси с глиной (преобладает). Находки: 118 фрагментов керамики, 2 кости животных. Относится к типу III.

Яма № 17. Заполнение: смесь песка и темно-серой супеси (преобладает) в нижней части ямы, в верхней части – темно-серая гумусированная супесь. Находки: 21 фрагмент керамики, 29 костей рыбы, крупный фрагмент раздавленного сосуда (рис. 7, *1*). Относится к типу I.

Яма № 18. На глубине 50 см размеры ямы увеличиваются (133×145 см), яма приобретает подпрямоугольную форму. Заполнение: на дне – смесь песка и темно-серой супеси (она преобладает), в верхней части – темно-серая гумусированная супесь. Между ними слой темно-серой супеси и глины. Находки: 185 фрагментов керамики (рис. 7, *7*), 5 костей животных. Относится к типу III.

Яма № 19. Заполнение: на дне ямы смесь песка и темно-серой супеси (она преобладает), в верхней части – темно-серая гумусированная супесь. Находки: 7 фрагментов керамики. Относится к типу I.

Яма № 20. Заполнение: на дне ямы смесь песка и темно-серой супеси с преобладанием супеси, в верхней части – смесь темно-серой супеси, гумуса и кусочков прокаленной глины. В средней части ямы смесь темно-серой супеси и глины (она преобладает). Находки: 3 мелких фрагмента керамики. Относится к типу III.

Яма № 21. Стенки ямы отвесные с закруглением у дна. Заполнение: смесь песка и темно-серой супеси с преобладанием супеси. Находки: 2 фрагмента керамики. Относится к типу I.

Яма № 22 (часть ямы). Заполнение: на дне ямы смесь песка и темно-серой супеси (она преобладает), в верхней части – темно-серая гумусированная супесь. Находки отсутствуют. Относится к типу III.

Яма № 23. Стенки ямы отвесные, дно плоское. Заполнение: на дне ямы смесь темно-серой супеси (она преобладает), гумуса и кусочков прокаленной глины. Находки отсутствуют. Относится к типу I.

Яма № 24 [3]. Стенки ямы отвесные с округлением у дна. Углублена в материк на 25 см. Заполнение: смесь темно-серой супеси, мелких угольков и кусочков прокаленной глины. Найден 1 фрагмент керамики. Относится к типу I.

Яма № 25 [4]. Углублена в материк на 70 см. Заполнение: смесь темно-серой супеси с гумусом, мелких угольков и кусочков прокаленной глины. Находки: фрагменты керамики, на дне развал сосуда, ребро крупного животного. Относится к типу I.

Яма № 26 [5]. Углублена в материк на 60 см. На глубине 30 см от уровня материка у юго-восточной стенки небольшая ступенька шириной 35 см. Заполнение: смесь темно-серой супеси с гумусом, мелких угольков и кусочков прокаленной глины. Находки отсутствуют. Относится к типу II.

Таблица 1

Казакларовское I городище. Характеристика хозяйственных ям

Table 1

Kazaklarovsky I hillfort. Characteristics of household pits

№ ямы	Участок	Форма ямы на плане	Размеры, см	Глубина, см	Дно плоское	Дно округлое	Тип ямы	Находки
1	Г/2	подпрямоугольная	95x115	88		+	III	керамика, кости
2	Б/2	овальная	70x95	55	+		I	керамика
3	Е/5-6	подтреугольная	45-90x90	42	+		I	керамика, кость
4	БВ/2	овальная	57x65	31	+		I	керамика
5	Б/3	подпрямоугольная	115x125	17		+	I	керамика
6	АБ/2	подпрямоугольная	54x90	100		+	II	керамика, сосуд
7	Л/11-12	округлая	диаметр 57	40		+	II	керамика, сосудик
8	Л/13-14	подтрапециевидная	37-80x175	7		+	I	находок нет
9	П/13-14	округлая	диаметр 54	47	+		I	керамика

[3] По отчету В.А. Иванова это яма № 1 [Иванов, 1980. Рис. 8]. Уровень фиксации в отчете не указан.
[4] По отчету В.А. Иванова это яма № 2 [Иванов, 1980. Рис. 8]. Уровень фиксации в отчете не указан.
[5] По отчету В.А. Иванова это яма № 3 [Иванов, 1980. Рис. 8]. Уровень фиксации в отчете не указан.

10	ОП/12	округлая	диаметр 60	17	+		I	керамика
11	О/12-13	округлая	диаметр 115	198	+		III	керамика
12	П/12	подтреугольная	135х145	150	+		III	жернов, сосуд, керамика, кости
13	МН/11-12	подпрямоугольная	90х145; 75х128	26		+	I	керамика
14	КЛ/11-12	подтреугольная	105х115; 105х90	66		+	II	пряслице, керамика
15	ЛМ/13	подпрямоугольная	60х77	140	+		III	керамика, кость
16	Р/1-2	округлая ? часть ямы	диаметр 160?	131	+		III	керамика, кости
17	ТУ/2	подпрямоугольная	53х125	49	+		I	керамика, сосуд, кости, чешуя рыбы
18	П/14-15	подтрапециевидная треугольная	75-103х 125; 133х145	149	+		III	керамика, скопление; кости
19	Т/3-4	подпрямоугольная	50х85	44	+		I	керамика
20	Ф/2	округлая	диаметр 157	158	+		III	керамика
21	Ф/1	подпрямоугольная	45х63	25	+		I	керамика
22	Ф/1	округлая ? часть ямы	диаметр 90	115	+		III	находок нет
23	ЛК/13-14	овальная	35х60	14	+		I	находок нет
24	ЗИ/4	овальная	80х50	25	+		I	керамика
25	МН/4	округлая	диаметр 120	70	+		I	керамика, кости, развал сосуда
26	З/4	овальная	130х100	60		+	II	керамика

Очаги. Обнаружено 5(6?) очагов (табл. 2), все они однотипны: глиняная подсыпка (подушка) в виде прокаленной глины оранжевого цвета, в одном случае (очаг IV) алого цвета песок. В двух случаях (очаги II, III) на верхней части прокала лежали бесформенные куски обожженной глины толщиной 5-12 см, которые, возможно, содействовали более длительному сохранению тепла. Не случайно, очаг III обнаружен в жилище. Очаги в плане имели в основном овальную форму, близкую к ней или переходящую в округлую, лишь очаг III был подпрямоугольный. Мощность прокала очагов равнялась 14-16 см, а вместе с кусками прокаленной глины достигала 26 см (очаг III). Размеры очагов были относительно малые, наибольшие размеры были только у очага II (95×110 см).

Таблица 2

Казакларовское I городище. Характеристика очагов

Table 2

Kazaklarovsky I hillfort. Description of foci

№ очага	Участок	Форма прокала на плане	Размеры, см	Мощность прокала, см	Основные элементы очага
I	Д/5-6	овальная, ближе к кругу	55×67	16	прокаленная глина
II	ЛМ/2	овальная; круглая	95×110; диаметр 53	23	сверху над плотной прокаленной глиной куски обожженной глины
III	УТ/4	подпрямоугольная	25×58; 45×67	26	сверху над плотной прокаленной глиной куски обожженной глины
IV	П/13	округлая	диаметр 45	3	ярко-алый песок
V	ЗИ/4-5	овальная	100×55	пятно	рядом с тонким пятном глины куски обожженной глины
VI ?	О/4	овальная	30×60 (?)	пятно	рядом с тонким пятном глины куски обожженной глины

При раскопках зафиксировано незначительное число (7) очертаний **столбовых ямок** (табл. 3). Форма сечения (прямоугольная с округлым дном), их размеры (диаметр 30, 25 см) дают возможность по своему функциональному назначению собственно к столбовым отнести только ямы № 2, 5. Остальные ямки треугольного сечения и малого диаметра (10-15 см) оставлены от кольев.

Таблица 3
Казакларовское I городище. Характеристика столбовых ямок

Table 2
Kazaklarovsky I hillfort. Characteristics of the pillar fossa

№ ямки	Участок	Диаметр, см	Глубина, см	Форма разреза
1	А/2–3	10	20	треугольная
2	ВГ/7	30	20	прямоугольная с округлением в нижней части
3	В/6–7	15	16	треугольная
4	А/5	10	19	треугольная
5	Л/14	25	7	прямоугольная с округлением в нижней части
6	Т/2	15	23	треугольная
7	УФ/2	10	40	треугольная

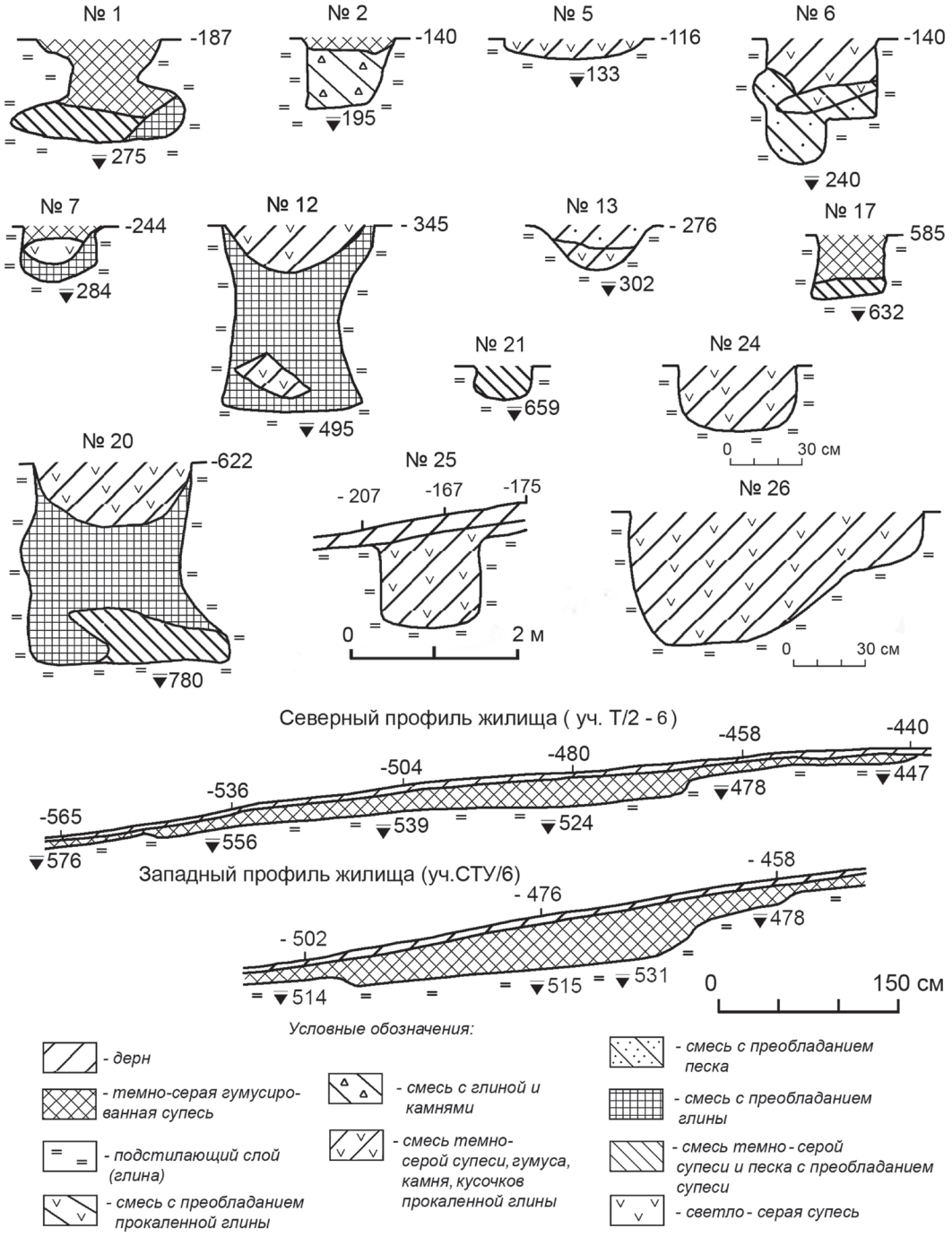


Рис. 3. Казакларовское I городище. Профили хозяйственных ям и жилища
Fig. 3. Kazaklarovsky I hillfort. Profiles of middens and dwellings

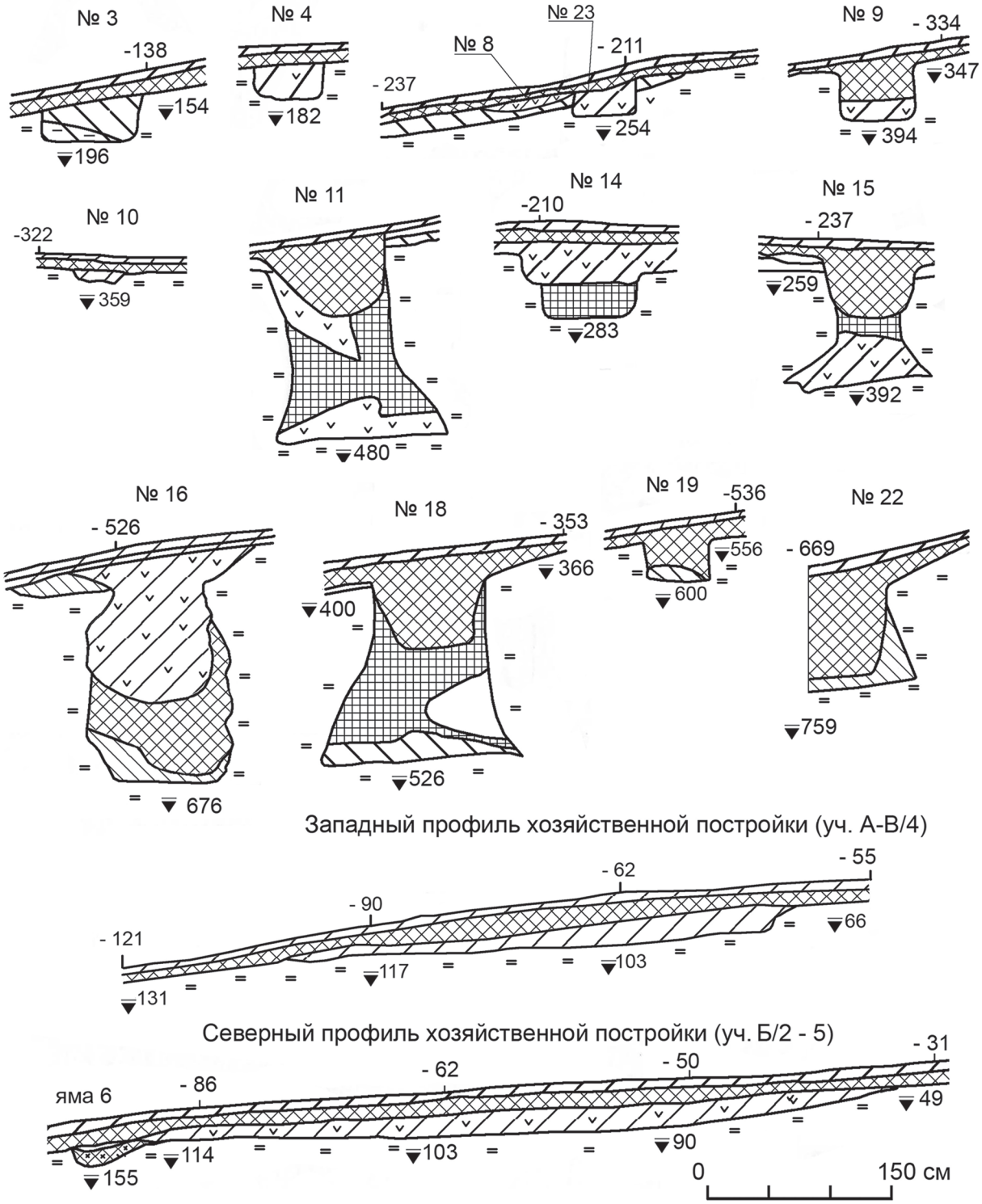


Рис. 4. Казакларовское I городище. Профили хозяйственных ям и хозяйственной постройки, зафиксированных в стенках участков

Fig. 4. Kazaklarovsky I hillfort. Profiles of middens and outbuildings fixed in the walls of the location

Жилище. На глубине 11-29 см от современной поверхности обнаружены очертания прямоугольной формы жилища общей площадью 36,5 м² (4,2×8,7 м). Наиболее четко на поверхности материка зафиксирован котлован (самая глубокая часть жилища) на уровне 19-29 см от современной поверхности. Жилище было расположено на склоне площадки городища с перепадом высот с востока на запад 135 см, а с севера на юг 44 см. Занимает южную часть раскопа III, расположенную ближе к спуску к воде (ручей впадает в р. Елбаза). Для уравнивания площадки северная и восточная части земляного пола дома были подрезаны (рис. 3) на 20-30 см. Западная (не подрезанная) часть жилища фиксировалась лишь по тонкому слою темно-серой супеси, насыщенному гумусом (рис. 3). На земляном полу постройки, в ее западной половине, обнаружены хозяйственные ямы № 17, 19, очаг III, столбовая ямка № 6. Обе хозяйственные ямы относятся к типу I. Яма № 17 при небольшой глубине (49 см) была насыщена чешуей рыбы, костями животных (29 экз.) и фрагментами керамики (22 экз.), в том числе части раздавленного сосуда (рис. 7, *1*). В яме № 19 обнаружено незначительное

число керамики (7 экз.). Их заполнение идентично. Служили они для сбора мусора, возможно, вначале как продуктовые. Очаг имел самую большую на городище мощность прокаленной глины и кусков обожженной глины (26 см).

Жилище, судя по остаткам гумуса и природным условиям,— деревянная наземная постройка, ориентированная в направлении юго-восток – северо-запад, перпендикулярно линии береговой террасы р. Елбаза. Оно использовалась жителями поселения довольно длительное время, т.к. в котловане жилища обнаружено большое количество фрагментов керамики (549 экз.).

Хозяйственная постройка. Очертания объекта обнаружены на уровне 16-20 см на площадке раскопа I, ближе к внутреннему валу. По периметру сооружения у северной стенки зафиксирована полоска 10-20 см с более насыщенным гумусом (сгнившее дерево). Постройка располагалась на склоне с перепадом высот с севера на юг в 40 см. Для выравнивания площадки под строение часть земли на глубину 20-25 см на участках А/3-4, Б/3-5 была снесена. Размеры прямоугольной формы котлованы равны 4,0×5,2 м (площадь 20,8 м²). На поверхности подстилающего материкового слоя зафиксированы очертания хозяйственных ям № 5, 6 и ямка № 1 от кола. Ямы относятся к типам I, II. Если яма первого типа была неглубокая (17 см), то яма № 6 (второго типа) имеет большую глубину (100 см) и использовалась для хранения скоропортящихся продуктов.

Заполнение котлована: темно-серая гумусированная супесь с кусочками прокаленной глины. К нему с северо-восточной стороны примыкает пятно неправильной формы подобного же заполнения. Отсутствие очагов, характер ям свидетельствует в пользу использования постройки в хозяйственных целях (для хранения продуктов и хозяйственных предметов).

На раскопе В.А. Иванова были зафиксированы **две впадины** в виде черных пятен на фоне желтой материковой глины [Иванов, 1980. Л. 3, 4]. Впадина I имеет нечеткие границы. Ориентирована по линии юго-восток – северо-запад. Хорошо прослеживается только юго-восточный угол впадины (рис. 2). Фиксируемая длина впадины 6,5 м, ширина 3,0 м (площадь 19,5 м²). Ее глубина в материке не превышает 25 см, дно ровное. В границы очертания впадины входят хозяйственная яма № 26 типа II относительно больших размеров, частично пятно красной прокаленной глины с кусками обожженной глины (глиняной обмазки по В.А. Иванову [1980. Л. 3]) – остатки очага (V). На дне впадины, в северо-восточной ее части, – несколько скоплений керамики и развал сосуда.

В 6,5 м к югу от первой впадины обнаружена впадина II (рис. 2), имеющая вытянуто-овальную форму размером 6,5×2 м (площадь 13 м²). Ориентирована она по линии юго-восток – северо-запад. Глубина впадины в материке 20 см, дно ровное. В северо-западном конце впадины обнаружена хозяйственная яма № 25, относящаяся к типу I. В ней обнаружены фрагменты керамики, в том числе развал сосуда, ребро животного. Яма глубиной 70 см могла служить для хранения продуктов. При зачистке очертаний впадины за ее пределами, на уровне материка, найдены куски глиняной обмазки (очаг VI?).

Фото 3. Казакларовское I городище. Процесс вскрытия первого горизонта на раскопе II. Вид с севера, со стороны вала. Фонды НМУР № 13575/5-НВ

Photo 3. Kazaklarovsky I hillfort. Process of excavation of the first horizon at Excavation II. View from the north, from the side of the vallation. Funds NMUR No. 13575/5-HB

Обе впадины можно отнести к остаткам (наиболее глубокие части пола) жилищ, где зафиксированы разрушенные очаги, в том числе за пределами построек. Для них характерен одинаковый признак – все хозяйственные объекты располагаются в западной части впадин, как у жилища с полностью зафиксированными очертаниями. Их расположение на самой высокой площадке городища предполагает частичное разрушение остатков построек вешними и дождевыми водами.

На участках КЛМ/11-13 около очага II зафиксировано пятно размером 3,0×3,4 м (рис. 2). Оно представляет собой смесь темно-серой гумусированной супеси с мелкими кусочками, а ближе к очагу кусками прокаленной глины и золы. Последнее образовалось за счет чистки очага II открытого типа.

Планиграфия обнаруженных объектов свидетельствует о размещении вблизи западного склона трех жилищ (два зафиксированы только в виде впадин), расположенных в одном направлении (юго-восток – северо-запад) на расстоянии 5-6 м друг от друга. Состав объектов одинаков: открытый очаг с кусками обожженной глины (можно предположить, что отдельно обнаруженные очаги V и VI? принадлежали жилищам), хозяйственные ямы типа I с отходами жизнедеятельности и одна яма для хранения продуктов (№ 26, впадина I). Следует отметить, что северная половина объектов слабо фиксируется, это можно объяснить их малой степенью утоптанности. Такое бывает при наличии нар-лежанок.

Вдоль западного склона, вблизи от жилища и второй жилищной впадины располагаются глубокие хозяйственные ямы типа III (№ 16, 20, 22) для хранения продуктов (по нашему мнению – для хранения зерна). Такого же типа яма (№ 1) находится в 4 м к югу от хозяйственной постройки. Комплекс хозяйственных ям типа III располагается и на восточном, противоположном от жилищ, склоне (№ 11, 12, 18), который можно назвать продовольственным. Здесь располагаются ямы, судя по составу заполнения (кости, фрагменты посуды и обломок жернова), для хранения продовольствия, в том числе и зерна. Все они глубокие (149-198 см). В центре – очаг IV с ямами для сбора мусора (№ 9, 10, тип I). Севернее этого комплекса обнаружен второй, который, судя по насыщенности культурного слоя гумусом и относительно большой толщине очага II, использовался довольно длительное время. Здесь имеются продовольственные ямы для хранения разного вида продуктов (типы II, III), рядом с ними неглубокие ямы для сбора мусора. В яме № 7 был найден тигель для плавки цветного металла. Возможно, этот комплекс мог использоваться и в производственных целях.

Таким образом, на площадке городища существовала четко организованная планировка объектов: на западном склоне располагалась группа жилищ с хозяйственной постройкой и хозяйственные ямы для хранения зерна. При их расположении учитывалась роза ветров (западное направление). На восточном склоне – продовольственные комплексы для хранения продуктов и приготовления пищи в летнее время, расположенных на пожаробезопасном расстоянии от построек.

Траншея, разрезавшая внутренний **вал и часть рва** (длина 18 м, ширина 2 м), дала возмож-

Фото 4. Казакларовское I городище. Процесс вскрытия третьего горизонта на раскопе II. Вид с юга. Фонды НМУР № 13575/1-НВ

Photo 4. Kazaklarovsky I hillfort. Process of excavation of the third horizon at Excavation II. View from the south. Funds NMUR No. 13575/1-HB

ность определить конструкцию оборонительного сооружения городища (рис. 8). Анализ содержания насыпи вала, определенный по профилю выявил, что он сооружался дважды. В начале на материковую поверхность (желтая глина) был насыпан значительный слой смеси темно-серой супеси и песка (песок преобладает) длиной 7,9 м, мощностью до 85 см. Над ним и в сторону площадки городища был насыпан слой глины длиной 9,5 м. Между ними, с внешней стороны, прослеживается тонкая (5-10 см) полоска древнего дерна длиной 2,2 м, которая могла служить для укрепления рыхлого слоя смеси с преобладанием песка. Возможно, глина была выбрана при рытье рва. Далее на глину насыпан слой смеси темно-серой супеси, песка и глины (она преобладает). Это был самый мощный по толщине (до 105 см) и длинный (11,5 м) слой насыпи вала. Нижние слои постоянно сходили в сторону площадки, поэтому их укрепили двумя линиями столбов-пеньков большого диаметра (40-45 см) и глубиной 40 и 65 см. Столбы-пеньки прорезают нижние слои, значит, они были поставлены позже сооружения нижней части вала. Второй этап связан с появлением на самой высокой точке вала слоя глины, а также смеси темно-серой супеси, гумуса с вкраплениями прокаленной глины, а также кусков обожженной глины (возможно, отходы при чистке очагов у подножья, со стороны площадки городища). С внутренней стороны вала, сверху, наблюдается наличие культурного слоя городища (темно-серый гумусированный слой) с находками фрагментов керамики и пряслица (рис. 5, *7*). Его толщина достигает 24 см. Этот же слой обнаружен и с внешней стороны вала и во рву. Кроме того, ров был заполнен глиной с мелкими вкраплениями светлой супеси. Разрез вала выявил его длину в древности (13,6 м) и наибольшую высоту (2,2 м).

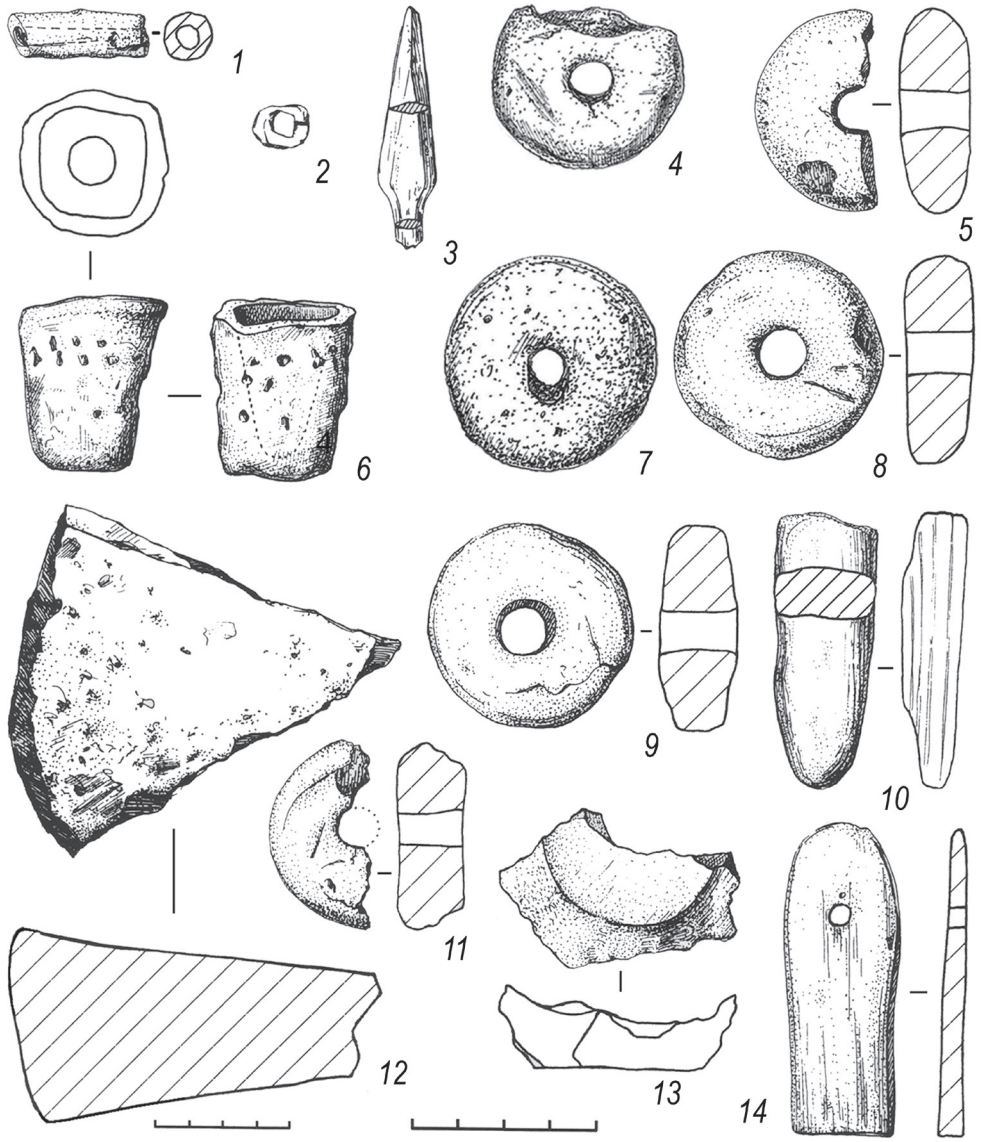


Рис. 5. Казакларовское I городище. Вещевой материал: *1* – бусина; *2* – пронизка-колечко; *3* – наконечник стрелы; *4, 5, 7-9, 11* – пряслица; *6* – сосудик-тигель; *10, 14* – точильные бруски; *12* – обломок жернова; *13* – обломок песта (?). *1, 10, 12-14* – камень; *2* – железо; *3* – кость; *4-9, 11* – глина

Fig. 5. Kazaklarovsky I hillfort. The material culture: *1* – pendant; *2* – bead-ring; *3* – arrowhead; *4, 5, 7-9, 11* – spindle; 6 – vessel crucible; *10, 14* – whetstones; *12* – a fragment of a millstone; *13* – a piece of pestle (?). *1, 10, 12-14* – stone; *2* – iron; *3* – bone; *4-9, 11* – clay

Фото 5. Казакларовское I городище. Вид на внутренний вал с траншеей с южной стороны. Фонды НМУР № 13575/8-НВ
Photo 5. Kazaklarovsky I hillfort. View of the inner vallation with a trench on the south side. Funds NMUR No. 13575/8-HB

Описание вещевого материала[6]

Находок вещей на городище немного, но они достаточно разнообразны по своему функциональному назначению (пряслица, украшения, костяной наконечник стрелы, точильный брусок, обломки предметов из камня).

Пряслица-грузики от веретена (6 экз.). Все они относятся к цилиндрическому типу, имеют прямоугольной формы сечение с округлением углов (рис. 5*, 4, 5, 7-9, 11*); выполнены из глиняного теста с примесью песка (4 экз.) или мелкой гальки (2 экз., рис. 5, *5*, *11*). Обжиг костровой, отчего цвет поверхности колеблется от серого до черного. Размеры предметов относительно большие: диаметр в пределах 3,6-4,5 см при толщине 1,2-2,0 см. Диаметр круглого отверстия в центре – от 0,8 до 1,0 см. Обнаружены пряслица в яме № 14 (рис. 5, *8*), в насыпи вала (рис. 5, *7*), во второй впадине (рис. 5, *4*), в культурном слое вблизи хозяйственных ям № 5, 12, 18.

Пряслица имеют довольно значительную хронологию бытования, территорию распространения, хотя для определенных периода и культуры имеются свои особенности, прежде всего, в материале изготовления, в форме сечения и в орнаментации. Только для мазунинской культуры были характерны находки подобных пряслиц. Они обнаружены в материалах Чужьяловского [Останина, 1988а. С. 77] и Постольского [Останина, 1988б. С. 74] городищ. Особенно они близки по составу глиняного теста (песок) и размерам пряслицам из Постольского городища. Найдены подобные находки и в нижних слоях многослойного городища Уфа II [Русланов и др., 2016. Рис. 117, *8*; 127, *4, 6*].

Наконечник стрелы (рис. 5, *3*). Изготовлен из кости. Относится к черешковому типу. Перо треугольной формы, плавно переходящее в черешок (конец черешка сколот). Сечение пера ромбическое, черешка – овальное. Высота наконечника 4,9 см.

Пронизка-колечко (рис. 5, *2*). Кованая узкая плоская пластинка, загнутая в кольцо. Изготовлено колечко из железной проволоки, имеет диаметр 1,15 см. Подобного типа колечки чаще всего входили в состав женского головного украшения (накосника). Обнаружены они в массе в погребениях IV-V вв. на могильниках мазунинской культуры (Покровский, Старокабановский, Ангасякский, Усть-Сарапульский, Тарасовский).

Изделия из камня представлены бусиной, точильными брусками, обломками жернова и песта (?).

Бусина (рис. 5, *1*). Выполнена из известняка серого цвета. Имеет цилиндрическую форму. Размеры выхода канала отверстия неодинаковы (3,0 и 3,5 мм). Диаметр бусины 0,8 см, высота 2,7 см.

Точильные бруски обнаружены в культурном слое на участке Г/1 (2 экз.). Оба имеют прямоугольную форму с закруглением на конце (другой конец обоих брусков обломан). Один из них изготовлен из окаменевшего дерева темно-серого цвета размером 2,3×6,4 см, толщиной 0,5 см. На одном его конце – круглое отверстие для подвешивания (рис. 5, *14*). Другой брусок выполнен из коричне-

[6] Коллекции Казакларовского I городища хранятся в фондах Национального музея Удмуртской Республики им. Кузебая Герда (учетный номер УРМНМУР 14039), в Музее археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН (№ КП 737).

вого цвета гальки размером 1,9×5,5 см, толщиной 1,1 см (рис. 5, *10*).

Жернов (рис. 5, *12*).Треугольной формы часть предмета, выполненного из известняка серого цвета с темными пятнами. Горизонтальные поверхности ровные. Верхняя площадка немного скошена к центру, отчего толщина обломка (11,0×10,2 см) сокращается от 3,5 см до 3,0 см. Внешняя сторона треугольника округлена, грубо обработана. Обнаружен обломок в заполнении продовольственной ямы № 12.

Имеется в коллекции городища **обломок камня** со следами обработки (рис. 5, *13*). Это бесформенный кусок (скол от большого предмета), одна сторона которого ровная, хорошо отшлифована. Его размеры 4,8×3,2 см при толщине 1,6 см. Возможно, это была рабочая часть песта-терочника.

Сосудик-тигель (рис. 5, *6*). Имеет стопкообразную форму. Высота 3,5 см, диаметр венчика 3,2 см, диаметр дна 2,0 см. Край венчика плоский, неровный, намечен едва заметный сливной носик. Дно плоское с округлением в переходе к тулову. Поверхность украшена тремя рядами ямочных наколов. Выполнены они неряшливо, близки по форме к кругу. Цвет поверхности сосудика серый. Подобные стопки на памятниках еманаевской культуры в бассейне Вятки служили в качестве тиглей для плавки цветного металла [Лещинская, 1988. С. 90. Рис. 7, *6-14*]. Следы оплавления в нашем случае не заметны.

В коллекции керамики имеется нижняя часть такой же формы сосудика (рис. 7, *2*). Дно его плоское с округлением в переходе к тулову, диаметр дна 2,4 см.

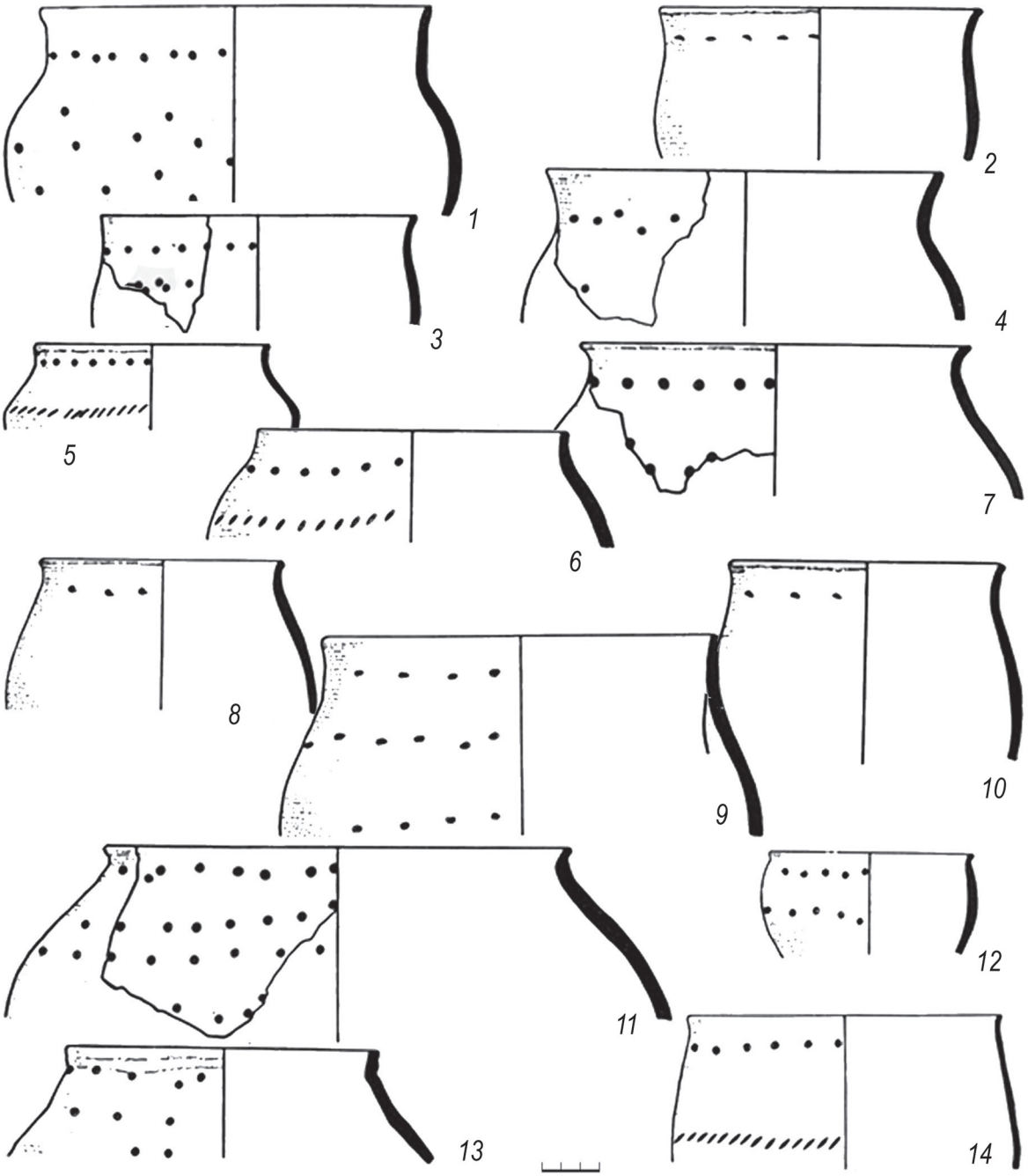


Рис. 6. Казакларовское I городище. Реконструкция глиняных сосудов
Fig. 6. Kazaklarovsky I hillfort. Reconstruction of pottery vessels

Характеристика керамического материала

В период раскопок под руководством Т.И. Останиной обнаружено значительная коллекция керамики (6591 экз.). Подавляющее большинство составляют мелкие фрагменты тулова сосудов (6388 экз.; 95%). На площадке раскопа В.А. Иванова найдено 1198 фрагментов керамики и кусков обожженной глины. Из общей массы находок керамики было собрано 142 фрагмента венчиков и только 46 было использовано для изучения по Программе, предложенной в 1973 г. В.Ф. Генингом [Генинг, 1973]. Отсюда же были взяты индексы основных параметров и показателей формы сосудов (у них можно было снять размеры по венчику, шейке, плечику).

Вся коллекция венчиков (верхней части сосудов) принадлежала лепным сосудам. Абсолютно преобладали низкогорлые (высокогорлый указатель ФБ равен 0,51-1,5). Сосуды с подобным указателем составляют 84,8%, меньшим числом представлены сосуды со среднегорлым указателем (15,2%). По другой характеристике (широкогорловинный указатель ФВ равен 0,66-1,00) все сосуды были широкогорлые (100%). По показателю отгиба шейки они в основном были слабопрофилированные (60,9%; указатель ФВ равен 0,1-0,26) или среднепрофилированные (37%; указатель ФВ равен 0,27-0,57). И только 2,1% сосудов были сильнопрофилированные (указатель ФВ равен 0,58-1,0). Указатель выпуклости плечика был равен 93,8% (ФЖ равен 0,26-0,57; слабовыпуклые) и 6,2% (ФЖ равен 0,58-1,0), что соответствует средневыпуклым сосудам.

Рис. 7. Казакларовское I городище. *1, 3-6, 8* – фрагменты венчиков лепных сосудов; *2* – фрагмент дна стопкообразного сосуда; *7* – крупный фрагмент тулова; *9* – верхняя часть сосуда; *10* – лепной сосуд полной формы

Fig. 7. Kazaklarovsky I hillfort. *1, 3-6, 8* – fragments of rims of molded vessels; *2* – the fragment of the bottom of the shot-like vessel; *7* – a large fragment of the body of pottery vessel, *9* – the upper part of the vessel, *10* – a molded vessel of full shape

Размеры сосудов по венчику ранжировались таким образом: очень малые (диаметр до 10 см – 13%); малые (диаметр 11-15 см; 10,9%); средние (диаметр 16-25 см; 71,8%); большие (диаметр 26-35 см; 4,3%). Зона орнаментации сосудов была следующая. Орнамент нанесен по шейке у 87,5%, плечику – у 35,4%, тулову – у 8,3% сосудов. Орнаментация края венчика отсутствует, что является особенностью керамического материала с поселений башкирской группы памятников мазунинской культуры.

Анализ узоров на поверхности сосудов показал, что в подавляющем большинстве своем они выполнены с помощью ямочных наколов. Элементы узора были следующие:

1. Один (12 сосудов; рис. 6, *2, 8, 10*), реже два (4 сосуда; рис. 6, *3, 4, 12*), три (2 сосуда; рис. 6, *9, 13*), четыре (1 сосуд; рис. 6, *11*) ряда круглой формы ямок, расположенные на уровне шейки, плечика и реже тулова.

2. Один ряд круглой формы ямок на шейке, на плечике – один ряд овальной формы ямок (1 сосуд; рис. 6, *6*).

3. Один ряд круглой формы ямок на шейке и ряд прямоугольной формы ямок (2 сосуда; рис. 6, *5, 14*) на плечике или тулове.

4. Один ряд круглой формы ямок на шейке и один или два (рис. 7, *4*) ряда треугольной формы ямок на плечике.

5. Сложный рисунок из двух рядов овальной формы ямок, расположенных вертикально по шейке, горизонтально по плечику (рис. 7, *6*).

6. Один ряд круглой формы ямок, расположенный на шейке, а на уровне плечика и тулова хаотично расположены круглой формы ямки (рис. 6, *1*).

7. Один ряд круглой формы ямок на шейке и узор «елочка» из овальной формы ямок (рис. 7, *3*).

Таким образом, все орнаментальные узоры керамического комплекса Казакларовского I городища просты и были нанесены концом палочки, имеющей круглую (преобладает), треугольную, овальную, прямоугольную форму. Следует отметить, что 38% сосудов из предложенной выборки не имели орнамента.

Что касается характеристики примеси в глиняном тесте керамического комплекса, то отмечается наличие только двух составляющих: песок (18,8%), песок и мелкая галька (81,2%).

В предложенную выборку фрагментов сосудов включен был сосуд почти полной формы (рис. 7, *10*) очень малых размеров (диаметр по венчику 8,1 см, по тулову 7,2 см, высота 6,0 см). Край венчика плоский с небольшим наплывом с внешней стороны. Сосуд имел горшковидную форму, дно округло-уплощенное. Поверхность обработана пучком травы. В состав глиняного теста входит песок с мелкой галькой, цвет поверхности обеих сторон темно-серый. Орнамент отсутствует. Обнаружен сосуд в яме № 6 (уч. А/2).

Итак, керамика с городища представляет собой горшковидные с округло-уплощенным дном, средних размеров (18-25 см), широкогорлые, слабовыпуклые сосуды. Украшены в основном были шейка, плечико, реже тулово сосудов простым узором, нанесенным ямочными наколами разной формы (преобладает круглая ямка). В составе глиняного теста преобладает песок с мелкой галькой. Все эти признаки соответствуют керамическому комплексу мазунинской культуры башкирского варианта [Иванов, Останина, 1983. С. 120-122].

На основании указателей формы (ФБ – ФЖ), размеров, зоны орнаментации, элементов узора и примеси в глиняном тесте были подсчитаны парные коэффициенты сходства керамического комплекса Казакларовского I городища с керамикой других одновременных однослойных поселений, где проводились археологические раскопки. Процент парного сходства с керамикой Юмакаевского городища составил 79,6; городища Барьязы – 76; Сосновского – 66,5; Чужьяловского – 64,5; Постольского – 59 [Иванов, Останина, 1983. Табл. 10]. Итак, наибольшие типологические связи были у керамического комплекса изучаемого городища с городищами башкирской территории (76,0-79,6%), меньше – с удмуртской (66,5-59,0%). Как считают исследователи, коэффициент сходства выше 50% свидетельствует о близких и очень близких связях [Каменецкий и др., 1975. С. 57-59]. А это значит, что все указанные памятники однокультурны.

В коллекции предметов городища почти отсутствуют вещи, дающие возможность точно датировать памятник, так как многие из них имеют довольно широкий хронологический и территориальный диапазон бытования (пряслица, костяной наконечник стрелы, жернова). Лишь находка железного колечка от накосника кольчужного плетения дает право относить имеющийся материал к IV-V вв. [Останина, 1997. С. 105. Рис. 51].

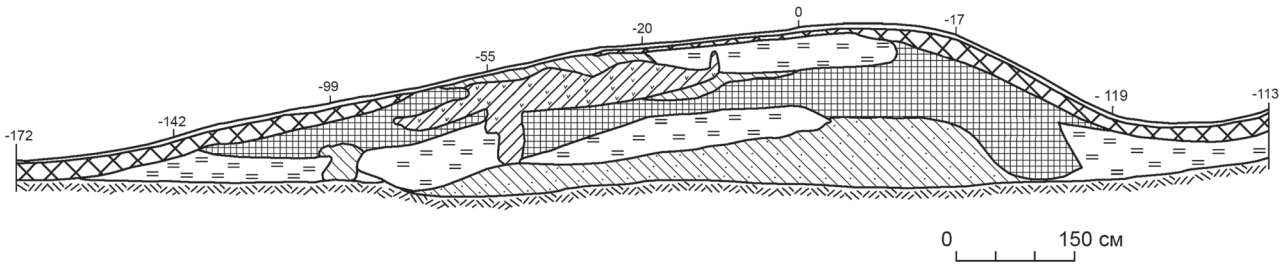


Рис. 8. Казакларовское I городище. Разрез внутреннего вала и части рва
Fig. 8. Kazaklarovsky I hillfort. Section of the inner vallation and part of the graff

Итак, результаты исследования Казакларовского I городища показали, что археологические памятники площадью около 4000 м² представляют собой **поселения** с расположенными на их площадке группой жилищ, хозяйственных построек и продовольственных комплексов. Все они располагаются в определенной планировке с соблюдением розы ветров и противопожарной безопасности. Изучаемое городище однослойное и принадлежит к группе памятников мазунинской/бахмутинской культуры. С одной стороны, по составу и типологии обнаруженных объектов (хозяйственные ямы, очаги, жилища) наблюдается идентичность с городищами указанной культуры [Останина, 1997. Табл. 27, 28], но с другой стороны, есть незначительное отличие от удмуртских памятников (наличие хозяйственных ям типа III, очагов-глиняных подушек с кусками обожженной глины), что сближает городище с памятниками башкирской территории. Выявлены и общие признаки с комплексами керамики других городищ культуры, что выразилось в большом коэффициенте сходства в форме, размерах сосудов, зонах орнаментации и видах узора (ряды ямок). Как и на других башкирских городищах, здесь отсутствует орнамент по краю венчика, но наблюдается наличие хаотично расположенных ямок по тулову, в состав глиняного теста входит песок и мелкая галька. В целом это дает возможность отнести Казакларовское I городище к башкирскому варианту мазунинской культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археологическая карта Башкирии / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Наука, 1976. 264 с.

Горбунов В.С. Отчет 1970 г. // Архив ИА РАН.

*Генинг В.*Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1973. № 1. С. 114-135.

Иванов В.А. Отчет о разведке и раскопках в Башкирской АССР в 1980 г. // Архив ИА РАН.

Иванов В.А. Исследование памятников эпохи железа в нижнем течении р. Белой // Археологические открытия 1980 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1981. С. 132.

*Иванов В.*А., *Останина Т.И.* К вопросу о бахмутинско-мазунинской проблеме (по материалам поселений) // Поселения и жилища древних племен Южного Урала / Под ред. А.Х. Пшеничнюка и В.А. Иванова. Уфа: БФ АН СССР, 1983. С. 103-127.

Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А. Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). М.: Наука, 1975. 174 с.

Лещинская Н.А. Исследование Еманаевского городища // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья / Отв. ред. Л.Д. Макаров. Ижевск: Удмуртский университет, 1988. С. 79-107.

Останина Т.И. Отчет об археологических исследованиях Удмуртского республиканского музея в 1980 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 7760.

Останина Т.И. Исследования Удмуртского республиканского музея // Археологические открытия 1980 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1981. С. 149.

Останина Т.И. Городище IV-V вв. у д. Чужьялово Удмуртской АССР // Новые исследования по древней истории Удмуртии / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1988а. С. 70-88.

Останина Т.И. Городище мазунинской культуры около станции Постол Удмуртской АССР // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья / Отв. ред. Л.Д. Макаров. Ижевск: Удмуртский университет. 1988б. С. 65-78.

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III-V вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 327 с.

Русланов Е.В., Шамсутдинов М.Р., Романов А.А. Раннесредневековые древности Уфимского полуострова. Городище Уфа-II. Материалы археологических раскопок 2015 года Уфа: ГБУ РИКМЗ «Древняя Уфа», 2016. 276 с.

REFERENCES

Arheologicheskaya karta Bashkirii [Archaeological map of Bashkiria] / Otv. red. O.N. Bader. M.: Nauka, 1976. 264 s.

Gorbunov V.S. Otchet 1970 g [Report of research in 1970] // Arhiv IA RAN.

Gening V.F. Programma statisticheskoj obrabotki keramiki iz arheologicheskih raskopok [The program for statistical processing of ceramics from archaeological excavations] // SA. 1973. № 1. S. 114-135.

Ivanov V.A. Otchet o razvedke i raskopkah v Bashkirskoj ASSR v 1980 g [Report on exploration and excavations in the Bashkir ASSR in 1980] // Arhiv IA RAN.

Ivanov V.A. Issledovanie pamyatnikov epohi zheleza v nizhnem techenii r. Beloj [The study of the Iron Age sites in the lower reaches of the Belaya river] // Arheologicheskie otkrytiya 1980 goda / Otv. red. B. Rybakov. M.: Nauka, 1981. S. 132.

Ivanov V.A., Ostanina T.I. K voprosu o bahmutinsko-mazuninskoj probleme (po materialam poselenij) [Revisiting of the Bakhmutino-Mazunino cultures problem (based on materials from settlements)] // Poseleniya i zhilishcha drevnih plemen YUzhnogo Urala / Pod red. A.H. Pshenichnyuka i V.A. Ivanova. Ufa: BF AN SSSR, 1983. S. 103-127.

Kameneckij I.S., Marsha B.I., Sher Ya.A. Analiz arheologicheskih istochnikov (vozmozhnosti formalizovannogo podhoda) [Analysis of archaeological sources (the possibility of a formalized approach)]. M.: Nauka, 1975. 174 s.

Leshchinskaya N.A. Issledovanie Emanaevskogo gorodishcha [Exploration of the Emanaevsky hill-

fort] // Novye arheologicheskie pamyatniki Kamsko-Vyatskogo mezhdurech'ya / Otv. red. L.D. Makarov. Izhevsk: Udmurtskij universitet, 1988. S. 79-107.

Ostanina T.I. Otchet ob arheologicheskih issledovaniyah Udmurtskogo respublikanskogo muzeya 1980 godu [Report on archaeological research of the Udmurt Republican Museum in 1980] // Arhiv IA RAN. F-1. R-1. № 7760.

Ostanina T.I. Issledovaniya Udmurtskogo respublikanskogo muzeya [Research of the Udmurt Republican Museum] // Arheologicheskie otkrytiya 1980 goda / Otv. red. B.A. Rybakov. M.: Nauka, 1981. S. 149.

Ostanina T.I. Gorodishche IV-V vv. u d. Chuzh'yalovo Udmurtskoj ASSR [IV-V centuries hillfort near Chuzhyalovo village, Udmurt ASSR] // Novye issledovaniya po drevnej istorii Udmurtii / Otv. red. M.G. Ivanova. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN, 1988a. S. 70-88.

Ostanina T.I. Gorodishche mazuninskoj kul'tury okolo stancii Postol Udmurtskoj ASSR [The Mazunino culture hillfort near the Postol station of the Udmurt ASSR] // Novye arheologicheskie pamyatniki Kamsko-Vyatskogo mezhdurech'ya / Otv. red. L.D. Makarov. Izhevsk: Udmurtskij universitet. 1988b. S. 65-78.

Ostanina T.I. Naselenie Srednego Prikam'ya v III-V vv [Population of the Middle Kama region in III-V centuries]. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN, 1997. 327 s.

Ruslanov E.V., Shamsutdinov M.R., Romanov A.A. Rannesrednevekovye drevnosti Ufimskogo poluostrova. Gorodishche Ufa-II. Materialy arheologicheskih raskopok 2015 goda [Early medieval antiquities of the Ufa Peninsula. Ufa-II hillfort. Materials of research in 2015]. Ufa: GBU Respublikanskij istoriko-kul'turnyj muzej-zapovednik «Drevnyaya Ufa», 2016. 276 s.

BURIAL WITH A “HERALDIC” BELT SET FROM CHAIKA-1 NECROPOLIS

F. Sungatov, V. Kufterin

Abstract. In the work the authors present some results of protective archaeological studies of mound 7 from the Chaika-1 necropolis, located on the territory of Ufa. The funeral inventory discovered in a single burial presents the complex of metal ornaments of a belt set and adornments of shoes made in the «heraldic» style. Judging by these artifacts the investigated burial can be dated within the VII-VIII century, and it is related to a number of complexes of the Turbaslinskaya culture of the Bashkir Urals (V-VIII centuries AD). The anthropological material presents a skull with traces of artificial fronto-occipital deformation and some post-cranial elements of a mature male. Some features of physical type of the person buried and pathological changes noticed on the skeleton are discussed.

Key words: Southern Urals, Early Middle ages, Turbaslinskaya culture, Chaika-1, archaeology, bioanthropology, “heraldic” style

Citation. Sungatov F., Kufterin V., 2020. Burial with a “heraldic” belt set from Chaika-1 necropolis. The Ufa Archaeological Herald, is. 20, pp. 96-108. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2020.20.007

УДК 902.01; 572
ББК 63.4; 28.71

Дата поступления статьи: 28.02.2020
Дата принятия статьи: 13.11.2020

ПОГРЕБЕНИЕ С ЭЛЕМЕНТАМИ ПОЯСНОГО «ГЕРАЛЬДИЧЕСКОГО» НАБОРА ИЗ МОГИЛЬНИКА ЧАЙКА-1

Фларит Абдулхаевич Сунгатов
канд. ист. наук / директор / учебно-научный археологический музей БашГУ
г.Уфа, Российская Федерация / E-mail: sungatov58@mail.ru

Владимир Владимирович Куфтерин
канд. биол. наук / старший научный сотрудник
Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
Москва, Российская Федерация / E-mail: vladimirkufterin@mail.ru

Аннотация. В работе представлены результаты охранных археологических исследований кургана 7 могильника Чайка-1, расположенного на территории г. Уфы. Обнаруженный в единственном погребении инвентарь представлен комплектом металлических украшений поясного набора и украшений обуви, выполненных в «геральдическом» стиле. Судя по этим находкам, захоронение может быть датировано в пределах VII – первой половины VIII вв. и отнесено к числу погребальных комплексов турбаслинской культуры Башкирского Приуралья V-VIII вв. н.э. Антропологический материал представлен черепом со следами искусственной лобно-затылочной деформации и некоторыми элементами посткраниального скелета, принадлежавшими мужчине зрелого возраста. Обсуждаются особенности физического типа погребенного и имеющие место патологические изменения.

Ключевые слова: Южное Приуралье, раннее средневековье, турбаслинская культура, Чайка-1, археология, антропология, «геральдический» стиль

Цитирование. Сунгатов Ф.А., Куфтерин В.В., 2020. Погребение с элементами поясного «геральдического» набора из могильника Чайка-1 // Уфимский археологический вестник. Вып. 20. С. 96–108. DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2020.20.007

Летом 2015 г. археологический отряд ООО «Архпроектизыскание» (ООО «АПИ») под руководством Ф.А. Сунгатова проводил охранные работы на курганном могильнике Чайка-1. ОАН «Чайка 1, курганный могильник» был зафиксирован в 2014 г. С.Л. Воробьевой при проведении разведочных работ на территории правобережья р. Белая в пределах г. Уфы. Памятник расположен на высоком мысу коренной террасы правого берега р. Белая, в 400 м к северо-востоку от детского оздоровительного лагеря «Чайка» (г. Уфа, ул. Шафиева, 1-а), в 100 м к юго-западу от здания радиостанции «Алтай» (г. Уфа, ул. Рихарда Зорге, 59, к. 3), в лесопарковой зоне. Проведенные С.Л. Воробьевой раскопки двух курганов (насыпи №№ 1 и 8) позволили установить хронологическую позицию памятника (VI-VIII вв. н.э.), а также его культурную принадлежность [Воробьева, 2014].

Продолженные в 2015 г. спасательные археологические раскопки (обусловленные нахождением памятника в пределах земельного отвода под строительство объекта цифрового наземного телевидения), в результате которых были вскрыты насыпи №№ 4 и 7, проводились с целью их полного и исчерпывающего археологического изучения, пополнения источниковой базы для изучения сложных этнокультурных процессов, происходивших на Южном Урале в период раннего средневековья.

В настоящей статье представлены результаты исследования материала, полученного при раскопках кургана 7, содержавшего, помимо интересных археологических находок, и скелетные останки человека. С учетом малочисленности данных по антропологии «турбаслинцев» (в общей сложности исследовано лишь 24 черепа различной сохранности из 4 могильников [Акимова, 1968; неопубликованные данные В.В. Куфтерина]) и дискуссионного характера вопросов, касающихся происхождения носителей турбаслинского комплекса [Генинг, 1961; Мажитов, 1963; 1968; Сунгатов, 1995; 1998; 2013; Любчанский, 2006], публикация даже единичного нового материала представляется весьма актуальной задачей.

Обсуждаемый в работе курган 7 располагался к востоку и в некотором отдалении от основной группы курганов. На момент начала проведения раскопок насыпь кургана на дневной поверхности не фиксировалась. Неудовлетворительное состояние этого объекта отмечалось еще С.Л. Воробьевой при завершении полевых работ на памятнике в конце 2014 г. [Воробьева, 2014].

На подготовительном этапе было установлено, что раскоп на кургане можно заложить в пределах строго ограниченного участка: с северо-востока – забором радиостанции «Алтай», с юго-запада – бетонным фундаментом под установку спутниковых тарелок и постройками зданий-блоков станций цифрового наземного телевизионного вещания. С северо-запада территория раскопа ограничивалась наличием подземных коммуникаций. Лишь в юго-восточном направлении раскоп практически ничем не ограничивался, если не учитывать, что и здесь имелись подземные коммуникации в виде уложенных в землю на глубину до 1,2 м силовых кабелей.

Над насыпью кургана был разбит раскоп правильной четырехугольной формы сторонами по 8 м. Внутри раскопа были оставлены взаимоперпендикулярные бровки. Длина бровок составляла 8 м, ширина 0,4 м. Бровки, как и стенки раскопа, ориентированы не строго по сторонам света. Это связано с тем, что раскоп закладывался с расчетом максимального охвата насыпи кургана и с учетом того, что место его расположения было очень стеснено наличием уже построенных объектов.

На условных горизонтах производилась зачистка с целью выявления каких-либо конструктивных особенностей насыпи кургана. Это позволило установить, что насыпь кургана практически полностью разрушена, так как на всей площади раскопа верхний горизонт мощностью 20-40 см был представлен переотложенным грунтом и участками строительного мусора (рис. 1).

На уровне материка зачисткой было выявлено, что он в большинстве квадратов нарушен земляными работами. В частности, в юго-восточном квадрате половина площади на отметке 188,15 нарушена широкой траншеей. На остальной площади материк на отметке 188,04 представлен выходом глины темно-розового цвета, что характерно и для материка остальных квадратов. В юго-западном квадрате материк на отметке 188,13 нарушен двумя траншеями, выкопанными под прокладку силового кабеля. В северо-восточном квадрате материк на отметке 188,15 также нарушен двумя параллельно расположенными относительно друг друга траншеями. В этом же квадрате на горизонте материка на отметке 188,15 было зафиксировано пятно могильной ямы. Пятно выделялось на фоне материка

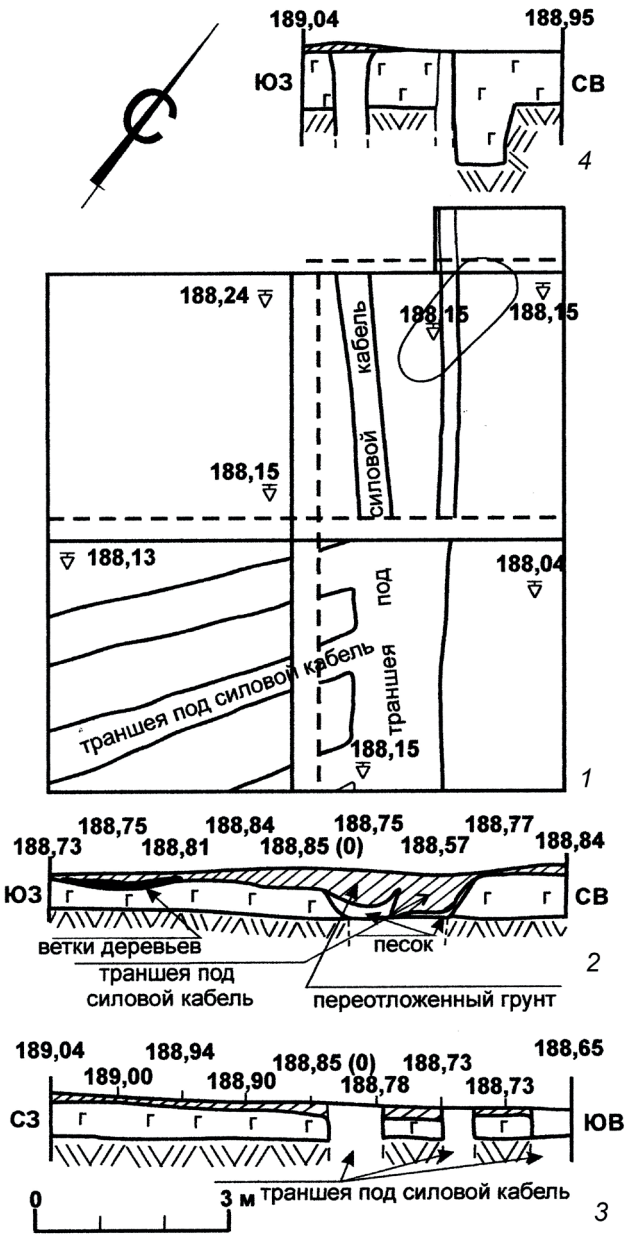


Рис. 1. План и стратиграфия бровок кургана 7 могильника Чайка-1

Fig. 1. Plan and stratigraphy of the balk's of mound 7 at Chaika-1 burial ground

цветом заполнения. Само заполнение ямы представлено черноземом. Длинными сторонами пятно ориентировано по линии север-юг и частично уходило в северо-западную стенку раскопа.

Подстилающий материк в северо-западном квадрате на отметке 188,15-188,24 следов нарушения не несет. Сам же материк представлен в северной половине квадрата глиной розового цвета, которая в южной половине замещена глиной сероватого цвета с включениями мелкой щебенки.

Изучение стратиграфии бровок (рис. 1, *2-4*) позволило установить, что курганная насыпь свою первоначальную структуру не сохранила. Это связано с тем, что данный участок могильника подвергся сильному антропогенному воздействию. В частности, С.Л. Воробьевой еще в конце 2014 г. был зафиксирован факт уничтожения насыпи кургана строительной техникой при проведении работ по планировке территории [Воробьева, 2014]. К началу проведения раскопок в 2015 г., место расположения насыпи кургана представляло собой относительно ровную площадку с плавным перепадом высот в южном направлении.

Стратиграфические данные бровок показывают, что на площади раскопа верхний горизонт представлен переотложенным грунтом мощностью от 10 до 50 см. На отдельных участках переотложенный грунт представлен мусорным слоем мощностью до 20 см. Под слоем переотложенного грунта находился ненарушенный слой чернозема мощностью от 40 до 60 см. Несмотря на относительную толщину ненарушенного гумусного слоя, древний погребенный горизонт в стратиграфической колонке никак не выделялся.

Стратиграфическая колонка северо-западной бровки (общая высота 80 см), куда частично уходит пятно могильной ямы, представлена насыпным (переотложенным) грунтом мощностью до 50 см. Данный слой в своем составе имеет включения мелкой гальки, рубленых веток деревьев. Под ней следует погребенный чернозем мощностью 30 см, горизонт которого выровнен строительной техникой. На это указывает то обстоятельство, что данная стенка (как и примыкающая к ней под прямым углом соседняя), никак не фиксирует выкид из могильной ямы.

Стратиграфия стенки четко фиксирует профиль двух траншей разной ширины. Анализ стратиграфической ситуации позволяет заключить, что рытье траншей было произведено после проведения земляных работ по планировке территории. Одна из траншей шириной 20-25 см прорезает могильное пятно по линии северо-запад – юго-восток.

Погребение 1. С завершением анализа стратиграфии бровок были произведены работы по расширению раскопа, где было выявлено очертание могильной ямы на отметке 188,15 от реперной точки. Прирезка размерами 2×1 м позволила полностью выявить очертания пятна, которое приобрело подпрямоугольную форму с сильно закругленными углами. Размеры пятна на уровне материка составили 2,2×1,0 м. Длинными сторонами пятно ориентировано по линии север-юг. В направлении с юго-востока на северо-запад пятно прорезано траншеей шириной 20 см и глубиной 20 см от уровня материка. На дне траншеи были зафиксированы две линии кабеля, уложенные в трубки. Само пятно от уровня дневного горизонта, судя по данным стратиграфии северо-западной стенки, перекрыто грунтом мощностью 80 см.

В заполнении ямы на различной глубине был обнаружен ряд артефактов: пряжка из белого металла (рис. 3, *5*) в южной половине ямы на глубине 187,6 от репера (55 см от уровня материка) и четыре обоймы из бронзового листа (рис. 3, *12-15*) – в средней части ямы на глубине в пределах 187,55-187,5 от репера (60-65 см от уровня материка).

Окончательное удаление грунта из могильной ямы было произведено на отметке в средней части ямы 187,22 от репера. Было установлено, что

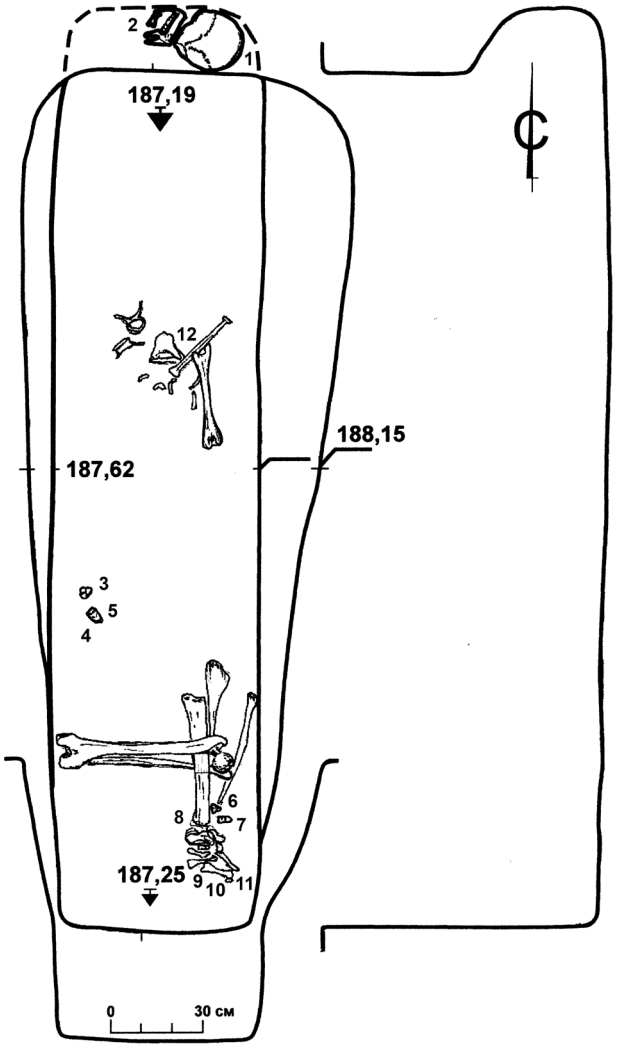


Рис. 2. План погребения кургана 7 могильника Чайка-1. Инвентарь: *1* – череп; *2* – нижняя челюсть; *3* – поясная пряжка (рис. 3, *1*); *4-5* – поясные накладки (рис. 3, *2, 8*); *6* – обувная пряжка (рис. 3, *5*); *7-8* – ременные накладки (рис. 3, *3-4*); *9-10* – ременные наконечники (рис. 3, *6-7*); *11* – накладка сердцевидной формы (рис. 3, *10*); *12* – поясная накладка с подвеской (рис. 3, *11*)

Fig. 2. Plan of the burial mound 7 of the Chaika-1 burial ground. Inventory: *1* – skull; *2* – lower jaw; *3* – belt buckle (fig. 3, *1*); *4-5* – belt pads (fig. 3, *2, 8*); *6* – shoe buckle (fig. 3, *5*); *7-8* – strap pads (fig. 3, *3-4*); *9-10* – strap tip (fig. 3, *6-7*); *11* – heart-shaped onlay (fig. 3, *10*); *12* – belt pad with suspension (fig. 3, *11*)

погребальная камера на уровне материка (отметка 188,15) имеет подпрямоугольную форму со скругленными углами. Длина ямы составила 2,8 м. В северной половине отмечается наибольшее расширение до 1,1 м, а в южном конце ширина ямы составляет 0,65 м. По длинной оси яма ориентирована строго по линии север – юг.

На уровне с отметкой 187,62 от репера (53 см от уровня материка) могильная яма приобрела правильную прямоугольную форму. Размеры ее составили 2,8×0,7 м. На уровне дна (отметка 187,22 в средней части ямы или 93 см от уровня материка) ширина ямы не изменилась, но длина ее увеличилась за счет исследованного подбоя, устроенного в короткой северной стенке. В итоге, длина ямы вместе с подбоем составила 3,0 м. Дно погребальной камеры относительно ровное, но отмечается перепад высот в пределах 6 см с юга на север. Дно подбоя в короткой северной стенке находится на отметке 187,19 (96 см от уровня материка). Глубина подбоя 0,2 см, высота входа 44 см.

На дне могилы был обнаружен скелет человека, не сохранивший анатомический порядок (рис. 2). Череп (имеются следы искусственной деформации) с нижней челюстью и двумя шейными позвонками находился в подбое. В северной половине могилы на глубине 187,22 или 93 см от уровня материка в беспорядке находились длинные кости левой руки, фрагмент тазовой кости плохой сохранности, несколько позвонков и фрагменты ребер.

Под тазовой костью была обнаружена «геральдическая» двусоставная накладка из белого металла (рис. 3, *11*). В южной половине могилы у западной длинной стенки, на глубине 187,23 от репера (94 см от уровня материка) была обнаружена пряжка и две накладки поясного ремня (рис. 3, *9, 2, 8*).

В южной половине могилы находились левые бедренная и малая берцовая кости. Они располагались перпендикулярно длинным стенкам могилы. Причем, если бедренная кость одним концом лежала над левой большой берцовой костью, то один конец малой берцовой кости покоился под ней. Левая большая берцовая кость, вместе с костями стопы, сохраняя анатомический порядок, лежала параллельно восточной длинной стенке. Между длинной стенкой могилы и берцовыми костями также были обнаружены берцовые кости правой стороны. Анализ расположения длинных костей ног указывает на то, что кроме левой большой берцовой кости и костей левой стопы, остальные элементы были перемещены с первоначального положения еще до полного разложения связочного аппарата, т.е. вскоре после захоронения. В районе левой стопы по-

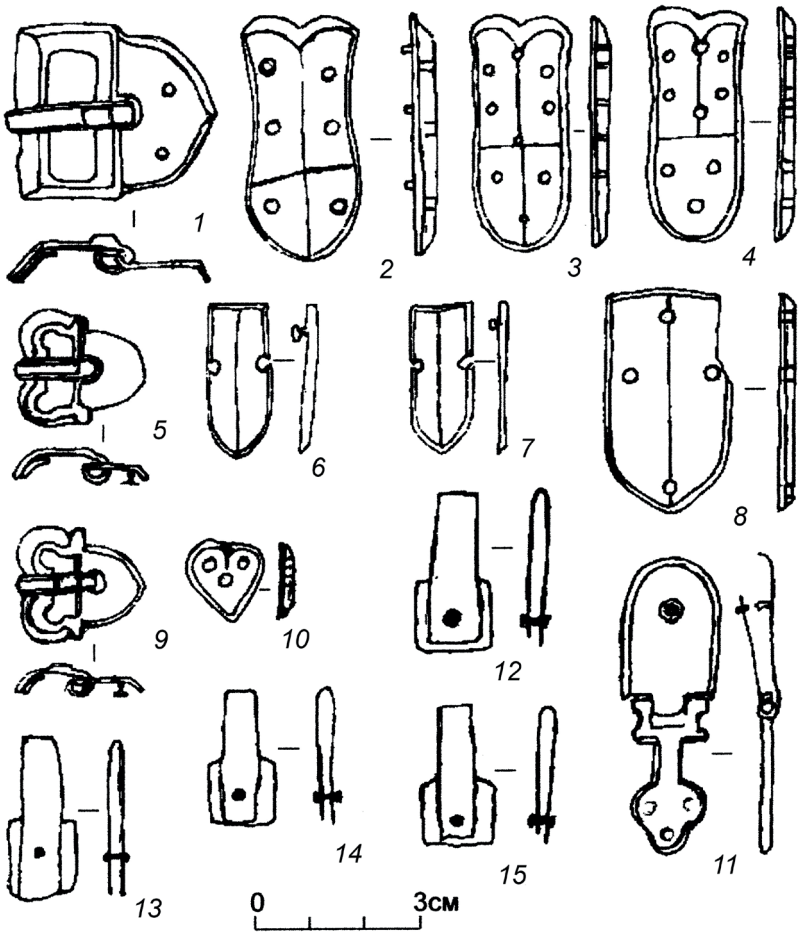


Рис. 3. Погребальный инвентарь погребения кургана 7 могильника Чайка-1.
1-11 – белый металл; *12-15* – бронза

Fig. 3. Funeral inventory of the burial mound 7 of the Chaika-1 burial ground.
1-11 – white metal; *12-15* – bronze

гребенного были обнаружены предметы, которые составляли гарнитуру украшений обуви (рис. 3, *3-4, 6-7, 9-10*). Ниже одной из плюсневых костей были выявлены два рядом лежавших наконечника ремня.

Коллекция находок

1. Обоймы из бронзового листа (рис. 3, *12-15*; 4, *6-8*) представляют собой изделия из пополам согнутых пластин, концы которых скреплены штифтами. Одна половина изделия имеет полосу равномерной ширины, конец другой половины расширен и оформлен в виде лопатки прямоугольной формы. Длина пластин обойм в пределах 3 см, ширина 0,5 см. Лопатки имеют ширину в среднем 1,1 см, высоту 1,2 см.

2. «Геральдическая» двусоставная накладка из белого металла (рис. 3, *11*; 4, *5*) изготовлена из тонкой согнутой пополам пластины, где лицевая сторона подпрямоугольной формы со скругленным верхом размерами 1,7×2,5 см, а оборотная в виде узкой пластины шириной 0,5 см. Края лицевой пластины загнуты и имитируют фацетирование. В верхней части имеется штифт, который скреплял накладку с основой. Привеска накладки ажурной формы – верх ее в виде прямоугольника с вырезом по бокам и прямоугольным отверстием. Нижняя часть привески оформлена в виде трилистника с одним сквозным отверстием на каждом листе. Отверстия выполнены методом сверления. В отличие от самой накладки, привеска исполнена не из тонкого листа, а из цельного прута.

3. Пряжка (рис. 3, *1*; 4, *14*) из тонкого металлического листа, имеет прямоугольную рамку и «геральдический» щиток. Рамка и щиток выгнуты из тонкой пластины, что придает изделию массивность. Рамка со скошенными краями, внутренний контур ее повторяет очертания внешнего. Щиток, также со скошенными краями, гладкий, в целом имеет «геральдический» облик. Конец щитка приострен и снабжен двумя сквозными отверстиями, сделанными ударом пробойника с обратной стороны. Язычок пластинчатый, края фацетированы, острие нависает за рамку, в задней части имеет выступ-площадку. Длина пряжки 3,8 см. Прямоугольная рамка имеет ширину 1,8 см, высоту 3,2 см. Размер прямоугольного выреза рамки 0,8×2,4 см.

4. Накладка поясного ремня с одним полукруглым основанием в виде «геральдического» щитка, другим – в виде рыбьего хвоста, или, как их называл А.К. Амброз, «двурогим», с вогнутыми боками; изготовлена из металлического прута (рис. 3, *2*; 4, *1*). Лицевая сторона гладкая, по длинной оси выгнута наружу, что придает поверхности двускатность. Накладка снабжена шестью сквозными отверстиями, расположенными по три на каждом боку. Данные отверстия сделаны методом

Рис. 4. Погребальный инвентарь погребения кургана 7 могильника Чайка-1.
1-5, 9-14 – белый металл; *6-8* – бронза

Fig. 4. Funeral inventory of the burial mound 7 of the Chaika-1 burial ground.
1-5, 9-14 – white metal; *6-8* – bronze

сверления. Кромка ее фацетирована. Нижняя часть накладки отделена от верхней двумя рублеными линиями, сделанные, видимо, чеканом. Обратная сторона накладки снабжена тремя штифтами. Длина изделия 4,5 см, максимальная ширина 2,1 см.

5. Накладка поясного ремня с одним приостренным основанием в виде гладкого «геральдического» щитка и четырьмя отверстиями (рис. 3, *8*; 4, *2*) была обнаружена выше описанной ранее. Два боковых отверстия сделаны ударом пробойника с лицевой стороны, а два других – ударом с обратной. Накладка изготовлена из тонкой металлической пластины. По длинной оси выгнута наружу. Края отогнуты и создают картину фацетированности кромки. Длина накладки 4 см, ширина 2,2 см.

6. Гарнитура украшений обуви представлена находками различных изделий в количестве 6 экземпляров. Среди них присутствуют «геральдические» пряжки (рис. 3, *5, 6*; 4, *11-12*), имеющие В-образную рамку с отогнутыми окончаниями и ложе для острия язычка. Рамки пряжек со скошенными передними краями, внутренние контуры повторяет очертания внешних. Щитки оформлены в «геральдическом» стиле. Края щитков фацетированы, а с обратной стороны они снабжены по одному штифту. Язычки пластинчатые, кромки фацетированы, острие нависает за рамку, в задней части снабжены выступами-площадками, с щитком соединены при помощи загиба конца в трубку. Рамки и щитки выгнуты из цельного прута. Длина пряжек 2,4 см. Ниже одной из описанной пряжки, у таранной кости левой стопы, была обнаружена накладка с одним полукруглым основанием в виде «геральдического» щитка, другим – в виде рыбьего хвоста (рис. 3, *3*; 4, *4*). Изделие изготовлено из тонкой металлической выгнутой пластины, лицевая сторона гладкая, по длинной оси, для придания поверхности двускатности, слегка выгнута наружу. На длинном боку накладки имеются по три сквозных отверстия диаметром 2 мм. Данные отверстия выполнены ударом пробойника с лицевой стороны пластины. Отверстия относительно друг друга расположены симметрично. Между ними имеются еще три отверстия, но они выполнены уже ударом пробойника с обратной стороны пластины. Кромка накладки фацетирована, нижняя часть отделена от верхней ступенчатообразным невысоким подъемом. Длина накладки 4,4 см, ширина 1,7 см. Вторая аналогичная накладка, отличающаяся от вышеописанной только большей шириной пластины на 1 мм, была обнаружена у пяточной кости той же левой стопы (рис. 3, *4*; 4, *3*).

7. Два наконечника ремня (рис. 3, *6-7*; 4, *9-10*) изготовлены из металлического прута. Лицевая сторона двускатная, гладкая, по бокам выше середины пластины – сквозные отверстия-выемки. С обратной стороны накладки снабжены штифтами. Размеры накладок одинаковы: длина 2,8 см, ширина 1,2 см.

8. Накладка сердцевидной формы, изготовленная из тонкой металлической пластины, была найдена ниже дистальных фаланг (рис. 3, *10*; 4, *11*). Края накладки отогнуты, что придает изделию картину фацетирования. Накладка снабжена тремя отверстиями, одно из которых расположено по центру, а два остальных – по бокам, несколько выше первого. От двух последних отверстий к краю кромок «спущены» две короткие бороздки. Два верхних отверстия пробиты пробойником с лицевой стороны изделия, а центральное – с обратной.

Антропологическое исследование скелета

В общей сложности на комплексную антропологическую экспертизу были представлены следующие скелетные элементы: череп с нижней челюстью (в наличии 24 зуба), парные бедренные, большие и малые берцовые кости. Сохранность материала оценивается как хорошая, кость твердая, крепкая; частичной посмертной деструкции подверглись лишь проксимальные эпифизарные отделы большеберцовых и левой малоберцовой костей, а также проксимальный и дистальный эпифизы правой малоберцовой. Программа исследования включала установление половой и возрастной принадлежности скелетных останков, описание морфологических особенностей и патологических изменений. Материал изучался с опорой на традиционный спектр методических рекомендаций [Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966; Зубов, 1968; Историческая экология человека, 1998; Buikstra, Ubelaker, 1994].

Определение пола субъекта из кургана 7 особых затруднений не вызывает – значимые в плане половой диагностики морфологические особенности черепа однозначно свидетельствуют о его принадлежности мужчине. При определении возраста учитывалась незначительная выраженность или отсутствие дегенеративных изменений на суставах имеющихся длинных костей. Стадии стирания зубов соответствуют интервалам G для верхней и G и H для нижней челюстей [Lovejoy, 1985] – зубной возраст определяется в пределах 35-45 лет. Определение возраста по системе облитерации черепных швов эктокрана [Meindl, Lovejoy, 1985] затрудняется наличием искусственной деформации черепной коробки. Тем не менее, полученный возрастной интервал аналогичный – 35-45 лет (облитерированы большая часть стреловидного и частично лямбдовидный швы). Таким образом, можно констатировать принадлежность скелетных останков из кургана 7 мужчине зрелого возраста (35-45 лет).

Практически на всех имеющихся зубах фиксируются слабые отложения зубного камня. На левом M^1 отмечается скол мезио-буккальной части коронки. Стертость правого I^2 превышает физиологическую (затронут нервный канал). Между альвеолами левых I^2 и C^1 – участок деструкции размерами приблизительно 9,5×4,2 мм, являющийся либо посмертным дефектом, либо проявлением апикального абсцесса (?). Средний модуль ряда верхних левых моляров (10,42) характеризует абсолютные размеры зубов как средние (мезодонтизм). Из одонтологических особенностей можно отметить редукцию гипоконуса на M^3.

Рис. 5. Череп из кургана 7 могильника Чайка-1. Фас, профиль

Fig. 5. Cranium from mound 7 at Chaika-1 burial ground. Front, profile

Череп имеет преднамеренную искусственную лобно-затылочную деформацию (рис. 5). Наличие следов лобно-затылочной (и, возможно, теменной) повязки прослеживается за счет хорошо выраженного предвенечного валика и очень слабого позадивенечного вдавления. В рассматриваемом случае, деформация, несомненно, повлияла на ряд метрических параметров (табл. 1). В частности, разность между продольными диаметрами от глабеллы и офриона составляет 8 мм, что объясняется смещением последней точки назад в связи с увеличением наклона лба. Кроме того, можно констатировать уменьшение размеров горизонтальной окружности и поперечного диаметра черепа, а также угла профиля лба (особенно от глабеллы). Противоположная ситуация наблюдается с изменением высотного диаметра (увеличился) и, вероятно, длиной основания черепа и лица. Нельзя исключить влияния деформирующей конструкции и на некоторые признаки лицевого скелета (увеличение высоты лица, носа, орбит, уменьшение назомалярного угла).

Среди изученных к настоящему времени черепов турбаслинской культуры следы искусственной лобно-затылочной деформации зафиксированы в 9 случаях [Акимова, 1968. С. 64-74], что составляет величину 37,5% (с учетом двух черепов из кургана 1 могильника Чайка – неопубликованные данные В.В. Куфтерина). Отсутствие следов деформации на мужском и женском черепах из кургана 1 рассматриваемого могильника (раскопки С.Л. Воробьевой за 2014 г.), позволяет предположить, что в анализируемом случае деформация головы была в большей степени связана с социальным статусом погребенного в кургане 7, нежели выполняла внешнюю по отношению к данному коллективу функцию.

Черепная коробка характеризуется очень большими продольным и высотным и большим поперечным диаметрами. По указателям она мезокранная, гипсикранная и акрокранная, т.е. среднедлинная и высокая, сверху имеет очертания близкие к эллипсоидным. Горизонтальная окружность большая, поперечная и сагиттальная дуги – очень большие. Основание черепа очень длинное и широкое. Затылочная область средней ширины, размеры дуги и хорды очень большие. Угол перегиба затылка малый, наружный затылочный выступ развит средне, рельеф выйной области хорошо выражен. Размеры теменных дуги и хорды большие. Сосцевидный отросток среднеразвитый. В области правой теменной вырезки имеется вставочная кость. Лоб широкий абсолютно и довольно широкий относительно (мезозем – мегазем). Лобная хорда большая, дуга – средняя. Лоб сильно наклонный (влияние деформации), при этом разница между углами профиля от назиона и глабеллы составляет величину 11°. Надпереносье и надбровные дуги развиты средне.

Лицо абсолютно очень широкое и высокое. По указателям лицевой скелет, однако, оказывается низким (эурипрозоп), со средним по индексу верхним отделом (мезен). Лицо хорошо профилировано в горизонтальной плоскости (назомалярный и зигомаксиллярный углы малые), вертикальный профиль ортогнатный. Клыковая ямка средней глубины. Высота носа очень большая, ширина – большая, по указателю фиксируется мезориния

(среднешироконосость). Переносье средневысокое, угол выступания носа очень малый. Нижний край грушевидного отверстия притуплен, передне-носовая ость среднеразвитая. Орбиты очень широкие и абсолютно средневысокие. По указателям – мезоконхные (средние). Имеются дополнительные подглазничные отверстия. Альвеолярная дуга среднедлинная и очень широкая, нёбо – длинное и широкое. Альвеолярная часть ортогнатная. Нижняя челюсть средней длины от мыщелков и большой – от углов, с высокой, широкой, слабонаклонной ветвью. Широтные параметры мандибулы – большие или очень большие. Высота симфиза и тела нижней челюсти – на верхней границе средних величин, толщина тела – средняя.

Типологически описанный краниологический комплекс характеризуется как скорее европеоидный, однако сочетание очень широкого лицевого скелета со слабым выступанием носовых костей, может свидетельствовать о наличии некоторых монголоидных черт. Слабое выступание носа отличает исследуемый краниум от кушнаренковских и ново-турбаслинских. По строению лицевого скелета он наиболее близок к черепу из кургана 18 (погребение 1) «могильника в Орджоникидзевском парке Уфы» (Дежневские курганы) [Акимова, 1968. С. 73-74]. В частности, на этих черепах идентичен угол выступания носа. Однако, учитывая единичность наблюдений, делать какие-либо заключения о различном происхождении населе-

Таблица 1

Краниометрическая характеристика черепа из кургана 7 могильника Чайка-1

Table 1

Craniometric characteristics of the skull from mound 7 from the Chaika-1 burial ground

Признак	Параметр
1. Продольный диаметр	192
1b. Продольный диаметр от on	184
8. Поперечный диаметр	146
17. Высотный диаметр	149
5. Длина основания черепа	111
40. Длина основания лица	101
9. Наименьшая ширина лба	102
10. Наибольшая ширина лба	126
11. Ширина основания черепа	132
12. Ширина затылка	108
7. Длина затылочного отверстия	30
16. Ширина затылочного отверстия	27
20. Ушная высота	126
23a. Горизонтальная окружность через on	527
24. Поперечная дуга po–b–po	339
25. Сагиттальная дуга	398
26. Лобная дуга	130
27. Теменная дуга	139
28. Затылочная дуга	129
29. Лобная хорда	118
30. Теменная хорда	120
31. Затылочная хорда	106,5
FS. Высота изгиба лба	15,3!
OS. Высота изгиба затылка	30,3
43. Верхняя ширина лица	116
45. Скуловой диаметр	146
46. Средняя ширина лица	99
48. Верхняя высота лица	75
47. Полная высота лица	121
51. Ширина орбиты от mf	46
51a. Ширина орбиты от d	42
52. Высота орбиты	35
54. Ширина носа	29
55. Высота носа	60
60. Длина альвеолярной дуги	54
61. Ширина альвеолярной дуги	72
62. Длина неба	47
63. Ширина неба	43
SS. Симотическая высота	4,0
SC. Симотическая ширина	10,6

MS. Максиллофронтальная высота	5,6
MC. Максиллофронтальная ширина	21,7
DS. Дакриальная высота	16,3?
DC. Дакриальная ширина	30,7?
FC. Глубина клыковой ямки	5,3
JS. Высота изгиба скуловой кости	12,2
JC. Ширина скуловой кости	59,5
77. Назомалярный угол	138,6
<Zm'. Зигомаксиллярный угол	126,0
32. Угол профиля лба от назиона	81
gl. Угол профиля лба от глабеллы	70!
33(4). Угол перегиба затылка	118
72. Общий лицевой угол	89
73. Средний лицевой угол	90
74. Угол альвеолярной части	88
75. Угол наклона носовых костей	73
75(1). Угол выступания носа	16
C. Угол выступания подбородка	75
65. Мыщелковая ширина нижней челюсти	133
66. Угловая ширина нижней челюсти	105
67. Передняя ширина нижней челюсти	47
68. Длина нижней челюсти от углов	90
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	105
69. Высота симфиза	34
69(1). Высота тела	32
69(3). Толщина тела	12
70. Высота ветви	69
71a. Наименьшая ширина ветви	37
79. Угол ветви нижней челюсти	102
NV. Форма черепной коробки сверху	эллипсоид
Gl. Надпереносье	3
AS. Надбровные дуги	2
PO. Наружный затылочный бугор	2
PM. Сосцевидный отросток	2
AP. Нижний край грушевидного отверстия	infantilis
SN. Передне-носовая ость	3
8:1. Черепной указатель	76,0
17:1. Высотно-продольный указатель	77,6
17:8. Высотно-поперечный указатель	102,1
9:8. Лобно-поперечный указатель	69,9
9:43. Фронто-малярный указатель	87,9
9:45. Лобно-скуловой указатель	69,9
11:8. Аурикулярно-поперечный указатель	90,4
40:5. Указатель выступания лица	91,0
47:45. Общелицевой указатель	82,9
48:45. Верхнелицевой указатель	51,4
61:60. Альвеолярный указатель	133,3
52:51. Орбитный указатель (mf)	76,1
52:51a. Орбитный указатель (d)	83,3
54:55. Носовой указатель	48,3
45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	100,0
48:17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	50,3
SS:SC. Симотический указатель	37,7
DS:DC. Дакриальный указатель	53,1?

ния, оставившего обсуждаемые памятники турбаслинской культуры сложно. Своеобразное сочетание морфологических особенностей правомернее трактовать в рассматриваемом случае как проявление индивидуальной изменчивости.

Продольные параметры имеющихся длинных костей (табл. 2), согласно рубрикациям Д.В. Пежемского [2011], относятся к категории средних. Бедренные кости довольно массивны по указателям. Пилястр правой кости развит слабо, на левой – отсутствует. Проксимальная часть диафизов уплощена и по указателю характеризуется гиперплатимерией (правая кость) и платимерией (левая кость). Мышечный рельеф развит умеренно, на

правой кости несколько понижен. Индивидуальной особенностью является наличие экзостозов в вертельных ямках бедренных костей. Большие берцовые кости средней массивности. По контуру сечения диафиза они характеризуются мезокнемией (левая кость более уплощенная). Рельеф большеберцовых костей развит средне. Несколько повышен в области прикрепления мышц-сгибателей стопы на левой кости. Форма поперечного сечения диафиза малоберцовых костей близка к треугольной.

Величина берцово-бедренного указателя свидетельствует о несколько удлиненной по отношению к бедру голени. Длина тела, реконструированная по длине левой бедренной кости (формулы Пирсона – Ли, Троттер – Глезер, Дюпертюи – Хэддена) и длине костей левой нижней конечности (формула Бунака), варьирует в пределах 164-170 см (средняя или выше средней).

Интересной патологической особенностью является наличие на надколенниковой поверхности (ближе к латеральному мыщелку) правой бедренной кости участка остеолиза подовальной формы размерами 19×15 мм (рис. 6). Учитывая локализацию и морфологию патологического изменения, можно предположительно трактовать его как по-

Таблица 2

Остеометрическая и остеоскопическая характеристика длинных костей скелета из кургана 7 могильника Чайка-1

Table 2

Osteometric and osteoscopic characteristics of long bones of the skeleton from mound 7 of the Chaika-1 burial ground

Признак	Правая сторона	Левая сторона
Бедренная кость		
1. Наибольшая длина	431	440
2. Длина в естественном положении	427	438
6. Сагиттальный диаметр середины диафиза	28	29
7. Поперечный диаметр середины диафиза	27	30
8. Окружность середины диафиза	87	94
9. Верхний поперечный диаметр диафиза	34	35
10. Верхний сагиттальный диаметр диафиза	25	28
21. Мыщелковая ширина	86	85
8:2. Указатель массивности	20,4	21,5
6:7. Указатель пилястрии	103,7	96,7
10:9. Указатель платимерии	73,5	80,0
Большой вертел	2	2
Малый вертел	-	-
Ягодичная бугристость	1,5	2
Шероховатая линия	1,5	2
Большая берцовая кость		
1. Полная длина	375	372
2. Мыщелково-таранная длина	358	354
1a. Наибольшая длина	381	378
5. Наибольшая ширина верхнего эпифиза	-	-
6. Наибольшая ширина нижнего эпифиза	49	49
8. Сагиттальный диаметр середины диафиза	29	31
8a. Сагиттальный диаметр на уровне for. nutr.	35	36
9. Поперечный диаметр середины диафиза	21	30
9a. Поперечный диаметр на уровне for. nutr.	24	23
10. Окружность середины диафиза	84	82
10b. Наименьшая окружность диафиза	73	73
9a:8a. Указатель сечения	68,6	63,9
10b:1. Указатель массивности	19,5	19,6
Бугристость	2	2
Передний край	2	2
Межкостный край	1,5	2
Линия камбаловидной мышцы	2	2
Бороздки и бугорки дистальной части	-	2,5
Малая берцовая кость		
1. Наибольшая длина	-	360?
Конституциональные особенности		
T1:F2. Берцово-бедренный индекс	87,8	84,9
Длина тела по Пирсону и Ли	164,0	
Длина тела по Троттер и Глезер	167,6	
Длина тела по Дюпертюи и Хэддену	170,2	
Длина тела по Бунаку	166,2	

Рис. 6. Частичный остеохондролиз (рассекающий остеохондрит) на надколенниковой поверхности правой бедренной кости индивида из кургана 7 могильника Чайка-1

Fig. 6. Partial osteochondrolysis (osteochondritis dissecting) on the patellar surface of the right femur of an individual from mound 7 of the Chaika-1 burial ground

следствия частичного остеохондролиза (частичного асептического некроза, рассекающего остеохондрита). Известно, что не менее 85% всех случаев заболевания приходится на коленный сустав (типичная локализация – латеральная часть медиального мыщелка бедра). Мужчины составляют подавляющее большинство заболевших [Рейнберг, 1955. С. 495]. Вероятно, в нашем эпизоде можно констатировать самоизлечение больного, а имеющуюся разницу в длине бедренных костей (правая кость заметно короче левой) рассматривать как следствие заболевания в молодом возрасте. Аналогичные палеопатологические случаи были представлены Д.Г. Рохлиным на материалах из погребений в старой Вятке [Рохлин, 1965. С. 120-121].

В результате охранных археологических исследований кургана 7 могильника Чайка-1 было изучено одно захоронение (погребение 1), в древности подвергшееся ограблению. Анализ антропологических особенностей погребенного (мужчина, 35-45 лет), позволил заключить, что полученный череп, имеющий следы преднамеренной лобно-затылочной деформации, принадлежал индивиду европеоидного облика, однако слабое выступание носа в сочетании с очень большой шириной лицевого скелета, может свидетельствовать о наличии в его облике некоторых монголоидных черт. Обнаруженный погребальный инвентарь представлен комплектом металлических украшений поясного набора и украшений обуви. В целом, все обнаруженные предметы исследованного погребения выполнены в «геральдическом» стиле. Судя по этим находкам и имеющимся аналогиям в памятниках Южного Урала и Евразийской степи [Генинг, 1977. Рис. 3; 7; 9; Мажитов, 1977. Табл. I, *51, 80, 83* и др.; Амброз, 1989. Рис. 22; 23 и др.; Balint, 1992. Taf. 29; 35; 60; Гавритухин, Обломский, 1996. Рис. 89, *11*; Левина, 1996. Рис. 128 и др.; Рашев, 2004. Табл. 25; 26; 46 и др.], захоронение может быть датировано в пределах VII – первой половины VIII вв. и отнесено к числу погребальных комплексов турбаслинской культуры Башкирского Приуралья V-VIII вв. н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья. М.: Наука, 1968. 120 с.

Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 251 с.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.

Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа. М.: Наука, 1989. 132 с.

Воробьева С.Л. Научно-технический отчет об итогах спасательных археологических раскопок на территории курганов № 1 и № 8 выявленного объекта археологического наследия «Чайка 1, курганный могильник», расположенных в зоне строительства объекта ЦНТВ (г. Уфа, ул. Р. Зорге, западнее радиостанции Алтай). Уфа, 2014 // Научный архив ИА РАН.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.: ИА РАН, 1996. 296 с.

Генинг В.Ф. Проблемы изучения железного века Урала // Второе Уральское археологическое совещание при Уральском университете. 1-7 февраля 1961 года. Итоги и проблемы изучения археологии Урала (ВАУ. Вып. 1) / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: УрГУ, 1961. С. 23-47.

Генинг В.Ф. Памятники у с. Кушнаренково на р. Белой (VI-VII вв. н.э.) // Исследования по археологии Южного Урала / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1977. С. 90-136.

Зубов А.А. Одонтология. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968. 189 с.

Историческая экология человека. Методика биологических исследований / Под ред. А.П. Бужиловой, М.В. Козловской, Г.В. Лебединской, М.Б. Медниковой. М.: Старый сад, 1998. 261 с.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. М.: Восточная литература, 1996. 396 с.

Любчанский И.Э. Этнокультурная реконструкция происхождения носителей традиций турбаслинского керамического комплекса // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время / Отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев. Уфа: Гилем, 2006. С. 226-234.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура (население Северной Башкирии в середине I тыс. н.э.). Автореф. дисс. на соиск. …к.и.н. М., 1963. 16 .

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. М.: Наука, 1968. 162 с.

Мажитов Н.А. Южный Урал в VII-XIV вв. М.: Наука, 1977. 240 с.

Пежемский Д.В. Изменчивость продольных размеров трубчатых костей человека и возможности реконструкции телосложения. Автореф. дисс. на соиск. …к.б.н. М.: МГУ, 2011. 24 с.

Рашев Рашо. Прабългарите през V-VII век. София: Фабер, 2004. 338 с.

Рейнберг С.А. Рентгенодиагностика заболеваний костей и суставов. Ч. I. М.: Медгиз, 1955. 640 с.

Рохлин Д.Г. Болезни древних людей (кости людей различных эпох – нормальные и патологически измененные). М.-Л.: Наука, 1965. 304 с.

Сунгатов Ф.А. Население среднего течения реки Белой в V-VIII вв. (турбаслинская культура): Автореф. дисс. на соиск. …к.и.н. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 1995. 22 с.

Сунгатов Ф.А. Турбаслинская культура. Уфа: Гилем, 1998. 168 с.

Сунгатов Ф.А. Приуралье в гуннскую эпоху // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов / Гл. ред. С.Г. Боталов. Челябинск: ЮУрГУ, 2013. 639 с.

Balint Cs. Kontakte zwischen Iran, Byzanz und Steppe // Awaren Forschungen. Band I. Institut für UR und Frühgeschichte der universität Wien, 1992. 577 s.

Buikstra J.E., Ubelaker D.H. Standards for data collection from human skeletal remains // Arkansas Archaeological Survey. Research Series. 1994. No. 44. 264 p.

Lovejoy C.O. Dental wear in the Libben population: its functional pattern and role in the determination of adult skeletal age at death // American Journal of Physical Anthropology. 1985. No. 68. P. 47-56.

Meindl R.S., Lovejoy C.O. Ectocranial suture closure: a revised method for the determination of skeletal age at death based on the lateral-anterior sutures // American Journal of Physical Anthropology. 1985. No. 68. P. 57-66.

REFERENCES

Akimova M.S. Antropologiia drevnego naseleniia Priural'ia [Anthropology of ancient population in the Pre-Urals area]. M.: Nauka, 1968. 120 s.

Alekseev V.P. Osteometriia. Metodika antropologicheskikh issledovanii [Osteometry. Techniques of anthropological investigations]. M.: Nauka, 1966. 251 s.

Alekseev V.P., Debets G.F. Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovanii [Craniometry. Techniques of anthropological investigations]. M.: Nauka, 1964. 128 s.

Ambroz A.K. Khronologiia drevnostei Severnogo Kavkaza [Chronology of the Antiquities of the North Caucasus]. M.: Nauka, 1989. 132 s.

Vorob'eva S.L. Nauchno-tekhnicheskii otchet ob itogakh spasatel'nykh arkheologicheskikh raskopok na territorii kurganov № 1 i № 8 vyiavlennogo ob"ekta arkheologicheskogo naslediia "Chaika 1, kurgannyi mogil'nik", raspolozhennykh v zone stroitel'stva ob"ekta TsNTV (g. Ufa, ul. R. Zorge, zapadnee radiostantsii Altai) [Scientific and technical report on the results of rescue archaeological excavations in barrows No. 1 and No. 8 of the revealed object of the archaeological heritage "Chaika 1 burial mound", located in the construction zone of the Digital Terrestrial TV object (Ufa, Sorge st., west to the Altai radiostation)]. Ufa, 2014-A // Nauchnyi arkhiv IA RAN.

Gavritukhin I.O., Oblomskii A.M. Gaponovskii klad i ego kul'turno-istoricheskii kontekst [The Gapon treasure and its cultural and historical context]. M.: IA RAN, 1996. 296 s.

Gening V.F. Problemy izucheniia zheleznogo veka Urala [Problems in the study of the Urals Iron Age] // VAU. 1961. Vyp. 1. S. 23-47.

Gening V.F. Pamyatniki u s. Kushnarenkovo na r. Beloi (VI-VII vv.n.a.) [Arkheological sites near the village Kushnarenkovo on the Belaya River (VI-VI centuries A.D.)] // Issledovaniya po arkheologii Yuzhnogo Urala. Ufa: BFAN SSSR, 1977. S. 90-136.

Zubov A.A. Odontologiia. Metodika antropologicheskikh issledovanii [Odontology. Techniques of anthropological investigations]. M.: Nauka, 1968. 189 s.

Istoricheskaia ekologiia cheloveka. Metodika biologicheskikh issledovanii [Historical human ecology. Techniques of biological investigations] / Pod red. A.P. Buzhilova, M.V. Kozlovskaia, G.V. Lebedinskaia, M.B. Mednikova. M.: Staryi sad, 1998. 261 s.

Levina L.M. Ethno-cultural history of the Eastern Aral Sea region. [Ethnocultural history of the Eastern Aral Sea region]. M.: Vostochnaya literatura, 1996. 396 s.

Liubchanskii I.E. Etnokul'turnaia rekonstruktsiia proiskhozhdeniia nositelei traditsii turbaslinskogo keramicheskogo kompleksa [Ethno-cultural reconstruction of the origin of the carriers of traditions of Turbasly ceramic complex] // Yuzhnyi Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremia / Otv. red. G.T. Obydennova, N.S. Savelev. Ufa: Gilem, 2006. S. 226-234.

Mazhitov N.A. Bakhmutinskaia kul'tura (naselenie Severnoi Bashkirii v seredine I tys. n.e.) [The Bakhmutinskaya culture (population of Northern Bashkiria in the middle of the I millennium A.D.)]. Avtoref. diss. na soisk. …k.i.n. Moscow, 1963. 16 s.

Mazhitov N.A. Bakhmutinskaia kul'tura [The Bakhmut culture] M.: Nauka, 1968. 162 s.

Mazhitov N.A. Iuzhnyi Ural v VII-XIV vv. [Southern Urals in VII-XIV centuries]. M.: Nauka, 1977. 240 s.

Pezhemskii D.V. Izmenchivost' prodol'nykh razmerov trubchatykh kostei cheloveka i vozmozhnosti rekonstruktsii teloslozheniia [Variability of the human long bones parameters and the possibility of somatotype reconstruction]. Avtoref. diss. na soisk. …k.b.n. M.: MGU, 2011. 24 s.

Rashev Rasho. Prab"lgarite prez V-VII vek [Proto Bulgarians from V-VII centuries]. Sofiia: Faber, 2004. 338 s.

Reinberg S.A. Rentgenodiagnostika zabolevanii kostei i sustavov [X-ray diagnosis of bone and joint diseases]. M.: Medgiz, 1955. Vip. I. 640 s.

Rokhlin D.G. Bolezni drevnikh liudei (kosti liudei razlichnykh epokh – normal'nye i patologicheski izmenennye) [Diseases of ancient men (bones of persons of various epochs – normal and pathologically changed)]. M.-L.: Nauka, 1965. 304 s.

Sungatov F.A. Naselenie srednego techeniia reki Beloi v V-VIII vv. (turbaslinskaia kul'tura) [The population of the middle reaches of the White River in V-VIII centuries (Turbaslinskaya culture)]: Avtoref. diss. na soisk. …k.i.n. Ufa: IIYaL UNTs RAN, 1995. 22 s.

Sungatov F.A. Turbaslinskaia kul'tura [The Turbasli culture]. Ufa: Gilem, 1998. 168 s.

Sungatov F.A. Priural'e v gunnskuyu epohu [The Cis-Urals in the Hun era] // Gunnskij forum. Chelyabinsk: YuUrGU, 2013. 639 s.

Balint Cs. Kontakte zwischen Iran, Byzanz und Steppe // Awaren Forschungen. Band I. Institut für UR und Frühgeschichte der universität Wien, 1992. 577 s.

Buikstra J.E., Ubelaker D.H. (Eds.) Standards for data collection from human skeletal remains // Arkansas Archaeological Survey. Research Series. 1994. № 44. 264 p.

Lovejoy C.O. Dental wear in the Libben population: its functional pattern and role in the determination of adult skeletal age at death // American Journal of Physical Anthropology. 1985. № 68. P. 47-56.

Meindl R.S., Lovejoy C.O. Ectocranial suture closure: a revised method for the determination of skeletal age at death based on the lateral-anterior sutures // American Journal of Physical Anthropology. 1985. № 68. P. 57-66.

NEW DATA ON THE BIOARCHAEOLOGY OF TURBASLINSKAYA CULTURE POPULATION

V. Kufterin

Abstract. The article outlines results of bioarchaeological analysis of skeletal remains from Chaika-1 cemetery (kurgan 1) in Ufa (Turbaslinskaya culture, VI-VII cc. AD). The kurgan contained remains of two individuals: a 25-35 years old male and a 30-40 years old female. The skull from tomb 1 is characterized as Caucasian with some Asian admixture. Results of Principal component analysis demonstrate its isolated position against the comparative data on male skulls of Turbaslinskaya culture. Pathological changes observed on the tibial and fibular shafts of this individual are qualified as a manifestation of possible traumatic ossifying periostitis.

Key words: bioarchaeology, paleopathology, Chaika-1 cemetery, early Middle Ages, Southern Urals

Citation. Kufterin V., 2020. New data on the bioarchaeology of Turbaslinskaya culture population. The Ufa Archaeological Herald, is. 20, pp. 109-119. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2020.20.008

Published in accordance with the research plan of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS

УДК 572
ББК 28.71

Дата поступления статьи: 19.03.2020
Дата принятия статьи: 13.11.2020

НОВЫЙ МАТЕРИАЛ К АНТРОПОЛОГИИ НАСЕЛЕНИЯ ТУРБАСЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Владимир Владимирович Куфтерин
канд. биол. наук / старший научный сотрудник
Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
Москва, Российская Федерация / E-mail: vladimirkufterin@mail.ru

Аннотация. Представлены результаты комплексного антропологического анализа скелетных останков из раскопок кургана 1 могильника Чайка-1 на территории г. Уфы (турбаслинская культура, VI-VII вв.). В кургане содержались останки двух индивидов: мужчины 25-35 лет и женщины 30-40 лет. Череп из погребения 1 характеризуется как европеоидный с некоторыми монголоидными особенностями. Результаты компонентного анализа демонстрируют его обособленное положение на фоне данных по мужским черепам турбаслинской культуры. Зафиксированные на костях голени этого индивида патологические изменения предварительно квалифицированы как проявление травматического оссифицирующего периостита.

Ключевые слова: палеоантропология, палеопатология, могильник Чайка-1, раннее Средневековье, Южное Приуралье

Цитирование. Куфтерин В.В., 2020. Новый материал к антропологии населения турбаслинской культуры // Уфимский археологический вестник. Вып. 20. С. 109–119. DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2020.20.008

Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

ВВЕДЕНИЕ

Курганный могильник Чайка-1, выявленный археологическим отрядом Национального музея Республики Башкортостан, расположен в лесопарковой зоне по улице Р. Зорге г. Уфы, на высокой террасе правого берега р. Белая. Нахождение памятника в пределах земельного отвода под строительство обусловило необходимость проведения спасательных археологических работ. Осенью 2014 г. отрядом под руководством С.Л. Воробьёвой были исследованы две курганные насыпи (№№ 1 и 8) из 17, составлявших могильник. В результате раскопок кургана 1 был получен антропологический материал, рассматриваемый в настоящей статье. В широком интервале памятник датируется VI-VII вв. и атрибутируется как принадлежавший носителям турбаслинской археологической культуры. Отметим попутно, что материал из кургана 7 этого могильника (раскопки Ф.А. Сунгатова за 2015 г.), в котором обнаружено захоронение мужчины зрелого возраста с искусственно деформированной черепной коробкой [Куфтерин, 2018],

определенно датируется VII в. (устное сообщение Ф.А. Сунгатова)[1].

Первые материалы по антропологии населения турбаслинской культуры были опубликованы М.С. Акимовой [1968]. Они происходят из раскопок эпонимного Ново-Турбаслинского (5 черепов), Кушнаренковского (13 черепов) могильников и Дежневских курганов («могильник в Орджоникидзевском парке г. Уфы» – 4 черепа). М.С. Акимова отмечала отличие кушнаренковских и турбаслинских черепов от одновременных им бахмутинских и более ранних пьяноборских, а также сходство между собой [Акимова, 1968. С. 69, 72]. Черепа из Орджоникидзевского парка, по ее данным, «…позволяют предполагать смешанный характер населения, оставившего этот памятник» [Акимова, 1968. С. 75]. Относительно происхождения «турбаслинцев» М.С. Акимова придерживалась точки зрения Н.А. Мажитова [1963] о южных истоках носителей этого комплекса. Сходство с Западной Сибирью в материальной культуре, которое, по мнению В.Ф. Генинга [1961], указывает на восточный вектор генезиса «турбаслинцев» и «кушнаренковцев», исследователь объясняла культурным влиянием, не связанным с продвижением населения [Акимова, 1968. С. 71].

Несмотря на немногочисленность (а зачастую и неудовлетворительную сохранность) краниологического материала, археологи активно используют его для реконструкции происхождения носителей турбаслинского комплекса, приходя, при этом, к различным выводам. Так, Ф.А. Сунгатов, опираясь на тезис М.С. Акимовой о сходстве кушнаренковских черепов с более поздней серией из Салтовского могильника, усматривает истоки турбаслинской культуры на территории Волго-Донского междуречья [Сунгатов, 1995]. В то же время, по мнению И.Э. Любчанского «антропологические данные косвенно, но подтверждают… тезис о юго-восточном и восточном происхождении населения – носителей традиций, сформировавших своеобразный погребальный керамический комплекс турбаслинских памятников» [Любчанский, 2006. С. 230].

Учитывая дискуссионный характер вопросов, касающихся генезиса турбаслинского населения, немногочисленность антропологических данных (черепа изучались лишь по традиционной краниологической программе, посткраниальные скелеты не исследовались вообще), публикация нового, даже единичного материала представляется актуальной задачей.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В результате раскопок кургана 1 был получен палеоантропологический материал из двух погребений. Сохранность и комплектность скелетов может быть определена как удовлетворительная или средняя. Исследовательские процедуры включали в себя установление поло-возрастной принадлежности с использованием традиционного спектра макроскопических методов [Пашкова, 1963; Звягин, 2000; Phenice, 1969; Brooks, Suchey, 1990; Lovejoy, 1985; Lovejoy et al., 1985; Meindl, Lovejoy, 1985; Bass, 1987; White, Folkens, 2005], измерение черепов и посткраниальных скелетов [Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966], оценку развития компонента мезоморфии [Федосова, 1986; Медникова, 1998], фиксацию дискретно-варьирующих признаков [Мовсесян и др., 1975; Мовсесян, 2005; Berry, Berry, 1967; Finnegan, 1978], регистрацию патологических и стрессовых маркеров [Бужилова, 1995; 1998]. Общей методической основой исследования избран индивидуальный подход. При сопоставлении черепа из погребения 1 с краниологическими материалами турбаслинской культуры применялся факторный анализ по методу главных компонент (PCA). Расчеты выполнены с использованием программного пакета Statistica 6.0 [Халафян, 2008].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Данные по морфологии черепов и скелетов из кургана 1 могильника Чайка-1 представлены в табл. 1, 3 и 4.

Погребение 1. Череп удовлетворительной сохранности (разрушено основание) (рис. 1) и посткраниум довольно хорошей сохранности. Скелетные останки принадлежали мужчине 25-35 лет (*adultus*).

Среди индивидуальных особенностей на черепе отмечается наличие парных теменных отверстий, множественных вормиевых косточек в лямбдовидном шве и вставочных костей в области теменных вырезок. Левый подъязычный канал разделен перемычкой, правая челюстно-подъязычная борозда закрыта «мостом» (*arcus mylohyoideus*). Практически на всех сохранившихся зубах присутствуют слабые отложения зубного камня. На правых I_1 – C_1 и левом C_1 фиксируется линейная гипоплазия эмали.

Черепная коробка характеризуется большими величинами продольного и поперечного диаметров при малой высоте от порионов. По указателям она суббрахикранная (верхняя граница мезокранных вариантов) и хамекранная (низкая), сверху имеет овоидные очертания. Искусственная деформация отсутствует. Затылочные дуга и хорда большие, рельеф выйной области хорошо выражен, наружный затылочный бугор сильно выступающий. Размеры теменных дуги и хорды средние (ближе к большим величинам). Сосцевидный отросток среднеразвитый. Лоб при абсолютной средней или несколько выше средней ширине, относительно узкий или среднеширокий (микрозем – мезозем). Лобные дуга и хорда средние. Область глабеллы среднеразвитая, надбровные дуги также развиты средне.

Лицевой скелет очень широкий, при средней верхней высоте лица (верхнелицевой указатель малый – эуриен). Горизонтальная профилировка на обоих уровнях средняя. Клыковая ямка средней глубины. Нос средневысокий, слабо выступающий, грушевидное отверстие очень широкое абсо-

[1] См. статью Ф.А. Сунгатова и В.В. Куфтерина в этом же номере.

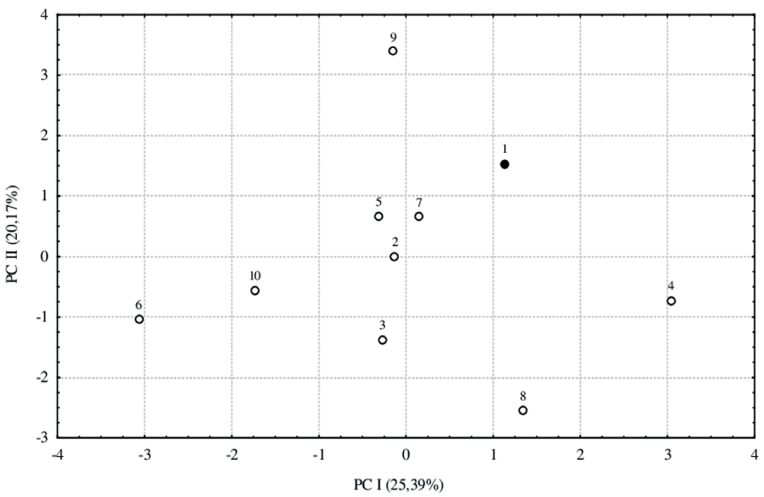
Рис. 1. Череп из кургана 1 (погребение 1) могильника Чайка-1. Фас, профиль. Фото В.В. Куфтерина

Fig. 1. Cranium from kurgan 1 (tomb 1) of Chaika-1 cemetery. Front, profile. Photo by V. Kufterin

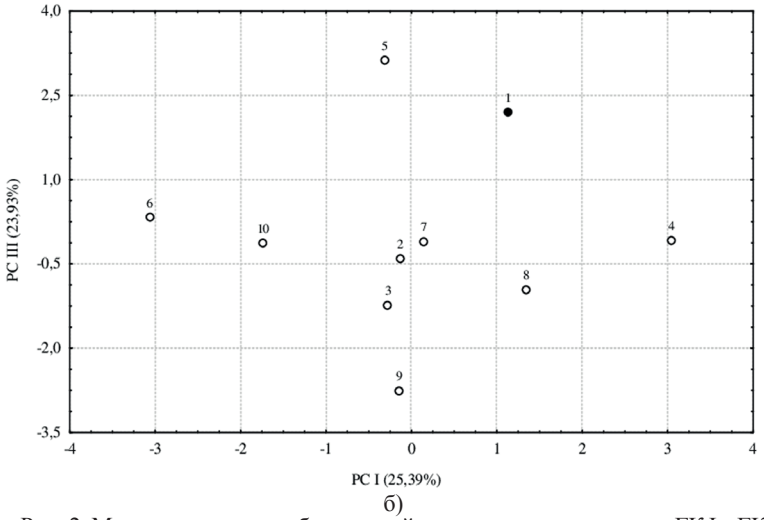
лютно и широкое относительно (хамериния). Его боковые края продолжаются вниз и сходятся ниже нижнего края (*fossae praenasales*). Симотическая и дакриальная высоты малые, широтные параметры, напротив большие или очень большие. Область переносья, соответственно, характеризуется как низкая или очень низкая. Орбиты среднеширокие и довольно низкие абсолютно, при средней относительной высоте (мезоконхия). Нижняя челюсть средней или малой длины и большой ширины. Угол ветви средний, ее высота малая, а наименьшая ширина средняя. Симфиз высокий, тело на уровне подбородочного отверстия также высокое при малой толщине.

Типологически описанный комплекс может быть охарактеризован как европеоидный, однако, большая ширина лицевого скелета, слабое выступание носовых костей и низкое переносье при умеренной горизонтальной профилировке, возможно, указывают на наличие некоторых монголоидных черт.

Краниум из погребения 1 был сопоставлен с мужскими черепами турбаслинской культуры по методу главных компонент (перечень сравнительного материала представлен в примечании к рис. 2). Сравнение проводилось по 14 признакам: 1, 8, 9, 45, 48, 51, 52, 54, 55, SS, SC, 77, <Zm', 75(1). Алгоритм анализа включал обработку пропущенных данных путем подстановки средних значений и вращение факторов по методу нормализованного варимакса с целью получения интерпретируемого решения. Последний предполагает максимизацию дисперсий квадратов исходных нагрузок по переменным для каждого фактора [Халафян, 2008]. Главные компоненты (ГК) I-III в совокупности описывают 69,5% общей изменчивости (табл. 2). По ГК I наибольшие нагрузки приходятся на поперечный диаметр, высоту лица и носа, зигомаксиллярный угол. ГК II связана с изменчивостью ширины лба и переносья. ГК III имеет высокую положительную корреляцию со скуловым диаметром и отрицательную с симотической высотой и углом выступания носа. На рис. 2 представлено положение сравниваемых черепов в пространстве ГК I-II (а) и ГК I-III (б). Исследуемый краниум по значениям ГК I сближается с черепом из погребения 27 Кушнаренковского могильника, находясь, при этом, на полюсе противоположных значений по ГК II и III. По значениям ГК III наибольшие параллели обнаруживает череп из Дежневского могильника (курган 18, погребение 1), также характеризующийся очень широким лицом в сочетании со слабо выступающим носом и низким переносьем. Этот череп М.С. Акимова типологически определяла как имеющий «бесспорно монголоидный облик» [Акимова, 1968. С. 74]. В целом, можно констатировать дисперсное расположение турбаслинских черепов в графическом пространстве главных компонент. Относительно устойчивый кластер образуют лишь три черепа (Ново-Турбаслинский могильник – курган 12, погребение 4 и курган 25, погребение 1, Кушнаренковский могильник – погребение 23). Череп из могильника Чайка-1, занимая обособленное графическое положение, может быть в известной степени сближен с суммарными характеристиками бахмутинских черепов из Бирского могильника. В бирской серии на многих черепах также наблюдается слабое вы-



а)



б)

Рис. 2. Мужские черепа турбаслинской культуры в пространстве ГК I – ГК II (а) и ГК I – ГК III (б): *1* – Чайка-1, к. 1, п. 1; *2* – Ново-Турбаслинский м-к, к. 12, п. 4; *3* – Ново-Турбаслинский м-к, к. 25, п. 1; *4* – Дежневский м-к («м-к в Орджоникидзевском парке г. Уфы»), к. 16, п. 5; *5* – Дежневский м-к («м-к в Орджоникидзевском парке г. Уфы»), к. 18, п. 1; *6* – Кушнаренковский м-к, п. 17; *7* – Кушнаренковский м-к, п. 23; *8* – Кушнаренковский м-к, п. 27; *9* – Кушнаренковский м-к, п. 28; 10 – Кушнаренковский м-к, п. ?. *1* – данные автора; *2-10* – данные М.С. Акимовой [1968]

Fig. 2. Distribution of Turbaslinskaya culture male skulls in the space of Principal components (PC) I – II (a) and I – III (б): *1* – Chaika-1 (kurgan 1, tomb 1); *2* – Novo-Turbasly (kurgan 12, tomb 4); *3* – Novo-Turbasly (kurgan 25, tomb 1); *4* – Dezhnevo/"cemetery in the Ordzhonikidze park of Ufa" (kurgan 16, tomb 5); *5* – Dezhnevo/"cemetery in the Ordzhonikidze park of Ufa" (kurgan 18, tomb 1); *6* – Kushnarenkovo (tomb 17); *7* – Kushnarenkovo (tomb 23); *8* – Kushnarenkovo (tomb 27); *9* – Kushnarenkovo (tomb 28); *10* – Kushnarenkovo (tomb ?). *1* – this article; *2-10* – from: [Akimova, 1968]

ступание носовых костей при крупных размерах и средней профилированности лицевого скелета [Акимова, 1968]. Изложенное позволяет подтвердить вывод о сложном антропологическом составе населения Приуралья эпохи раннего средневековья и определенной гетерогенности «турбаслинцев». Смешанный характер населения, оставившего другой памятник на территории г. Уфы – Дежневские курганы, как уже отмечалось, в свое время предполагался М.С. Акимовой [1968. С. 75].

Переходя к морфологическим особенностям посткраниального скелета из погребения 1, отметим, что продольные параметры длинных костей, по рубрикациям Д.В. Пежемского [2011], относятся к категории больших. Их массивность, при этом, средняя. Диафизы плечевых костей характеризуются резкой эврибрахией. Диафиз правой локтевой в верхней части расширен (эуроления). Пилястр бедренных костей среднеразвитый, указатель сечения проксимальной части их диафизов относится к категории эуримеричных вариантов. Диафиз большеберцовых костей среднеуплощенный (мезокнемия). Плече-бедренный указатель (72,8) средний по величине, большеберцово-бедренный (78,6) свидетельствует о некоторой укороченности голени относительно бедра. Ширина плеч, реконструированная по длине левой ключицы [Ражев, 2003] составила величину 325,04 мм. Длина тела (рост), определенная по формуле С. Дюпертюи и Д. Хэддена с использованием длины правой бедренной кости, составила 178,9 см. Тот же параметр, рассчитанный по способу М. Троттер и Г. Глезер, равняется величине 178,3 см. Таким образом, индивид из погребения 1 характеризовался большой длиной тела. Отношение реконструированной ширины плеч к длине тела (18,2) свидетельствует о выраженном долихоморфном типе пропорций исследуемого [Башкиров, 1937]. Из индивидуальных морфологических особенностей необходимо отметить своеобразную форму проксимальной части диафиза правой лучевой кости – ее бугристость расположена не на передне-медиальной (анатомическая норма), а на передне-латеральной стороне. Правая локтевая кость, при этом, не изменена. Из неметрических особенностей фиксируются экзостозы в вертельной ямке левого и ямка в области ягодичной бугристости (*fossa hypotrochanterica*) правого бедра. Отверстия поперечных отростков III-VI шейных позвонков разделены перемычкой.

Оценка мускульного рельефа позволила отметить, что при общем среднем развитии его элементов, наблюдается некоторая гипертрофия в области крепления дельтовидной и плечелучевой мышц на правой плечевой (отведение, сгибание и разгибание плеча, сгибание предплечья) и квадратного пронатора левой локтевой (поворачивает кнутри предплечье и кисть) костей. Также наблюдается гипертрофия костной ткани в области стернальных концов ключиц. Слабо развит межкостный край лучевых и передний – больших берцовых костей. Какой-либо специфический тип физической активности характер распределения остеоскопических признаков реконструировать не позволяет.

Из патологических изменений наблюдаются слабо выраженные центральные узлы Шморля (хрящевые грыжи) на фрагментах двух среднегрудных позвонков. Наибольший интерес вызывают

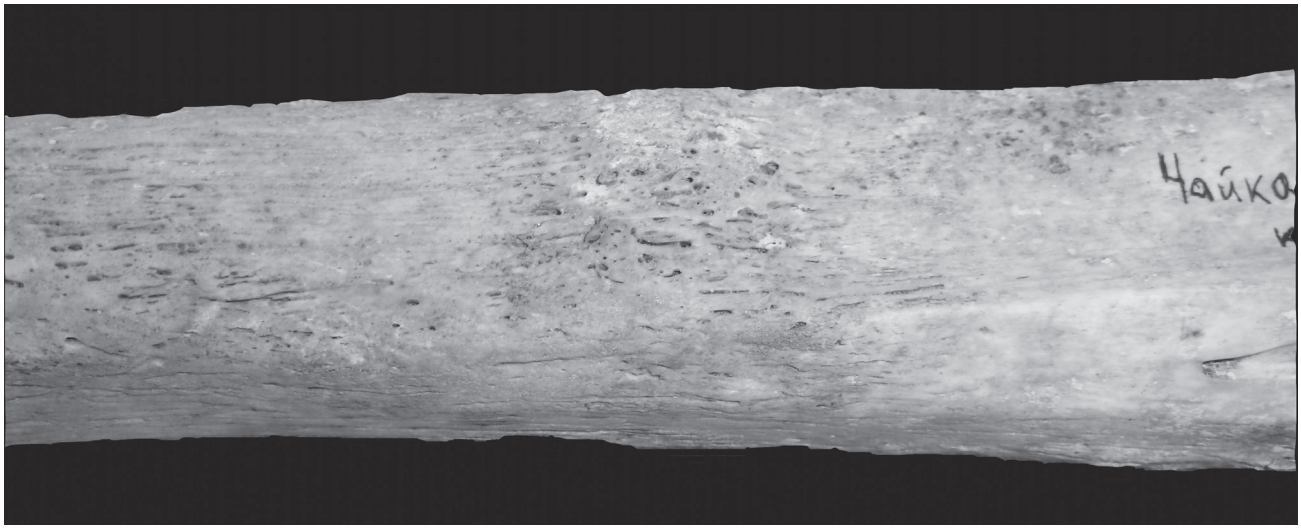


Рис. 3. Периостальные наслоения на диафизе левой большой берцовой кости индивида из кургана 1 (погребение 1) могильника Чайка-1. Фото В.В. Куфтерина

Fig. 3. Periosteal new bone formation on the left tibial shaft of an individual from kurgan 1 (tomb 1) of Chaika-1 cemetery. Photo by V. Kufterin

следы воспалительных процессов, отмечающиеся на диафизах больших и малых берцовых костей обеих сторон (рис. 3 и 4). Они представляют собой надкостничную реакцию в виде слоистых, бахромчатых и гребневидных (дистальный эпифиз левой большеберцовой и левая малоберцовая кости) периоститов. Дистальная часть диафиза левой малой берцовой кости, в результате окостенения периостальных наслоений, расширена. Общая выраженность признаков может быть оценена баллами 2 и 3. Из других изменений на скелете фиксируется мощная деструкция левых пяточной и таранной костей (правые – в норме), однако очень плохая сохранность не позволяет детально описать эти патологические проявления. В качестве предварительного диагноза мы предполагаем травматический оссифицирующий периостит костей голени. Поскольку данный случай заслуживает отдельного рассмотрения, здесь мы остановимся лишь на нескольких дифференцирующих пунктах [Рейнберг, 1955].

1. Гуммозный периостит при сифилисе исключается на основании отсутствия самого деструктивного очага – сифилитической гуммы, вокруг которой располагаются периостальные наслоения. Диффузный сифилитический периостит дифференцировать сложнее, но в нашем случае против специфической инфекции может свидетельствовать отсутствие патологических изменений на других костях скелета.

2. Периостальная остеогенная саркома исходит чаще из эпифизарного отдела, обычно сочетание пролиферативных и деструктивных (не наблюдаемых в данном случае) изменений. Кроме того, саркоматозный очаг резко отграничен от соседних участков кости, периостит же, наоборот, постепенно переходит на неизмененную кость [Рейнберг, 1955. С. 80].

3. При варикозных язвах голени периостит, как правило, выражен слабо, периостальная реакция ограничивается местом расположения самих язв

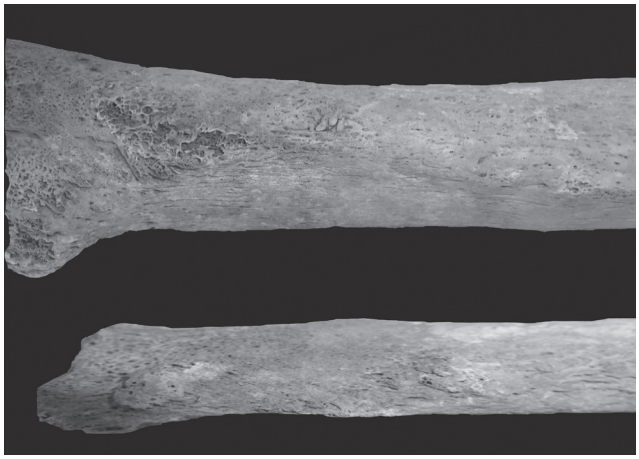


Рис. 4. Бахромчатые периоститы в дистальной части диафизов левых большой и малой берцовых костей индивида из кургана 1 (погребение 1) могильника Чайка-1. Фото В.В. Куфтерина

Fig. 4. Periostitis on the distal left tibia and fibula of an individual from kurgan 1 (tomb 1) of Chaika-1 cemetery. Photo by V. Kufterin

[Рейнберг, 1955. С. 208]. Кроме того, изменения берцовых костей при варикозах чаще наблюдаются в пожилом возрасте [Рубашева, 1961. С. 378].

В заключение можно отметить, что по палеопатологическим данным, воспалительные процессы с наибольшей частотой регистрируются именно на костях голени [Brothwell, 1981].

Погребение 2. Черепная коробка средней сохранности (отсутствует основание и правая височная кость), лицевой скелет, за исключением фрагментов нижней и правой половины верхней челюстей, не сохранился. Сохранность посткраниума удовлетворительная. Женщина 30-40 лет (*adultus – maturus*).

Индивидуальные особенности черепа: вставочная кость заднего родничка, множественные вормиевы косточки в лямбдовидном шве (как и у индивида из погребения 1), парные надглазничные отверстия. Сохранилось 6 зубов (левые C_1, M_1 и правые C_1 – M_1). Правый M_1 поражен кариесом

(окклюзионно-буккальная поверхность, балл 2 – разрушено менее половины коронки). В области правого M^1 – проявление верхушечного абсцесса в виде каверны диаметром около 6 мм (балл 2).

Череп, по-видимому, без искусственной деформации. Продольный диаметр очень большой, лоб малой или средней ширины. Затылочные и теменные дуга и хорда большие, лобные – малые. Выраженность надпереносья и надбровных дуг оценивается баллами ниже средних. Сосцевидный отросток развит слабо. Затылочный бугор выступает средне. Из признаков лицевого скелета можно охарактеризовать степень горизонтальной профилировки на уровне назиона. Большая величина назомалярного угла указывает, что верхний отдел лица был значительно уплощен. Очень большой симотический указатель свидетельствует о достаточно высоком переносье. По этому признаку череп из погребения 2 заметно отличается от черепа из погребения 1. Верхняя ширина лица средняя или большая. Нижняя челюсть характеризуется средней передней шириной, слабонаклонной, невысокой и довольно широкой ветвью. Симфиз очень высокий, тело на уровне подбородочного отверстия средней высоты и толщины. К сожалению, плохая сохранность лицевого отдела не позволяет привести типологическую характеристику черепа, однако, следует обратить внимание на своеобразное сочетание значительной уплощенности и большой ширины лица на верхнем уровне с высоким переносьем.

Продольные параметры левой плечевой кости характеризуются как средние или несколько ниже средних, правой локтевой и левых берцовых также как средние. Массивность этих элементов находится в пределах групповых средних (несколько повышен указатель локтевой кости). Форма сечения диафизов плечевых костей платибрахиальная (правая уплощена сильнее), правая лучевая уплощена сильно, левая – средне. Проксимальная часть диафизов локтевых костей расширена (эуроления). Пилястр на бедренных костях практически отсутствует, их диафиз в верхней части сильно уплощен (особенно справа – гиперплатимерия). Большие берцовые кости расширены (нижняя граница эурикнемичных вариантов). Реконструированная по длине правой ключицы ширина плеч [Ражев, 2003] составила 327 мм. Прижизненный рост, рассчитанный по общей длине левой большеберцовой кости, равнялся 156,2 см (по С. Дюпертюи – Д. Хэддену) или 157,2 см (по М. Троттер – Г. Глезер). Полученные величины, по рубрикации Р. Мартина, относятся к категории средних или выше средних [Рогинский, Левин, 1978]. Соотношение ширины плеч и длины тела (20,8), характеризует тип пропорций индивида из погребения 2 как долихоморфный. Индивидуальные особенности костей посткраниального скелета: третий вертел (справа), *fossa hypotrochanterica* и экзостозы в вертельной ямке (слева) на бедренных костях, дополнительная латеральная суставная площадка на нижней суставной поверхности левой большеберцовой кости, медиальная фасетка на передней стороне блока левой таранной кости.

Следует обратить внимание, что у индивидов из погребений 1 и 2 наблюдается наличие минимум двух одинаковых генетически обусловленных вариаций: экзостозов в вертельной ямке левых бедренных костей и множественных шовных косточек в лямбдовидном шве.

Рельеф в местах прикрепления скелетной мускулатуры в целом развит средне или ниже среднего. По отдельным признакам, однако, наблюдается гипертрофия. В частности, фиксируется энтесопатия (промежуточное между нормой и патологией состояние) в виде выраженного гребня, переходящего в небольшие остеофиты в области прикрепления дельтовидной мышцы на правой плечевой кости. На левой плечевой резко выражена межбугорковая борозда, в которой проходит сухожилие длинной головки двуглавой мышцы плеча. Степень выраженности данного признака характеризует развитие мускулатуры плечевого пояса. На правой локтевой кости хорошо выражен дистальный гребень – место крепления квадратного пронатора. Также повышен рельеф в области ягодичной бугристости правого бедра (одно из мест начала латеральной широкой и место крепления большой ягодичной мышц). Слабое развитие элементов макрорельефа отмечается в области прикрепления супинатора на локтевых костях. Также слабо развита шероховатая линия бедренных и передний край большеберцовых костей.

Из немногочисленных патологических проявлений на костях посткраниума регистрируется уплощение тела и горизонтальный остеофитоз (балл 2) на верхнем апофизе I поясничного позвонка и слабо выраженные дегенеративные изменения на IV-V поясничных позвонках.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Скелетные останки из кургана 1 могильника Чайка-1 принадлежали мужчине 25-35 лет (погребение 1) и женщине 30-40 лет (погребение 2).

2. Типологически череп из погребения 1 может быть охарактеризован как европеоидный с некоторыми монголоидными особенностями. Результаты компонентного анализа демонстрируют его достаточно обособленное положение среди мужских черепов турбаслинской культуры. Особенности остеологической конституции свидетельствуют о большой или выше средней длине тела индивидов из погребений 1 и 2, а также долихоморфном типе пропорций.

3. Зафиксированные на берцовых костях субъекта из погребения 1 патологические изменения предварительно квалифицированы как травматический оссифицирующий периостит. Однако корректная постановка палеопатологического диагноза будет возможна после дальнейших исследований.

Таблица 1
Краниологическая характеристика черепов из кургана 1 могильника Чайка-1

Table 1
Craniometric characteristics for Chaika-1 cemetery (kurgan 1)

Признак	Погребение 1	Погребение 2
1. Продольный диаметр	187	187?
1b. Продольный диаметр от on	183	-
8. Поперечный диаметр	148	-
9. Наименьшая ширина лба	97	90
10. Наибольшая ширина лба	123?	-
11. Ширина основания черепа	132?	-
20. Ушная высота	107	-
26. Лобная дуга	125	115
27. Теменная дуга	130?	133?
28. Затылочная дуга	124?	116?
29. Лобная хорда	112	103
30. Теменная хорда	115?	120?
31. Затылочная хорда	101?	98?
43. Верхняя ширина лица	104	102
45. Скуловой диаметр	145?	-
46. Средняя ширина лица	105	-
48. Верхняя высота лица	70	-
51. Ширина орбиты от mf	42	-
51a. Ширина орбиты от d	39	-
52. Высота орбиты	33	-
54. Ширина носа	30	-
55. Высота носа	54	-
SS. Симотическая высота	3,0	4,0
SC. Симотическая ширина	10,1	6,8
MS. Максиллофронтальная высота	5,4	7,4?
MC. Максиллофронтальная ширина	23,0	21,2?
DS. Дакриальная высота	9,9	-
DC. Дакриальная ширина	28,0	-
FC. Глубина клыковой ямки	4,6	-
77. Назомалярный угол	141,0	148,7?
<Zm'. Зигомаксиллярный угол	132,5?	-
75(1). Угол выступания носа	20	-
C. Угол выступания подбородка	70	-
65. Мыщелковая ширина нижней челюсти	128	-
67. Передняя ширина нижней челюсти	47	45
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	103	-
69. Высота симфиза	37	35
69(1). Высота тела	33	29
69(3). Толщина тела	11	11
70. Высота ветви	55	53
71a. Наименьшая ширина ветви	33	33
79. Угол ветви нижней челюсти	120	116
NV. Форма черепной коробки сверху	овоид	-
Gl. Надпереносье	3,5	2
AS. Надбровные дуги	2	1,5
PO. Наружный затылочный бугор	4	3
PM. Сосцевидный отросток	2	1
AP. Нижний край грушевидного отверстия	f. pr.	-
8:1. Черепной указатель	79,1	-
20:1. Высотно-продольный указатель	57,2	-
20:8. Высотно-поперечный указатель	72,3	-
9:8. Лобно-поперечный указатель	65,5	-
9:43. Фронто-малярный указатель	93,3	88,2
9:45. Лобно-скуловой указатель	66,9?	-
11:8. Аурикулярно-поперечный указатель	89,2?	-
48:45. Верхнелицевой указатель	48,3?	-

52:51. Орбитный указатель (mf)	78,6	-
52:51a. Орбитный указатель (d)	84,6	-
54:55. Носовой указатель	55,6	-
SS:SC. Симотический указатель	29,7	58,8
DS:DC. Дакриальный указатель	35,4	-

Таблица 2

Элементы главных компонент для мужских черепов турбаслинской культуры. Перечень материала представлен в примечании к рис. 2

Table 2

Principal components for male skulls of Turbaslinskaya culture. Compared skulls are listed in the note to Fig. 2

Признак	ГК I	ГК II	ГК III
1. Продольный диаметр	-0,303	0,333	0,185
8. Поперечный диаметр	**0,785***	0,029	0,346
9. Наименьшая ширина лба	0,052	**0,923**	-0,024
45. Скуловой диаметр	0,295	0,571	**0,705**
48. Верхняя высота лица	**0,742**	0,027	-0,050
51. Ширина орбиты от mf	-0,350	0,179	0,585
52. Высота орбиты	0,464	-0,110	0,640
54. Ширина носа	0,206	0,429	0,349
55. Высота носа	**0,870**	0,303	-0,142
SS. Симотическая высота	-0,064	0,489	**-0,812**
SC. Симотическая ширина	-0,005	**0,882**	-0,153
77. Назомалярный угол	0,646	-0,438	0,428
<Zm'. Зигомаксиллярный угол	**0,790**	0,000	0,380
75(1). Угол выступания носа	-0,139	-0,041	**-0,888**
Собственное число	3,555	2,824	3,351
% описываемой вариации	25,39	20,17	23,93

* наибольшие нагрузки выделены полужирным шрифтом

* highest loads are marked in bold

Таблица 3

Морфометрическая характеристика посткраниальных скелетов из кургана 1 могильника Чайка-1

Table 3

Osteometric characteristics of postcranial skeletons from Chaika-1 cemetery (kurgan 1)

Признак	Погребение 1		Погребение 2	
	правая	левая	правая	левая
Плечевая кость				
1. Наибольшая длина	354	350	-	294
2. Вся длина	349	346	-	288
3. Верхняя эпифизарная ширина	54	54	-	48
4. Нижняя эпифизарная ширина	70	67	59	-
5. Наибольший диаметр середины диафиза	24	23	22	21
6. Наименьший диаметр середины диафиза	21	21	16	16
7. Наименьшая окружность диафиза	67	66	55	55
7a. Окружность середины диафиза	73	72	62	61
7:1. Указатель массивности	18,9	18,9	-	18,7
6:5. Указатель сечения	87,5	91,3	72,7	76,2
Лучевая кость				
1. Наибольшая длина	-	-	-	-
2. Физиологическая длина	247	-	-	-
3. Наименьшая окружность диафиза	44	44	38	-
4. Поперечный диаметр диафиза	16	16	16	15
5. Сагиттальный диаметр диафиза	12	13	10	11
3:2. Указатель массивности	17,8	-	-	-
5:4. Указатель сечения	75,0	81,3	62,5	73,3
Локтевая кость				
1. Наибольшая длина	-	-	240	-
2. Физиологическая длина	-	-	210	-
3. Наименьшая окружность	39	40	35	-
11. Передне-задний диаметр	14	11	13	11,5

12. Поперечный диаметр	18	16	16	16,5
13. Верхний поперечный диаметр	23	22	20	19
14. Верхний дорзо-волярный диаметр	27	-	24	23
3:2. Указатель массивности	-	18,4	16,7	
11:12. Указатель сечения	77,8	68,8?	81,3	69,7
13:14. Указатель платолении	85,2	-	83,3	82,6
Ключица				
1. Наибольшая длина	-	136	134	-
6. Окружность середины диафиза	45	45	36	-
6:1. Указатель массивности	-	33,1	26,9	-
Бедренная кость				
1. Наибольшая длина	491?	-	-	-
2. Длина в естественном положении	486?	-	-	-
6. Сагиттальный диаметр середины диафиза	30	31	24	24
7. Поперечный диаметр середины диафиза	26	27	25	24
8. Окружность середины диафиза	91	94	79	77
9. Верхний поперечный диаметр диафиза	29	30	30?	28
10. Верхний сагиттальный диаметр диафиза	28	29	22?	23
21. Мыщелковая ширина	83	-	78	79
8:2. Указатель массивности	18,7	-	-	-
6:7. Указатель пилястрии	115,4	114,8	96,0	100,0
10:9. Указатель платимерии	96,6	96,7	73,3?	82,1
Большеберцовая кость				
1. Полная длина	382	-	-	330
1a. Наибольшая длина	386	-	-	333
5. Наибольшая ширина верхнего эпифиза	77	-	-	71?
6. Наибольшая ширина нижнего эпифиза	54	-	-	51
8. Сагиттальный диаметр середины диафиза	31?	32	24	24
8a. Сагиттальный диаметр на уровне for. nutr.	36	36	30	29
9. Поперечный диаметр середины диафиза	23?	23	20	20
9a. Поперечный диаметр на уровне for. nutr.	24	25	21	21
10. Окружность середины диафиза	87?	87	73	72
10b. Наименьшая окружность диафиза	78?	81?	66	65
9a:8a. Указатель сечения	66,7	69,4	70,0	72,4
10b:1. Указатель массивности	20,4?	-	-	19,7
Малоберцовая кость				
1. Наибольшая длина	-	-	-	322

Таблица 4

Остеоскопическая характеристика длинных костей скелетов из кургана 1 могильника Чайка-1 (баллы 1-3)

Table 4

Osteoscopic characteristics of long bones relief (scores 1-3) for Chaika-1 cemetery (kurgan 1)

Признак	Погребение 1		Погребение 2	
	правая	левая	правая	левая
Плечевая кость				
1. Малый бугорок	2	2	-	2
2. Межбугорковая борозда	2	2	-	2,5
3. Дельтовидная бугристость	2,5	2	2,5*	2
4. Латеральный край	2,5	2	2	-
Лучевая кость				
1. Бугристость	1,5	1,5	2	1,5
2. Межкостный край	1	1	2	1,5
3. Бороздки и бугорки дистальной части	-	2	-	-
Локтевая кость				
1. Задний край	1,5	1,5	1,5	-
2. Межкостный край	1,5	2	2	2
3. Бугристость	2	1,5	1,5	1,5
4. Гребень супинатора	2	1,5	1	1
5. Гребень квадратного пронатора	-	2,5	2,5	-
Бедренная кость				
1. Большой вертел	1,5	1,5	-	1,5
2. Малый вертел	2,5	2	1,5	1,5

3. Ягодичная бугристость	1,5	1,5	2,5	2
4. Шероховатая линия	1,5	1,5	1	1
Большеберцовая кость				
1. Бугристость	2	-	1,5	1,5
2. Передний край	1	1	1	1
3. Межкостный край	-	-	1,5	1,5
4. Линия камбаловидной мышцы	2	2	1,5	1,5
5. Бороздки и бугорки дистальной части	1,5	-	-	-

* имеется энтесопатия
* enthesopathy is present

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья. М.: Наука, 1968. 120 с.

Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 251 с.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.

Башкиров П.Н. Пропорции тела у различных конституциональных типов // Ученые записки МГУ. 1937. Вып. 10. С. 103-117.

Бужилова А.П. Древнее население (палеопатологические аспекты исследования). М.: ИА РАН, 1995. 189 с.

Бужилова А.П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М.: Старый сад, 1998. С. 87-146.

Генинг В.Ф. Проблемы изучения железного века Урала // Вопросы археологии Урала. 1961. Вып. 1. С. 23-47.

Звягин В.Н. Диагностические исследования в судебно-медицинской экспертизе идентификации личности // Медико-криминалистическая идентификация. М.: НОРМА-ИНФРА, 2000. С. 227-350.

Куфтерин В.В. Антропологический материал из кургана 7 могильника Чайка-1: результаты комплексной экспертизы // Этногенез. История. Культура: III Юсуповские чтения. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2018. С. 119-124.

Любчанский И.Э. Этнокультурная реконструкция происхождения носителей традиций турбаслинского керамического комплекса // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Сб. статей к 70-летию А.Х. Пшеничнюка / Отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев. Уфа: Гилем, 2006. С. 226-234.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура (население Северной Башкирии в середине I тыс. н.э. Автореф. дис. …канд. ист. наук. М., 1963. 16 с.

Медникова М.Б. Описательная программа балловой оценки степени развития рельефа длинных костей // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М.: Старый сад, 1998. С. 151-165.

Мовсесян А.А. Фенетический анализ в палеоантропологии. М.: Университетская книга, 2005. 272 с.

Мовсесян А.А., Мамонова Н.Н., Рычков Ю.Г. Программа и методика исследования аномалий черепа // Вопросы антропологии. Вып. 51. 1975. С. 127-150.

Пашкова В.И. Очерки судебно-медицинской остеологии. М.: Медгиз, 1963. 155 с.

Пежемский Д.В. Изменчивость продольных размеров трубчатых костей человека и возможности реконструкции телосложения. Автореф. дис. … канд. биол. наук. М., 2011. 24 с.

Ражев Д.И. Погрешность измерения длинных костей и реконструкция ширины плеч // Вестник антропологии. 2003. Вып. 10. С. 198-203.

Рейнберг С.А. Рентгенодиагностика заболеваний костей и суставов. М.: Медгиз, 1955. Ч. I. 640 с.

Рогинский Я.Я., Левин М.Г. Антропология. М.: Высшая школа, 1978. 528 с.

Рубашева А.Е. Частная рентгенодиагностика заболеваний костей и суставов. Киев: Государственное медицинское издательство УССР, 1961. 464 с.

Сунгатов Ф.А. Население среднего течения реки Белой в V-VIII вв. (турбаслинская культура). Автореф. дис. …канд. ист. наук. Уфа, 1995. 22 с.

Федосова В.Н. Общая оценка развития компонента мезоморфии по остеологическим данным (остеологическая методика) // Вопросы антропологии. 1986. Вып. 76. С. 105-116.

Халафян А.А. Statistica 6. Статистический анализ данных. М.: Бином-пресс, 2008. 512 с.

Bass W.M. Human osteology. A laboratory and field manual. Columbia, Missouri: Missouri Archaeological Society, 1987. 327 p.

Berry A.C., Berry R.J. Epigenetic variation in the human cranium // Journal of Anatomy. 1967. Vol. 101. No. 2. P. 361-379.

Brooks S., Suchey J.M. Skeletal age determination based on the os pubis: a comparison of the Acsadi – Nemeskeri and Suchey – Brooks methods // Human Evolution. 1990. No. 5. P. 227-238.

Brothwell D.R. Digging up bones. The excavation, treatment and study of human skeletal remains. Ithaca: Cornell University Press, 1981. 208 p.

Finnegan M.A. Non-metric variation of the infracranial skeleton // Journal of Anatomy. 1978. No. 125. P. 23-37.

Lovejoy C.O. Dental wear in the Libben population: its functional pattern and role in the determination of adult skeletal age at death // American Journal of Physical Anthropology. 1985. No. 68. P. 47-56.

Lovejoy C.O., Meindl R.S., Pryzbeck T.R., Mensforth R.P. Chronological metamorphosis of the

auricular surface of the ilium: a new method for the determination of adult skeletal age at death // American Journal of Physical Anthropology. 1985. No. 68. P. 15-28.

Meindl R.S., Lovejoy C.O. Ectocranial suture closure: a revised method for the determination of skeletal age at death based on the lateral-anterior sutures // American Journal of Physical Anthropology. 1985. No. 68. P. 57-66.

Phenice T.W. A newly developed visual method of sexing the os pubis // American Journal of Physical Anthropology. 1969. No. 30. P. 297-301.

White T.D., Folkens P.A. The human bone manual. San Diego: Academic Press, 2005. 464 p.

REFERENCES

Akimova M.S. Antropologiia drevnego naseleniia Priural'ia [Anthropology of ancient people in the Pre-Ural area]. M.: Nauka, 1968. 120 s.

Alekseev V.P. Osteometriia. Metodika antropologicheskikh issledovanii [Osteometry. Methods of anthropological research]. M.: Nauka, 1966. 251 s.

Alekseev V.P., Debets G.F. Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovanii [Craniometry. Methods of anthropological research]. M.: Nauka, 1964. 128 s.

Bashkirov P.N. Proportsii tela u razlichnykh konstitutsional'nykh tipov [Body proportions in various constitutional types] // Uchenye zapiski MGU. 1937. Vyp. 10. S. 103-117.

Buzhilova A.P. Drevnee naselenie (paleopatologicheskie aspekty issledovaniia) [Ancient population (paleopathological aspects of research)]. M.: IA RAN, 1995. 189 s.

Buzhilova A.P. Paleopatologiia v bioarkheologicheskikh rekonstruktsiiakh [Paleopathology in bioarchaeological reconstructions] // Istoricheskaia ekologiia cheloveka. Metodika biologicheskikh issledovanii. M.: Staryi sad, 1998. S. 87-146.

Gening V.F. Problemy izucheniia zheleznogo veka Urala [Problems of studying the Urals Iron Age] // Voprosy arkheologii Urala. 1961. Vyp. 1. S. 23-47.

Zviagin V.N. Diagnosticheskie issledovaniia v sudebno-meditsinskoi ekspertize identifikatsii lichnosti [Diagnostic tests in forensic identification] // Mediko-kriminalisticheskaia identifikatsiia. M.: NORMA-INFRA, 2000. S. 227-350.

Kufterin V.V. Antropologicheskii material iz kurgana 7 mogil'nika Chaika-1: rezul'taty kompleksnoi ekspertizy [Anthropological material from kurgan 7 of Chaika-1 cemetery: results of bioarchaeological study] // Etnogenez. Istoriia. Kul'tura: III Iusupovskie chteniia. Ufa: IIYaL UFITs RAN, 2018. S. 119-124.

Liubchanskii I.E. Etnokul'turnaia rekonstruktsiia proiskhozhdeniia nositelei traditsii turbaslinskogo keramicheskogo kompleksa [Ethnocultural reconstruction of the origin the Turbaslinskij pottery complex] // Iuzhnyi Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremia. Ufa: Gilem, 2006. S. 226-234.

Mazhitov N.A. Bakhmutinskaia kul'tura (naselenie Severnoi Bashkirii v seredine I tys. n.e.) [Bakhmutinskaya culture (population of the Northern Bashkiria in the middle of 1st mill. AD)]. Avtoref. dis. …kand. ist. nauk. M., 1963. 16 s.

Mednikova M.B. Opisatel'naia programma ballovoi otsenki stepeni razvitiia rel'efa dlinnykh kostei [Descriptive program for scoring degree of the long bones relief development] // Istoricheskaia ekologiia cheloveka. Metodika biologicheskikh issledovanii. M.: Staryi sad, 1998. S. 151-165.

Movsesian A.A. Feneticheskii analiz v paleoantropologii [Phenetic analysis in paleoanthropology]. M.: Universitetskaia kniga, 2005. 272 s.

Movsesian A.A., Mamonova N.N., Rychkov Yu.G. Programma i metodika issledovaniia anomalii cherepa [Program and methodology for the cranial anomalies studying] // Voprosy antropologii. Vyp. 51. 1975. S. 127-150.

Pashkova V.I. Ocherki sudebno-meditsinskoi osteologii [Essays on forensic osteology]. M.: Medgiz, 1963. 155 s.

Pezhemskii D.V. Izmenchivost' prodol'nykh razmerov trubchatykh kostei cheloveka i vozmozhnosti rekonstruktsii teloslozheniia [Variability of longitudinal parameters of human tubular bones and possibilities of constitutional reconstruction]. Avtoref. dis. …kand. biol. nauk. M., 2011. 24 s.

Razhev D.I. Pogreshnost' izmereniia dlinnykh kostei i rekonstruktsiia shiriny plech [Error in long bones measuring and reconstruction of shoulder width] // Vestnik antropologii. 2003. Vyp. 10. S. 198-203.

Reinberg S.A. Rentgenodiagnostika zabolevanii kostei i sustavov [X-ray diagnosis of bone and joint diseases]. M.: Medgiz, 1955. Ch. I. 640 s.

Roginskii Ya.Ya., Levin M.G. Antropologiia [Physical anthropology]. M.: Vysshaia shkola, 1978. 528 s.

Rubasheva A.E. Chastnaia rentgenodiagnostika zabolevanii kostei i sustavov [Particular X-ray diagnosis of bone and joint diseases]. Kiev: Gosudarstvennoe meditsinskoe izdatel'stvo USSR, 1961. 464 s.

Sungatov F.A. Naselenie srednego techeniia reki Beloi v V-VIII vv. (turbaslinskaia kul'tura) [Population of middle reaches of the Belaya river in the V-VIII cc. AD (Turbaslinskaya culture)]. Avtoref. dis. …kand. ist. nauk. Ufa, 1995. 22 s.

Fedosova V.N. Obshchaia otsenka razvitiia komponenta mezomorfii po osteologicheskim dannym (osteologicheskaia metodika) [A general assessment of the mesomorphic component development in osteological data (osteoscopic methodology)] // Voprosy antropologii. 1986. Vyp. 76. S. 105-116.

Khalafian A.A. Statistica 6. Statisticheskii analiz dannykh [Statistica 6. Statistical data analysis]. M.: OOO "Binom-press", 2008. 512 s.

A SETTLEMENT AND A BURIAL GROUND KALINOVKA-4 - A MULTILAYER ARCHAEOLOGICAL SITE IN THE FOREST-STEPPE CIS-URALS

D. Valkov, E. Ruslanov, D. Semin, A. Fakhretdinov

Abstract. The article introduces into scientific circulation the materials obtained during exploratory excavations on the territory of the archaeological site Kalinovka-4 discovered in 2018. The site is multi-layered, the earliest horizons contain materials from the Eneolithic and the Late Bronze Age, which, in turn, were over covered by late medieval burials of the Chialik culture.

Key words: forest-steppe Cis-Urals, Eneolithic, Srubnaya culture, Chialik culture, archaeological site, burial ground

Citation. Valkov D., Ruslanov E., Semin D., Fakhretdinov A., 2020. A settlement and a burial ground Kalinovka-4 - a multilayer archaeological site in the forest-steppe Cis-Urals. The Ufa Archaeological Herald, is. 20, pp. 120-133. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2020.20.009

УДК 902.01
ББК 63.4

Дата поступления статьи: 01.11.2020
Дата принятия статьи: 20.11.2020

СТОЯНКА И ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК КАЛИНОВКА-4 – МНОГОСЛОЙНЫЙ ПАМЯТНИК В ЛЕСОСТЕПНОМ ПРИУРАЛЬЕ

Денис Владимирович Вальков
начальник отдела археологических исследований
ООО Научно-производственный центр «Универсальные технологии и разработки»
г. Самара, Российская Федерация / E-mail: valkovd@mail.ru

Евгений Владимирович Русланов
канд. ист. наук / начальник отдела археологического наследия
Управление по государственной охране
объектов культурного наследия Республики Башкортостан
г. Уфа, Российская Федерация / E-mail: butleger@mail.ru

Дмитрий Валерьевич Сёмин
научный сотрудник
Научно-производственный центр «Универсальные технологии и разработки»
г. Самара, Российская Федерация / E-mail: viator.dmitrii@gmail.com

Азат Ильдузович Фахретдинов
научный сотрудник
Научно-производственный центр «Универсальные технологии и разработки»
г. Самара, Российская Федерация / E-mail: baradj1984@mail.ru

Аннотация. В статье вводятся в научный оборот материалы, полученные в ходе разведочных раскопок на территории выявленной в 2018 г. стоянки и грунтового могильника Калиновка-4. Памятник многослойный, наиболее ранние горизонты содержат материалы эпохи энеолита и позднего бронзового века, которые перекрыты позднесредневековыми погребениями чияликской культуры.

Ключевые слова: Лесостепное Приуралье, энеолит, срубная культура, чияликская культура, стоянка, могильник

Цитирование. Вальков Д.В., Русланов Е.В., Семин Д.В., Фахретдинов А.И., 2020. Стоянка и грунтовый могильник Калиновка-4 - многослойный памятник в лесостепном Приуралье // Уфимский археологический вестник. Вып. 20. С. 120–133. DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2020.20.009

В 2018 году отрядом ООО Научно-производственный центр «Универсальные технологии и разработки» (ООО НПЦ «У.Т.Р.») под руководством А.И. Фахретдинова было проведено разведочное обследование в центральной и западной частях Башкортостана, при этом выявлено три новых археологических памятника: стоянка и грунтовый могильник Калиновка-4, (Давлекановский район), курганные могильники Неформанка 3 (Альшеевский район) и Кучербаево-1 (Стерлитамакский район) [Фахретдинов, 2019].

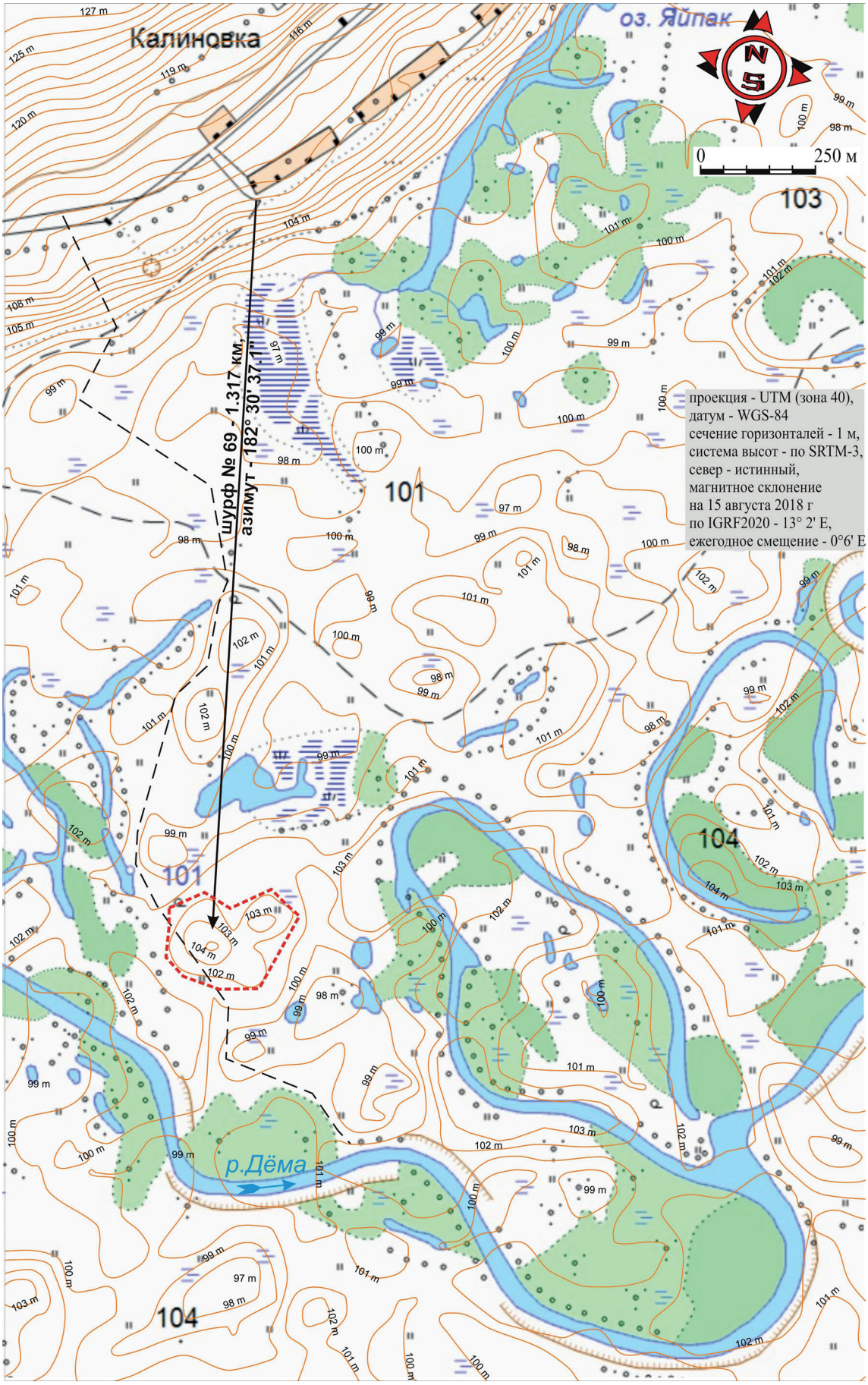


Рис. 1. Грунтовый могильник и стоянка Калиновка-4, с. Калиновка, Давлекановский район РБ. Ситуационный план

Fig. 1. A settlement and a burial ground Kalinovka-4, Kalinovka village, Davlekanovskiy district, Republic of Bashkortostan. Situational plan

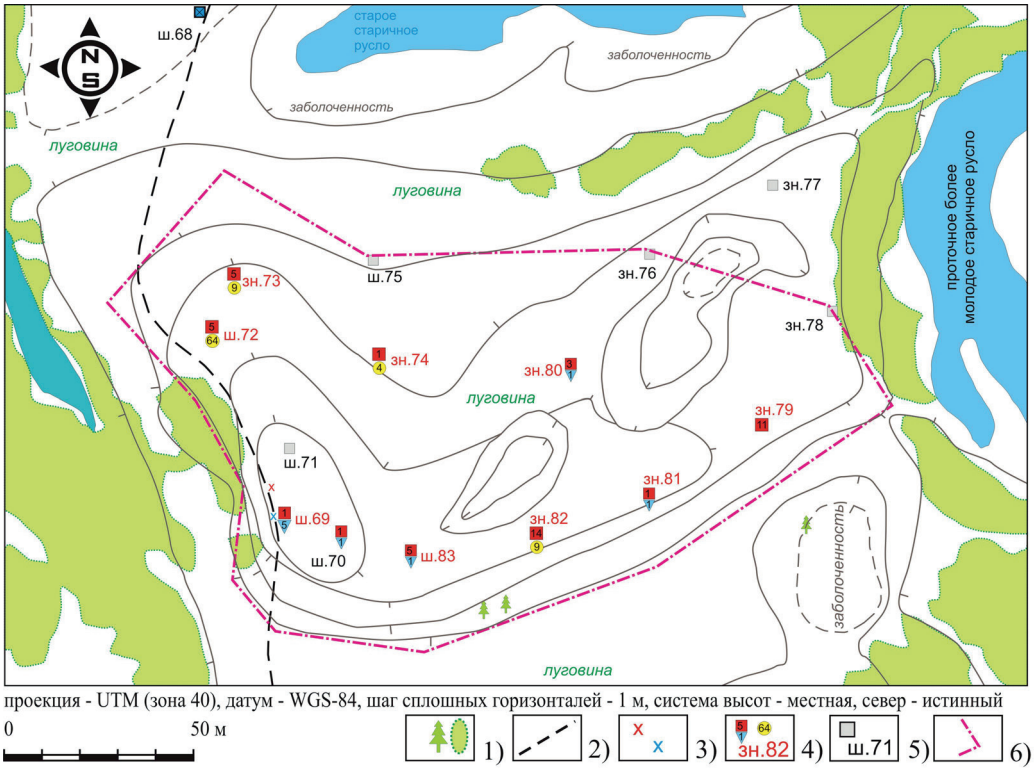


Рис. 2. Грунтовый могильник и стоянка Калиновка-4, с. Калиновка, Давлекановский район РБ. План памятника

Fig. 2. A settlement and a burial ground Kalinovka-4, Kalinovka village, Davlekanovskiy district, Republic of Bashkortostan. Plan of the monument

Наиболее интересным из них оказался многослойный памятник Калиновка-4, где на одной территории находятся древние стоянка и грунтовый могильник. Данная публикация посвящена оперативному вводу в научный оборот важного для археологии Южного Урала материала, а также результатов проведенных антропологических и остеологических анализов.

Памятник находится в 1,31 км к югу от д. Калиновка Давлекановского района Республики Башкортостан (рис. 1). Местность к югу от деревни представляет собой широкую и ровную пойму, прорезанную сложной системой старичных русел и озер. В весенний период вся эта местность затопляется водами р. Дёма, что подтверждается данными космических снимков (рис. 9-а, западная часть кадра). На этом фоне в рельефе хорошо выделяется останец высокой пойменной террасы. Фактически он представляет собой холм, в плане близкий к неправильной трапеции, протяженностью около 370 м по линии запад-юго-запад на восток-северо-восток и от 220 до 140 м – по линии север-северо-запад на юг-юго-восток. Западный склон останца крутой и обрывистый, по краю зарос деревьями и кустарником, за которыми скрывается заросшее и заболоченное старичное русло, некогда промытое с юга на север. Северный склон пологий, ограничен нешироким логом, плавно переходящим в заросшее и заболоченное старичное русло, некогда промытое с запада на восток. Северо-восточный угол останца террасы образован впадением этого старичного русла в более молодое, промытое с юга на север. Восточный склон останца крутой и обрывистый, по краю зарос деревьями и кустарни-

Рис. 3. Грунтовый могильник и стоянка Калиновка-4. Шурф №69: *А*) расчищенные погребений первого уровня. Вид с северо-востока; *Б*) погребения второго уровня. Вид с севера-северо-запада

Fig. 3. A settlement and a burial ground Kalinovka-4. Pit №69: a) cleared burials of the first level, view from the northeast; b) burials of the second level, view from the northwest

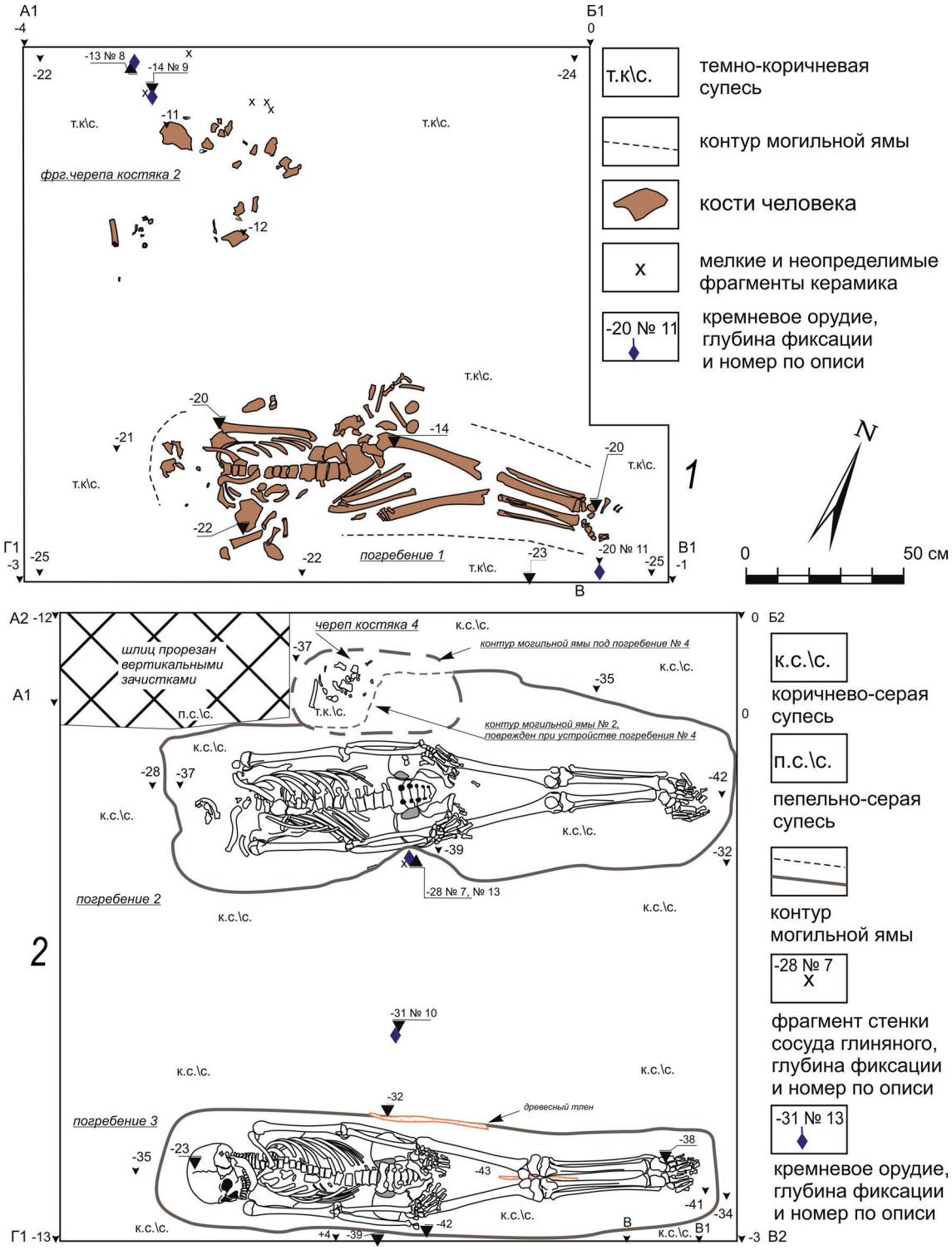


Рис. 4. Грунтовый могильник и стоянка Калиновка-4. Шурф № 69: *1* – план шурфа на слое фиксации погребений первого уровня; *2* – план шурфа на слое фиксации погребений второго уровня

Fig. 4. A settlement and a burial ground Kalinovka-4. Pit № 69: *1* – plan of the pit on the layer of fixation of the first level burials; *2* – plan of the pit on the layer of fixation of the second level burials

ком. Южный склон останца крутой, опускается к поверхности левобережной поймы. Современное русло Дёмы находится в 170 м к югу от основания останца, но скрыто высокими деревьями. Самая высокая точка расположена в юго-западной части останца, от которой его поверхность плавно понижается в северном, северо-восточном и восточном направлениях. Останец возвышается над окружающей поймой в среднем на 2-3 м, возвышенность юго-западной части – на 4 м.

Памятник был выявлен при закладке шурфа № 69[1] на вершине останца.

Шурф № 69. Первоначально размеры шурфа 1×1 м, ориентирован по сторонам света (рис. 4а). В дальнейшем, по мере выявления и расчистки человеческих костей, лежащих в анатомическом поряд-

[1] Нумерация шурфов в статье совпадает с таковой в отчете по разведке.

ке, он был увеличен до размера 2,15×2 м, длинной осью ориентирован по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток (рис. 4б, 5а, 5б).

Горизонт 1. На глубине залегания -0,10-0,15 м были зафиксированы два скопления человеческих костей.[2] Скопление костей в юго-восточной части шурфа, помимо хаотично разбросанных отдельных фрагментов черепной коробки, включало кости конечностей, сохранивших анатомический порядок залегания. Кроме того, с уровня -0,19 м в северо-восточном углу шурфа фиксируется полоса древесного тлена длиной около 35 см и шириной 1-2 см. Скопление костей в северо-западной части шурфа представляло хаотично разбросанные отдельные фрагменты черепной коробки.

Горизонт 2, уровень погребений I. После расширения шурфа, на глубине -0,20-0,25 м у юго-восточной стенки шурфа было расчищено погребение № 1 (рис. 3а, 4а). В процессе его расчистки потребовалось расширить шурф до размеров 2×1,5 м и ориентировать его длинной осью по линии юго-запад – северо-восток.

Костяк погребения № 1 был положен на спину, кисти рук сложены на тазовых костях, однако большая часть костей верхних конечностей перемещена или отсутствует. Значительная часть костей черепа также отсутствует, а лобная часть перемещена к правому плечу. Слабый контур погребальной ямы на этом уровне фиксировался только вдоль юго-восточной стенки шурфа и в изголовье. Предположительно могильная яма имела ширину не более 0,5 м. Никаких находок, непосредственно связанных с погребением, не обнаружено. Однако, в северо-восточном углу шурфа, у пяточных костей костяка, но за пределами контура могильной ямы, на глубине -0,20 м обнаружен концевой скребок на отщепе (рис. 6, *11*[3]). По определению антрополога, костяк принадлежит пожилой женщине (Приложение 1).

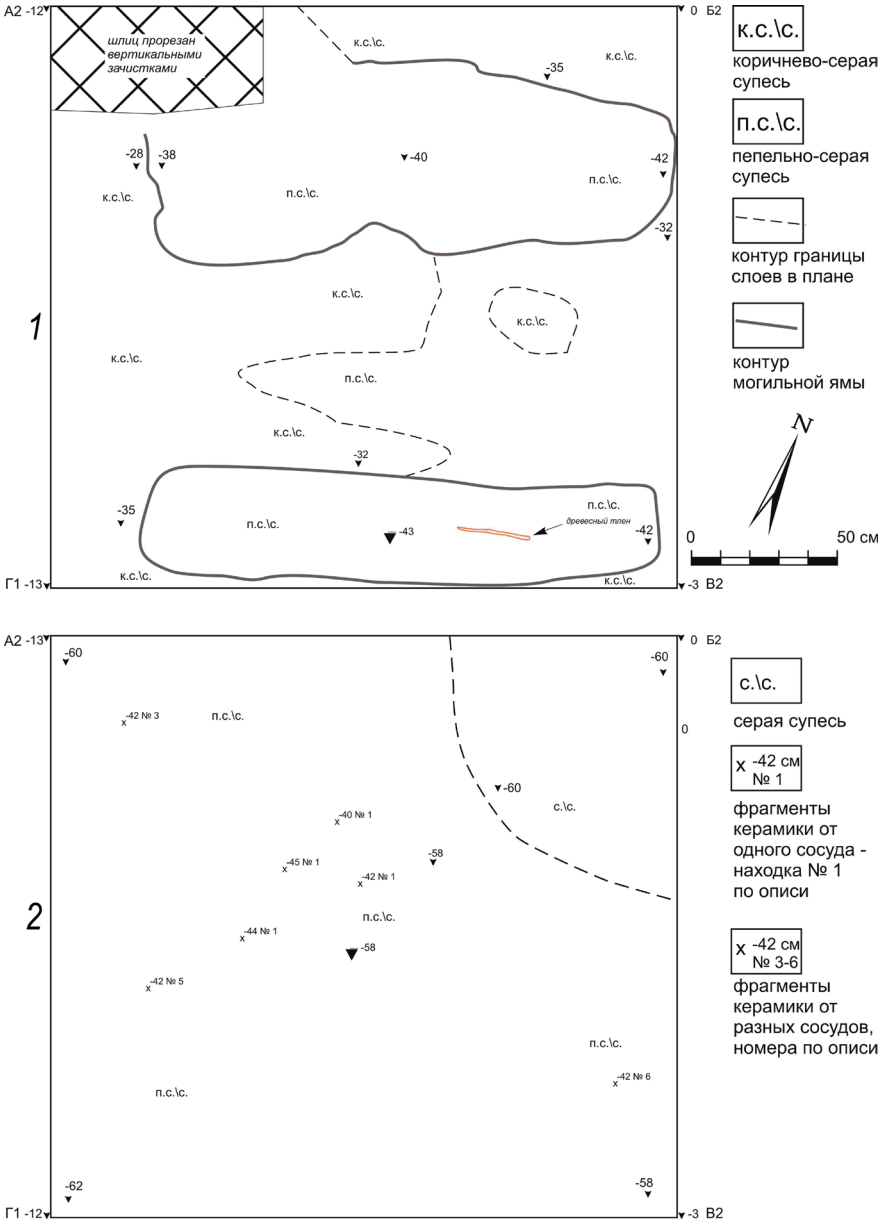


Рис. 5. Грунтовый могильник и стоянка Калиновка-4. Шурф № 69: *1* – план шурфа на слое фиксации дна и контуров могильных ям второго уровня; *2* – Стратиграфический горизонт -0,40 \ - 0,60 м. План шурфа ниже могильных ям второго уровня

Fig. 5. A settlement and a burial ground Kalinovka-4. Pit № 69: *1* – plan of the pit on the layer of fixation of the bottom and contours of the grave pits of the second level; *2* – Stratigraphic horizon -0.40 \ - 0,60 m. Pit plan below the grave pits of the second level

Второе скопление хаотично разбросанных отдельных фрагментов черепной коробки было локализовано у северо-западной стенки шурфа, но, поскольку контур могильной ямы не прослеживался, его первоначально посчитали связанным с нарушенным погребением № 1 (рис. 3а, 4а). Впоследствии выяснилось, что это часть черепа из погребения № 2, расположенного ниже (рис. 3б, 4б).

У северо-западной стенки шурфа найдены 5 мелких фрагментов лепной неорнаментированной керамики с большим содержанием раковины в тесте (в коллекцию не включены), кремневый отщеп с ретушью (рис. 6, *8*) и кремневый отщеп (рис. 6, *9*). Глубина залегания этих находок -0,13-0,14 м.

Горизонт 3. После снятия костяка из погребения № 1 и фрагментов костей из северо-

[2] По причине хаотического расположения находок данный стратиграфический горизонт в иллюстрациях к настоящей статье не приведен. См. в: [Фахретдинов, 2019. Илл. 1023-1026, 1028].

[3] Нумерация находок в статье соответствуют таковой в отчете по археологической разведке и полевой описи.

западного скопления была произведена зачистка и на уровне -0,28-0,30 м, при этом в пестроцветном заполнении проявились нечеткие контуры ям. Выборка заполнения ям началась с юго-западного угла и производилась тонкими вертикальными зачистками – поскольку именно в этом углу контур ямы не прослеживался. Однако практически сразу были обнаружены человеческие кости, лежащие в анатомическом порядке. Дальнейшее изучение заполнения шурфа велось тонкими горизонтальными зачистками, но в юго-западном углу шурфа, остался вкоп размерами 60×40 см, который отдельно отмечен на фотографиях и планах. В северо-восточном углу шурфа на уровне -0,28 м расчищена узкая полоска древесного тлена длиной около 54 см.

Горизонт 4, уровень погребений II. В ходе выборки заполнения ям были расчищены два почти полных человеческих костяка – погребение № 3, расположенное вдоль юго-восточной стенки шурфа, под погребением № 1 и погребение № 2, расположенное вдоль северо-западной стенки шурфа (рис. 3-б, 4-б). Кроме того, к северо-западу от погребения № 2 были обнаружены фрагменты детского черепа, выделенные в погребение № 4 (рис. 3-б).

Погребение № 2. Костяк расположен на спине, вытянуто, ориентирован головой на юго-запад, кисти рук уложены на бедренных костях, череп отсутствует. Разрозненные фрагменты черепа, ранее зафиксированные на уровне -0,15-0,20 м в северо-западной части шурфа, вероятно, принадлежат данному индивиду. Никаких находок непосредственно связанных с погребением не обнаружено. Однако, в 10-15 см к югу от костяка, на уровне его правого бедра и на самом краю стенки могильной ямы, на глубине -0,28 м обнаружен фрагмент лепного сосуда (находка № 7 по коллекционной описи[4]). Это срединная часть стенки в месте перегиба профиля. По линии перегиба нанесен поясок из двух прочерченных линий. Выше расположены фрагменты оттисков гладкого штампа, в которых угадываются нижние части (основания) заштрихованных треугольников. Ниже расположены фрагменты оттисков гладкого штампа шириной 2-3 мм, образующих зигзагообразный ряд оттисков. По орнаментальной композиции и размерам этот фрагмент хорошо соответствует сосуду, фрагменты которого были собраны в различных частях шурфа на уровне -0,30-0,40 м (рис. 6, *1*). Рядом со стенкой сосуда обнаружен кремневый отщеп (рис. 6, *13*).

Погребение № 3. Костяк расположен на спине вытянуто, ориентирован головой на юго-запад, кисти рук уложены на тазовых костях (рис. 3-б, 4-б). Никаких находок непосредственно связанных с погребением не обнаружено. Костяк принадлежит молодой девушке (Приложение 1. Рис. 1). У западной стенки могильной ямы на уровне от локтя до середины бедер скелета прослежена полоска древесного тлена длинной около 50 см и шириной менее 1 см.

Погребение № 4. Зафиксировано вблизи северо-западной стенки шурфа, частично перекрыло северо-западный угол погребения № 2, но стратиграфически расположено выше его. Контур могильной ямы прослеживается с большим трудом – по прорезанному ею краю могильной ямы погребения № 2 (рис. 3б, 4б). Предположительные размеры могильной ямы: длина около 50-53 см, ширина – около 18 см. От костяка сохранилось только несколько костей черепа, судя по которому, умерший первоначально был ориентирован головой на юго-запад. Никаких находок, непосредственно связанных с погребением не обнаружено. Костяк принадлежит ребенку (Приложение 1).

После фиксации и снятия костяков были расчищены придонные части основных могильных ям (рис. 5а). Могильная яма погребения № 2 имела длину 172 см, ширину от 45 см в плечах до 30 см в ногах, т.е. выкопана была фактически «по мерке» погребенного. Верхний контур ямы надежно зафиксирован с глубины -0,24 м в районе плеч погребенного и -0,28 м в районе ног, дно – от -0,35 м в районе плеч и до -0,42 м в ногах. В средней части северо-западной стенки могильной ямы зафиксирована полоска древесного тлена длиной около 45 см и толщиной менее 1 см. Такая же полоска древесного тлена была зафиксирована в придонной части ямы. Могильная яма погребения № 3 оказалась просторнее, ее длина 185 см, ширина около 50 см в ногах, от пояса погребенного и выше срыта при совершении погребения № 4.

Горизонт 5. После фиксации контуров могильных ям дальнейшая выборка заполнения шурфа производилась тонкими горизонтальными зачистками. Заполнение представлено легкой светло-коричневой гумусированной супесью, содержащей включения темно-серой и светло-желтой супеси (рис. 5-б). Фактически это культурный слой поселенческого памятника, в который были последовательно впущены четыре описанных выше погребения. В центральной части шурфа на глубине -0,31 м зафиксирована ножевидная пластинка (рис. 6, *10*). В ходе дальнейшей выборки заполнения в центральной части шурфа на уровне -0,35-0,45 м обнаружены фрагменты орнаментированных стенок, венчика и придонных частей нескольких глиняных лепных сосудов.

Большинство фрагментов при склейке образовали полный профиль одного сосуда, представленный полной стенкой с венчиком и краем днища. Непосредственно под венчиком расположена линия оттисков гладкого штампа шириной 2-3 мм и длиной 25-35 мм. Между этой линией и перегибом профиля тулова – ряд треугольников с подпрямоугольным левым нижним углом, заполненные вертикальными линиями. Треугольники и линии внутри них нанесены в технике оттиска и отступающего оттиска гладкого штампа шириной 2-3 мм и длиной 5-10 мм. По линии перегиба профиля тулова в месте максимального диаметра сосуда нанесен

[4] Малоинформативные находки в иллюстрациях к статье не представлены. Здесь и в подрисуночных подписях приведены ссылки на нумерацию находок в коллекционной описи [Фахретдинов, 2019].

поясок из двух прочерченных линий. Нижняя часть сосуда украшена двойным зигзагообразным рядом оттисков гладкого штампа шириной 2-3 мм и длиной 10-15 мм (рис. 6, *1*).

Корме них, были обнаружены две стенки и придонная часть от других сосудов. Фрагмент стенки нижней части сосуда сохранился от места перегиба профиля до придонной части. В верхней части, по линии перегиба профиля, нанесена прочерченная линия, ниже расположен двойной зигзагообразный ряд оттисков гладкого штампа шириной 2-3 мм и длиной 10-15 мм (рис. 6, *4*). Неорнаментированная стенка и придонная часть третьего сосуда представлены невыразительными фрагментами.

Материк в виде светло-желтой легкой супеси, испещренный следами корней и норами. Поскольку грунтовый могильник оказался впущен и в культурный слой поселения эпохи бронзы и стоянки неолита (энеолита?), считаем уместным привести подробное описание стратиграфических наблюдений по наиболее информативному профилю шурфа № 69.

Северо-восточный профиль (линия Б2-В2). Протяженность профиля 2 м. Дневная поверхность ровная, наблюдается незначительный уклон к северо-восточному углу. За условный 0 принят уровень современной дневной поверхности северо-западного угла (пикет Б2).

1. Дерн и поддерновый слой – 2-3 см.

2. Темно-серая гумусированная гомогенная супесь – 12-14 см, нижняя граница нечеткая и волнистая. Следов могильных ям не зафиксировано.

3. Темно-коричневая гумусированная супесь – 17-20 см, нижняя граница размытая и очень неров-

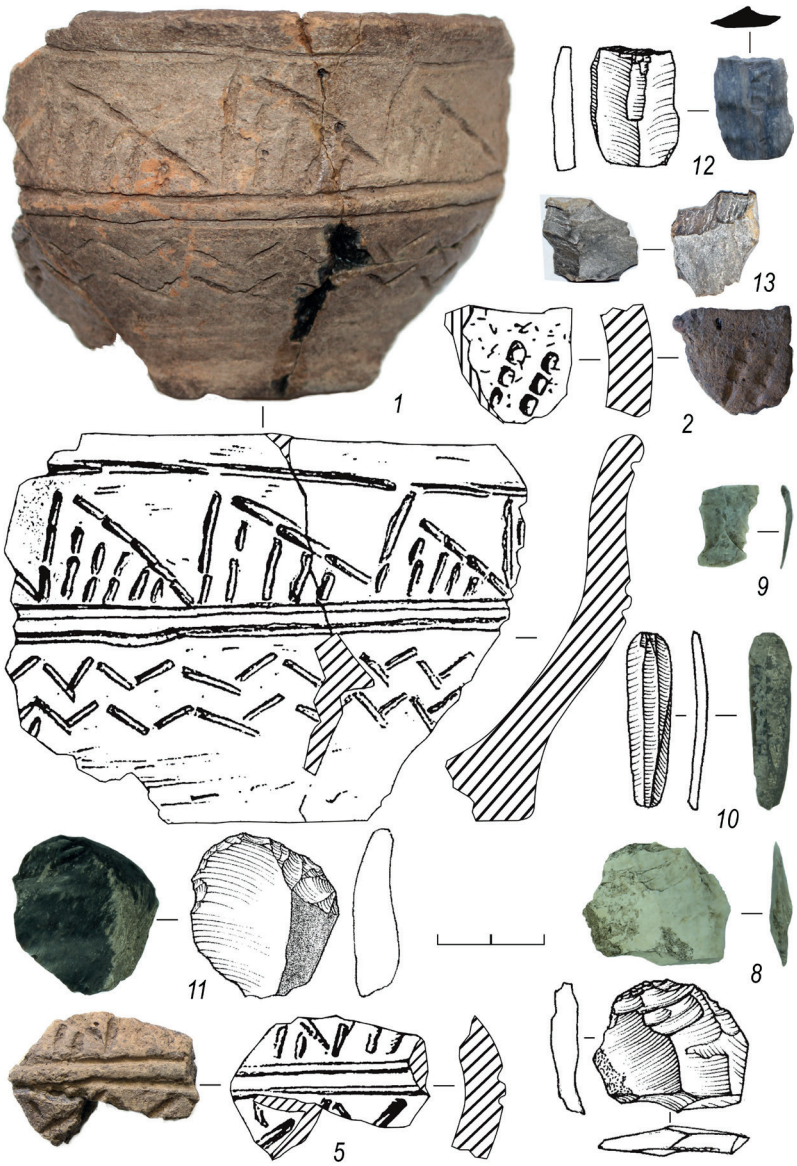


Рис. 6. Грунтовый могильник и стоянка Калиновка-4.
Подъемный материал к северу от шурфа № 69. *2* – фрагмент стенки сосуда; *12* – фрагмент ножевидной пластины.
Шурф № 69: *1* – склееный профиль сосуда; *11* – концевой скребок на отщепе; *8* – отщеп сретушью; *9, 13* – отщепы; *7* – фрагмент стенки сосуда; *10* – пластина; *4, 5* – фрагменты стенок сосудов (*8, 9, 11, 10, 12, 13* – кремень; *1, 2, 4, 5, 7* – керамика)

Fig. 6. A settlement and a burial ground Kalinovka-4.
Lifted material to the north of the pit № 69. *2* – a fragment of vessel wall; *12* – a fragment of a knife-like plate.
Pit № 69: *1* – glued profile of the vessel; *11* – end scraper on a flake; *8* – retouching flake; *9*, *13* – flakes; *7* – vessel wall fragment; *10* – plate; *4, 5* – fragments of vessel walls (*8, 9, 11, 10, 12, 13* – flint; *1, 2, 4, 5, 7* – ceramics)

ная; в западной и восточной части профиля прослеживаются углубления в нижележащий слой до глубины -0,36 м.

4. Ниже залегает слой неоднородной пепельно-серой слабо гумусированной супеси с включениями линз темно-серой гумусированной, серой и светло-желтой слабо гумусированной супеси. По причине неровности верхней границы имеет толщину 40-48 см, нижняя граница размытая, плавно переходит в слой серо-желтой слабо гумусированной супеси – горизонт вымывания.

5. Ниже залегает супесь светло-желтого цвета (материк); фиксируется с глубины -0,77 м, от современной дневной поверхности.

Поскольку шурф № 69 дал археологический материал, для установления границ памятника было заложено еще пять шурфов размерами 1×1 м (№№ 70-72, 75 и 83) и девять зондажей размерами 0,4×0,4 м (№№ 73, 74 и 76-82). Общий порядок, мощность и характеристика слоев в шурфах и зондажах, содержащих археологический материал, в целом близки стратиграфическим наблюдениям в шурфе № 69. Ниже приведены описания условий залегания находок, которые в соотнесении с планом памятника дают картину их пространственного и стратиграфического распределения (рис. 2).

Шурф № 70. Установлен на удалении 30,5 м, по азимуту 104° 41’ 9.9’’ относительно юго-западного угла шурфа № 69. В слое темно-коричневой гумусированной гомогенной супеси на уровне -0,26 м в стенке зафиксирован лепной фрагмент неорнаментированной стенки сосуда (находка № 14 – по коллекционной описи). В нижележащем слое неоднородной, преимущественно серой, слабо гумусированной супеси с включениями линз и прослоек темно-серой гумусированной, серой и светло-желтой слабо гумусированной супеси, на уровне -0,65 м в стенке зафиксирована ножевидная пластина (рис. 7, *15*).

Шурф № 72. Расположен на удалении 105 м, по азимуту 337° 18’ 25.1’’ относительно юго-западного угла шурфа № 69. В слое коричнево-серой гумусированной супеси на уровне -0,10/-0,20 м зафиксирован фрагмент стенки сосуда, орнаментированный двумя участками отпечатков зубчатого штампа (рис. 7, *16*). На этом же уровне найдено более 20 фрагментов костей животных, в т.ч. один из них – обожженный.

На уровне -0,20/-0,40 м найдено 3 фрагмента керамики. На одной из стенок сохранился участок орнаментальной композиции, состоящей из оттисков тонкого (менее 1 мм) гладкого штампа. Лучше всего сохранился орнаментальный пояс, направленный сверху слева вниз вправо, шириной 15 мм, состоящий из двух параллельных линий, между которыми через 1,5-2 мм нанесены 11 наклонных оттисков. Внизу слева к этой полосе примыкает участок орнаментального элемента, выполненного оттисками гладкого штампа (рис. 7, *17*). Также на этом горизонте найдено 38 фрагментов костей животных.

В нижележащем слое пепельно-серой слабогумусированной супеси на глубине около -0,70 м найдено 3 фрагмента костей животных и 1 фрагмент орнаментированной стенки лепного сосуда (рис. 7, *18*).

Зондаж № 73. Заложен на удалении 117 м, по азимуту 345° 43’ 9.3’’ относительно юго-западного угла шурфа № 69. В слое коричнево-серой гумусированной супеси, на уровне -0,20/-0,40 м были найдены 4 фрагмента керамики, одна из стенок орнаментирована двумя неотчетливыми отпечатками двойного штампа (рис. 7, *20*). Немного ниже, в слое серой неоднородной слабо гумусированной супеси, был найден фрагмент неорнаментированного венчика (рис. 7, *19*) и 9 фрагментов костей животных.

Зондаж № 74. Заложен на удалении 148 м, по азимуту 16° 29’ 7.0’’ относительно юго-западного угла шурфа № 69. В слое коричнево-серой гумусированной супеси на уровне до -0,25 м найдены один маленький фрагмент лепной стенки и 4 фрагмента костей животных, в том числе крупный зуб.

Зондаж № 79. Находится на удалении 173 м, по азимуту 60° 53’ 6.6’’ относительно юго-западного угла шурфа № 69. В слое коричнево-серой гумусированной супеси, на уровне -0,20/-0,40 м, найдены 11 мелких фрагментов стенок сосудов, в том числе 2 орнаментированных стенки (рис. 7, *21, 22*).

Зондаж № 80. Заложен на удалении 121 м, по азимуту 62° 53’ 15.8’’ относительно юго-западного угла шурфа № 69. В слое коричнево-серой гумусированной супеси на уровне -0,20 м найдены 3 мелких невыразительных фрагмента неорнаментированных стенок сосудов и 1 ножевидная пластина (рис. 8, *23*).

Зондаж № 81. Заложен на удалении 193 м, по азимуту 84° 40’ 4.0’’ относительно юго-западного угла шурфа № 69. В слое коричнево-серой гумусированной супеси, на уровне -0,20/-0,40 м, найдены фрагмент неорнаментированной стенки с обильным включением раковины в тесте и кремневый краевой скол с бифасиального орудия (рис. 8, *25*).

Зондаж № 82. Заложен на удалении 134 м, по азимуту 93° 33’ 48.2’’ относительно юго-западного угла шурфа № 69. В слое коричнево-серой гумусированной супеси, на уровне -0,20/-0,40 м, найдены 9 крупных фрагментов костей животных, кусок песчаника и 9 фрагментов керамики. Из них выделяются венчик с участками оттиска гладкого штампа (рис. 8, *26*), стенка сосуда со следами частых расчесов и стенка сосуда, орнаментированная шестью тонкими наклонными оттисками гладкого штампа.

В слое серой слабо гумусированной супеси, на уровне -0,40/-0,50 м, найдено 5 фрагментов керамики, в том числе стенка сосуда с четырьмя наклонными параллельными оттисками тонкого гладкого штампа и стенка сосуда с наклонными оттисками тонкого гладкого штампа, образующими двойную зигзагообразную линию.

Шурф № 83. Расположен на удалении 68 м, по азимуту 100° 31’ 26.8’’ относительно юго-за-

падного угла шурфа № 69. В слое коричнево-серой гумусированной супеси, на уровне -0,20/-0,40 м, найдены кремневый отщеп (рис. 8, *31*) и 5 мелких неопределимых фрагментов керамики.

При визуальном осмотре поверхности останца террасы в нескольких метрах к северу от шурфа № 69 в глубоких накатанных колеях грунтовой дороги были обнаружены фрагмент стенки лепного сосуда, орнаментированной двумя верхними частями наклонных оттисков зубчатого штампа, и кремневая ножевидная пластина (рис. 6, *2, 12*).

Таким образом, серия разведочных шурфов и зондажей очертила территорию распространения культурного слоя и позволила достаточно точно определить границы памятника, который занимает значительную, если не всю, площадь останца террасы, превышающую 6,6 га. Северо-западная граница определена топографически – по наиболее низким местам пологого лога, некогда промытого с запада на восток и далее переходящего в древнее заболоченное старичное русло. Северная и восточная границы памятника определены по местам закладки разведочных шурфов и зондажей №№ 75-78, не содержащим археологических находок и, отчасти, ориентируясь на топографические характеристики – пологий и заболоченный северный склон и крутой восточный склон останца. Южная и западная границы памятника проведены по соответствующему основанию высоких и крутых склонов останца.

Территория памятника имеет в плане форму, приближенную к трапеции, наибольшая протяженность по оси запад-восток (в северной части) – около 410 м, минимальная протяженность по оси запад-восток (в южной части) – около 120 м, про-

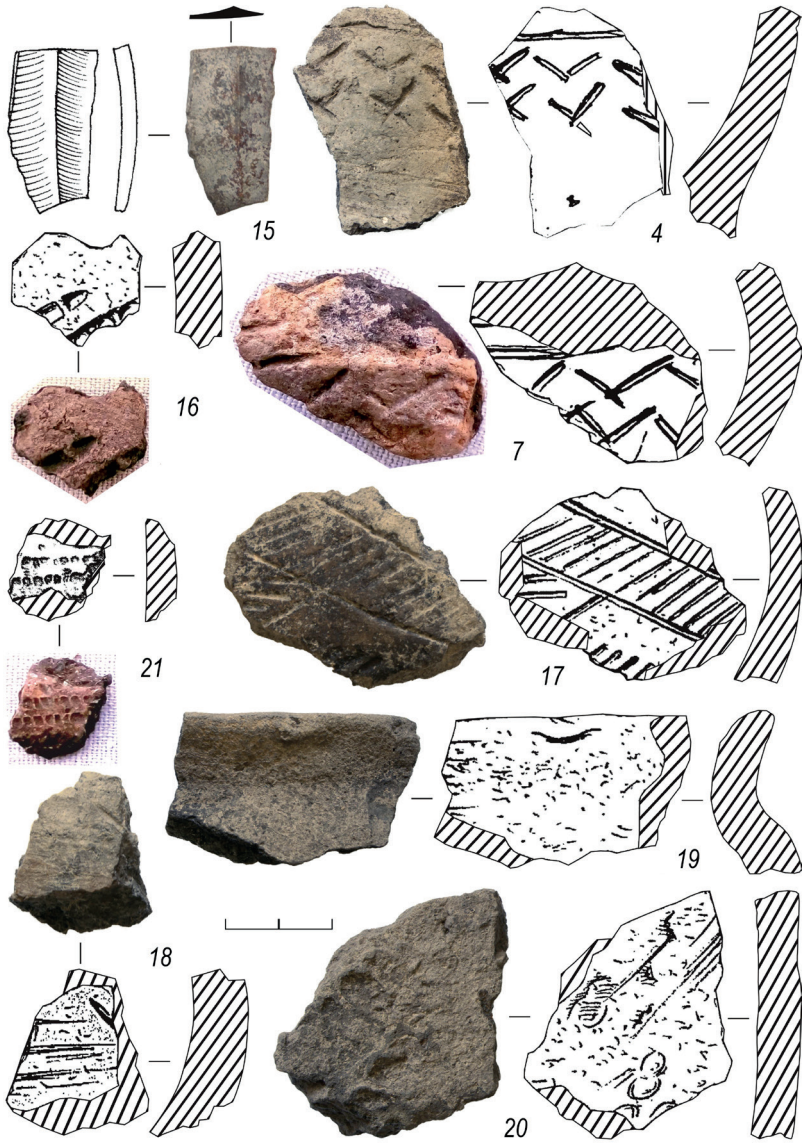


Рис. 7. Грунтовый могильник и стоянка Калиновка-4.
Шурф № 69: *4, 7* - фрагменты стенок сосудов (керамика). Шурф № 70: *15* – ножевидная пластина (кремень). Шурф № 72: *16-18* – фрагменты стенок сосудов (керамика). Зондаж № 73: *19* – фрагмент венчика сосуда; *20* – фрагмент стенки сосуда (керамика). Зондаж № 79. *21* – фрагмент стенки сосуда (керамика)

Fig. 7. A settlement and a burial ground Kalinovka-4.
Pit № 69: *4, 7* – fragments of vessel walls (ceramics). Pit № 70: *15* – knife-shaped plate (flint). Pit № 72: *16-18* – fragments of vessel walls (ceramics). Probe № 73: *19* – fragment of the vessel rim; *20* – fragment of the vessel wall (ceramics) Probe № 79. *21* – fragment of the vessel wall (ceramics)

тяженность в меридиональном направлении около 200 м.

Культурно-хронологическая атрибуция поселенческой части памятника в части находок предметов каменной индустрии может относиться к периоду от мезолита до энеолита. Керамический комплекс может быть отнесен к кругу памятников срубной культурно-исторической общности позднего бронзового века. Погребения, выявленные в верхней части отложений, относятся к кругу древностей чияликской культуры.

Археологическое окружение выявленного памятника показывает, что, по крайней мере, в эпоху поздней бронзы он был вписан в группу многочисленных и, видимо, синхронных стоянок, расположенных по обоим берегам реки Дема от д. Соколовка до с. Старояппарово. Ближайшие расположены в 2-2,5 км к северо-востоку, на террасе старичного озера Яйпак – это стоянки срубной и межовской культур Калиновка I, II и III [Матвеева, 1963; Обыденнов, 1982; Бахшиев, Насретдинов, 2010]. Сложнее дело обстоит с материалами эпохи камня. Ближайший из известных объектов – Старо-Яппаровская III стоянка – также расположен в пойме правого берега р. Дема, на небольшом всхолмлении-останце, в 5,5 км к северо-востоку от публикуемого памятника. Культурный слой этой стоянки содержит керамику неолита, срубной и межовской культур [КПАБ, 1982. № 106. С. 29-30].

Памятников чияликской культуры в районе д. Калиновка ранее не было известно. Ближайший относительно синхронный объект расположен в 19 км к юго-западу, у д Староаккулаево Альшеевского района РБ, где исследован курган, в котором найден костяк в вытянутом положении, головой на северо-восток, остатки вязаной шапочки, серебряная гиревидная подвеска, подвеска в виде знака вопроса, обернутая тонкой проволокой и железные ножницы. Погребение датируется XIII-XIV вв. [Агеев, Мажитов, 1970. С. 170].

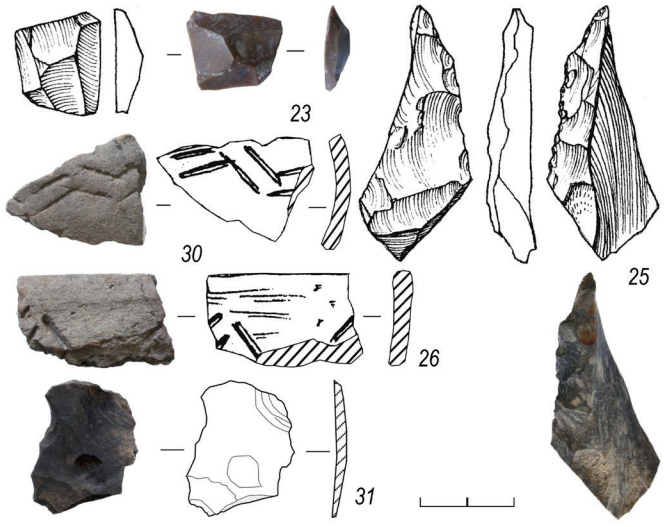


Рис. 8. Грунтовый могильник и стоянка Калиновка-4.
Зондаж № 80: *23* – ножевидная пластина (кремень).
Зондаж № 81: *25* – краевой склон с бифасиального орудия (кремень). Зондаж № 82: *26* – фрагмент венчика сосуда (керамика); *30* – фрагмент стенки сосуда (керамика).
Шурф № 83: *31* – отщеп (кремень)

Fig. 8. A settlement and a burial ground Kalinovka-4.
Probe № 80: *23* – knife-shaped plate (flint).
Probe № 81: *25* – edge slope from a bifacial tool (flint).
Probe № 82: *26* – fragment of vessel rim (ceramics) *30* – a fragment of a vessel wall (ceramics) Pit № 83: *31* – a flake (flint)

Выявленные на стоянке Калиновка-4 погребения, судя по погребальному обряду (отсутствие подбоев, положение костяка вытянуто на спине и ориентация в юго-западный сектор), совершены по раннемусульманскому обряду, в котором еще сохраняются пережиточные языческие признаки, такие как разворот лица вверх, а не на кыблу, наличие в могилах отдельных вещей и юго-западная ориентировка. Все эти погребения датируются XIII-XIV вв. [Гарустович, 2015. С. 181-198].

Наличие в компактной Демской группе памятников чияликской культуры, выделенной Г.Н. Гарустовичем [Гарустович, 1998. С. 128], значительного количества ранних мусульманских погребений (Горново, Караякупово, Калиновка) одновременно со строительством мавзолеев булгарского типа (Хусейн-бека, Тура-хана, Малый кэшэнэ) и булгарской керамики на поселенческих памятниках (селища Горново, Нижне-Хозятово, Чишмы-1), на наш взгляд, говорят о начале исламизации Южного Приуралья именно с района среднего течения р. Дема. По всей видимости, переход к нормам ислама в Приуралье мог проходить в два этапа. Первый из них связан с началом включения данного региона в сферу интересов Волжской Булгарии в начале XIII века, а второй – с действиями улусной администрации, после исламских преобразований хана Узбека конца XIV в.

Анализ пространственного распределения находок на останце террасы указывает на несомненное тяготение каменного и керамического инвентаря к его юго-западному и южному краям – наиболее высоким фасам, имеющим относительное превышение до 2,5-3,5 м над окружающей поймой. Подобного вида одиночные останцы периодически встречаются по обоим берегам р. Дёма.

Для этой территории была построена цифровая модель высот SRTM-3, базирующейся на данных радарной съемки поверхности Земли, выполненной в 2000 году с борта космического корабля Space Shuttle «Endeavor». На генерализованной цифровой модели высот компактные останцы хорошо выделяются в достаточно пологом и спокойном рельефе речной долины (рис. 9). В полевом сезоне 2019 году одним из авторов был осмотрен подобный останец у с. Дурасово в Чишминском районе Башкортостана (рис. 9б). На наиболее возвышенных северном и северо-восточном склонах подтреугольного в плане останца был обнаружен ряд археологических находок, в том числе пластина из светлого приуральского кремня с ретушированным краем.

Абсолютную идентичность описанной выше ситуации в расположении многослойных памятников на вершинах останцов демонстрирует исследованная Ю.А. Морозовым Кара-Якуповская

Рис. 9. Археологические объекты на высоких останцах поймы р. Дема (красный контур).
А – грунтовый могильник и стоянка Калиновка-4, Давлекановский район РБ (©Google Earth); западная часть кадра – затопленная пойма р. Дема (дата съемки - 17.04.2018 г.);
Б – стоянка Дурасово-1, Чишминский район РБ (©Яндекс)

Fig. 9. Archaeological sites on the high outliers of the floodplain of the Dema river (red outline).
A – A settlement and a burial ground Kalinovka-4, Davlekanovsky district, Republic of Bashkortostan (© Google Earth); the western part of the frame is the flooded floodplain of the Dema river (shooting date - 04/17/2018);
B – Durasovo-1 site, Chishminsky district, Republic of Bashkortostan (© Yandex)

стоянка и могильник. Памятник был расположен на небольшой высотке в пойме р. Дема, его нижние горизонты также относились к эпохе энеолита, а в верхних зафиксировано несколько раннемусульманских чияликских погребений [Морозов, 1984. С. 43-58].

Анализ топографической ситуации указывает на несомненное сходство условий обитания древнего и средневекового населения в пойменной части р. Дема, связанное с заселением доминирующих высот (рис. 9). Выделение таких останцов методами пространственного анализа может оказаться перспективной исследовательской стратегией в деле поиска стоянок эпох камня и бронзы, а также грунтовых могильников позднего средневековья.

Погребение 1. Сохранился посткраниальный отдел, от черепа фрагмент лямбдовидной части с примыкающими и облитерированными участками затылочной и теменных костей, а также левый сосцевидный отросток. Он принадлежал женщине пожилого возраста (mat. II – senilis). По верхним конечностям, вследствие плохой сохранности, информация ограничена: ширина нижних эпифизов плеча большая (58,0-59,5 мм), локтевые кости длинные (257,0-260,0 мм). Правые бедренные и большеберцовые кости в целом средних размеров (421,0 и 340,0 мм соответственно). Длина тела, реконструированная по формулам В.В. Бунака и Г.Ф. Дебеца [Алексеев, 1966], составила 157,3-160,0 см.

Погребение 2. Кости посткраниального скелета полностью не сформировались. Процессы роста не завершены. С учетом состояния черепа и формирования зубного ряда, возраст индивида может быть оценен на рубеже окончания подросткового и начала возмужалого периода (16-17 лет). Пол, ввиду незрелости скелета, отчетливо установить невозможно. По большинству критериев он ближе женскому, но одна черта, в частности, очень сильно развитый широкий подбородок мало характерна для этого пола.

Череп посмертно деформирован (рис. 1). Мозговой отдел по указателю брахикранный (80,6), с широким (наименьшая ширина лба 101,0 мм), сравнительно прямым лбом. Лицевой отдел относительно низкий, по горизонтальным углам хорошо профилирован (назомалярный угол 130,0°, зигомаксиллярный 124,0°). Клыковая ямка глубокая (4,8 мм). Вместе с тем, носовые косточки небольшие (симотическая ширина 6,8 мм, высота 3,5 мм), слабо выступают (угол выступания носа 14,0°). Фиксируется альвеолярный прогнатизм. Прослеживаются небольшие затеки эмали в межкорневое пространство на верхних молярах, один резец имеет лопатообразную форму.

Весь комплекс черт говорит о присутствии здесь уралоидных черт. В целом, подобные черепа можно встретить и в краниологических сериях средневековья, население которого складывалось на широком пространстве приуральских и зауральских степей в результате европеоидно-монголоидно-уралоидных смешений.

Погребение 3. Скелет принадлежал мужчине возраста 17-22 лет. Ростовые процессы еще не были завершены. Измерены длинные кости с облитерированными эпифизами. Левая лучевая кость средней длины (230,0 мм), ключицы (134,0-137,0 мм) и бедренные кости (432,0 мм) ниже средних размеров, большеберцовые очень маленькие (329,0-332,0 мм). В целом скелет довольно грацильный. Длина тела, реконструированная по формулам В.В. Бунака и Г.Ф. Дебеца [Алексеев, 1966], составила 156,3-160,5 см, т.е. она малая.

От черепа сохранились фрагменты мозговой части и лицевого отдела. Они также производят впечатление грацильных. Судя по сохранившимся верхней челюсти и скуловой кости, можно сказать о малом лицевом скелете и, видимо, резком профиле на зигомаксиллярном уровне.

Скелет из погребения 4 принадлежал ребенку до 3 месяцев.

Рис. 1. Грунтовый могильник и стоянка Калиновка-4. Погребение 2

Fig. 1. A settlement and a burial ground Kalinovka-4. Burial 2

В 2018 году были проведены разведочные работы на грунтовом могильнике и стоянке Калиновка-4 в Давлекановском районе Республики Башкортостан. В заполнении разведочных шурфов собрано 77 фрагментов костей животных. Естественная сохранность костей оценивается как плохая и удовлетворительная (2-3 балла по 5-балльной шкале). До видового и таксономического уровня определено 55,8% всех костных остатков. В шурфе 69 находились кости человека: на уровне 1 (костяк 1) обнаружен астрагал, а на дне – метаподий.

На костях животных фиксируются следы искусственного воздействия: воздействие огня на 5 фрагментах (шурф 72, горизонт 1, 2; шурф 73), следы кухонного дробления на 6 фрагментах (шурф 72, горизонт 1, 2, 3; шурф 73), погрызы собак на одном фрагменте и погрызы грызунов на одном фрагменте (шурф 73). Подобные следы характерны для «кухонных остатков» и позволяют отнести всю коллекцию к этой категории археозоологических материалов.

В коллекции определены кости крупного рогатого скота (далее – КРС) *(Bos taurus)*, мелкого рогатого скота (далее – МРС) *(Ovis/Capra),* домашней свиньи или кабана *(Sus scrofa sp.),* бобра *(Castor fiber)* и птицы *(Aves sp.)*. Остальные фрагменты происходят от крупных и средних по размеру млекопитающих. Результаты видового и таксономического определения костных остатков приведены в таблице 1.

Таблица 1
Стоянка Калиновка-4.Видовой и таксономический состав остеологической коллекции

Table 1
Site Kalinovka-4 Species and taxonomic composition of the osteological collection

Шурф/горизонт	Кстей всего	Определимые					Неопределимые		
		КРС *Bos taurus*	МРС *Ovis /Capra*	Свинья или кабан *Sus scrofa sp. sp.*	Бобр *Castor fiber*	Птица *Aves sp.*	Крупные по размерам млекопитающие	Средние по размерам млекопитающие	Неопределимые *Mammalia indet.*
Шурф 72, горизонт 1	22	1				10	4		7
Шурф 72, горизонт 2	24	3	3	1	4		11	1	1
Шурф 72, горизонт 3	13					11	1	1	
Шурф 73	9	6	2				1		
Шурф 74	4	1					1	1	1
Шурф 82	5	1					3	1	
Всего	77	12	5	1	4	21	21	4	9
Всего	77	43					34		
%	100,0	55,8					44,2		

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агеев Б.Б., Мажитов Н.А. Раскопки в Южной Башкирии // Археологические открытия 1969 г. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1970. С. 170.

Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 249 с.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.

Бахшиев И.И., Насретдинов Р.Р. Научный отчет о проведении мониторинга памятников археологии Давлекановского района Республики Башкортостан. Уфа, 2010 // Архив ГБУК НПЦ МК РБ.

Гарустович Г.Н. Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры: Автореф. дисс… канд. ист. наук. Уфа, 1998. 355 с.

Гарустович Г.Н. Чияликская археологическая культура эпохи средневековья на Южном Урале // УАВ. Вып. 15. 2015. С. 181-198.

КПАБ, 1982: Каталог памятников археологии Башкирии, открытых в 1971-1980 годах / Авт.-сост. М.Ф. Обыденнов, В.А. Банников. Уфа: ГЖТ, 1982. 80 с.

Матвеева Г.И. Отчет археологической экспедиции Башкирского государственного университета за 1962 г. Уфа, 1963 // Архив археологической лаборатории БГУ. Ф. 3. Д. 1.

Морозов Ю.А. Кара-Якуповская энеолитическая стоянка // Эпоха меди юга Восточной Европы / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ им. В.В. Куйбышева, 1984. С. 43-58.

Обыденнов М.Ф. Научный отчет об археологических исследованиях в бассейне р. Ик и Казангуловского нижнего поселения на р. Дема в 1981 г. Уфа, 1982 // Архив археологической лаборатории БГУ. Ф. 4. Д. 19, 20.

Фахретдинов А.И. Отчет об итогах охранно-разведочного археологического обследования земельных участков, отводимых под объект: «ВОЛС на участке УС Языково – УС Салават» в г.о. Салават, Стерлитамакском, Альшеевском, Аургазинском, Давлекановском, Чишминском, Благоварском районах Республики Башкортостан, по Открытому листу № 2197 от 11.10.2018 г в 2018 году. Т. 4. ООО НПЦ «УТР», Самара, 2019 // Архив ИА РАН. 255 с.

REFERENCES

Ageev B.B., Mazhitov N.A. Raskopki v Yuzhnoj Bashkirii [Excavations in South Bashkiria] // Arheologicheskie otkrytiya 1969 g. / Otv. red. B. Rybakov. M.: Nauka, 1970. S. 170.

Alekseev V.P. Osteometriya. Metodika antropologicheskih issledovanij [Osteometry. Anthropological research methodology]. M.: Nauka, 1966. 249 s.

Alekseev V.P., Debec G.F. Kraniometriya. Metodika antropologicheskih issledovanij [Craniometry. Anthropological research methodology]. M.: Nauka, 1964. 128 s.

Bahshiev I.I., Nasretdinov R.R. Nauchnyj otchet o provedenii monitoringa pamyatnikov arheologii Davlekanovskogo rajona Respubliki Bashkortostan [Scientific report on the monitoring of archeological monuments in the Davlekanovsky district of the Republic of Bashkortostan]. Ufa, 2010 // Arhiv GBUK NPC MK RB.

Garustovich G.N. Naselenie Volgo-Ural'skoj lesostepi v pervoj polovine II tysyacheletiya nashej ery [The population of the Volga-Ural forest-steppe in the first half of the I millennium AD]: Avtoref. diss… kand. ist. nauk. Ufa, 1998. 355 s.

Garustovich G.N. Chiyalikskaya arheologicheskaya kul'tura epohi srednevekov'ya na Yuzhnom Urale [The chyalyk archaeological culture of the Middle Ages in the South Urals] // UAV. Vyp. 15. 2015. S. 181-198.

KPAB, 1982: Katalog pamyatnikov arheologii Bashkirii, otkrytyh v 1971-1980 godah [Catalog of archeological monuments of Bashkiria, discovered in 1971-1980] / Avt.-sost. M. Obydennov, V. Bannikov. Ufa: GZHT, 1982. 80 s.

Matveeva G.I. Otchet arheologicheskoj ekspedicii Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta za 1962 g. [Report of the archaeological expedition of the Bashkir State University for 1962]. Ufa, 1963 // Arhiv arheologicheskoj laboratorii BGU. F. 3. D. 1.

Morozov Yu.A. Kara-Yakupovskaya eneoliticheskaya stoyanka [The Kara-Yakup Eneolithic site] // Epoha medi yuga Vostochnoj Evropy / Otv. red. N.Ya. Merpert. Kujbyshev: KGPI im. V.V. Kujbysheva, 1984. S. 43-58.

Obydennov M.F. Nauchnyj otchet ob arheologicheskih issledovaniyah v bassejne r. Ik i Kazangulovskogo nizhnego poseleniya na r. Dema v 1981 g [Scientific report on archaeological research in the Ik river basin and Kazangulovsky lower settlement on the Dema river in 1981]. Ufa, 1982 // Arhiv arheologicheskoj laboratorii BGU. F. 4. D. 19, 20.

Fahretdinov A.I. Otchet ob itogah ohranno-razvedochnogo arheologicheskogo obsledovaniya zemel'nyh uchastkov, otvodimyh pod ob"ekt: «VOLS na uchastke US Yazykovo – US Salavat» v g.o. Salavat, Sterlitamakskom, Al'sheevskom, Aurgazinskom, Davlekanovskom, Chishminskom, Blagovarovskom rajonah Respubliki Bashkortostan, po Otkrytomu listu № 2197 ot 11.10.2018 g v 2018 godu [Report on the results of the protection and exploration archaeological survey of land plots allotted for the object: "FOTL on the section Yazykovo – Salavat" in Salavat town, Sterlitamaksky, Alsheevsky, Aurgazinsky, Davlekanovsky, Chishminsky, Blagovarovsky districts of the Republic of Bashkortostan, according to Open sheet № 2197 dated 10.11.2018 in 2018]. T. 4. OOO NPC «UTR», Samara, 2019 // Arhiv IA RAN. 255 s.

A FEW EARLY ISLAMIC GRAVES IN SUBSOIL BURIAL GROUND LOCATED IN FOREST-STEPPE CIS-URALS

E. Ruslanov

Abstract. This scientific article publishes data on medieval burials from four ground burial to much grounds studied in different years on the territory of Bashkortostan. Newly published data reveals represent a new and important archaeological material of the 13th-14th centuries, complementing the existing ideas about the region during the period of consolidation of Islam – the state religion of the Golden Horde – among the local population of the Chiyalik archaeological culture.

Key words: Cis-Urals, Chiyalik culture, Golden Horde, burial ground, Islam

Citation. Ruslanov E., 2020. A few Early Islamic graves in subsoil burial ground located in forest-steppe Cis-Urals. The Ufa Archaeological Herald, is. 20, pp. 134-140. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2020.20.010

УДК 902; 904
ББК 63.4

Дата поступления статьи: 07.05.2020
Дата принятия статьи: 27.10.2020

НЕСКОЛЬКО РАННЕМУСУЛЬМАНСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ ИЗ ГРУНТОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРЕДУРАЛЬЯ

Евгений Владимирович Русланов
канд. ист. наук / начальник отдела археологического наследия
Управление по государственной охране
объектов культурного наследия Республики Башкортостан
Уфа, Российская Федерация / E-mail: butleger@mail.ru

Аннотация. Публикуются средневековые захоронения из четырех грунтовых могильников, изученных в разные годы на территории Башкортостана. Вводимые в научный оборот данные представляют собой новый и важный археологический материал XIII-XIV вв., дополняющий существующие представления о регионе в период закрепления ислама – государственной религии Золотой Орды – у местного населения чияликской археологической культуры.

Ключевые слова: Предуралье, чияликская культура, Золотая Орда, могильник, ислам

Цитирование. Русланов Е.В., 2020. Несколько раннемусульманских погребений из грунтовых могильников лесостепного Предуралья // Уфимский археологический вестник. Вып. 20. С. 134–140. DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2020.20.010

Многолетние археологические исследования, проводившиеся силами археологов Башкирии в советское и постсоветское время дали массовый и яркий археологический материал [Гарустович, 2003. С. 58-64; Савельев, 2018. С. 64-69], в том числе и для изучения позднесредневекового населения региона.

По объективным причинам в научный оборот к сегодняшнему дню введена лишь часть этих данных, которая, в первую очередь, затрагивает материалы кочевнических погребений степной зоны Южного Урала [см. напр.: Иванов, Кригер, 1988; Гарустович и др., 2014. С. 626-633; Иванов, 2015; Гарустович и др., 2015. С. 28-34; Сунгатов и др., 2016. С. 88-95]. Вместе с тем, в золотоордынское время к северу от насыщенного курганными погребениями степного коридора, в лесном и лесостепном Предуралье, располагалась довольно компактная группа памятников, оставленная носителями чияликской археологической культуры, с довольно устойчивым хозяйственно-культурным типом и погребально-поминальной обрядностью [Гарустович, 2015. С. 181-198].

Сложившаяся ситуация, обусловленная практически полным отсутствием опубликованных, чаще всего безинвентарных, рядовых чияликских погребений и селищ с территории лесного и лесостепного Предуралья, создает обманчивое впечатление наличия ярких кочевнических языческих подкурганных комплексов, с одной стороны, и буквально единичных чияликских памятников – с другой, что в целом искажает восприятие исторической ситуации на Южном Урале в эпоху Золотой Орды.

На данный момент[1] ситуация начинает выравниваться, издаются как материалы поселенческих

[1] Приведенным далее списком и исчерпываются публикации, содержащие материалы чияликских памятников лесостепного Приуралья, изданные в последние годы.

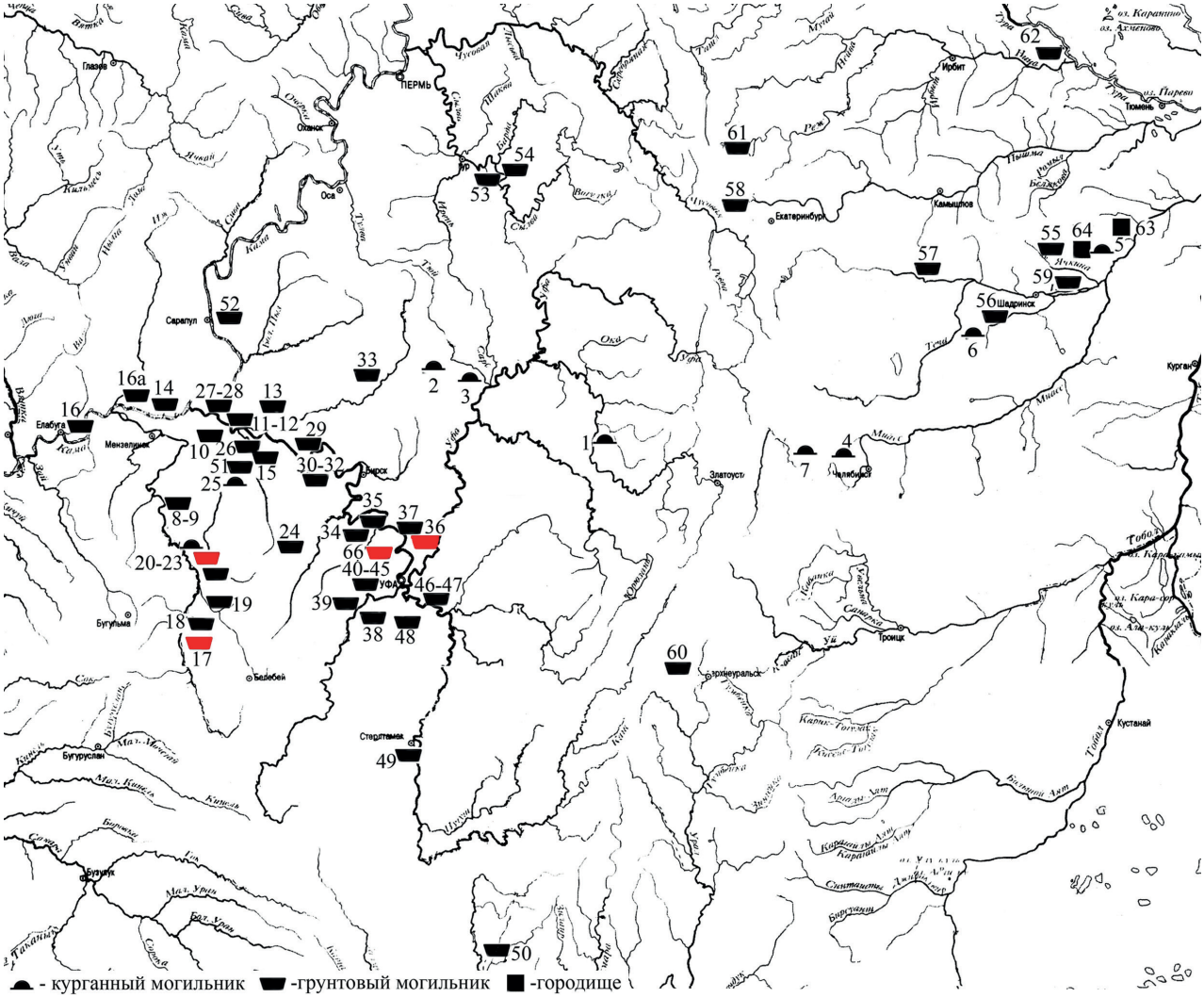


Рис. 1. Карта памятников чияликской археологической культуры (по: [Гарустович, 2015]). Красным цветом обозначены могильники, рассматриваемые в настоящей статье.

Курганные могильники: 1 – Каранаевские курганы; *2* – Бакалинские курганы; *3* – Мрясимовские курганы; *4* – курганное погребение Смолино; *5* – Макушинские курганы; *6* – Замараевские курганы; *7* – Миасские II курганы.

Грунтовые могильники: 8 – Старо-Варяшский I; *9* – Старо-Варяшский II; *10* – Азметьевский I; *11* – Дербешкинский; *12* – Старосемиостровский; *13* – Такталачукский; *14* – Тураевский II; *15* – Гулюковский; *16* – Елабужский; *16а* – Старо-Селищенское кладбище; *17* – Казыбиргян; *18* – Кара-Яр; *19* – Тукмак-Каран; *20* – Ново-Сарлинский; *21* – Куштирякский курганный мог-к; *22* – Карповский; *23* – Нагайбакский I; *24* – Нагайбакский II; *25* – Сынгряновский курганно-грунтовый могильник; *26* – Ново-Медведевское погребение; *27* – Старо-Нагаевский; *28* – Янгизнарат; *29* – Базитамакский; *30* – Байгильдинский; *31* – Кушулевский II; *32* – Казакларовский; *33* – Алтаевский; *34* – Ахметовский I (поздний); *35* – Ахметовский II; *36*–Резяповский (Дмитриевский); *37*–Биктимировский (поздний); *38*–Ново-Троицкий; *39*–Нижне-Хозятовский; *40*–Горновский; *41* – Караякуповский; *42* – Нижегородский III; *43* – Демский; *44* – Уфа-II (поздний); *45* – Алексеевский; *46* – Шиповский (поздний); *47* – Охлебининский (поздний; Ак-Таш); *48* – Ибрагимовский; *49* – Шах-Тау; *50* – Исянгуловский; *51* – Исянбаевский; *52* – «Бельский Шихан»; *53* – «Селянино Озеро»; *54* – Кишертский; *55* – Пылаевский; *56* – Замараевский (грунтовый); *57* – Казакбаевский; *58* – Перегон; *59* – Козырь; *60* – Верхне-Спасский; *61* – Аятский; *62* – Мысовский; *66* – Таганаевский.

Городища: 63 – Мохирево; *64* – Юдинское; *65* – Прыговское

Fig. 1. Map of the sites of the Chialik archaeological culture (after: [Garustovich, 2015]). The burial grounds considered in the article are marked in red.

Burial mounds: 1 – Karanaevsky; *2* – Bakalinskiy; *3* – Mryasimovskie; *4* –Smolino; *5* – Makushinskiy; *6* – Zamaraevsky; *7* – Miass II.

Burial grounds: 8 – Staro-Varyashsky I; *9* – Staro-Varyashsky II; *10* – Azmetyevsky I; *11* – Derbeshkinsky; *12* – Starosemiostrovsky; *13* – Taktalachuksky; *14* – Turaevsky II; *15* – Gulyukovsky; *16* – Yelabuga; *16a* – Staro-Selishchenskoye cemetery; *17* – Kazybirgyan; *18* – Kara-Yar; *19* – Tukmak-Karan; *20* – Novo-Sarlinsky; *21* – Kushtiryaksky burial mound; *22* – Karpovsky; *23* – Nagaybaksky I; *24* – Nagaybaksky II; *25* – Syngryanovsky; *26* – Novo-Medvedevskoe burial; *27* – Staro-Nagaevsky; *28* – Yangiznarat; *29* – Bazitamaksky; *30* – Baygildinsky; *31* – Kushulevsky II; *32* – Kazaklarovsky; *33* – Altayevsky; *34* – Akhmetovsky I (late); *35* – Akhmetovsky II; *36* – Rezyapovsky (Dmitrievsky); *37* – Biktimirovsky (late); *38* – Novo-Troitsky; *39* – Nizhne-Khozyatovsky; *40* – Gornovsky; *41* – Karayakupovsky; *42* – Nizhegorodsky III; *43* – Demsky; *44* – Ufa-II (late); *45* – Alekseevsky; *46* – Shipovsky (late); *47* – Okhlebininsky (late; Ak-Tash); *48* – Ibragimovsky; *49* – Shah-Tau; *50* – Isyangulovsky; *51* – Isyanbaevsky; *52* – Belsky Shikhan; *53* – “Selyanino Lake”; *54* – Kishertsky; *55* – Pylaevsky; *56* – Zamaraevsky (ground); *57* – Kazakbaevsky; *58* – Peregon; *59* – Kozyr’; *60* – Verkhne-Spassky; *61* – Ayatsky; *62* – Mysovsky; *66* – Taganaevsky.

Settlements: *63* – Mokhirevo; *64* – Yudinskoe; *65* – Prygovskoe

памятников [Обыденнова и др., 2007. С. 306-307; Обыденнова и др., 2008. С. 76-83; Камалеев и др., 2017. С. 51-54; Ахатов и др., 2018. С. 28-32; Гарустович и др., 2018. С. 32-42], так и раскопанных ранее грунтовых могильников [Русланов, 2018а. С. 98-105; 2019. С. 185-187; 2020. С. 77-85], предпринимаются попытки обобщения имеющегося материала [Русланов, 2018б. С. 316-318; Древности.., 2018. С. 74-78].

Таким образом, цель настоящей публикации заключается во вводе в научный оборот нескольких погребений из четырех грунтовых могильников, изученных, как правило, не целенаправленными стационарными раскопками, а небольшими площадями в ходе разведочных работ (рис. 1).

Ново-Сарлинский могильник. Деревня Новые Сарлы (ныне не существует) Бакалинского района РБ. Могильник расположен на южной и юго-западной окраине деревни, на мысу правого берега р. Ик, возле ферм. Обследовался в 1960 г. А.П. Шокуровым, в 1984 г. – Г.Н. Гарустовичем.

В разные годы при строительстве силосных ям разрушено несколько захоронений. Погребенные находились в прямоугольных ямах, вытянуто на спине, головой на северо-запад [Шокуров, 1960; 1970. С. 155; АКБ, 1976. С. 36. № 21; Гарустович, 1984; Васюткин, Калинин, 1986. С. 95-122]. В 1979 г. С.М. Васюткиным на территории могильника возле ферм было заложено два небольших раскопа. В одном из раскопов (№ 2) было обнаружено погребение.

Погребение 1. Могильная яма подпрямоугольной формы, длиной 1,58-1,60 м, шириной 0,45 м, глубиной 10 см от уровня материка. Стенки ямы прямые, дно ровное.

Скелет подростка (?) лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад. Череп на левом виске, лицом к северу-северо-востоку. Руки вытянуты вдоль тела, кисти рук под тазовыми костями, ноги вытянуты. Вещей нет (рис. 2, *2*).

Дмитриевский могильник. Деревня Дмитриевка Благовещенского района РБ. В отчете Н.А. Мажитова могильник фигурирует как Резяповский [Мажитов, 1966].

Памятник находится на юго-восточной окраине деревни на высоком правом берегу р. Белой, у щепной фабрики. По словам местных жителей, в карьере они часто находили человеческие кости и древние вещи, в том числе мечи. При зачистке одного из костяков обнаружены остатки глиняного сосудика эпохи железа, орнаментированного круглыми ямками [Шокуров, 1958].

Н.А. Мажитовым произведена частичная зачистка обнажения карьера, где на глубине 0,4-0,5 м удалось обнаружить останки двух детских скелетов, лежащих головами на северо-запад. После этого вдоль берега был заложен небольшой раскоп (14×2 м). В раскопе выявлено два погребения.

Погребение 1. Размеры могильной ямы 1,95×0,4 м, глубина 0,65 м. Костяк плохой сохранности, лежал на спине, вытянуто, головой на запад. Вещей нет.

Погребение 2. Размеры могильной ямы 2×0,5 м, глубина 0,6 м. Костяк сохранился частично, лежал на спине, вытянуто, головой на запад. Вещей нет.

Поиски могильника в 2017 г. разведочным отрядом музея-заповедника «Древняя Уфа» не дали результатов [Кильмаков, 2017].

Казыбергянский могильник. Деревня Япрыково, Туймазинский район РБ, правый берег р. Ик. Находится в 2 км южнее деревни, на горе Казыбергян. Зафиксирован и исследовался в 1976 г. Г.Н. Матюшиным. Разрушается карьером. В восточной стенке карьера обнаружены остатки четырех погребений. Три разрушены, от них сохранились остатки могильных ям, от одного погребения сохранился череп.

Было исследовано одно хорошо сохранившееся погребение, где обнаружен человеческий костяк. Погребенный был положен в деревянный гроб, в вытянутом положении на спине, головой на запад. Вещи отсутствовали [Матюшин, 1976; КПАБ, 1982. С. 10. № 21] (рис. 2, *1, 4*).

Таганаевский могильник. Деревня Таганаево, Кушнаренковский район РБ. Находится в 1 км юго-западнее деревни, вблизи ферм и Таганаевской стоянки, на мысу левого берега р. Белой, в широкой пойме. Здесь, как сообщили жители с. Ильмурзино, при рытье ям ими было разрушено много погребений [АКБ, 1976. С. 69. № 405].

Территория могильника в конце 1970-х годов была сильно разрушена при разработке карьера по добыче глины. Г.Н. Гарустович предполагал, что могильник практически полностью уничтожен карьером [Гарустович, 1994. С. 15-17]. В результате среза верхнего слоя грунта было разрушено несколько погребений.

В 1993 г. по краю карьера на площадке террасы была заложена траншея длиной 24 м и шириной 2 м (площадь 48 м²). Траншея ориентирована по линии запад-юго-запад – восток-северо-восток. В слое гумуса было выявлено погребение (рис. 2, *8*).

Погребение 1. В кв. 3 на глубине 0,18 м выявлены остатки захоронения взрослого человека. Сохранились раздавленные бульдозером тазовые кости и обломки костей ног. Положение покойного вытянутое на спине, головой ориентирован на запад. Вещей нет (рис. 2, *3*).

В кв. 8, на глубине 0,1 м найдена железная пластина – щиток пряжки, длиной 2,9 см, шириной 1,1-1,4 см (рис. 2, *5*). В кв. 12 найден фрагмент гончарной керамики с примесью песка (рис. 2, *7*). В кв. 5 также найдена стенка лепного сосуда с примесью песка, орнаментированная оттисками зубчатого штампа (рис. 2, *6*). Керамика находит аналогии в материалах Горновского селища на р. Дема, надежно датированного XIII-XIV вв. [Обыденнова и др., 2007. С. 306-307].

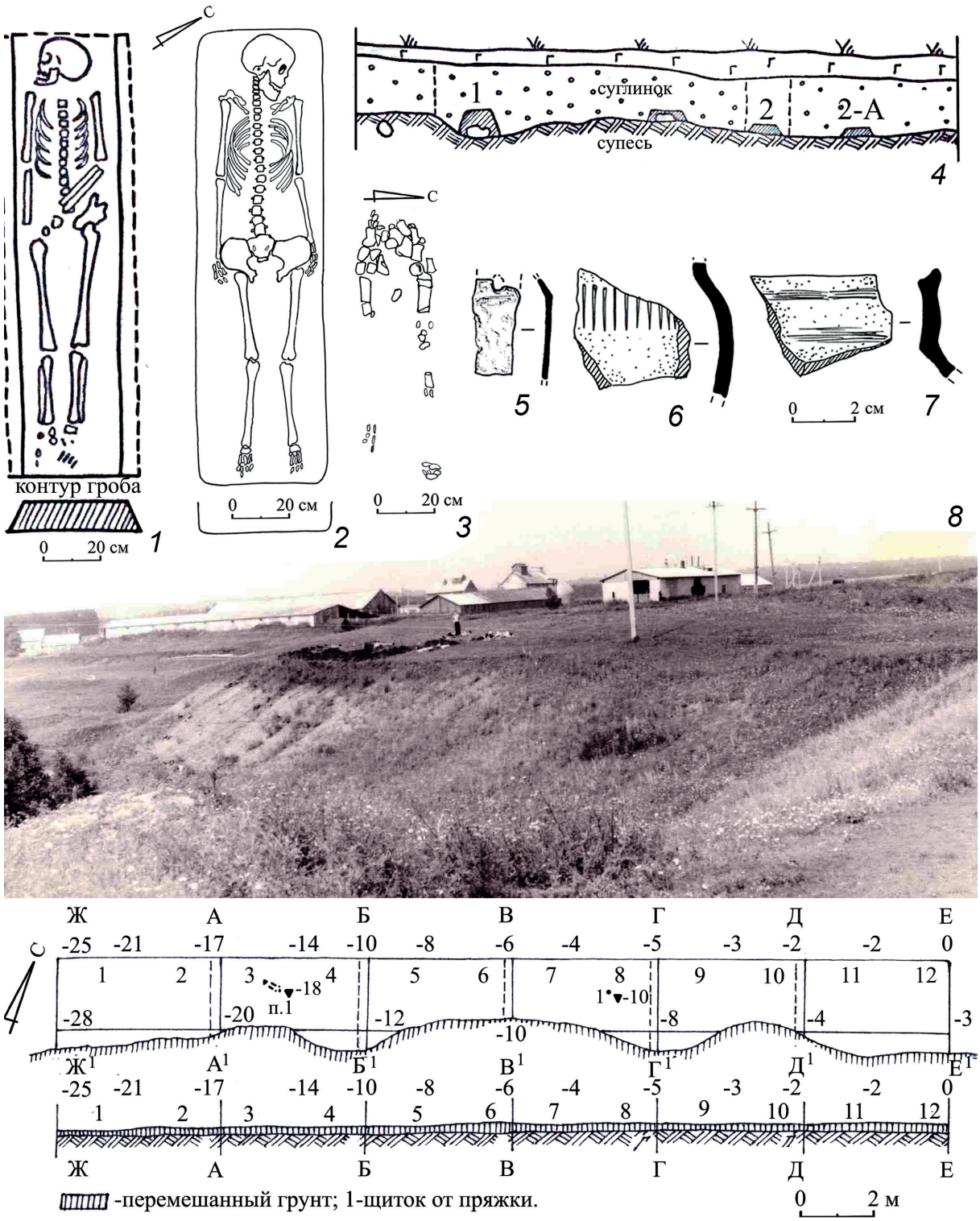


Рис. 2. Материалы грунтовых могильников. *1, 4* – Казыбиргян; *2* – Ново-Сарлинский; *3, 5-8* – Таганаевский

Fig. 2. Materials of burial grounds. *1, 4* – Kazybirgyan; *2* – Novo-Sarlinsky; *3, 5-8* – Taganaevsky

На территории раскопа в разных квадратах встречались мелкие обломки костей человека, перемещенные и раздавленные бульдозером. В 30 м к югу-юго-западу от траншеи был заложен раскоп II площадью 108 м². Погребений и находок не выявлено. В 120 м к западу-юго-западу от раскопа II, на краю соседнего мыса был разбит раскоп III площадью 32 м², который также не дал результатов.

Таким образом, публикуемые захоронения, судя по отсутствию подбоев (ляхет), положению костяка и ориентации головы лицом на Кыблу, совершены по раннемусульманскому обряду и датируются XIII-XIV вв.

Остается надеяться, что со временем в научный оборот будут введены и другие, не менее информативные материалы, дополняющие общую картину освоения населением чияликской культуры территории Южного Урала и имеющие важность не только для изучения лесостепного мира, но и для археологии степных кочевников и полукочевников эпохи Золотой Орды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

АКБ: Археологическая карта Башкирии / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Наука, 1976. 263 с.

Ахатов А.Т., Бахшиев И.И., Тузбеков А.И., Камалеев Э.В. Селище Подымалово-1 в Приуралье: новый памятник эпохи Золотой Орды в Башкирии (предварительные результаты) // История и педагогика естествознания. № 4. 2018. С. 28-32.

Васюткин С.М., Калинин В.К. Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1986. С. 95-122.

Гарустович Г.Н. Отчет об археологических разведках Туймазинском, Бакалинском, Мелеузовском районах БАССР в 1984 г. // Архив ИЭИ УФИЦ РАН. Ф. А/АО/1-16.

Гарустович Г.Н. Научный отчет об охранных археологических работах в 1993 г. на территории Чишминского и Кушнаренковского районов Республики Башкортостан. Уфа, 1994 // Архив ИИЯЛ УФИЦ РАН.

Гарустович Г.Н. Начало археологического изучения Башкортостана в советское время (экспедиционные работы М.С. Смирнова) // УАВ. Вып. 4. 2003. С. 58-64.

Гарустович Г.Н. Чияликская археологическая культура эпохи средневековья на Южном Урале // УАВ. Вып. 15. 2015. С. 181-198.

Гарустович Г.Н., Иванов В.А., Проценко А.С. Погребения кочевников Улуса Шибана (XIII-XIV вв.) в верховьях р. Урал // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 16. №3(2). 2014. С. 626-633.

Гарустович Г.Н., Иванов В.А., Проценко А.С. Колпаковский I курганный могильник // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 6 (363). История. Вып. 63. С. 28-34.

Гарустович Г.Н., Овсянников В.В., Русланов Е.В. Городище Уфа-II в золотоордынский период // Oriental Studies. Vol. 38. Is. 4. 2018. С. 32-42.

Древности Башкирского Урала / Сост. и науч. ред. Н.С. Савельев. Уфа: Информреклама, 2018. 216 с.

Иванов В.А. Кочевники Золотой Орды. Уфа: БГПУ, 2015. 208 с.

Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII-XIV вв.). М.: Наука, 1988. 90 с.

Камалеев Э.В., Ахатов А.Т., Тузбеков А.И., Бахшиев И.И. Археологическое изучение долины р. Сикиязка в 2017 г. // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы XI Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых. Уфа: ИЭИ УФИЦ РАН, 2017. С. 51-54.

КПАБ: Каталог памятников археологии Башкирии, открытых в 1971-1980 годах / Авт.-сост. М.Ф. Обыденнов, В.А. Банников. Уфа: ГЖТ, 1982. 80 с.

Кильмаков У.Г. Научный отчет об итогах маршрутной археологической разведки в целях выявления объектов археологического наследия, уточнения сведений о них и планирования мероприятий по обеспечению их сохранности с проведением локальных земляных работ по обоим берегам р. Семеновки, от с. Николаевка до дер. Дмитриевка Благовещенского района Республики Башкортостан, проведенной в 2017 году // Архив ГБУ РИКМЗ «Древняя Уфа».

Мажитов Н.А. Отчет о работе археологической экспедиции Уфимского института истории, языка и литературы в районах Башкирской АССР и Оренбургской области в 1966 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 3261.

Матюшин Г.Н. Научный отчет о работе Южно-Уральской экспедиции в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7364.

Обыденнова Г.Т., Иванов В.А., Шутелева И.А., Щербаков Н.Б. Археологические исследования поселенческого памятника эпохи позднего средневековья в Чишминском районе Республики Башкортостан в рамках программы «Башкирский аул XVI-XIX веков: историко-археологическое исследование» // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. Чтения памяти К.В. Сальникова (1900-1966) Уфа: Китап, 2007. С. 306-311.

Обыденнова Г.Т., Шутелева И.А., Щербаков Н.Б. Итоги работы археологической экспедиции БГПУ им. М. Акмуллы за последние 10 лет (1998-2008) // Труды КАЭЭ. Вып. 5 / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГПУ, 2008. С. 76-83.

Русланов Е.В. Позднесредневековые материалы из фондов музея им. Н.А. Мажитова // АрхЛаб. Археология Урала: время, памятники, люди / Отв. ред. Р.Р. Русланова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2018а. С. 98-105.

Русланов Е.В. Предгорные равнины западных склонов Башкирского Приуралья в золотоордынское время (по материалам Береговского археологического микрорайона) // XXI Уральское археологическое совещание. Самара: СГСПУ, 2018б. С. 316-318.

Русланов Е.В. Позднесредневековые погребения с площадки Нижегородского III поселения в районе Уфимского полуострова // Новые материалы и методы археологического исследования: от критики источника к обобщению и интерпретации данных / Отв. ред. В.Е. Родникова. М.: ИА РАН, 2019. С. 185-187.

Русланов Е.В. Результаты исследования Новотроицкого грунтового могильника в контексте древностей золотоордынского времени в Башкирии // Вестник гуманитарного образования. № 2 (18). 2020. С. 77-85.

Савельев Н.С. К истории создания «Археологической карты Башкирии» // Древние и средневековые общества Евразии: перекресток культур. Междунар. науч. симпозиум, посвящ. памяти видного ученого-археолога, профессора, академика АН РБ,

доктора исторических наук Н.А. Мажитова. Уфа: Мир печати, 2018. С. 64-69.

Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н., Мухаметдинов В.И., Русланова Р.Р., Каданцев Д.М. Целинное-3 – памятник золотоордынского времени в Башкирском Зауралье // УАВ. Вып. 16. 2016. С. 88-95.

Шокуров А.П. Отчет об археологических работах Третьего разведывательного отряда Башкирской археологической экспедиции в 1958 г. Ч. 2 // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1725.

Шокуров А.П. Отчет об археологических разведках Третьего отряда Башкирской экспедиции. 1960 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2054.

Шокуров А.П. Материалы к археологической карте нижнего течения р. Белой и среднего течения р. Ик // Древности Башкирии / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1970. С. 131-160.

REFERENCES

AKB: Arheologicheskaya karta Bashkirii [Archaeological map of Bashkiria] / Ed. O.N. Bader. M.: Nauka, 1976. 263 s.

Ahatov A.T., Bahshiev I.I., Tuzbekov A.I., Kamaleev E.V. Selishche Podymalovo-1 v Priural'e: novyj pamyatnik epohi Zolotoj Ordy v Bashkirii (predvaritel'nye rezul'taty) [Settlement Podymalovo-1 in the preUrals: a new site of the Golden Horde period in Bashkiria (preliminary results)] // Istoriya i pedagogika estestvoznaniya. № 4. 2018. S. 28-32.

Vasyutkin S.M., Kalinin V.K. Novo-Sasykul'skij mogil'nik [Novo-Sasykul burial ground] // Arheologicheskie raboty v nizov'yah Beloj / Ed. A.Kh. Pshenichnyuk. Ufa: BFAN SSSR, 1986. S. 95-122.

Garustovich G.N. Otchet ob arheologicheskih razvedkah Tujmazinskom, Bakalinskom, Meleuzovskom rajonah BASSR v 1984 g. [Report on archaeological exploration of Tuimazinsky, Bakalinsky, Meleuzovsky districts of the BASSR in 1984] / IEI UFIC RAN archives. F. A/AO/1-16.

Garustovich G.N. Nauchnyj otchet ob ohrannyh arheologicheskih rabotah v 1993 g. na territorii Chishminskogo i Kushnarenkovskogo rajonov Respubliki Bashkortostan [Scientific report on protection archaeological works in 1993 on the territory of Chishminsky and Kushnarenkovsky districts of the Republic of Bashkortostan]. Ufa, 1994 / IIYaL UFRC RAN archives.

Garustovich G.N. Nachalo arheologicheskogo izucheniya Bashkortostana v sovetskoe vremya (ekspedicionnye raboty M.S. Smirnova) [The beginning of the archaeological study of Bashkortostan in Soviet period (expeditionary work of M.S.Smirnov)] // UAV. Vyp. 4. 2003. S. 58-64.

Garustovich G.N. Chiyalikskaya arheologicheskaya kul'tura epohi srednevekov'ya na Yuzhnom Urale [The Chialik archaeological culture of the Middle Ages in the Southern Urals] // UAV. Vyp. 15. 2015. S. 181-198.

Garustovich G.N., Ivanov V.A., Procenko A.S. Pogrebeniya kochevnikov Ulusa Shibana (XIII-XIV vv.) v verhov'yah r. Ural [Burials of the nomads of Ulus Shiban (XIII-XIV centuries) in the upper reaches of the Ural river] // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. T. 16. №3(2). 2014. S. 626-633.

Garustovich G.N., Ivanov V.A., Procenko A.S. Kolpakovskij I kurgannyj mogil'nik [Kolpakovsky I kurgan burial] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 6 (363). Istoriya. Vyp. 63. S. 28-34.

Garustovich G.N., Ovsyannikov V.V., Ruslanov E.V. Gorodishche Ufa-II v zolotoordynskij period [The Ancient Settlement of Ufa-II in the Golden Horde Period] // Oriental Studies. Vol. 38. Is. 4. 2018. S. 32-42.

Drevnosti Bashkirskogo Urala [Antiquities of the Bashkir Urals] / Sost. i nauch. red. N.S. Savelev. Ufa: Informreklama, 2018. 216 s.

Ivanov V.A. Kochevniki Zolotoj Ordy [Nomads of the Golden Horde]. Ufa: BGPU, 2015. 208 s.

Ivanov V.A., Kriger V.A. Kurgany kypchakskogo vremeni na Yuzhnom Urale (XII-XIV vv.) [The Kypchak period kurgans in the Southern Urals (XII-XIV centuries)]. M.: Nauka, 1988. 90 s.

Kamaleev E.V., Ahatov A.T., Tuzbekov A.I., Bahshiev I.I. Arheologicheskoe izuchenie doliny r. Sikiyazka v 2017 g. [Archaeological study of the river Sikiyazka valley in 2017] // Etnosy i kul'tury Uralo-Povolzh'ya: istoriya i sovremennost': materialy XI Vseros. nauch.-prakt. konf. molodyh uchenyh. Ufa: IEI UFIC RAN, 2017. S. 51-54.

KPAB: Katalog pamyatnikov arheologii Bashkirii, otkrytyh v 1971-1980 godah [Catalogue of archeological sites of Bashkiria, discovered in 1971-1980 years] / Avt.-sost. M.F. Obydennov, V. Bannikov. Ufa: GZHT, 1982. 80 s.

Kil'makov U.G. Nauchnyj otchet ob itogah marshrutnoj arheologicheskoj razvedki v celyah vyyavleniya ob"ektov arheologicheskogo naslediya, utochneniya svedenij o nih i planirovaniya meropriyatij po obespecheniyu ih sohrannosti s provedeniem lokal'nyh zemlyanyh rabot po oboim beregam r. Semenovki, ot s. Nikolaevka do der. Dmitrievka Blagoveshchenskogo rajona Respubliki Bashkortostan, provedennoj v 2017 godu [A scientific report on the results of route archaeological exploration in order to identify objects of archaeological heritage, clarify information about them and to plan measures to ensure their safety, with local excavation work on both banks of the Semenovka river, from the Nikolaevka village to the Dmitrievka village of the Blagoveshchensky district of the Republic of Bashkortostan, held in 2017] // GBU RIKMZ «Drevnyaya Ufa», arhives.

Mazhitov N.A. Otchet o rabote arheologicheskoj ekspedicii Ufimskogo instituta istorii, yazyka i literatury v rajonah Bashkirskoj ASSR i Orenburgskoj oblasti v 1966 g. [Report about the work of archaeological expedition of the Ufa Institute of History, Language

and Literature in the districts of the Bashkir ASSR and the Orenburg region in 1966] // Arhiv IA RAN. F-1. R-1. № 3261.

Matyushin G.N. Nauchnyj otchet o rabote Yuzhno-Ural'skoj ekspedicii v 1976 g. [Scientific report on the work of the Southern Ural expedition in 1976] // Arhiv IA RAN. R-1. № 7364.

Obydennova G.T., Ivanov V.A., Shuteleva I.A., Shcherbakov N.B. Arheologicheskie issledovaniya poselencheskogo pamyatnika epohi pozdnego srednevekov'ya v Chishminskom rajone Respubliki Bashkortostan v ramkah programmy «Bashkirskij aul XVI-XIX vekov: istoriko-arheologicheskoe issledovanie» [Archaeological research of a settlement site of the late Middle Ages in the Chishminsky district of the Republic of Bashkortostan in the framework of the program "Bashkir aul of the XVI-XIX centuries: historical and archaeological research"] // Formirovanie i vzaimodejstvie ural'skih narodov v izmenyayushchejsya etnokul'turnoj srede Evrazii: problemy izucheniya i istoriografiya. Chteniya pamyati K.V. Sal'nikova (1900-1966) Ufa: Kitap, 2007. S. 306-311.

Obydennova G.T., Shuteleva I.A., Shcherbakov N.B. Itogi raboty arheologicheskoj ekspedicii BGPU im. M. Akmully za poslednie 10 let (1998-2008) [The results of the work of the archaeological expedition of BSPU n.a. M. Akmulla for the last 10 years (1998-2008)] // Trudy KAEE. Vyp. 5 / Otv. red. A.M. Belavin. Perm': PGPU, 2008. S. 76-83.

Ruslanov E.V. Pozdnesrednevekovye materialy iz fondov muzeya im. N.A. Mazhitova [Late medieval materials from the funds of the Museum n.a. N.A. Mazhitov] // ArhLab. Arheologiya Urala: vremya, pamyatniki, lyudi / Otv. red. R.R. Ruslanova. Ufa: RIC BashGU, 2018a. S. 98-105.

Ruslanov E.V. Predgornye ravniny zapadnyh sklonov Bashkirskogo Priural'ya v zolotoordynskoe vremya (po materialam Beregovskogo arheologicheskogo mikrorajona) [Piedmont plain of the western slopes of the Bashkir Cis-Urals in the Golden Horde period (based on materials from the Beregovsky archaeological microdistrict)] // XXI Ural'skoe arheologicheskoe soveshchanie. Samara: SGSPU, 2018b. S. 316-318.

Ruslanov E.V. Pozdnesrednevekovye pogrebeniya s ploshchadki Nizhegorodskogo III poseleniya v rajone Ufimskogo poluostrova [Late medieval burials from the territory of Nizhgorodka III near Ufa Peninsula] // Novye materialy i metody arheologicheskogo issledovaniya: ot kritiki istochnika k obobshcheniyu i interpretacii dannyh / Otv. red. V.E. Rodnikova. M.: IA RAN, 2019. S. 185-187.

Ruslanov E.V. Rezul'taty issledovaniya Novotroickogo gruntovogo mogil'nika v kontekste drevnostej zolotoordynskogo vremeni v Bashkirii [The results of the study of Novotroitsk burial ground in the context of antiquities of the Golden Horde period in Bashkiria] // Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya. №2 (18). 2020. S. 77-85.

Savelev N.S. K istorii sozdaniya «Arheologicheskoj karty Bashkirii» [On the history of the creation of the Archaeological map of Bashkiria] // Drevnie i srednevekovye obshchestva Evrazii: perekrestok kul'tur. Mezhdunar. nauch. simpozium, posvyashch. pamyati vidnogo uchenogo-arheologa, professora, akademika AN RB, doktora istoricheskih nauk N.A. Mazhitova. Ufa: Mir pechati, 2018. S. 64-69.

Sungatov F.A., Ruslanova P.P., Sultanova A.N., Muhametdinov V.I., Kadancev D.M. Tselinnoe-3 – pamyatnik zolotoordynskogo vremeni v Bashkirskom Zaural'e [Tselinnoe-3 – a site of the Golden period time in the Bashkir Trans-Urals] // UAV. Vyp. 16. 2016. S. 88-95.

Shokurov A.P. Otchet ob arheologicheskih rabotah Tret'ego razvedyvatel'nogo otryada Bashkirskoj arheologicheskoj ekspedicii v 1958 g. Ch. 2 [Report on the archaeological work of the Third Reconnaissance Detachment of the Bashkir Archaeological Expedition in 1958] // Arhiv IA RAN. F-1. R-1. № 1725.

Shokurov A.P. Otchet ob arheologicheskih razvedkah Tret'ego otryada Bashkirskoj ekspedicii. 1960 g. [Report on archaeological exploration of the Third Detachment of the Bashkir Expedition. 1960] // Arhiv IA RAN. F-1. R-1. № 2054.

Shokurov A.P. Materialy k arheologicheskoj karte nizhnego techeniya r. Beloj i srednego techeniya r. Ik [Materials for the archaeological map of the lower reaches of the Belaya river and middle reaches of the Ik river] // Drevnosti Bashkirii / Otv. red. A.P. Smirnov. M.: Nauka, 1970. S. 131-160.

THE PERVOMAYSKY-1 SITE RESEARCH (THE STONE AGE, EARLY NOMADS, MODERN AGE) IN THE SOUTH CIS-URALS

N. Savelev, S. Nikolaev, M. Rumiantsev

Abstract. The paper presents the results of a study of the Pervomaisky-1 site, discovered in 2019, located in the Abzelilovsky district of Bashkortostan, on the shore of a small plowed former lake at the top of the steppe watershed rise. Judging by the materials obtained, the site was a place of short-term development at the end of the Stone Age (the Neolithic-Eneolithic), in the Early Iron Age (V-IV centuries BC) and in the Modern Age (mid-second half of the 19th century). An analysis of all archaeological materials found at the site is presented, the originality and regularity of the topographic confinement of this type of site are shown. The cultural and chronological characteristics of the materials are substantiated against a broad comparative background and the nature of the site's use is reconstructed.

Key words: Southern Trans-Urals, steppe zone, karst lake, Neolithic-Eneolithic, Scythian-Sarmatian time, Modern Age

Citation. Savelev N., Nikolaev S., Rumiantsev M., 2020. The Pervomaysky-1 site research (the Stone Age, Early nomads, Modern Age) in the South Cis-Urals. The Ufa Archaeological Herald, is. 20, pp. 141-154. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2020.20.011

УДК 902; 904
ББК 63.4

Дата поступления статьи: 16.05.2020
Дата принятия статьи: 10.10.2020

ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНКИ ПЕРВОМАЙСКИЙ-1 (ЭПОХА КАМНЯ, РАННИЕ КОЧЕВНИКИ, НОВОЕ ВРЕМЯ) В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ

Никита Сергеевич Савельев
канд. ист. наук / ведущий научный сотрудник
Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН
Уфа, Российская Федерация / E-mail: sns_1971@mail.ru

Сергей Юрьевич Николаев
младший научный сотрудник
Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН
Уфа, Российская Федерация / E-mail: nikolaev.sergey123@yandex.ru

Михаил Михайлович Румянцев
младший научный сотрудник
Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН
Уфа, Российская Федерация / E-mail: rumiantsevmike@rambler.ru

Аннотация. Представлены результаты исследования выявленной в 2019 г. стоянки Первомайский-1, расположенной в Абзелиловском районе Башкортостана, на берегу небольшого распаханного озера на вершине степного водораздельного сырта. Судя по полученным материалам, стоянка являлась местом кратковременного освоения в финале эпохи камня (неолит-энеолит), в эпоху раннего железа (V-IV вв. до н.э.) и в Новое время (середина – вторая половина XIX в.). Представлен анализ всех археологических материалов, найденных на памятнике, показаны своеобразие и закономерность топографической приуроченности стоянки данного типа. На широком сравнительном фоне обосновывается культурно-хронологическая характеристика материалов и реконструируется характер использования площадки.

Ключевые слова: Южное Зауралье, степная зона, карстовое озеро, неолит-энеолит, скифо-сарматское время, Новое время

Цитирование. Савельев Н.С., Николаев С.Ю., Румянцев М.М., 2020. Исследования стоянки Первомайский-1 (эпоха камня, ранние кочевники, Новое время) в Южном Зауралье // Уфимский археологический вестник. Вып. 20. С. 141–154. DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2020.20.011

В 2019 году при проведении разведочного обследования в Абзелиловском районе Башкортостана, практически на линии границы с Челябинской областью, был выявлен новый археологический памятник, получивший наименование «Стоянка Первомайский-1». Он находится на пологом мысу северного берега небольшого, в настоящее время полностью распаханного карстового озера на вершине степного водораздельного сырта, расположенного на левобережье р. Янгелька (правый приток р. Урал) при впадении в нее р. Таштуй, в 15-20 км к востоку от хребтов Курятмас и Таштыг-

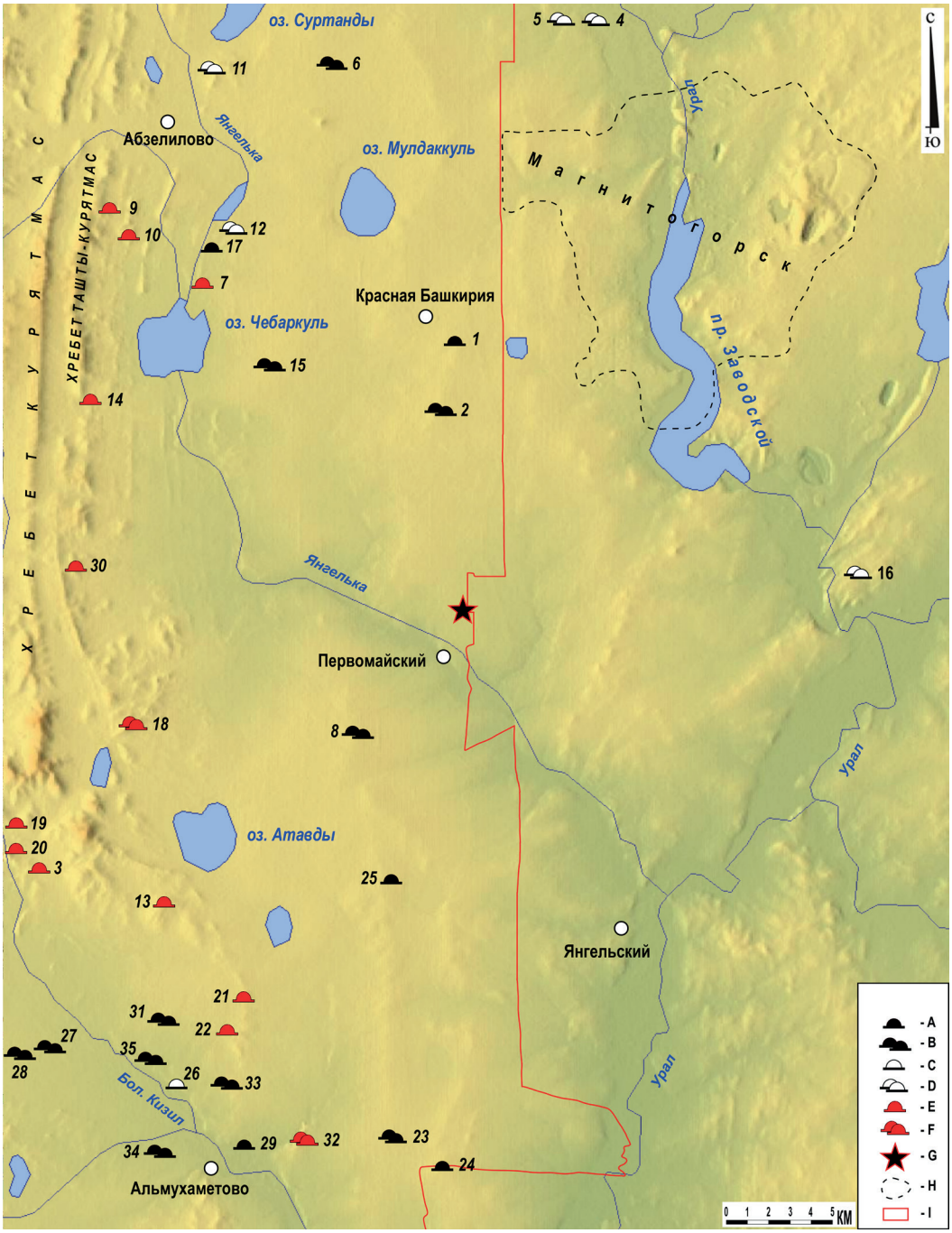


Рис. 1. Расположение стоянки Первомайский-1 и погребальные памятники ранних кочевников восточных предгорий Урала (участок Альмухаметово – Суртанды): *1* – Красная Башкирия-1; *2* – Красная Башкирия-2; *3* – Тепяново-4; *4* – Мало-Кизильский I; 5 – Мало-Кизильский II; *6* – Мулдак-Тау-1; *7* – Чебаркуль-7; *8* – Янгельский-1; *9* – Тупаково-1; *10* – Тупаково-2; *11* – Елимбетово-1; *12* – Михайловка-2; *13* – Башкатсагыл-1; *14* – Кушеево-1; *15* – Давлетово-1; *16* – Агаповские горы IV; *17* – Михайловка-3; *18* – Давлетшино-1; *19* – Мунтаевский курган; *20* – Ишкулово-5; *21* – Суиссагыл-1; *22* – Суиссагыл-2; *23* – Лебяжье Озеро-1; *24* – Лебяжье Озеро-2; *25* – Северный-1; *26* – Булатово-3; *27* – Ишбулдино-3; *28* – Халилово-4; *29* – Целинный-3; *30* – Юлдашево-2; *31* – Авласовские курганы; *32* – Целинный-1; *33* – Альмухаметово-1; *34* – Булатово-1; *35* – Булатово-2

Условные обозначения: A-D – земляные курганы; *E-F* – каменные курганы; *A, C, E* – одиночные курганы; *B, D, F* – курганные могильники; *A-B* –курганы крупных размеров (одиночные и входящие в состав курганных могильников); *G* – место расположения стоянки Первомайский-1; *H* – территория города Магнитогорск; *I* – административная граница между Республикой Башкортостан и Челябинской областью

Fig. 1. Location of the Pervomaisky-1 site and the funerary monuments of the early nomads of the Eastern foothills of the Urals (Almuhametovo – Surtandy site): *1* – Krasnaya Bashkiriya-1; *2* – Krasnaya Bashkiriya-2; *3* – Tepyanovo-4; *4* – Malo-Kizilsky I; *5* – Malo-Kizilsky II; *6* – Muldak-Tau-1; *7* – Chebarkul-7; *8* – Yangelskiy-1; *9* – Tupakovo-1; *10* – Tupakovo-2; *11* – Elimbetovo-1; *12* – Mikhailovka-2; *13* – Bashkatsagyl-1; *14* – Kucheevo-1; *15* – Davletovo-1; *16* – Agapovskie mountains IV; *17* – Mikhailovka-3; *18* – Davletshino-1; *19* – Muntaevsky barrow; *20* – Ishkulovo-5; *21* – Suissagyl-1; *22* – Suissagyl-2; *23* – Lebyazhye Lake-1; *24* –Lebyazhye Lake-2; *25* – Severny-1; *26* – Bulatovo-3; *27* – Ishbuldino-3; *28* – Khalilovo-4; *29* – Tselinny-3; *30* – Yuldashevo-2; *31* – Avlasovsky mounds; *32* – Tselinny-1; *33* – Almukhametovo-1; *34* – Bulatovo-1; *35* – Bulatovo-2

Symbols: *A-D* – earthen mounds; *E-F* – stone mounds; *A, C, E* – single mounds; *B, D, F* – burial mounds; *A-B* – large mounds (single and part of burial mounds); *G* – location of the Pervomaysky-1 site; *H* – territory of the city of Magnitogorsk; *I* – administrative border between the Republic of Bashkortostan and the Chelyabinsk region

Курятмас – крайних восточных хребтов Уральской горной страны. В 2,8 км к югу от стоянки находится с. Первомайский, в 10 км к северо-востоку – край современной застройки города Магнитогорск, в 2,5 км к юго-востоку – железнодорожная станции Пещерная (Челябинская область). Диаметр котловины озера 100 м, глубина 1,5 м, высота плато над долиной р. Янгелька, протекающей через Первомайский – около 45 м. От края вершины сырта, т.е. в непосредственной близости от стоянки (от 600 м до 2 км) находятся истоки нескольких распаханных и сухих русел сезонных водотоков – левых притоков р. Янгелька.

Практически вся пологая вершинная часть сырта распахана, также ранее подверглось распашке и само озеро, котловина которого в настоящее время используется в качестве сенокоса (рис. 2). Берега озера очень пологие и не выраженные, только с северной стороны расположено небольшое мысовидное всхолмление высотой до 1,5 м от уровня изначальной береговой линии (384,5 мБС). На этом мысу, на расстоянии от 30-40 и более метров от бывшего уреза воды, на распаханной поверхности найдено большое количество разновременных находок. Заложенные 5 шурфов (все – размером по 1×1 м) позволили установить максимальные размеры памятника – около 120×100 м, однако, пятно подъемного материала с наибольшим количеством находок имеет размеры не более 70×50 м. Заложенный в центре этого скопления один из разведочных шурфов показал, что культурный слой приурочен исключительно к распаханной части отложений (верхние 30 см).

Всего в коллекцию входит 76 находок, из них: изделий из камня – 4, фрагментов лепных сосудов – 4, фрагментов гончарных сосудов – 37, фрагментов сосудов из фарфора и фаянса – 14, различных изделий из железа – 14. Судя по ним, мыс на северном берегу небольшого карстового озера, расположенного на вершине сырта, использовался в самом финале эпохи камня, в эпоху раннего железа и в Новое время. Ниже приводится описание находок по отдельным этапам, обосновывается культурно-хронологическая характеристика материалов и реконструируется характер использования данной площадки.

***Этап 1.* Неолит-энеолит**

Представлен единичными кремневыми изделиями (3 нуклеуса и 1 скол), найденными на всей поверхности площадки.

Одноплощадочный плоский нуклеус № 1 (рис. 3, *1*). На небольшой угловатой гальке серого кремня несколькими разнонаправленными сколами сформирована ударная площадка, от которой снято два широких параллельных продольных скола. Негативы сколов проходят от ударной площадки до нижней части, т.е. на всю длину нуклеуса. Ширина негативов от 1,2 до 1,7 см. С тыльной стороны поверхность покрыта желвачной коркой светло-коричневого цвета. Размер 6,1×3,1×2,2 см.

Одноплощадочный плоский нуклеус № 2 (рис. 3, *2*). На вытянутой плоской плитке серого кремня с одной стороны параллельно-встречным скалыванием сформирована ударная площадка. С противоположной стороны, вблизи основания левой грани нуклеуса перпендикулярной ретушью сформирован гребень. На рабочей плоскости присутствуют негативы трех узких пластинчатых сколов, идущих от ударной площадки до основания, шириной от 1 до 1,2 см. В верхней части нуклеуса, около ударной площадки, они перекрыты сколом от правой боковой грани. С противоположной стороны перпендикулярными сколами сформирован боковой гребень под первичный скол. Эти негативы от ударной площадки до средней части нуклеуса перекрыты пластинчатым сколом шириной 1,5 см. Боковые стороны нуклеуса покрыты жел-

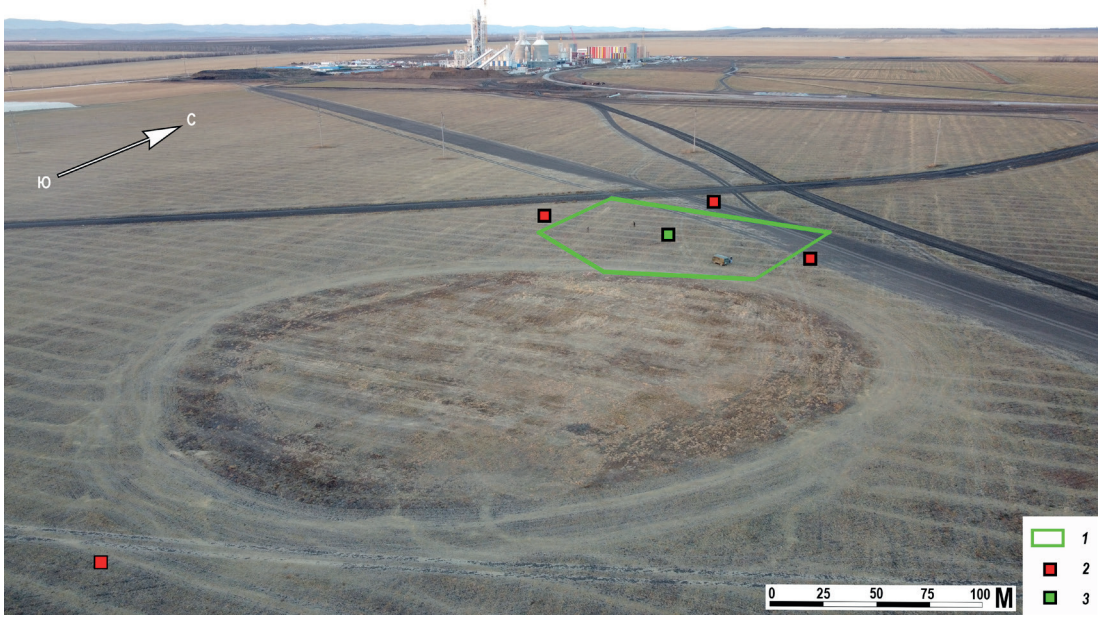


Рис. 2. Стоянка Первомайский-1. Вид с юго-востока. Октябрь 2020 г. *1* – граница памятника; *2* – шурфы без археологического материала; *3* – шурф с археологическим материалом

Fig. 2. Pervomaisky-1 site. View from the south-east. October 2020. *1* – border of the site; *2* – pits without archaeological material; *3* – pit with archaeological material

Рис. 3. Стоянка Первомайский-1. Кремневые изделия эпохи камня. *1-3* – одноплощадочные нуклеусы; *4* – скол

Fig. 3. Pervomaisky-1 site. Flint products of the Stone Age. *1-3* – single-site nuclei; *4* – flake

вачной коркой светло-коричневого цвета. Размеры 5,9×3,4×2,2 см.

Одноплощадочный нуклеус (рис. 3, *3*). На плоской плитке серого кремня двумя перпендикулярными сколами образована ударная площадка и основание нуклеуса. По всей поверхности от ударной площадки сняты параллельные широкие пластины с желвачной коркой. В основании нуклеуса присутствуют отдельные короткие пластинчатые встречные сколы. Нуклеус в начальной стадии расщепления, в котором пластинчатыми сколами снята только желвачная корка. Размеры 3,5×2,3×1,5 см.

Скол вторичный из черного кремня (рис. 3, *4*). Дорсальная поверхность создана одним сколом. Со стороны ударной площадки по краю от брюшка фиксируется крутая параллельная ретушь. Грани скола покрыты естественной коркой. Размеры 4,7×5,1×1 см.

Все найденные нуклеусы являются одноплощадочными, монофронтальными изделиями для получения пластинчатых заготовок. Основной заготовкой с нуклеуса являлся пластинчатый скол длиной около 5 см и шириной от 1 см. Негативы пластин занимают всю длину рабочей плоскости. Для нуклеусов характерно формирование ударной площадки одним или несколькими сколами и продольного гребня, образовывающего выпуклый фронт скалывания. Угол наклона ударной площадки к плоскости скалывания приближен к 90°. Желвачная корка удалялась по мере расщепления самого нуклеуса, т.е. без предварительной подготовки.

После снятия 3-4-х сколов с нуклеусов они не переоформлялись. Это может свидетельствовать об отсутствии такой необходимости в связи с изобилием сырья в этих местах, либо, что наиболее вероятно, о ситуативном характере обработки кремня.

По своим основным характеристикам эти изделия могут быть отнесены к неолиту-энеолиту, т.е. к самому финалу эпохи камня. Тип памятника может быть реконструирован как кратковременная стоянка, при этом все находки первоначально были приурочены к гумусному слою. Контрольная прокопка материка в четырех шурфах (рис. 2) четко показала, что какие-либо находки в подстилающем суглинке отсутствуют.

Обращение к материалам нео-энеолита степной зоны Южного Зауралья показывает, что на 2006 г. всего учтен 31 памятник [Мосин, Куприянов, 2006. С. 41; Мосин и др., 2006. С. 62]. Из них 75% приурочены к берегам предгорных озер Башкирского Зауралья (Суртанды, Сабакты, Банное, Карабалыкты и пр.) и только четверть – к берегам степных рек этого огромного региона. Последнее говорит о крайне недостаточной обследованности открытых степных территорий в отношении памятников эпохи камня [Савельев, 2018б]. Об их высоком потенциале свидетельствуют, к примеру, скопление стоянок эпохи неолита на одном локальном участке берега р. Синташта (Синташта XIX-XXI) [Мосин, Куприянов, 2006. С. 42] или 10 «местонахождений», занимающих участок протяженностью на р. Большой Кизил около с. Альмухаметово [КПАБ, 1982. С. 71. № 311-320]. Эти Альмухаметовские памятники расположены всего в 25 км к югу-юго-западу от стоянки Первомайский-1, также в степной зоне.

Важнейшей особенностью рассматриваемой стоянки является ее приуроченность к небольшому озеру на вершине водораздельного сырта. Среди опубликованных данных по эпохе камня как минимум всей территории Южного Урала, памятники с подобной топографией отсутствуют. В настоящее время готовятся к публикации материалы стоянки Большой Сунтур-2 с очень близкими топографическими характеристиками. Она расположена в 75 км к югу от стоянки Первомайский-1 и выявлена в 2004 г. Ирендыкской комплексной археолого-этнографической экспедицией, проводившей в 2003-2004 гг. под руководством одного из авторов данной статьи детальное обследование южной части Баймакского района Башкортостана [Котов, 2005]. Стоянка находится на мысовидном всхолмлении берега небольшого озера (сохранившаяся площадь зеркала 45×80 м), приуроченного к вершине протяженного сырта Большой Сунтур, также вытянутого меридионально между правобережьем р. Урал и горным массивом Ирендык-Крыкты. Здесь на распаханной поверхности на площади 180×30 м, т.е.

по дуге вокруг озера, найдено 14 изделий из камня (нуклеусы, пренуклеусы, отщепы, ножевидные пластины, скребок), относящихся к нео-энеолитическому времени. Второй такой памятник – местонахождение Моховое Болото-3, найденное в 7,5 км к югу, на том же сырте, приурочено к древнему практически пересохшему сейчас озеру диаметром около 600 м. Здесь при осмотре территории курганного могильника было найдено 2 изделия из сургучной яшмы – торцевой одноплощадочный нуклеус и медиальная часть крупной пластины. Целенаправленно берега этого верхового озера не обследовались.

Подобные небольшие озера, имеющие диаметр зеркала 50-100 и более метров, приурочены именно к вершинам степных сыртов, протянувшихся вдоль восточного края гор Южного Урала, и встречаются на них практически повсеместно. Так, вокруг стоянки Первомайский-1 такие озера, многие из которых уже уничтожены распашкой, расположены в среднем на расстоянии 2-3 км друг от друга. Часть из них является истоком малых или сезонных водотоков. В этом отношении важно нахождение стоянки Пещерный Лог, расположенной в 4,5 км к востоку от стоянки Первомайский-1. Приурочена она к берегу небольшого, но очень длинного, сухого лога с многочисленными выходами известняка. Основной комплекс находок относится к верхнему палеолиту, но часть предметов датируется значительно более поздним временем (в пределах эпохи камня) [Куприянов, 2016. С. 24].

Все приведенные данные позволяют предварительно говорить об очень плотном освоении открытых степных пространств Южного Зауралья на заключительном этапе эпохи камня.

Этап 2. Скифо-сарматское время

Среди керамики, обнаруженной на стоянке Первомайский-1, 4 фрагмента лепных сосудов относятся к эпохе раннего железа. Все они не орнаментированы. Три из них имеют характерную «мыльную» фактуру теста с большой примесью мелкотолченого талька, тесто плотное, серого и светло-коричневого цветов. Указанные признаки позволяют отнести фрагменты этих трех сосудов к раннесарматскому комплексу (V-IV вв. до н.э.) [Мошкова, 1963. С. 24; Она же, 1974. С. 22; Пшеничнюк, 1983. С. 115].

Одна из этих трех находок – фрагмент днища плоскодонного сосуда с выделенной закраиной. Толщина дна 6 мм, толщина стенок у основания 10 мм, тулово раздутое, фиксируются следы нагара (Рис. 4, *1*). Подобная форма дна встречается среди керамики раннесарматского времени, однако, достаточно редко, единичными экземплярами и, судя по данным, собранным С.Ю. Гуцаловым, не является характерной для Степного Приуралья (т.е. территорий южнее широтного течения р. Урал) [Гуцалов, 2004. Табл. 19-23]. Большинство таких сосудов происходит из восточных предгорий Южного Урала (полоса от верховьев р. Уй до устья р. Орь). Ближайшими находками к стоянке Первомайский-1 являются сосуды из погребения 6 одиночного кургана Тулубай [Исмагил, Сунгатов, 2009. Рис. 3, *В1*], Березовского кургана [Хабдулина, Малютина, 1982. Рис. 1, *13*], а также могильной ямы 5 могильника Айгыр I [Плешанов, Иванов, 2016. Рис. 3, *1*]. Датировка комплексов с плоскодонными сосудами с небольшой выделенной закраиной, примесью талька в тесте и богатой резной орнаментацией, по имеющимся данным, не выходит за рамки IV в. до н.э. Вероятно, эта типологическая особенность должна рассматриваться как остаточный признак плоскодонной керамики предшествующего, «савроматского», времени, на которой выделенная закраина и утончение дна были широко распространены.

Четвертый фрагмент отличается от описанных отсутствием примеси талька и наличием в формовочной массе кварцевого песка, органики и шамота. Это также характерно для части раннесарматской керамики, но значительно чаще встречается в немного более раннее время [Савельев, 2006; 2015б].

В середине I тыс. до н.э. в предгорной части Южного Зауралья четко прослеживается факт сосуществования в непосредственной близости друг от друга двух групп кочевого населения [Савельев, 2019]. Первая из них – т.н. «мугоджарская», по происхождению связанная с тасмолинской культурой и представленная каменными курганами, располагающимися на вершинах гор, отдельных холмов и сопок, на границе со степью, внутри и над межгорными долинами. Кроме каменной насыпи и кольцевого валика вокруг могильной ямы, погребальный обряд характеризуется использованием в засыпке светлой речной гальки, деревянным перекрытием над полой могилы, находками на древнем горизонте, широкими овальными могильными ямами с широтной ориентацией, наклонными стенками и кольцевыми подбоями в придонной части, в основном широтной (часто – восточной) ориентировкой головы умершего. Датируются эти курганы VI-IV вв. до н.э.

Вторая группа представлена большими и малыми земляными курганами, как одиночными, так целыми могильниками. Все они расположены в

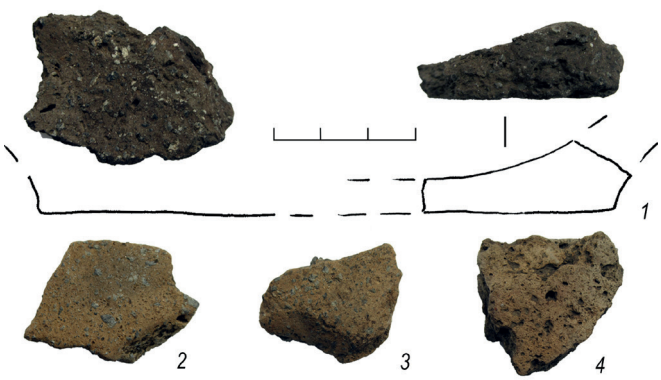


Рис. 4. Стоянка Первомайский-1. Лепная керамика эпохи раннего железа.
1 – фрагмент плоского дна; *2-4* – фрагменты стенок
Fig. 4. Pervomaisky-1 site. Stucco ceramics of the Early Iron age.
1 – fragment of a flat bottom; *2-4* – wall fragments

степи: на широких степных сыртах, на возвышенных равнинах и в широких речных долинах. Характеризуются преобладанием южных ориентировок, центральными дромосными и сопровождающими подбойно-катакомбными захоронениями, расположенными ближе к краю курганных насыпей, надмогильными деревянными шатровыми сооружениями. Эти признаки маркируют раннепрохоровский («филипповский») этап сарматской культуры и датируются в основном в пределах IV в. до н.э. [Сиротин, 2016; Савельев, 2019].

Именно в пределах территории распространения второй группы курганов (земляных) и расположена стоянка Первомайский-1. Ближайшими к месту расположения стоянки являются одиночный курган Красная Башкирия-1, курганные могильники Красная Башкирия-2, Давлетово-1 и Янгельский-1, находящиеся примерно на том же гипсометрическом уровне (рис. 1, *1, 2, 8, 15*). Одиночный курган Красная Башкирия-1 и курганный могильник Красная Башкирия-2 расположены в 11 км и 8,5 км к северу от стоянки на возвышенностях того же сырта. В 8 км западнее от них и в 15 км северо-западнее от стоянки Первомайский-1, на возвышенности того же сырта, в 3 км к востоку от озера Чебаркуль, через который протекает р. Янгелька, находится курганный могильник Давлетово-1. В 8,5 км юго-западнее стоянки, на противоположном, правом берегу р. Янгелька, в 5,5 км от ее берега, на возвышенности соседнего сырта находится курганный могильник Янгельский-1. Все курганы большие, в диаметре более 25 м и не менее 1-2 м высотой.

Водораздельный сырт, на котором расположены стоянка Первомайский-1 и описанные выше курганы, с юга и запада ограничен рекой Янгелька, с востока – рекой Урал, с востока и севера – рекой Малый Кызыл. Максимальные размеры сырта 50×15 км, вся его территория остепнена, разделена на отдельные пологие вершины высотой до 30-40 м и диаметром в несколько километров. На вершинах этих возвышенностей и на их склонах находятся многочисленные родники, являющиеся истоками мелких сезонных водотоков, зачастую уже распаханных. Два таких водотока расположены в непосредственной близости от стоянки Первомайский-1, в 1,5 км к западу и в 1 км к югу. У западного подножья сырта расположено 3 крупных (Чебаркуль, Мулдаккуль и Сурданды) и множество мелких озер, как карстового, так и тектонического происхождения, а на самом сырте разбросано несколько относительно небольших карстовых озер. К одному из них и приурочена публикуемая стоянка.

Именно наличие малых водотоков, судя по известным на настоящий момент стоянкам ранних кочевников, было одним из важнейших оснований для их размещения. Так, стоянка Атиково-1 расположена у истока небольшого ручья, притока реки Кана [Савельев, 2015а. С. 63]. Местонахождение Лаимберды-5 приурочено к борту лога пересохшего ручья, а поселение Улек-Хазы-2 расположено в долине, изобилующей ручьями и родниками [Савельев, 2015б. С. 246, 247. Рис. 3]. На территории Южного Приуралья детально зафиксированные стоянки ранних кочевников отсутствуют, однако на основании анализа топографии мест «случайных» находок клинкового оружия и расположения погребальных памятников показана так называемая «сотовая» система расселения сарматского времени [Савельев, 2016; 2018; Николаев, 2019; Савельев, Николаев, 2020]. Важнейшим компонентом в структуре каждой «соты» является наличие малых и мелких водотоков, позволяющих обеспечить водой как население, так и скот, а также достаточно обширных пастбищ. Не меньшее значение имеет и наличие естественных границ у таких «кочевых волостей» – в зависимости от рельефа территории ими могут быть реки, окружающие сырты с малыми водотоками, а также возвышенности, обрамляющие закрытые долины [см. напр.: Савельев, Николаев. 2020. Рис. 2].

Близкая ситуация наблюдается в этнографическое время у башкир, ведших аналогичный кочевой образ жизни [Акбулатов, 1999]. Их летовочные комплексы, например, урочище Доя-бэйлеген [Савельев, 2012. С. 165-166] также включали в себя поселенческие, погребальные и культовые объекты, располагаясь в долине вокруг малого водотока. При этом на ручье воздвигались плотины, позволявшие создать искусственный водопой для скота.

Примечательно, что урочище, возле которого найден один из кинжалов из Толбазинской группы в Южном Приуралье названо *Елей-Джайляу* (баш. – «Хорошая летовка»), а соседнее с ним место названо «Ногайским» [Савельев, Николаев, 2020. С. 151, 157. Рис. 3, *6*]. Это также подтверждает факт выбора кочевниками уже в историческое время аналогичной системы расселения. Не менее важно и то, что соседняя находка кинжала, с западной окраины с. Толбазы, приурочена к самой вершине сырта, на которой находится верховое болото, а немного далее начинаются истоки малых водотоков, текущих во все стороны по склонам сырта [Там же. Рис. 2, *5*], т.е. топографически ситуация очень близка с местом расположения стоянки Первомайский-1.

Таким образом, стоянка Первомайский-1 расположена в условиях, полностью соответствующих кочевническим летовочным комплексам – малые водотоки и озера давали достаточное количество воды, сам сырт представлял собой обширное пространство для кочевания, реки, окружающие сырт, являлись естественными границами кочевой волости. Известные вокруг курганы и курганные могильники только подтверждают факт активного освоения ранними кочевниками как рассматриваемого сырта, так и всей предгорной степи Южного Зауралья.

Этап 3. **Новое время**

Среди находок 90% относится к Новому времени. Это 37 фрагментов гончарных сосудов, 14 фрагментов сосудов из фарфора и фаянса, 14 изделий из железа. Также на всей поверхности площадки обнаружены единичные фрагменты изделий из

стекла, обожжённой глины и куски железной руды разного размера. Важность этой коллекции – в разнообразии находок и отсутствии вещей заведомо «фабричного» производства (исключая фарфоровую и фаянсовую посуду)[1].

Фрагменты гончарной керамики (37 экз.) обнаружены на всей поверхности площадки, концентрируясь небольшими (3-5 м в диаметре) скоплениями по несколько находок. По технологии изготовления выделяются 4 группы (грубая гончарная, 2 группы сероглиняной и красноглиняная).

Группа 1. Грубая гончарная посуда – 7 экз. (18,9% от гончарной керамики). Орнамент отсутствует (рис. 5, *1-4*). Тесто плотное, основная примесь – песок (как единственная примесь – 2 случая), в четырех случаях – с дробленым мягким белым камнем, по одному случаю – с дополнительной примесью дресвы, небольшого количества талька и обугленной органики. В двух случаях песок является единственной примесью. Выделяются верхняя часть горшковидного сосуда (рис. 5, *1*) и два фрагмента плоских днищ (рис. 5, *2, 3*).

Группа 2. Сероглиняная гончарная керамика – 18 экз. (48,6%)

Подгруппа 1 – 14 экз. (37,8%), все без орнамента (рис. 5, *5-8*). Условно выделяется 6 сосудов. Тесто очень плотное, основная примесь – песок (как единственная примесь – 1 случай). Дополнительные примеси – мелкие галечки, мелкая обугленная органика (рис. 5, *5; 8*), мелкая органика (рис. 5, *6*), в том числе с дробленым мягким белым камнем (рис. 5, *7*).

В четырех случаях частично реконструируется форма сосудов. Три из них – вытянутые кринки с высокими шейками (рис. 5, *6-8*). Четвертый фрагмент является нижней частью плоскодонного сосуда; по соотношению диаметра дна и отгиба нижней части он также может быть отнесен к кринкам (рис. 5, *5*).

Подгруппа 2 – 4 экз. (10,8%). Все – неорнаментированные стенки, судя по общей массивности и слабому изгибу, относятся к крупным горшкам (рис. 5, *9-12*). Тесто более грубое, с примесью большого количества песка, дополнительные примеси – мелкая галька и дробленый мягкий белый камень.

Подгруппы различаются качеством обработки поверхностей, выделкой формовочной массы

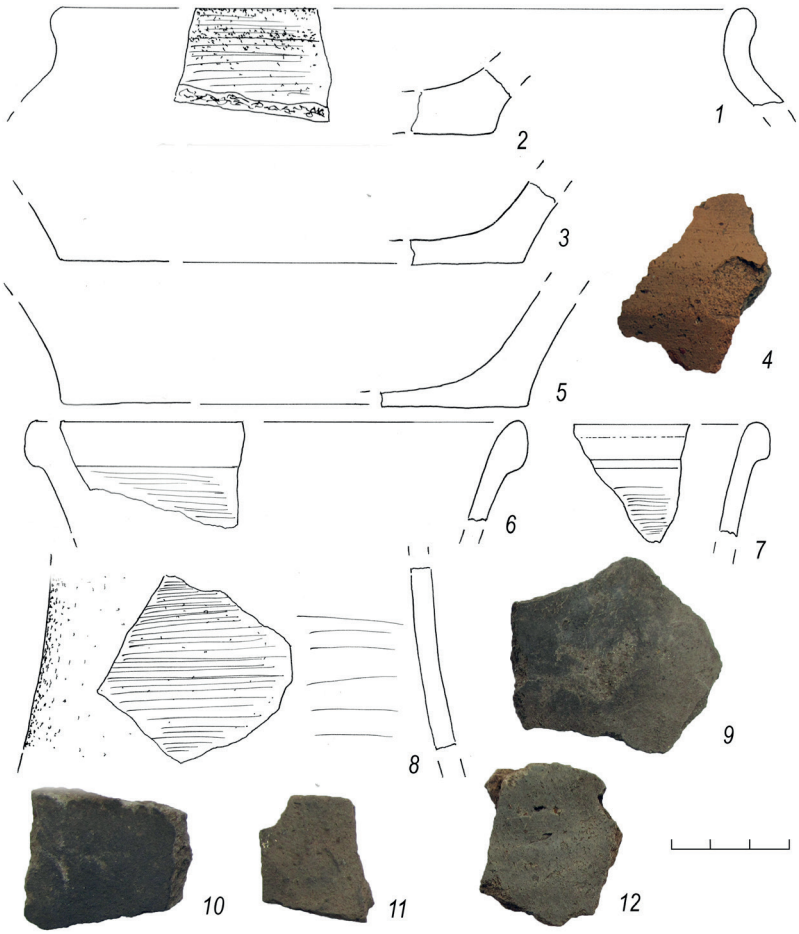


Рис. 5. Стоянка Первомайский-1. Новое время. Гончарная посуда. *1-4* – группа 1 («грубая»); *5-12* – группа 2 (сероглиняная), в т.ч.: *5-8* – подгруппа 1; *9-12* – подгруппа 2

Fig. 5. Pervomaisky-1 site. Modern Age . Pottery. *1-4* – group 1 (“rough”); *5-12* – group 2 (gray clay), including: *5-8* – subgroup 1; *9-12* – subgroup 2

[1] Комплекс находок Нового времени детально анализируется в статье: Савельев Н.С., Савельева А.Г., Николаев С.Ю. Комплекс находок Нового времени со стоянки Первомайский-1 (Южное Зауралье): к вопросу о типологии, хронологии и этнокультурной принадлежности памятника // Oriental Studies. 2020 (в печати). Здесь приводится только сводное описание коллекции.

и толщиной стенок, при этом формовочные массы близки по примесям. Вероятно, эти различия являются следствием разного функционального назначения сосудов: подгруппа 1 – столовые, подгруппа 2 – кухонные.

Группа 3. Красноглиняная гончарная керамика – 12 экз. (32,4%)

Выделяется 11 сосудов (рис. 6), из них 6 глазурованы зеленой поливой, коричневой – 2, прозрачной – 2, на одном полива отсутствует (рис. 6, *9*). У двух фрагментов слой глазури с обеих сторон толстый, цвет темно-зеленый, насыщенный, поверхность бугристая (рис. 6, *2, 8*), у двух других полива на внешней поверхности дымчато-зеленая, на внутренней поверхности – прозрачная (рис. 6, *7, 10*). Вся керамика группы 3 изготовлена при окислительном режиме обжига, в одном случае – при неполном окислительном обжиге (рис. 6, *11*).

Форма частично восстанавливается у двух сосудов, первый – глубокое блюдо или большая миска, второй – верхняя часть тулова небольшого горшочка, обе поверхности которого покрыты толстым слоем зеленой глазури (рис. 6, *1, 2*). Два фрагмента относятся к плоским днищам (рис. 6, *9, 11*), одна стенка имеет рельефный орнамент (рис. 6, *8*). Примеси к глиняному тесту: песок (3), песок и мелкая галька (2), песок и шамот (4), в одном случае – с дробленым мягким белым камнем), песок и мелкая органика (1), песок и обугленная органика (1).

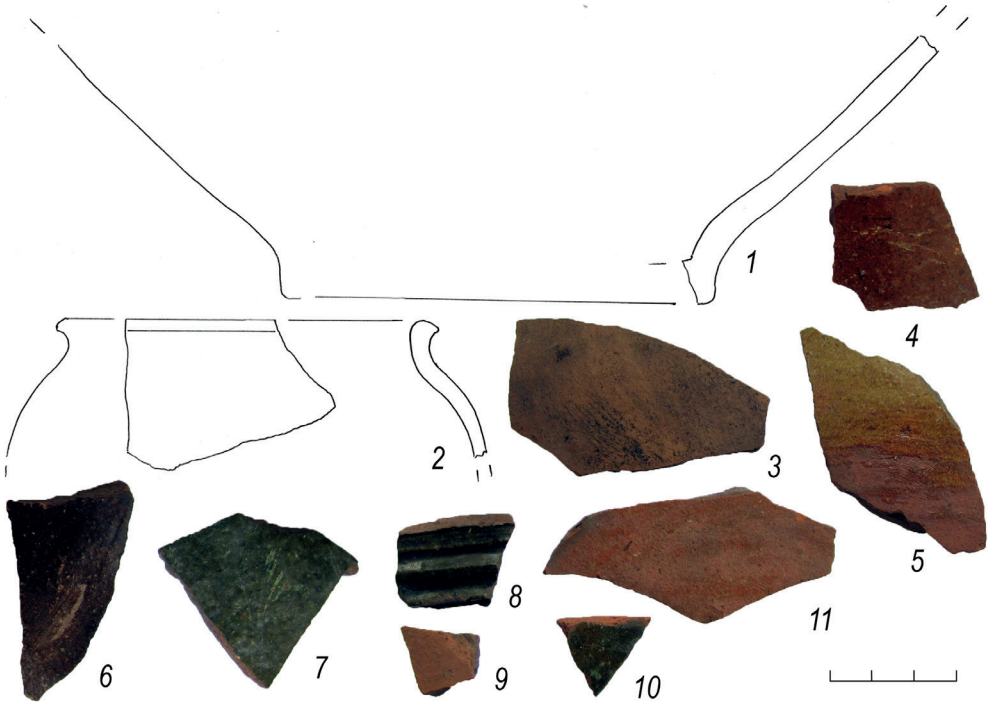


Рис. 6. Стоянка Первомайский-1. Новое время. Гончарная посуда. Группа 3 (красноглиняная)
Fig. 6. Pervomaisky-1 site. Modern Age . Pottery. Group 3 (red clay)

Фрагменты сосудов из фарфора и фаянса – 14 экз. от 13 сосудов

Распространены по всей поверхности площадки стоянки, также концентрируясь небольшими скоплениями. На части фрагментов имеется надглазурная и подглазурная роспись, один фрагмент крышки имеет рельефный орнамент (рис. 7, *9*). Все найденные фрагменты белого цвета. Клейма отсутствуют. Сосудов из фаянса – 5, из фарфора – 8.

Изделия из фаянса: носик и донце заварочного чайника (рис. 7, *1*), нижние части чашки (рис. 7, *3*), большой кружки (рис. 7, *4*) и блюдца (рис. 7, *5*). На всех присутствует кольцевидный, в основном конического сечения, поддон.

*Изделия из фарфора: в*ерхняя часть пиалы или небольшого глубокого блюдца (рис. 7, *6*), нижняя часть блюдца (рис. 7, *7*), фрагмент крышки небольшого сосуда (рис. 7, *9*), верхняя часть сосуда типа чайной чашки (рис. 7, *8*). Остальные фрагменты из фарфора также могут быть отнесены к чайным чашкам (рис. 7, *10-13*).

Все найденные фрагменты из фаянса и фарфора являются частями чайной посуды из совершенно разных сервизов и комплектов. Присутствуют как грубые кружки (рис. 7, *4*), так и чашечки из очень тонкого фарфора (рис. 7, *8*). Последняя, возможно, является китайским импортом [Матвеев и др., 2011. С. 119].

Анализ гончарной керамики стоянки Первомайский-1, показывает, что первые две группы (грубая и сероглиняная) тесно связаны между собой – для обеих в качестве дополнительных примесей характерны мелкая галька и дробленый мягкий белый камень. Их достаточно сложные формовочные массы, в том числе и наличие талька (слюды), находят аналогии в слое Челябинска начала XIX века [Самигулов, 2003. С. 91-92].

По челябинской серии сосудов установлено, что в течение XIX века какие-либо дополнительные примеси из формовочной массы исчезают и используется ожелезненная глина с примесью песка и мелких галечек, возможно, естественного

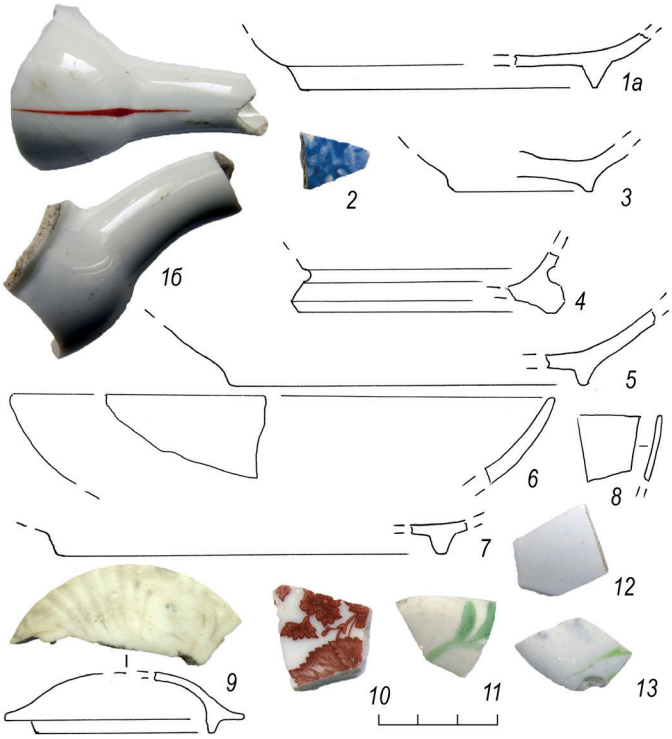


Рис. 7. Стоянка Первомайский-1. Новое время. Фрагменты сосудов из фарфора (*6-13*) и фаянса (*1-5*)

Fig. 7. Pervomaisky-1 site. Modern Age. Fragments of vessels made of porcelain (*6-13*) and faience (*1-5*)

происхождения или вообще без примесей [Самигулов, 2003. С. 93]. Вторая группа посуды (сероглиняная) также имеет в формовочной массе значительное количество дополнительных примесей, что не позволяет ее резко противопоставлять группе 1 и датировать более поздним временем. Вероятно, основное различие этих групп – в их разном функциональном назначении (группа 1 – кухонная, группа 2 – столовая, при возможных различиях внутри группы).

В группе 2.1 выделяются 3 высоких вытянутых кринки. Их объединяет тонкостенность, высокое узкое горло с плавным расширением в сторону тулова и более выраженным отгибом к устью, оформлением венчика дуговидными в сечении валиками (рис. 5, *6-8*). Обращение к опубликованным материалам Уральского региона этого времени показывает, что кринка как тип столовой посуды в ряде коллекций либо не представлена вообще, либо присутствует единично и, в этом случае, относится к широкогорлым приземистым формам [Самигулов, 2003. С. 91-92. Рис. 2, *5, 8-10*; Обыденнова, Овсянников, 2015; Обыденнова и др., 2016; Камалеев, 2018; 2019; Камалеев и др., 2018]. Возможно, что дальнейшее введение в научный оборот керамических материалов XVIII – начала XX вв. с территории Урала и Поволжья позволит получить более детализированную картину. По имеющимся же данным, коллекция со стоянки Первомайский-1 выделяется значительным количеством сероглиняных кринок, что не может быть случайностью.

Красноглиняная гончарная керамика сильно фрагментирована. Примеси к формовочной массе достаточно разнообразны. Можно говорить о том, что за исключением шамота все остальные дополнительные примеси распространены и в формовочной массе сосудов восстановительного обжига (группы 1 и 2). Вероятно, это является свидетельством местного производства как минимум части красноглиняной посуды в рамках единых гончарных традиций.

Основания для прямых датировок найденных фрагментов посуды из фарфора и фаянса отсутствуют. При этом они занимают очень важное место в структуре всех находок посуды Нового времени с публикуемой стоянки. Вся она четко делится на 3 функциональных группы: кухонная (группы 1 и 2.2 – 7 сосудов), столовая (группы 2.1 и 3 – 5 сосудов) и чайная (фарфор и фаянс – 13 сосудов). Учитывая близость грубой, сероглиняной и красноглиняной керамики по примесям к формовочной массе, отнесение их к кухонной и столовой группам, группа чайной посуды также должна быть синхронизирована с ними и включена в единый комплекс. Дата этого комплекса может быть определена в пределах середины – второй половины XIX века, что подтверждается и временем широкого распространения на Урале и в Западной Сибири фарфоровой и фаянсовой посуды [Матвеев и др., 2011. С. 122-123].

Изделия из железа – фрагменты сосудов, ножей, гвоздей, подковы, зубья борон и фрагмент неопределимого предмета.

Сосуды – 2 экз., представлены средней частью чугунного котелка и фрагментом клепаного жестяного ведра. Подобные клепаные ведра из листового металла известны на Урале как минимум с 1870-х гг. [Мельникова, 2008. С. 28. Фото 2].

Очень показательна находка фрагмента чугунного котелка – единственной находки чугунного изделия на всей площади вскрытого пахотой культурного слоя. Типологически самая близкая находка происходит из казачьей Ельдяцкой крепости в верхнем течении р. Уфа, где на поверхности найдены фрагменты двух небольших чугунных котелков с диаметром по венчику 19 см [Камалеев, 2018. С. 163. Рис. 2, *1*]. Они сближаются своим небольшим диаметром, биконическим туловом и наличием валика на месте стыка двух частей литейной формы, проходящим по месту максимального расширения тулова. Этим они принципиально отличаются от чугунных котлов с башкирских памятников XVIII-XIX вв., для которых характерны большой диаметр при незначительной глубине (селище Атиково-3: диаметр 50 см, глубина 19 см), дуговидный профиль, Г-образный или коленчатоотогнутый венчик и горизонтальные сегментовидные ручки [Русланов, 2019. С. 120]. По этим признакам котлы последнего типа являются прямым продолжением традиций золотоордынского времени.

Зубья от борон (3 экз.) Один из них целый (рис. 8, *3*), два представлены фрагментами (рис. 8, *5, 2*). Судя по конструкции верхней части зубьев и сбитости на них, рама бороны была деревянной, в которую через специальные отверстия вбивались зубья.

Рис. 8. Стоянка Первомайский-1. Новое время. Изделия из железа. *1* – чугунный котелок; *2, 3, 5* – зубья борон; *4* – хвостовик раскладного ножа; *6* – кованый гвоздь; *7* – черешок от ножа; *8* – средняя часть раскладного ножа; *9* – фрагмент подковы; *10* – верхняя часть клепаного ведра

Fig. 8. Pervomaisky-1 site. Modern Age. Iron products. *1* – cast-iron pot; *2, 3, 5* – harrow teeth; *4* – shank of a folding knife; *6* – forged nail; *7* – knife stalk; *8* – the middle part of a folding knife; *9* – a fragment of a horseshoe; *10* – the upper part of a riveted bucket

Рис. 9. Расположение стоянки Первомайский-1 на карте 1905 г. Верхнеуральский уезд Оренбургской губернии. Пунктир с красной линией – граница Оренбургского казачьего войска и башкирских земель

Fig. 9. Location of the Pervomaisky-1 site on the map of 1905. Verkhneuralsky uyezd of Orenburg province. Dotted line with a red line – the border of the Orenburg Cossack army and Bashkir lands

Ножи (4 экз.), два из них найдены в шурфе (рис. 8, *4, 8*). Первый представляет собой центральную часть железного складного ножа (бритвы), состоящую из приобуховой части клинка размером и фрагмента верхней части рукояти (рис. 8, *8*). От второго ножа сохранилась хвостовая часть, судя по которой он также был раскладным, но относился к иному типу (рис. 8, *4*). Нахождение на одном очень небольшом памятнике двух складных ножей свидетельствует о значительной их распространенности в XIX веке у населения Южного Урала. Также, по имеющимся данным, такие раскладные ножи-бритвы были широко распространены у башкир вплоть до первой половины XX века [Русланов, 2019]. Третий нож представлен квадратным в сечении черешком, закрученным винтообразно (рис. 8, *7*), от четвертого ножа сохранился также только черешок.

Фрагмент подковы имеет форму половины трехчетвертного овала, с двумя шипами (одним широким прямым передним и одним из двух прямых задних), двумя сохранившимися подквадратными отверстиями для гвоздей (ухналей) и гвоздевой дорожкой между ними (рис. 8, *9*). Форма, длина и ширина подковы, ширина зацепной части, количество шипов и наличие гвоздевой дорожки (а не выемок под каждый гвоздь) говорят о том, что она соответствует типу 2, распространенному в России в XVIII-XIX вв. [Кирпичников, 1973. С. 83, 84; Двуреченский, 2004. С. 239].

Гвозди (3 экз.). Все кованые, один целый, его длина 6,4 см, сечение стержня квадратное, шляпка круглая коническая (рис. 8, *6*). Два других гвоздя представлены нижними заостренными частями стержней.

Также по всей площадке стоянки разрозненно встречались разные по размеру фрагменты кирпичей из глины коричневого цвета, куски колотой железной руды черного и темно-серого цвета и 3 фрагмента из достаточно сильно иризованного стекла. Один из них – горлышко от сосуда типа склянки, два других – небольшие и тонкие (не более 2-3 мм) фрагменты плоского стекла. Помимо этого, на поверхности стоянки найдено 12 фрагментов костей животных, принадлежащих крупному (4) и мелкому (7) рогатому скоту, а также птице (1)[2].

Специфика находок Нового времени позволяет данный археологический объект отнести к типу кратковременных, но многократно использовавшихся, стоянок без осуществления полного цикла хозяйственной деятельности. Он может быть интерпретирован как долговременно (одно-два поко-

[2] Определение по эталонам сотрудника отдела археологических исследований ИИЯЛ УФИЦ РАН А.А. Романова.

ления) использовавшийся полевой стан «оседлого земледельческого» (по формальным признакам) населения середины – второй половины XIX в. Привлечение картографических и исторических материалов позволяет достаточно уверенно интерпретировать поздний этап существования стоянки Первомайский-1 в качестве полевого стана казачьей станицы Магнитная [Савельев и др., 2020]. Наличие на памятнике исключительно земледельческого инвентаря, без каких-либо следов военизации, свидетельствует о том, что он возник после создания Новолинейного района (1830-е гг.) и передвижения границы Российской империи с Киргиз-Кайсацкой степью больше чем на 100 км на восток, когда старый военизированный фронтир начал превращаться в глубокий тыл, а военные крепости – в богатые станицы [Кобзов, 1992. С. 25; Галигузов, Баканов, 1994. С. 67; Козлов, 2016. С. 34-38]. Сам же полевой стан находился в центре пашен, в узкой полосе между основной транспортной артерией края – почтовым трактом Оренбург – Верхнеуральск и границей Оренбургского казачьего войска с башкирскими землями (рис. 9).

Заключение

Рассмотрение находок трех хронологических этапов освоения берегового мыса небольшого озера, расположенного на вершине степного сырта, показывает в целом схожее использование площадки во все исторические эпохи. Это исключительно кратковременные стоянки, различающиеся только вследствие интенсивности использования и хозяйственного типа того или иного населения (эпоха камня – охотники?, эпоха раннего железа – кочевники, Новое время – оседлые земледельцы). Вероятно, уже сейчас можно говорить, что количество подобных объектов, во всяком случае, в степной зоне Южного Урала, должно быть очень большим. Отношение же к степным сыртам как к местам возможного расположения только курганов и курганных могильников, тем более в местах, где есть небольшие озера, родники или сезонные водотоки, постепенно должно быть пересмотрено.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акбулатов И.М. Экономика ранних кочевников Южного Урала. Уфа: НМРБ, 1999. 102 с.

Галигузов И.Ф., Баканов В.П. Станица Магнитная. От казачьей станицы до города металлургов. Магнитогорск: ЧелГУ, 1994. 398 с.

Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII-I вв. до н.э. Уральск: Западно-Казахстанский центр истории и археологии, 2004. 136 с.

Двуреченский О.В. Средства и приемы ковки лошадей в Москве и Московской земле (в XIII-XIX веках) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 1 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2004. С. 238-244.

Исмагил Р., Сунгатов Ф.А. Тулубай. Савромато-сарматский склеп в Зауралье // УАВ. Вып. 9. 2009. С. 118-126.

Камалеев Э.В. Археологический комплекс «Ельдякская крепость» первой половины XVIII – нач. XX вв. // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2018. № 1. С. 160-168.

Камалеев Э.В. Археологические исследования на территории Табынской крепости XVIII-XX вв. в Центральной Башкирии // Теория и практика археологических исследований. № 1 (25). 2019. С. 147-156. DOI: 10.14258/tpai(2019)1(25).-12

Камалеев Э.В., Колонских А.Г., Антонов И.В. Керамика Нового времени городища Уфа-III (по материалам раскопок М.Х. Садыковой 1969 г.) // Манускрипт. 2018. № 12 (98). Ч. 1. С. 37-41.

Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси в IX-XIII вв. / САИ. Вып. Е1-36. М. – Л.: Наука, 1973. 140 с.

Кобзов В.С. Новая линия // Вестник ЧелГУ. 1992. № 1 (3). С. 12-26.

Козлов Ю.Я. Поселок Наваринский // Хронист / Сост. Л.В. Каменская. Челябинск: Цицеро, 2016. С. 33-47.

Котов В.Г. Научный отчет о разведочных археологических исследованиях в Баймакском и Бурзянском районах РБ в 2004 г. Уфа, 2005 // Архив ИА РАН.

КПАБ, 1982: Каталог памятников археологии Башкирии, открытых в 1971-1980 гг. / Отв. за выпуск Р.Г. Мухтаров. Уфа: ГЖТ, 1982. 80 с.

Куприянов В.А. Палеолитическая стоянка Пещерный Лог у г. Магнитогорска // УАВ. Вып. 16. 2016. С. 19-27. DOI: https://doi.org/10.31833/uav.2016.16.002

Матвеев А.В., Аношко О.М., Сирюшова Н.Ф. Старинный фарфор и фаянс из культурного слоя Тобольска // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 2(15). С. 116-124.

Мельникова О.Н. Снаряжение рудокопа и старателя в коллекции отдела металла ГИМ // Музеи. 2008. № 2. Спецвыпуск. Посвящен Государственному историческому музею. С. 23-30.

Мосин В.С., Бытковский О.Ф., Заседателева С.Н., Куприянов В.А. Стоянки эпохи энеолита // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск: ЦИКР Рифей, 2006. С. 62-72.

Мосин В.С., Куприянов В.А. Стоянки эпохи неолита // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск: ЦИКР Рифей, 2006. С. 41-62.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры / САИ. Вып. Д. 1-10. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 32 с.

Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.: Наука, 1974. 52 с.

Николаев С.Ю. Комплекс сарматского клинкового оружия из окрестностей сел Куезбашево и Бишкаин в Южном Приуралье // УАВ. Вып. 19. 2019. С. 69-77. DOI: https://doi.org/10.31833.uav.2019.19.006

Обыденнова Г.Т., Овсянников В.В. «Табынский острог» – исторический памятник XVII-XVIII вв. (к истории изучения) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 17. № 3. 2015. С. 312-318.

Обыденнова Г.Т., Овсянников В.В., Бубнель Е.В., Проценко А.С., Бабин И.М. История археологического изучения крепостных сооружений Башкирского Приуралья // Поволжская археология. 2016. № 4(18). С. 278-295.

Плешанов М.Л., Иванов А.А. Прохоровские погребения в могильнике Айгыр I // Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза). Челябинск: ЦИКР Рифей, 2016. С. 357-361.

Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука, 1983. 200 с.

Русланов Е.В. Научный отчет о разведочных археологических исследованиях в Бурзянском и Уфимском районах Республики Башкортостан в 2018 году по Открытому листу № 478 от 22.05.2018 г. / Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН. Уфа, 2019. В 4 томах. Т. 1. 248 с. // Архив ИА РАН.

Савельев Н.С. Курган эпохи ранних кочевников Кушалыкуак-1 в восточных предгорьях хребта Ирендык // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: Сб. статей к 70-летию А.Х. Пшеничнюка / Отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев. Уфа: Гилем, 2006. С. 92-104.

Савельев Н.С. Малые культовые объекты Южного Урала: от археологии к этнографической современности // Документы и материалы по истории башкирского народа (с древнейших времен до середины XVI в.). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. С. 128-166, 282-293, 311-319.

Савельев Н.С. Поселенческие памятники кочевников скифо-сарматского времени в южной части горно-лесной зоны Южного Урала // УАВ. Вып. 15. 2015а. С. 62-84.

Савельев Н.С. Поселения раннесакского времени Южного Зауралья // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. Сб. науч. ст., посвящ. памяти археолога К.А. Акишева. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015б. С. 246-254.

Савельев Н.С. Мечи и кинжалы в культовой практике кочевников Южного Приуралья скифо-сарматского времени (пространственный анализ «случайных» находок) // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 241-253.

Савельев Н.С. Находки мечей и кинжалов скифо-сарматского времени из юго-западных предгорий Южного Урала (к вопросу об освоении территории и особенностях расселения кочевников) // Oriental Studies. 2018а. Vol. 38. Is. 4. С. 24-31. DOI: https://doi.org/10.22162/2619-0990-2018-37-3-24-31

Савельев Н.С. К истории создания «Археологической карты Башкирии» // Древние и средневековые общества Евразии: перекресток культур. Междунар. науч. симп., посвящ. памяти видного ученого-археолога, профессора, академика Академии наук Республики Башкортостан, доктора исторических наук Н.А. Мажитова. г. Уфа, 6-7 декабря 2018 г. Уфа: Мир печати, 2018б. С. 64-69.

Савельев Н.С. Южный Урал в I тыс. до н.э. – особая контактная зона на крайнем востоке Европы // УАВ. Вып. 19. 2019. С. 39-50. DOI: https://doi.org/10.31833.uav.2019.19.004

Савельев Н.С., Николаев С.Ю. Комплекс сарматских кинжалов из окрестностей с. Толбазы в Южном Приуралье // Нижневолжский археологический вестник. 2020. Т. 19. № 1. С. 149-166. DOI: https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.8

Савельев Н.С., Савельева А.Г., Николаев С.Ю. Комплекс находок Нового времени со стоянки Первомайский-1 (Южное Зауралье): к вопросу о типологии, хронологии и этнокультурной принадлежности памятника // Oriental Studies. 2020 (в печати)

Самигулов Г.Х. Глиняная посуда XVIII – начала XIX веков из слоя Челябинска // Известия Челябинского научного центра РАН. 2003. Вып. 3 (20). С. 90-95.

Сиротин С.В. Об относительной хронологии и датировке могильника Переволочан I // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 253-264.

Хабдулина М.К., Малютина Т.С. Погребальный комплекс V-IV вв. до н.э. из Челябинской области // КСИА. Вып. 170. 1982. С. 73-80.

REFERENCES

Akbulatov I.M. Ekonomika rannih kochevnikov YUzhnogo Urala [Economics of the early nomads of the Southern Urals] Ufa: NMRB, 1999. 102 s.

Dvurechenskiy O.V. Sredstva i priemy kovki loshadej v Moskve i Moskovskoj zemle (v XIII-XIX vekah) [Means and techniques for horse-shoeing horses in Moscow and the Moscow land (in the XIII–XIX centuries)] // Arkheologiya Podmoskovia: Materialy nauchnogo seminara. Vyp 1. A.V. Engovatova (Ed.), Moscow: IA RAS, 2004. S. 238–244.

Galiguzov I.F., Bakanov V.P. Stanica Magnitnaya. Ot kazach'ej stanicy do goroda metallurgov [Stanitsa

Magnitnaya. From the Cossack village to the city of metallurgists] Magnitogorsk: Chelyabinsk state University, 1994. 398 s.

Gucalov S.Yu. Drevnie kochevniki Yuzhnogo Priural'ya VII-I vv. do n.e. [Ancient nomads of the Southern Urals from VII-I centuries BC]. Ural'sk: Zapadno-Kazahstanskij centr istorii i arheologii, 2004. 136 s.

Ismagil R., Sungatov F.A. Tulubaj. Savromato-sarmatskij sklep v Zaural'e [Tulubai. Savromato-Sarmatian crypt in the Trans-Urals] // UAV. Vyp. 9. 2009. S. 118-126.

Kamaleev E.V. Arheologicheskij kompleks «El'dyakskaya krepost'» pervoj poloviny XVIII – nach. XX vv [The "Eldiatskaya fortress" Archaeological complex of the first half of the XVIII – early XX centuries] // Magistra Vitae: electronic journal of historical, Sciences and archeology. 2018. No. 1. S 160-168.

Kamaleev E.V. Arheologicheskie issledovaniya na territorii Tabynskoj kreposti XVIII-XX vv. v Central'noj Bashkirii [Archaeological research on the territory of the Tabyn fortress of the XVIII-XX centuries in Central Bashkiria] // Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy. No.1 (25). 2019. S. 147-156. DOI: 10.14258/tae(2019)1(25).-12.

Kamaleev E.V., Kolonsky A.G., Antonov I.V. Keramika Novogo vremeni gorodishcha Ufa-III (po materialam raskopok M.H. Sadykovoj 1969 g.) [New age pottery of the Ufa-III hillfort (on materials of excavations by M. Sadykova 1969)] // Manuscript, 2018. No. 12 (98). Part 1. S. 37-41.

Kirpichnikov A.N. Snaryazhenie vsadnika i verhovogo konya na Rusi v IX-XIII vv. [Equipment of the rider and riding horse in Russia in the IX-XIII centuries] / Svod arkheologicheskikh istochnikov. Vyp. E1-36. Moscow – Leningrad: Nauka, 1973. 140 s.

Kobzov V.S. Novaya liniya [The New line] // Bulletin of Chelyabinsk state university, 1992. No.1 (3). S. 12-26.

Kotov V.G. Nauchnyj otchet o razvedochnyh arheologicheskih issledovaniyah v Bajmakskom i Burzyanskom rajonah RB v 2004 g. [Scientific report on exploratory archaeological research in the Baimak and Burzyan districts of the Republic of Bashkortostan in 2004] Ufa, 2005 // Archive of IA RAN.

Kozlov Yu.Ya. Poselok Navarinskij [Village Navarinsky] // Khronist. L.V. Kamenskaya (comp.). Chelyabinsk: Cicero, 2016. S. 33-47.

KPAB, 1982: Katalog pamyatnikov arheologii Bashkirii, otkrytyh v 1971-1980 gg [Catalog of monuments of archeology of Bashkiria, discovered in 1971-1980] / Otv. za vypusk R.G. Mukhtarov. Ufa: GZHT, 1982. 80 s.

Kupriyanov V.A., Paleoliticheskaya stoyanka Peshchernyj Log u g. Magnitogorska [The Cave Log Palaeolithic site from Magnitogorsk] // UAV. Vyp. 16. 2016. S. 19-27. DOI: https://doi.org/10.31833/uav.2016.16.002

Matveev A.V., Anoshko O.M., Siryushova N.F. Starinnyj farfor i fayans iz kul'turnogo sloya Tobol'ska [Antique porcelain and pottery from the cultural layer of Tobolsk] // Vestnik arkheologii. antropologii i etnografii. 2011. No.2(15). S. 116-124.

Melnikova O.N. Snaryazhenie rudokopa i staratelya v kollekcii otdela metalla GIM [Equipment of a miner and a prospector in the collection of the metal Department of the GIM] // Muzei. 2008. № 2. Specvypusk. Posvyashchen Gosudarstvennomu istoricheskomu muzeyu. S. 23-30.

Moshkova M.G. Pamyatniki prohorovskoj kul'tury [Archaeological sites of the Prokhorov culture] / Svod arkheologicheskikh istochnikov. Vyp. D. 1-10. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1963. 32 s.

Moshkova M.G. Proiskhozhdenie rannesarmatskoj (prohorovskoj) kul'tury [The origin of early Sarmatian (Prokhorov) Culture]. M.: Nauka, 1974. 52 s.

Mosin V.S., Butkovskii O.F., Zasedateleva S.N., Kupriyanov V.A. Stoyanki epohi eneolita [Eneolithic settlements] // The Archeology of the Southern Urals. Steppe (problems of cultural Genesis). Chelyabinsk: TSIKR Rifey, 2006. S. 62-72.

Mosin V.S., Kupriyanov V.A. Stoyanki epohi neolita [Neolithic settlements] // Archeology of the Southern Urals. Steppe (problems of cultural Genesis). Chelyabinsk: TSIKR Rifey, 2006. S. 41-62.

Nikolaev S.Yu. Kompleks sarmatskogo klinkovogo oruzhiya iz okrestnostej sel Kuezbashevo i Bishkain v Yuzhnom Priural'e [A complex of Sarmatian bladed weapons from the vicinity of the villages of Kuezbashevo and Bishkain in the Southern Urals] // UAV. Vyp. 19. 2019. S. 69-77. DOI: https://doi.org/10.31833.uav.2019.19.006

Obydennova G.T., Ovsyannikov V.V. «Tabynskij ostrog» – istoricheskij pamyatnik XVII-XVIII vv. (k istorii izucheniya) [The "Tabynsky Ostrog" – historical monument of the XVII-XVIII centuries (to the history of research)] // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk, Vyp. 17. No.3. 2015. S. 312-318.

Obydennova G.T., Ovsyannikov V.V., Bubnel E.V., Protsenko A.S., Babin I.M. Istoriya arheologicheskogo izucheniya krepostnyh sooruzhenij Bashkirskogo Priural'ya [History of archaeological study of fortress structures of the Bashkir Urals] // Povolzhskaya arkheologiya, 2016. No.4 (18). S. 278-295.

Pleshanov M.L., Ivanov A.A. Prohorovskie pogrebeniya v mogil'nike Ajgyr I [The Prokhorov culture burials in the Aigyr I burial ground] // Archeology of the Southern Urals. Forest, forest-steppe (problems of cultural genesis). Chelyabinsk: TSIKR Rifey, 2016. S. 357-361.

Pshenichnyuk A.H. Kul'tura rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala [The culture of the early South Ural nomadic tribes]. M.: Nauka, 1983. 200 s.

Ruslanov E.V. Nauchnyj otchet o razvedochnyh arheologicheskih issledovaniyah v Burzyanskom i Ufimskom rajonah Respubliki Bashkortostan v 2018 godu po Otkrytomu listu №478 ot 22.05.2018 g. [Scientific report on exploratory archaeological research in the Burzyan and Ufa districts of the Republic of Bashkortostan in 2018, according to Open list No.478 dated 22.05.2018] / Institut istorii, yazyka

i literatury UFIC RAN. Ufa, 2019. V 4 tomah. T. 1. 248 s. // Arhiv IA RAN.

Samigulov G.H. Glinyanaya posuda XVIII – nachala XIX vekov iz sloya Chelyabinska [Clay dishes of the XVIII – early XIX centuries from Chelyabinsk] // Izvestiya Chelyabinskogo nauchnogo tsentra RAN. 2003. Vyp. 3 (20). S. 90-95.

Savelev N.S. Kurgan epohi rannih kochevnikov Kushalykuak-1 v vostochnyh predgor'yah hrebta Irendyk [Kushalykuak-1 – a burial mound of the early nomadic period in the eastern foothills of the Irendyk mountain range] // Yuzhnyj Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremya: Sb. statej k 70-letiyu A.H. Pshenichnyuka / Otv. red. G.T. Obydennova, N.S. Savelev. Ufa: Gilem, 2006. S. 92-104.

Savelev N.S. Malye kul'tovye ob"ekty Yuzhnogo Urala: ot arheologii k etnograficheskoj sovremennosti [Small religious sites of the Southern Urals: from archeology to ethnographic modernity] // Dokumenty i materialy po istorii bashkirskogo naroda (s drevnejshih vremen do serediny XVI v.). Ufa: IIYaL UNC RAN, 2012. S. 128-166, 282-293, 311-319.

Savelev N.S. Poselencheskie pamyatniki kochevnikov skifo-sarmatskogo vremeni v yuzhnoj chasti gorno-lesnoj zony Yuzhnogo Urala [Nomadic settlement sites in the mountain-forest zone of the Southern Ural referring to Scythian-Sarmatian time] // UAV. 2015a. Vyp. 15. S. 62-84.

Savelev N.S. Poseleniya rannesakskogo vremeni Yuzhnogo Zaural'ya [Settlements of the early Saka period in the southern Trans-Urals] // Sakskaya kul'tura Saryarki v kontekste izucheniya etnosociokul'turnyh processov stepnoj Evrazii. Sb. nauch. st., posvyashch. pamyati arheologa K.A. Akisheva. Almaty: NICIA «Begazy-Tasmola», 2015b. S. 246-254.

Savelev N.S. Mechi i kinzhaly v kul'tovoj praktike kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya skifo-sarmatskogo vremeni (prostranstvennyj analiz «sluchajnyh» nahodok) [Swords and daggers in the religious rites of the Southern Ural nomadic tribes of the Scythian-Sarmatian time (an example of spatial analysis of some "accidental" findings)] // Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennye problemy sarmatskoj arheologii. Materialy IX Mezhdunar. nauch. konf. «Problemy sarmatskoj arheologii i istorii». Orenburg: Izd-vo OGPU, 2016. S. 241-253.

Savelev N.S. Nahodki mechej i kinzhalov skifo-sarmatskogo vremeni iz yugo-zapadnyh predgorij Yuzhnogo Urala (k voprosu ob osvoenii territorii i osobennostyah rasseleniya kochevnikov) [Finds of swords and daggers of the Scythian-Sarmatian period from the South-Western foothills of the Southern Urals (on the question of territory development and features of nomad settlement)] // Oriental Studies. 2018a. Vol. 38. Is. 4. S. 24-31. DOI: https://doi.org/10.22162/2619-0990-2018-37-3-24-31

Savelev N.S. K istorii sozdaniya «Arheologicheskoj karty Bashkirii» [On the history of creating the "Archaeological map of Bashkiria"] // Drevnie i srednevekovye obshchestva Evrazii: perekrestok kul'tur. Mezhdunar. nauch. simp., posvyashch. pamyati vidnogo uchenogo-arheologa, professora, akademika Akademii nauk Respubliki Bashkortostan, doktora istoricheskih nauk N.A. Mazhitova. g. Ufa, 6-7 dekabrya 2018 g. Ufa: Mir pechati, 2018b. S. 64-69.

Savelev N.S. Yuzhnyj Ural v I tys. Do n.e. – osobaya kontaktnaya zona na krajnem vostoke Evropy [The Southern Urals in the first millennium BC as a special contact zone in the far East of Europe] // UAV. Vyp. 19. 2019. S. 39-50. DOI: https://doi.org/10.31833.uav.2019.19.004

Savelev N.S., *Nikolaev S.Yu.* Kompleks sarmatskih kinzhalov iz okrestnostej s. Tolbazy v Yuzhnom Priural'e [Complex of Sarmatian daggers from the vicinity of Tolbazy village in the Southern Urals] // Nizhnevolzhskij arheologicheskij vestnik. 2020. T. 19. № 1. S. 149-166. DOI: https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.8

Savelev N.S., Saveleva A.G., Nikolaev S.Yu. Kompleks nahodok Novogo vremeni so stoyanki Pervomajskij-1 (Yuzhnoe Zaural'e): k voprosu o tipologii, hronologii i etnokul'turnoj prinadlezhnosti pamyatnika [A complex of finds from the New Time from the Pervomaisky-1 site (Southern Trans-Urals): on the issue of typology, chronology and ethnocultural affiliation of the site] // Oriental Studies. 2020 (in print)

Sirotin S.V. Ob otnositel'noj hronologii i datirovke mogil'nika Perevolochan I [On the relative chronology and dating of the Perevolochan I burial ground] // Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennye problemy sarmatskoj arheologii. Materialy IX Mezhdunar. nauch. konf. «Problemy sarmatskoj arheologii i istorii». Orenburg: Izd-vo OGPU, 2016. S. 253-264.

Habdulina M.K., Malyutina T.S. Pogrebal'nyj kompleks V-IV vv. do n.e. iz Chelyabinskoj oblasti [Burial complex of the V-IV centuries BC from the Chelyabinsk region] // KSIA. Vyp. 170. 1982. S. 73-80.

UFA – HARBIN – BRISBENE (TO THE 120TH ANNIVERSARY OF V. PONOSOV)

N. Savelev

Abstract. 2019 marks 120th birthday anniversary of one of the founders of the archeology of North-east China (Manchuria) - Vladimir Vasilyevich Ponosov (1899-1975), who was born and raised in Ufa, but emigrated during the years of during the Civil War. The article provides data on the history of the Ponosov-Mollo family, milestones of the life of V. Ponosov and his scientific biography. V. Ponosov was buried in Brisbene, Australia, where he settled in the early 1960s. and worked at the University of Queensland.

Key words: Ufa, archaeology, the Civil War, Russian emigration, China, Australia

Citation. Savelev N., 2020. Ufa – Harbin – Brisbene (to the 120th anniversary of V. Ponosov). The Ufa Archaeological Herald, is. 20, pp. 155-163. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2020.20.012

УДК 902; 929
ББК 63.4

Дата поступления статьи: 25.09.2020
Дата принятия статьи: 12.11.2020

УФА – ХАРБИН – БРИСБЕН (К 120-ЛЕТИЮ В.В. ПОНОСОВА)

Никита Сергеевич Савельев
канд. ист. наук / ведущий научный сотрудник
Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН
Уфа, Российская Федерация / E-mail: sns_1971@mail.ru

Аннотация. В 2019 году исполнилось 120 лет со дня рождения одного из основателей археологии Северо-Восточного Китая (Манчжурии) – Владимира Васильевича Поносова (1899-1975), родившегося и выросшего в Уфе, но оказавшегося в эмиграции в годы Гражданской войны. В статье приводятся данные по истории семьи Поносовых-Молло, вехи жизни В.В. Поносова и его научая биография. Похоронен В.В. Поносов в Брисбене (Австралия), где он обосновался в начале 1960-х гг. и преподавал в Квинслендском университете.

Ключевые слова: Уфа, археология, Гражданская война, русская эмиграция, Китай, Австралия

Цитирование. Савельев Н.С., 2020. Уфа – Харбин – Брисбен (к 120-летию В.В. Поносова) // Уфимский археологический вестник. Вып. 20. С. 155–163. DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2020.20.012

В основу положена статья автора «Возвращение из векового забвения», размещенная 24 января 2007 году на сайте агентства «Башинформ». Журналистами статья была названа «Находка башкирских ученых: установлены интересные факты из жизни нашего земляка, ученого-археолога Владимира Поносова». В печатном виде она ранее не публиковалась, а ссылка эта в настоящее время уже не доступна. Однако, со значительной частью текста можно познакомиться в изложении А.Х. Гирфановой, статья которой посвящена материалам по тунгусским языкам из архива В.В. Поносова [Гирфанова, 2014]. В приведенном ниже тексте значительно расширена содержательная часть, внесены коррективы технического характера, а также выправлен ряд ошибок, возникших из-за недостатка и противоречивости первоначальной информации.

***

В рамках подготовки празднования 450-летия добровольного вхождения Башкирии в состав Русского государства и в соответствии с распоряжением Президента Башкортостана М.Г. Рахимова от 24 октября 2006 года был решен вопрос о переезде широко известного жителям республики и специалистам академического Музея археологии и этнографии, располагавшегося более четверти века на первом этаже многоэтажного жилого дома по улице Аксакова, дом 7, в старинное здание на улице Карла Маркса, дом 6. Это здание, построенное в начале XX века, является украшением исторической части города. С 1950 по 2006 г. в нем находился Президиум Уфимского научного центра Российской академии наук (ранее – Башкирский филиал АН СССР), до этого – Дом ученых и статуправление Башкирской АССР, а до середины 1930-х гг. – Музей революции. Старшему поколению уфимцев этот дом более известен как «штаб Чапаевской дивизии», а его официальное название – «особняк Е.А. По́носовой-Молло». Судьба этой

Рис. 1. Начало XX века. Уфа. Улица Александровская, 4. Особняк Е.А. Поносовой-Молло. По: https://rb7.ru/m/interest/180048

Fig. 1. The beginning of the XX century. Ufa. Aleksandrovskaya Street, 4. The manor house of E. Ponosova-Mollo. After: https://rb7.ru/m/interest/180048

Рис. 2. Е.А. Словохотова (Поносова-Молло). По: https://www.geni.com/people

Fig. 2. E.A. Slovokhotova (Ponosova-Mollo). After: https://www.geni.com/people

известной уфимской дворянской/купеческой семьи изучена достаточно хорошо.

При проектировании музея, наряду с собственно археологическими и этнографическими материалами, планировалось, что достойное место будет отведено и истории этого особняка, единожды уже бывшего музеем. На стадии подготовки концепции всей экспозиции выяснились и очень интересные факты из жизни Елены Александровны По́носовой-Молло, точнее – ее сына Владимира. Ранее считалось – это мнение было отражено в местной краеведческой литературе – что он в 1917 г. уехал в Японию и дальнейшая его судьба неизвестна. Оказалось, что до определенного момента она была неизвестна только на малой Родине. Р.Г. Краснова в 2004 г. в издании «Родословная Уфы» публикует очерк «Одинокий пилигрим», посвященный второму сыну Е.А. По́носовой-Молло [Родословная…, 2004. С. 111-113]. Примерно в 2006 г., совершенно случайно и независимо от уфимских краеведов, на след В.В. Поносова выхожу и я.

Мои научные интересы, связанные с восточной частью Евразийской степи подсказывали, что эта редкая фамилия как-то связана с Китаем и археологией. Смутно вспоминалось, что фамилия эта встречалась в какой-то из книг семьи Рерихов про экспедиции в Центральную Азию. Результат поисков в интернете оказался очень неожиданным и, более того, тесно связанным с будущей экспозицией проектируемого Музея археологии и этнографии. Ниже приводятся сведения, почерпнутые из публикаций В.Е. Ларичева, С.В. Алкина, С.А. Комиссарова и других исследований по археологии восточной части Евразии, а также из различных интернет-ресурсов и уфимской краеведческой литературы.

Рис. 3. Музей археологии и этнографии Уфимского федерального исследовательского центра РАН. По: https://ufagrad.info/post/

Fig. 3. Museum of Archeology and Ethnography of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. After: https://ufagrad.info/post/

Итак, Владимир Васильевич По́носов (12 апреля[1] 1899, Уфа – 23 января 1975, Брисбен, Австралия). Наряду с В.Я. Толмачевым, бывшим екатеринбургским археологом и ученым секретарем УОЛЕ (Уральского общества любителей естествознания), – признанный лидер археологии Манчжурии 1920-1950-х гг., основатель харбинской археолого-этнографической школы[2].

[1] По данным Центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан, приводимым Р.Г. Красновой [Краснова, 2005. С. 140. Прим. 5]. Сибирскими исследователями (С.В. Алкин и др.) приводится другая дата – 25 февраля 1899 г., однако она не имеет документальных подтверждений.

[2] В сжатом виде основные вехи жизни В.В. Поносова приводятся в большом количестве специальных изданий, касающихся археологии и древней истории Юго-Восточной Азии, в т.ч., например, и в томе 1 академической «Истории Китая» [История Китая…, 2016. С. 32-34]. Однако, источником всех этих сведений являются две небольшие статьи С.В. Алкина, опубликованные еще в 1990-е годы [Алкин, 1990; 1998].

Отцом его был купец первой гильдии, один из богатейших людей Уфимской губернии, почетный гражданин Уфы и депутат городской думы 1893-1896 гг. Василий Епифанович Поносов [Краснова, 2005. С. 138]. Умер он в 1900 году, когда Владимиру не исполнилось и года. Детство В.В. Поносова прошло в Уфе, с 1910 года – в богатейшем особняке на ул. Александровская, 4 (совр. – ул. Карла Маркса, 6), купленном его матерью у уфимского миллионера С.С. Манаева (рис. 1). Также в наследство от В.Е. Поносова семье досталось большое имение (площадью более 2500 десятин) около железнодорожной станции Алкино в 30 км к западу от Уфы, на реке Дема. По воспоминаниям современников, в зале для приемов – о котором еще будет сказано в конце статьи – городского особняка семьи на стенах висели картины Айвазовского, Маковского, Коровина, а количество столового серебра измерялось пудами [Краснова, 2005. С. 148].

Закончив реальное училище в Уфе, Владимир Поносов в 1915 г. поступил на экономический факультет Коммерческого института в Киеве. Судя по имеющимся отрывочным данным, археологические исследования он начал с изучения предгорий Южного Урала, «обнаружив энеолитическую стоянку в своем имении» [История…, 2019. С. 30], по мнению Р.Г. Красновой – в «Демской усадьбе» около станции Алкино [Родословная…, 2004. С. 111][3].

Как и многие представители российской интеллигенции, после 1917 г. Владимир Поносов оказался за границей, а 1922 годом датируется его появление в Харбине – «русском» городе северо-восточного Китая (Манчжурия), возникшем как крупный транспортный узел на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД). К сожалению, пятилетний период, с 1917 по 1922 гг., в жизни В.В. Поносова для нас совершенно не известен. В 1917 г. он – 18-летний студент Коммерческого института в Киеве, а в 1922 г. он уже обосновался в Харбине[4]. Вполне возможно, что с началом Гражданской войны он был призван в армию и именно так оказался на востоке России, откуда уже недалеко и до Харбина. Во всяком случае, его старший брат – Василий Поносов – служил прапорщиком у Колчака, а младший – Борис Молло, 16-летний доброволец 4-го гусарского полка, был убит на фронте 27 декабря 1918 года, на западных подступах к Уфе [Краснова, 2005. С. 154-155. Прим. 3].

С момента возникновения в 1922 г. и до ликвидации в 1929 г. В.В. Поносов – активный член Общества изучения Манчжурского края (ОИМК), созданного русскими эмигрантами и сотрудниками КВЖД, формально являясь секретарем секции искусств ОИМК. Первое заседание учредителей ОИМК состоялось 29 октября 1922 г., после чего был создан музей, содержавшийся в основном на средства КВЖД. Первая его экспозиция была юбилейной, посвященной 25-летию КВЖД, она открылась 12 июня 1923 г. [Хисамутдинов, 2018. С. 11].

С 1932 г. В.В. Поносов становится заведующий отделом этнологии Музея Института изучения культурного развития Особого района Восточных провинций – того же музея ОИМК, переименованного и переформатированного китайским властями в 1929 г., после захвата КВЖД. В этом же 1932 г., после создания государства Манчжоу-Го и захвата японцами Харбина (5 февраля), музей ОРВП стал называться Музеем Северной Манчжурии. В 1934 г. музей и институт под названием «Харбинская лаборатория» вошли в

Рис. 4. Владимир Яковлевич Толмачев, 3 декабря 1876 г., Шадринский уезд Пермской губернии – 7 мая 1942 г. Дворянин. Участник Русско-Японской и I Мировой войн. Прапорщик в отставке. Выпускник физико-математического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета, Высшего художественного училища при Императорской Академии художеств и Санкт-Петербургского археологического института.

Начал археологические исследования Манчжурии во время Русско-Японской войны, находясь в действующей армии. Умер по дороге из Китая в СССР, возвращаясь из эмиграции после получения советского гражданства. Похоронен в Китае

Fig. 4. Vladimir Yakovlevich Tolmachev, December 3, 1876, Shadrinsky uyezd, Perm province - May 7, 1942. Nobleman. Veteran of the Russian-Japanese and World War I. A retired warrant officer. A graduate of the Physics and Mathematics Department of the Imperial St. Petersburg University, the Higher Art School at the Imperial Academy of Arts and the St. Petersburg Archaeological Institute.

He began archaeological research in Manchuria during the Russo-Japanese War, while in the army. He died on the way from China to the USSR, returning from emigration after receiving Soviet citizenship. Buried in China

[3] Согласно данным, изложенным в «Археологической карте Башкирии», в которой достаточно полно собраны сведения по памятникам, зафиксированным в республике до 1917 г. [Савельев, 2018], около с. Алкино какие-либо энеолитические стоянки и вообще, памятники, выявленные в дореволюционное время, отсутствуют [Археологическая…, 1976. С. 99-102].

[4] А.Х. Гирфанова указывает, что В.В. Поносов оказался за рубежом в 1919 г. [Гирфанова, 2014. С. 561], однако, какие-либо ссылки на источник этой информации ей не приводятся.

Рис. 5. Вид на здание музея Общества изучения Манчжурского края.По А.А. Хисамутдинову, 2018
Fig. 5. View of the building of the Museum of the Society for the Study of the Manchurian Region. After Khisamutdinov, 2018

структуру Континентального института научного исследования в Маньчжу-Ди-Го в Синьцзине. 1 января 1937 г. приказом правительства Манчжурской империи музей был включен в состав Харбинского отделения государственного научно-исследовательского института «Да-Лу». В нем В.В. Поносов также заведует и археологическим отделом [Хисамутдинов, 2018. С. 37].

В 1939-1945 гг. В.В. Поносов являлся созаведующим музеем института «Да-Лу». За время музейной работы он составил каталог памятников археологии Северной Маньчжурии, пополнял коллекции музея своими собственными археологическими и этнографическими материалами.

В конце 1920-х гг. В.В. Поносов продолжил начатые В.Я. Толмачевым археологические исследования Верхней столицы чжурчженей — городища Байчэн. Активные археологические работы продолжались им и в 1930-40-е гг. – он исследовал городище в Дунцзичэне, палеолитическое местонахождение в Гусянтуне, вел работы на Сунгари, в районе Барги (описание этих работ см.: [Алкин, 2001]), на озере Цзиньбоху и т.д. Также В.В. Поносов занимался изучением предметов ламаистского культа, собирал материалы по этнографии солонов

Рис. 6. Группа участников Первой Экспедиции Института Изучения ОРВП перед отъездом из Харбина. 10 сентября 1931 г. Участники экспедиции (слева направо): Сюй, М.А. Фирсов, Э.Э. Анерт, Б.В. Тюшов, Чжоушоуи, Др. Ин, В.В. Поносов, А.С. Лукашкин, М.И. Иевлев, Чэн И.
Из личного архива А.С. Лукашкина, Музей русской культуры, Сан-Франциско. По И. Франкьен и др., 2010

Fig. 6. A group of participants in the First Expedition of the Institute for the Study of SAEG before leaving Kharbin. September 10, 1931. Expedition members (from left to right): Xu, M. Firsov, E. Anert, B. Tyushov, Zhoushui, Dr. In, V. Ponosov, A. Lukashkin, M. Ievlev, Cheng I.
From the personal archives of A. Lukashkina, Museum of Russian Culture, San Francisco. After I. Frankien et al., 2010

Рис. 7. Групповой снимок в Этнографическом отделе Харбинского музея по случаю посещения археологом К. Кобаяси 10 января 1933 года.
Сидят, слева направо: А.С. Лукашкин, Э.Э. Анерт, А.Я. Авдощенков, К. Кобаяси и В.Я. Толмачёв.
Стоят: драгоман музея И-Цзя-цзюй, В.Н. Жернаков, М. Ивлев и В.В. Поносов. По С.В. Алкину, 2002

Fig. 7. This photo was made on January 10, 1933 in the Ethnographic Department of the Harbin Museum, and marks the visit of archaeologist K. Kobayashi
Sitting from left to right: A. Lukashkin, E. Anert, A. Avdoschenkov, K. Kobayashi and V. Tolmachev.
Standing: the dragoman (interpreter) of museum the Yi-Jia-tszyu, V. Zhernakov, M. Ivlev and V. Ponosov. After to S. Alkin, 2002

и даур, а в 1936 г. был председателем проходившей в Харбине исторической секции Выставки предметов художественной старины и редкостей, где демонстрировались и археологические находки.

Начиная с 1931 г. В.В. Поносов и А.С. Лукашкин (их совместное фото – см.: [Ларичев, 1972. С. 244]), а также геолог Э.Э. Анерт [Бельчич, 2019. С. 118-119], развернули работы по обследованию и изучению местонахождения Гусянтунь на окраине Харбина – большого по размерам костеносного слоя с археологическими находками среднего этапа верхнего палеолита [История Китая…, 2016. С. 137-138]. Одни из самых первых публикаций находок с этого памятника также принадлежат В.В. Поносову [Ларичев, 1972. Прим. 30]. С 1933 г. к этим работам присоединились японские специалисты – С. Токунага и Н. Наора, опубликовавшие результаты своих работ в виде монографии. Также в ходе работ этот памятник посещали П. Тейяр де Шарден и А. Брейль, проводившие в это время исследования в Чжоукоудяне близ Пекина [Ларичев, 1972. С. 242-249; История Китая…, 2016. С. 137].

К 1934 году относится не вполне понятная ситуация, связавшая в один клубок профессиональную деятельность В.В. Поносова, академика Н.К. Рериха и общественную жизнь Харбина. В этом году В.В. Поносов руководил археологической экспедицией в Баргу, степной район Внутренней Монголии, где им было сделано много находок [Упшинский, 1934; Алкин, 2001. С. 61-62; Хисамутдинов, 2013. С. 280]. Также в начале лета в Харбин прибывает Н.К. Рерих, который по заданию министерства сельского хозяйства США ехал во Внутреннюю Монголию в поисках засухоустойчивых растений. 10 июня он выступает в Клубе естествознания и географии, на последующем чаепитии присутствовало все руководство клуба, в том числе и В.В. Поносов (рис. 8). Экспедиция Н.К. Рериха в Баргу начитается в августе и в ее состав входят также представители харбинского Клуба естествознания и географии – ботаник Т.П. Гордеев и его ассистент А.А. Костин. 22 ноября 1934 г. Т.П. Гордеев выступает в Клубе с докладом «Предварительный отчет о почвенно-флористических исследованиях экспедиции акад. Рериха» [Левитский, 2013]. А уже 28 ноября в газете «Харбинское время» появляется статья, в которой корреспондент приводит слова В.В. Поносова, в целом негативно оценившего итоги экспедиции Н.К. Рериха.

К сожалению, саму эту статью найти не удалось, но обращение к открытой части архива на сайте Музея Рерихов (http://roerichsmuseum.ru/index.php/museum/arkhiv) показало, что в ноябре 1934 г. против Н.К. Рериха в харбинской прессе была развернута серьезная компания по очернению – его обвиняли в масонстве, связях с большевиками, со спецслужбами США и т.д. В том числе среди авторов таких статей был и «Н. Борисов» – вероятно,

Рис. 8. Клуб естествознания и географии в Харбине. 10 июня 1934 г. Чашка чая клуба по случаю приезда в Харбин академика Н.К. Рериха. В центре за столом Н.К. Рерих. По левую руку от него – геолог Э.Э. Анерт, председатель клуба, слева от него В.Н. Жернаков, секретарь клуба. Справа от Н.К. Рериха – член президиума клуба В.В. Поносов, справа от него А.А. Костин, казначей клуба. Члены и гости клуба: профессора Г.К. Гинс и В.В. Энгельфельд, А.Н. Байков, Г.Г. Авенариус, И.Г. Баранов и другие. Значительная часть – универсанты. По В.Л. Мельникову, 2002

Fig. 8. Club of Natural Science and Geography in Harbin. June 10, 1934 A cup of tea from the club on the occasion of Academician N. Roerich's visit. In the center at the table N. Roerich. To his left is the geologist E. Anert, chairman of the club, to his left V. Zhernakov, club secretary. To the right of N. Roerich – a member of the presidium of the club V. Ponosov, to his right A. Kostin, treasurer of the club. Members and guests of the club: professors G. Gins and V. Engelfeld, A. Baikov, G. Avenarius, I. Baranov and others. Ater V. Melnikov, 2002

корреспондент газеты. Не вдаваясь в подробности, которые вряд ли будет возможным установить по прошествии почти века, ниже приводится письмо Н.К. Рериха А.С. Лукашкину – директору Музея Северной Манчжурии[5].

«4/XII-34. Пейпин.

Многоуважаемый Анатолий Степанович.

Пишу Вам по поводу вздорного сообщения появившегося за подписью «Н.Борисов» в Харбинском Времени от 28 Ноября за № 322.

В этой заметке озаглавленной «Правда о экспедиции Н.К. Рериха в Баргу» указывается на какие-то разоблачения сотрудника музея изучения Маньчжурии. Прошу Вас, как заведующего музеем, поместить от лица администрации музея заметку в харбинские газеты, т.к. мы никогда не присваивали себе каких-либо находок, сделанных В.В. Поносовым в Трехречьи.

Как известно, исключительной целью нашей экспедиции являлось собирание засухостойких растений и семян, а также собирание материалов по лекарственным растениям, употребляемым в тибетской и монгольской медицине. Археологические раскопки не входили в программу экспедиции и две случайные находки были сделаны Т.П. Гордеевым и А.А. Костиным, о чем я заявил в своем кратком сообщении о поездке в Баргу. Так как автор статьи в Харбинском Времени Борисов цитирует слова В.В. Поносова, то мне и хотелось бы узнать, как отношение к этой статье сотрудников музея, так и самого В.В. Поносова. Думаю, что Т.П. Гордеев и А.А. Костин могут дать истинные факты об этой поездке.

Перед отъездом просил Т.П. Гордеева передать Вам экземпляр своей работы о зверином стиле среди кочевников Сев. Тибета, который прошу принять на память о совместной работе в стенах Вашего музея.

Могу добавить, что сообщение автора заметки со слов В.В. Поносова, что Н.К. Рерих никаких вкладов из своей поездки в Баргу не сделал, не соответствует действительности, ибо, как Вы знаете, мы предоставили музею известное количеств дубликатов собранного гербария.

Нами принимаются меры для выяснения всего провокационного выступления Харбинского Времени. В ответ на наше заявление Японскому Императорскому Посольству в Синьцзине, посольство поместило в местные газеты соответствующую заметку. Не знаю, попала ли она в Харбинскую печать. Но мы ее видели в японской газете в Дайрене. Буду ожидать Вашего ответа, который прошу направить мне через Владимира Константиновича Рериха (Садовая 15).

Прошу передать всем сотрудникам музея наш искренний привет.

Уважающий Вас, »

С 1929 г. В.В. Поносов являлся учредителем и членом президиума Клуба естествознания и географии Христианского союза молодых людей (ХСМЛ) – молодежной научно-общественной организации, основанной бывшими членами ОИМК 11 апреля 1929 г. Также с 1929 по 1945 г. он руководил Национальной организацией исследователей-пржевальцев, через кружки которой прошли многие подростки Харбина [Гончаренко, 2009. С. 79-81]. В 1999 г. одним из репатриантов, чье взросление прошло в Харбине, – И.А. Мухиным в газете «На сопках Маньчжурии», выпускавшейся в Новосибирске бывшими харбинцами, были опубликованы воспоминания о руководителе «пржe-

[5] Источник: https://roerichsmuseum.website.yandexcloud.net/DE/DE-170.pdf (архив сайта Музея Рерихов – филиала Государственного Музея Востока).

вальцев» – В.В. Поносове. В конце 1930-х гг., когда Измаилу Мухину было шестнадцать, он пришёл на доклад в организацию исследователей-пржевальцев и познакомился с Поносовым. *«Владимир Васильевич был бессменным руководителем этого кружка молодых «природолюбов». Человек удивительно скромный, преданный своему делу, всю свою жизнь деливший между научными изысканиями, экспедициями и воспитанием будущей смены. Как он только определял возраст находок! Ничто его не могло сбить с толку! Все озорные попытки подсунуть ему в раскопанный слой предмет из другой эпохи тут же неизбежно кончались разоблачением шутников… В походах могли принимать участие все желающие, поэтому к пржевальцам часто примыкали друзья и знакомые… Старшим обычно бывал Поносов… какие открытия делались пржевальцами! Одним из таких был древний даосский монастырь, расположенный на востоке от Харбина, в Сунфыньшане»*. Поносов был очень увлечён изучением всяких религий и философией буддизма, ламаизма, даосизма, шаманства [Мухин, 1999. Цит. по: Краснова, 2005. С. 158].

После революции 1949 г. и образования КНР В.В. Поносов остался в Харбине, а в 1957 г. был приглашен на работу во вновь созданный Музей провинции Хэйлунцзян (столица провинции – город Харбин) для передачи опыта китайским сотрудникам. В это время им было проведено несколько экспедиций, где он также консультировал китайских археологов по методике исследований, разведок и раскопок. Здесь же он написал специальную работу по истории археологического изучения Северной Маньчжурии, где обобщил опыт русских исследований; в 1991 г. она была опубликована в Харбине на китайском языке.

В 1961 г. В.В. Поносов переехал в Австралию и обосновался в Брисбене – столице штата Квинсленд, где и прожил до 1975 г. Работал в Брисбенском музее, участвовал в полевых археологических исследованиях Квинслендского университета (1963 г.), являлся куратором антропологического отдела университета (1966 – 1 января 1970 г.), после чего, из-за проблем со зрением, вышел на пенсию. Похоронен на православном кладбище в Брисбене [Краснова, 2005. С. 157; Хисамутдинов, 2018. С. 61]. К сожалению, фотография «Профессор Квинслендского университета В.В. Поносов. 1960-е», полученная Р.Г. Красновой от Е.П. Таскиной [Краснова. 2005. С. 111. Фото на с. 110] – единственная, относящаяся к австралийскому периоду жизни В.В. Поносова и качество ее очень невысокое.

Имя В.В. По́носова занимает достойное место в списке востоковедов биобиблиографического словаря «Российское научное зарубежье», изданного при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. В 1972 г. в Мельбурнском университете в серии Russians in Australia вышла биография В.В. По́носова (автор – В.Н. Жернаков) [Жернаков, 1972], также его харбинский период жизни неоднократно освещался новосибирскими археологами-китаеведами. Его богатейший личный фонд, в том числе и более 30 научных публикаций, хранится в архиве Музея русской культуры в Сан-Франциско.

Как отмечалось в статье 2007 года, *«В настоящее время руководство Центра этнологических исследований УНЦ РАН, на базе которого существует Музей археологии и этнографии, намерено связаться с Мельбурнским университетом и Сан-Франциско для получения дополнительных материалов о жизни и деятельности Владимира Поносова. История его жизни, безусловно, должна найти отражение в экспозиции Музея, которому самой судьбой уготовано было разместиться в особняке семьи Поносовых-Молло»*.

Стоит только отметить, что экспозиция Филипповского золота разместилась в зале приемов особняка Е.А. Поносовой-Молло – того самого, где стены занимали картины Айвазовского, Маковского и Коровина, и где, как можно думать, неоднократно бывал и ее сын – В.В. Поносов, один из основателей археологии Северного Китая. А основная археологическая экспозиция музея расположена на месте летнего сада.

Завершая, будет уместно привести заключение новосибирских коллег, многие десятилетия связанных с Китаем общими исследовательскими интересами: «В Китае существует неоднозначное отношение к российскому вкладу в изучение Манчжурии. Однако характерно, что за последние три десятилетия практически все значимые статьи русских краеведов и археологов изданы в переводе на китайский язык» [История…, 2019. С. 28].

Рис. 9. Одна из могил семейного склепа Поносовых на православном кладбище в Брисбене (Австралия). По А.А.Хисамутдинову, 2018

Fig. 9. One of the graves of the Ponosov family crypt at the Orthodox cemetery in Brisbane (Australia). After A. Khisamutdinov, 2018

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алкин С.В. Археологические и этнографические исследования В.В. Поносова в Маньчжурии // Вторые чтения имени Г.И. Невельского. Хабаровск, 1990. С. 113-117.

Алкин С.В. Материалы к изучению деятельности русских археологов в Маньчжурии // 100-летие города Харбина и КВЖД. Материалы конференции. Новосибирск, 1998. С. 7-12.

Алкин С.В. История изучения и современные представления о времени сооружения «вала Чингиз-хана» // Широкогоровские чтения (проблемы антропологии и этнологии). Материалы науч. конф. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2001. С. 60-63.

Алкин С.В. Археолог Владимир Яковлевич Толмачёв // Сибирская заимка. 2002. http://zaimka.ru/alkin-tolmachev

Археологическая карта Башкирии / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Наука, 1976. 262 с.

Бельчич Ю.В. Профессор Э.Э. Анерт – выдающийся исследователь геологии и месторождений полезных ископаемых русского Дальнего Востока и Северной Маньчжурии // Любимый Харбин – город дружбы России и Китая : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 120-летию русской истории г. Харбина, прошлому и настоящему русской диаспоры в Китае (Харбин, 16-18 июня 2018 г.). Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2019. С. 115-121.

Гирфанова А.Х. Л.Г. Герценберг и алтайское языкознание // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. Т. 10. Часть 1. СПб.: Наука, 2014. С. 559-564.

Гончаренко О.Г. Русский Харбин. М.: Вече, 2009. 256 с.

Жернаков В.Н. Владимир Васильевич Поносов / Russians in Australia. 50. № 3 / Ред. серии Н. Кристенен. Мельбурн: Мельбурнский ун-т, 1972. 16 с.

История археологических исследований в Китае: историографический очерк: учеб. пособие для вузов / Отв. ред. В.И. Молодин, С.А. Комиссаров. 2-е изд. М.: Юрайт, 2019. 174 с.

История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. Т. I. Древнейшая и древняя история (по археологическим данным): от палеолита до V в. до н.э. / Отв. ред. А.П. Деревянко. М.: Наука – Восточная литература, 2016. 974 с.

Краснова Р.Г. Первая дама уфимского бомонда // Река времени. 2004 / Отв. ред. М.И. Роднов. Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2005. С. 133-160.

Ларичев В.Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Часть 2. Азия и проблема локальных культур (исследования и идеи). Новосибирск: Наука, 1972. 416 с.

Левитский В.В. Гордеев Тарас Петрович // Мой Харбин. 2013. http://myharbin.name/personalii/182

Мельников В.Л. Рерих в Петербургском университете // Музей-институт семьи Рерихов в культурно-историческом пространстве Санкт-Петербурга. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. 220-247.

Мухин И.А. По горным и таёжным тропам Маньчжурии // На сопках Маньчжурии. Новосибирск. 1999. № 69.

Родословная Уфы / Р. Краснова, А. Черкалихин. Кн. I. Уфа: Белая река, 2004. 191 с.

Савельев Н.С. К истории создания «Археологической карты Башкирии» // Древние и средневековые общества Евразии: перекресток культур. Междунар. науч. симп., посвящ. памяти видного ученого-археолога, профессора, академика Академии наук Республики Башкортостан, доктора исторических наук Н.А. Мажитова. г. Уфа, 6-7 декабря 2018 г. Уфа: Мир печати, 2018. С. 64-69.

Упшинский А. Века отдают свои тайны. Русские археологи сделали много ценных открытий в Барге // Рубеж. 1934. № 33. С. 19.

Франкьен И., Шергалин Е.Э., Новомодный Е.В. Михаил Аркадьевич Фирсов (1879-1941) – орнитолог, краевед и натуралист // Русский орнитологический журнал. 2010. Том 19. Экспресс-выпуск 612. С. 2051-2061.

Хисамутдинов А.А. Русские археологи-эмигранты в Китае // Археологические вести. № 19. 2013. С. 278-283.

Хисамутдинов А.А. Как русские изучали Китай: Общество изучения Маньчжурского края. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2018. 77 с.

REFERENCES

Alkin S.V. Arheologicheskie i etnograficheskie issledovaniya V.V. Ponosova v Man'chzhurii [Archaeological and ethnographic research of V. Ponosov in Manchuria] // Vtorye chteniya imeni G.I. Nevel'skogo. Khabarovsk, 1990. S. 113-117.

Alkin S.V. Materialy k izucheniyu deyatel'nosti russkih arheologov v Man'chzhurii [Materials on the study of the Russian archaeologists' works in Manchuria] // 100-letie goroda Harbina i KVZHD. Materialy konferencii. Novosibirsk, 1998. S. 7-12.

Alkin S.V. Istoriya izucheniya i sovremennye predstavleniya o vremeni sooruzheniya «vala Chingiz-hana» [The history of the study and modern ideas about the time of construction of the "Wall of Genghis Khan"] // Shirokogorovskie chteniya (problemy antropologii i etnologii). Materialy nauch. konf. Vladivostok: Izd-vo DVGU, 2001. S. 60-63.

Alkin S.V. Arheolog Vladimir Yakovlevich Tolmachyov [Archaeologist Vladimir Yakovlevich Tolmachev] // Sibirskaya zaimka. 2002. http://zaimka.ru/alkin-tolmachev

Arheologicheskaya karta Bashkirii [Archaeological map of Bashkiria] / Otv. red. O.N. Bader. M.: Nauka, 1976. 262 s.

Bel'chich Yu.V. Professor E.E. Anert – vydayushchijsya issledovatel' geologii i mestorozhdenij

poleznyh iskopaemyh russkogo Dal'nego Vostoka i Severnoj Man'chzhurii [Dr. Anert – an outstanding researcher of geology and mineral deposits in the Russian Far East and Northern Manchuria] // Lyubimyj Harbin – gorod druzhby Rossii i Kitaya : materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 120-letiyu russkoj istorii g. Harbina, proshlomu i nastoyashchemu russkoj diaspory v Kitae (Harbin, 16-18 iyunya 2018 g.). Vladivostok: Izd-vo VGUES, 2019. S. 115-121.

Girfanova A.H. L.G. Gercenberg i altajskoe yazykoznanie [Herzenberg and Altai linguistics] // Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskih issledovanij. T. 10. Chast' 1. SPb.: Nauka, 2014. S. 559-564.

Goncharenko O.G. Russkij Harbin [Russian Harbin]. M.: Veche, 2009. 256 s.

Zhernakov V.N. Vladimir Vasil'evich Ponosov [Vladimir Vasil'evich Ponosov] / Russians in Australia. 50. № 3 / Red. serii N. Kristenen. Mel'burn: Mel'burnskij un-t, 1972. 16 s.

Istoriya arheologicheskih issledovanij v Kitae: istoriograficheskij ocherk: ucheb. posobie dlya vuzov [History of archaeological research in China: a historiographical sketch: manual for universities] / Otv. red. V.I. Molodin, S.A. Komissarov. 2-e izd. M.: Yurajt, 2019. 174 s.

Istoriya Kitaya s drevnejshih vremen do nachala XXI veka: v 10 t. T. I. Drevnejshaya i drevnyaya istoriya (po arheologicheskim dannym): ot paleolita do V v. do n.e. [History of China from the ancient times to the beginning of the XXI century: in 10 volumes. V.I. The most ancient and ancient history (according to archaeological data): from the Paleolithic to the V century BC] / Otv. red. A.P. Derevyanko. M.: Nauka – Vostochnaya literatura, 2016. 974 s.

Krasnova R.G. Pervaya dama ufimskogo bomonda [The first lady of the Ufa elite] // Reka vremeni. 2004 / Otv. red. M.I. Rodnov. Ufa: DizajnPoligrafServis, 2005. S. 133-160.

Larichev V.E. Paleolit Severnoj, Central'noj i Vostochnoj Azii. Chast' 2. Aziya i problema lokal'nyh kul'tur (issledovaniya i idei) [Paleolithics of North, Central and East Asia. Part 2. Asia and the problem of local cultures (research and ideas)]. Novosibirsk: Nauka, 1972. 416 s.

Levitskij V.V. Gordeev Taras Petrovich [Gordeev Taras Petrovich] // Moj Harbin. 2013. http://myharbin.name/personalii/182

Mel'nikov V.L. Rerih v Peterburgskom universitete [Roerich at St. Petersburg University] // Muzej-institut sem'i Rerihov v kul'turno-istoricheskom prostranstve Sankt-Peterburga. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2002. 220-247.

Muhin I.A. Po gornym i tayozhnym tropam Man'chzhurii [Along the mountain and taiga paths of Manchuria] // Na sopkah Man'chzhurii. Novosibirsk. 1999. № 69.

Rodoslovnaya Ufy [Genealogy of Ufa] / R. Krasnova, A. Cherkalihin. Kn. I. Ufa: Belaya reka, 2004. 191 s.

Savelev N.S. K istorii sozdaniya «Arheologicheskoj karty Bashkirii» [On the history of the creation of the Archaeological map of Bashkiria] // Drevnie i srednevekovye obshchestva Evrazii: perekrestok kul'tur. Mezhdunar. nauch. simp., posvyashch. pamyati vidnogo uchenogo-arheologa, professora, akademika Akademii nauk Respubliki Bashkortostan, doktora istoricheskih nauk N.A. Mazhitova. g. Ufa, 6-7 dekabrya 2018 g. Ufa: Mir pechati, 2018. S. 64-69.

Upshinskij A. Veka otdayut svoi tajny. Russkie arheologi sdelali mnogo cennyh otkrytij v Barge [The centuries give back their secrets. Russian archaeologists have made many valuable discoveries in Barga] // Rubezh. 1934. № 33. S. 19.

Frank'en I., Shergalin E.E., Novomodnyj E.V. Mihail Arkad'evich Firsov (1879-1941) – ornitolog, kraeved i naturalist [Mikhail Arkadievich Firsov (1879-1941) – ornithologist, ethnographer and naturalist] // Russkij ornitologicheskij zhurnal. 2010. Tom 19. Ekspress-vypusk 612. S. 2051-2061.

Hisamutdinov A.A. Russkie arheologi-emigranty v Kitae [Russian archaeologists-emigrants in China] // Arheologicheskie vesti. № 19. 2013. S. 278-283.

Hisamutdinov A.A. Kak russkie izuchali Kitaj: Obshchestvo izucheniya Man'chzhurskogo kraya [How Russians Explored China: The Society Studying Manchuria]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2018. 77 s.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЛ БГУ	-	Археологическая лаборатория Башкирского государственного университета
АО	-	Археологические открытия
АСГЭ	-	Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб
АЭБ	-	Археология и этнография Башкирии. Уфа
БГПУ	-	Башкирский государственный педагогический университет
ВАУ	-	Вопросы археологии Урала
ВолГУ	-	Волгоградский Государственный университет
ВОКМ	-	Волгоградский областной краеведческий музей
ГБУ РИКМЗ «Древняя Уфа»	-	Государственное бюджетное учреждение Республиканский историко-культурный музей-заповедник «Древняя Уфа»
ГИМ	-	Государственный исторический музей
ИА РАН	-	Институт археологии Российской академии наук
ИИМК РАН	-	Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИИЯЛ БФАН СССР	-	Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР
ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН	-	Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук
ИЭИ УФИЦ РАН	-	Институт этнологических исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук
ИИЯЛ УНЦ РАН	-	Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук
ИИЯЛ УФИЦ РАН	-	Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук
ИЭРиЖ УрО РАН	-	Институт экологии растений и животных Уральского отделения Российской академии наук
КГУ	-	Курганский государственный университет
КАЭЭ (Труды)	-	Труды Камской археолого-этнографической экспедиции
КГПИ им. В.В. Куйбышева	-	Куйбышевский государственный педагогический институт им. В.В.Куйбышева (позже Самарский государственный педагогический университет, ныне Поволжская государственная социально-гуманитарная академия)
КСИА	-	Краткие сообщения Института археологии
МАЭ РАН	-	Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук
МИА	-	Материалы и исследования по археологии СССР. М.-Л.
НМ РБ	-	Национальный музей Республики Башкортостан
НТГСПА	-	Нижне-Тагильская социально-педагогическая академия
НПЦ МК РБ	-	Научно-производственный центр по сохранению объектов культурного наследия МК РБ
ОГПУ	-	Оренбургский государственный педагогический университет
РА	-	Российская археология
СА	-	Советская археология

САИ	-	Свод археологических источников
САИПИ	-	Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства
СВКНИИ ДВО РАН	-	Северо-восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н.А. Шило Дальневосточного отделения Российской академии наук
ТГУ	-	Тюменский государственный университет
УАВ	-	Уфимский археологический вестник
УрГУ	-	Уральский государственный университет им. А.М. Горького
УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН	-	Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральское отделение Российской академии наук
УрО РАН	-	Уральское отделение РАН
ЦНТВ	-	Цифровое наземное телевизионное вещание
ЧелГУ	-	Челябинский государственный университет
ЮУрГУ	-	Южно-Уральский государственный университет

ISSN 1814-1692 УФИМСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК. 2020. Выпуск 20